

У Р А Л Ь С К И Й ISSN 0134-241X
снегоним
11•12•97

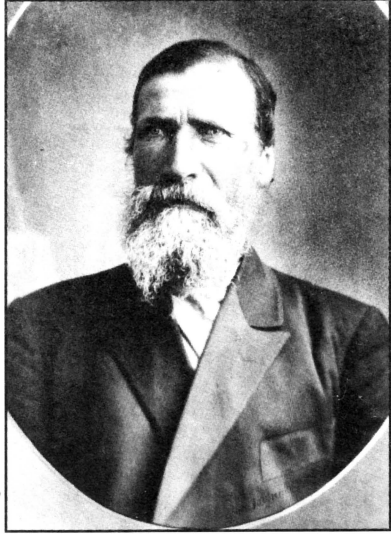

Ваш покорнейший слуга — Лузяников Олег Николаевич: — Ко мне гости из Китая — Жень Дулянь, его супруга Сун Фенцин.

Повесть Олега ЛУЗЯНИНОВА: «Прощай, колокол!».
Читайте на стр. 6.

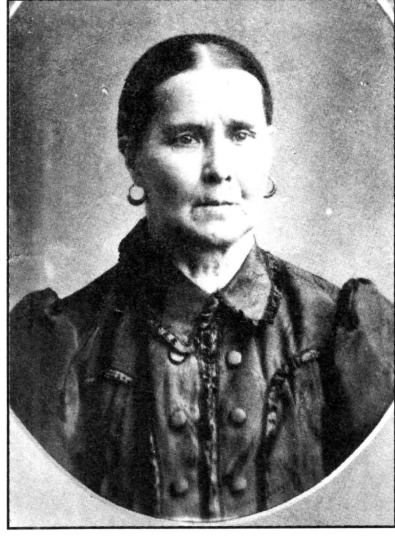
— Я кричного мастера дочь! — то и дело восклицает их чадо Анна Ивановна и лупит по щекам, кто попадет под руку: — вот тебе, вот тебе на орехи, негодь!

Кричной мастер завода — Иван Петрович Боровков: — «Видно, Бог-то не Афоська, выводит правду потихоньку. Знагьё, так жил бы по правде...»

Муж её, Иван Семенович: «Поехали! Хоть к чертям на рога, жаба ты лещачья!». Он приехал на край своей чуждавшей могилы под Омском, в столице Мельничной...»

Его благочестивая супруга и первая кухмистерша Мария Павловна: «Родила восемнадцать ребёнков, а в живых осталось только шестеро, да это уж не моя вина...»

Редакция:
Герман ИВАНОВ
 (главный редактор),
Юний ГОРБУНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Анна КОСТРИКОВА
 (художественный редактор),
Юрий ШИНКАРЕНКО
 (заместитель главного редактора),
Леонид ШУНЯЕВ

УРАЛЬСКИЙ следопыт

УЧРЕДИТЕЛИ –
СОЮЗ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ,
ТРУДОВОЙ
КОЛЛЕКТИВ
ЖУРНАЛА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Виктор АСТАФЬЕВ,
Кир БУЛЫЧЁВ
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЁБЫШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная вёрстка:
Эдуард КИСЕЛЁВ

Адрес редакции:
620142, ЕКАТЕРИНБУРГ,
ул. ДЕКАБРИСТОВ, 67
Телефон редакции:
(3432) 224-501

Рукописи принимаются
 перепечатанными
 на машинке через 2 интервала,
 60 знаков в строке,
 28-30 строк на странице.
 Рукописи не рецензируются
 и не возвращаются.

По вопросам подписки
 и доставки обращаться
 в районные отделения
 «Россвязьинформа».

Бракованные экземпляры
 отправлять
 в ИПП «Уральский рабочий».

Рег. № 441 от 13.12.90.
 Подписано к печати 02.02.98.
 Формат бумаги 84x108/16.
 Бумага газетная.
 Печать офсетная.
 Усл.печ.л. 16,8.
 Уч.-изд.л. 18,6.
 Усл.кр.-отт. 16,8.
 Тираж 3 500.
 Заказ № 31.
 Все претензии по ошибкам
 в тексте предъявлять
 редакции журнала «Уральский следопыт»
 Отпечатано с готовых оригинал-макетов
 на ИПП «Уральский рабочий»
 620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
 Фото на 1 стр. обложки
 Рафаэля ИДРИСОВА

© «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 1997г.

В номере: II-12'97

«Не плачьте обо мне...» Алексей РЕШЕТОВ	2
Краеведческая копилка	3
Прощай, колокол! Олег ЛУЗЯНИНОВ	6
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»	
Сын дракона, внук дракона (Окончание) Александр БОЛЬНЫХ	33
Длинный отпуск Сергей КАЛАШНИКОВ	74
Заочный КЛФ	127
Человек, «остановивший» Вселенную Сергей ГРЖЕБИНСКИЙ	129
Екатеринбургский монетный Юрий СЫТНИКОВ, Леонид ЗЛОКАЗОВ	135
Раньше Гагарина Владислав ДЕБЕРДЕЕВ	139
Одиссея живописца Юрий КЛЮШНИКОВ	145
«И живу я в предчувствии чуда...»	148
Умел ли Колумб определять широту? Павел КАРАВДИН	149
Когда гроссмейстер был студентом... Людмила САУНИНА, Эдуард МОЛЧАНОВ ..	151
«Наверно, кончен год...» Оксана МАХНЁВА	153
«УС» в 1998 году	154
«УС» в 1997 году (годовое содержание) ---	155
«А вечерами мы играли в лето...» Владимир ЖИЛЕНКОВ	157
Секреты микромира и невозможных фигур Людмила МАТВЕЕВА	158

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1935 ГОДУ.

ВОЗОБНОВЛЕН
В 1958 ГОДУ.

Владимир СЕМИБРАТОВ

ШЛИ СУПРУГИ ВОКРУГ СВЕТА

Расположенный на пути из центра в Сибирь, кого только не пропускал через свои просторы Уральский край: и декабристов, и мирных переселенцев, и приговоренных к каторжным работам преступников, и всевозможных путе-

шественников, в числе которых были и иностранцы.

К последним принадлежат супруги из Франции — Мартены, свершавшие в начале нынешнего столетия путешествие вокруг света протяженностью 165 тысяч километ-

ров, из коих 95 они намеревались проделать пешком, а еще 70 — на поезде и пароходе. Маршрут, начавшийся в 1907 году, должен был завершиться через пятнадцать лет.

Свидетельством беспримерного вояжа супругов стали открытки, продажа которых, наряду с чтением лекций, обеспечивала Андре Мартену и его жене единственный источник существования.

Одна из таких открыток, напечатанная в екатеринбургской типографии М.М.Доброхотовой, дошла и до наших времен.

На ней рядом с Мартенами изображен еще один отважный путешественник — их верный пес.

Интересно, как завершилось путешествие супругов? Не оставили ли они записок о нем, в которых могли бы отразиться и их уральские впечатления?

г.Киров.

Французские путешественники Андре Мартен со своей супругой совершают кругосветное путешествие 165 000 километров.

Юрий КЛЮШНИКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ «ПУШКИНА»

Портрет Александра Сергеевича кисти известного русского художника В.А. Тропинина — это жемчужина живописной пушкинианы. Однажды он едва не был утрачен. Волей обстоятельств старинный русский город Туринск Свердловской области оказался причастен к его возвращению.

Портрет поэта был написан по заказу самого Пушкина для подарка другу-библиофилу С.А. Соболевскому. Уезжая летом 1828 года за границу, Соболевский оставил подарок на сохранение приятелю — критику и издателю И.В. Киреевскому. Возвратившись через пять лет на родину, Сергей Александрович, что называется, схватился за голову. Оказывается, Киреевский, продав свой дом, передал тропининского «Пушкина» своему приятелю — профессору Московского университета С.П. Шевыреву. А у того, как обнаружил Соболевский, «в великолепной рамке был уже не подлинный портрет, а скверная копия с одного». В отчаянии Соболевский выбросил ее в окно.

Что же случилось с под-

линником? Во время отсутствия хозяина картины Киреевский давал оригинал портрета на подержание постояльцу Шевырева — крепостному рисовальщику, добывающему копиями барыши. По случайности или недосмотру копиист продал подлинник вместо копии, и копию же вернул Киреевскому.

Предпринятый Соболевским поиск покупателя портрета ни к чему не привел. И тут вмешался случай. В начале июня 1842 года, будучи в служебной командировке в Сибири, чиновник департамента Сената Н.И. Пущин решил попутно навестить брата-декабриста И.И. Пущина, который вместе с декабристом князем Е.П. Оболенским находится тогда на поселении в Туринске.

В беседе гость поведал брату, что однажды видел тропининского «Пушкина» у известного плута и мошенника Бардина, но купить не успел — не нашлось нужной суммы, да и торговец внезапно куда-то исчез.

И.И. Пущин, узнав об этом, просит о содействии в розыске своего друга князя

Е.П. Оболенского, зная, что у того в Москве и Петербурге богатые и влиятельные родственники.

Князь откликнулся на просьбу друга и в конце августа 1842 года написал из Туринска директору Московского архива Министерства иностранных дел археографу М.А. Оболенскому. Сыграли свою роль и сообщенные в письме приметы Бардина, известные адреса его проживания, имена его знакомцев, с которыми он когда-то встречался.

По этим сведениям Михаилу Андреевичу Оболенскому удалось найти Бардина. Тропининский «Пушкин» был выкуплен у него через московскую меняльную лавку за пятьдесят рублей.

Картина долго находилась в семье Оболенских, в частности, у князя Николая Николаевича Оболенского, о чем свидетельствует запись на обороте портрета от 9 декабря 1898 года.

В 1900 году Оболенские передали портрет в Третьяковскую галерею. Сейчас он украшает ленинградский Пушкинский музей.

г. Туринск Свердловской обл.

Олег ЛУЗЯНИНОВ

ПРОЩАЙ, КОЛОКОЛ!

Повесть

К 80-летию переворота в России

Посвящается той нижнетуринской Кланьке из 1918-го года, а после — тагильчанке — Митрофановой Клавдии Ивановне из рода Боровковых, ушедшей из жизни в 1993 году. — Несравненная Клавдия Ивановна, это повествование с благодарностью и благоговением кладу в подножье Ваше.

Олег.

Клавдия Ивановна Боровкова. Фото 1933 года.

Иван Петрович Боровков, кричной мастер Нижнетуринского завода, что в Верхотурском уезде Пермской губернии, выходил из рождественского поста 1908 года, как всегда, шумно, широко, с шиком. Да и кто из местных воротил не щеголял перед вечно чумазой заводской челядью!

У Ивана Петровича дом двухэтажный, в деревянных кружевах сквозной пропиловочной резьбы, крашенный золотистой охрой. Крыша железная, покрыта малахитовой зеленью на натуральной олифе, сваренной самолично из подсолнечного да конопляного масла. А малахитовую крошку привозили попутно зимой на лошадях из Тагила. Вместе с железной болванкой-крицей по 10-12 пудов каждая — из нее и катали листовое железо.

Сегодня масленке начало, сегодня не до криц.

В шумном застолье у Ивана Петровича сидит народ мелконький, но не из последних. Высоких гостей не звал: перед ними не покуражишься, не попляшешь, не споешь песен, милых сердцу, не завернешь частушечку с перчиком.

Стол накрыт. Его точеные ноги, кажется, вот-

вот подломятся — столько на нем пирогов, тортов, печенья, шанег, рыбных и мясных закусок! И конечно же блинов. Они стоят стопочками, а рядом — маленькие овальные тарелочки с икрой красной и черной, тут же старинного фарфора и фаянса масленки со сливочным маслом домашнего битья. Во фрунт, по всей длине стола стоят фигурные бутылки и зеленые петровских времен штофы, перешедшие в наследство от прадедов; тут же графинчики с водкой-монополькой, жеманные рюмочки с изящными талиями, допотопных времен стопки и стаканы... Ох, Господи, прости искушение и не обдели силушкой!

Вся затейливаястряпня — пряничные домики, избушки на курьих ножках, торты, изукрашенные сомлевшими от любви дамами и кавалерами, с козлятами, поросятами, уточками, рябыми курочками и сахарными «лебедьми», — все это вышло из-под золотой руки Марии Павловны, богоданной супруги Ивана Петровича, она в Туре самая знатнаястряпуха. Где большая, пышная свадьба, кругленький день рождения, крестины иль поминки по человеку известному в делах и чинах, так кого и позвать, как не Марьюшку Боровкову с невестками — Ляксандрой да Федоровной. И прозвание-то Марьюшке было — кухмистерша.

Автор дарит гонорар редакции журнала для решения полиграфических проблем.

Однако, гости уже собрались. Иван Петрович обходит вокруг стола, обносит винцом-водочкой дорогих гостей, собственноручно наливает по первой, а там уж сами, небось, расстараятся. Чинно-важно чокаются, что-то лепечут о здравии, о счастье, про «дай Бог!» и, держа рюмочки за талию, исторгают звон — чистый, ласковый, зовущий. И мизинчик почти у всех откинут крючком — это чтобы не скрадывать божественного звука, а еще — для «моветону», как говорит благочестивая супруга волостного писаря, это которая воду на коромысле не носит, а носит задрипанную шляпку с перьями.

Гости чинно выкушали по первой рюмочке, потянулись к икре — домашняя колбаска, сыр с бисерными капельками масла подождут.

Пока что слышится позвякивание посуды, обрывки фраз, робкий смешок и намеренно громкая похвала Марешке насчет блинов, что, мол, таких блинов не едали со времени поминок Вани Митрофанова, а это было, почитай, лет пять тому назад.

После второй рюмки заговорили погромче, а после третьей кто-то тихонько, как бы ненароком, разрешил песню, зная загодя, что эта солдатская проголосная песня — любимая у Ивана Петровича. И гармонист уж на стреме, хватает зашипевшую, аки змея подколотная, гармошку и, дожевывая закуску, подхватывает песню звонким аккордом и чистым, высоким тенором запевалы. А уж собой-то хорош! Девки-бабы уж точно, что шепчут: «Господи, не введи во искушение!», а чтобы не выказать чувство, прячут его за озорную частушку:

Гармонист у нас хороший,
Гармонист у нас один,
Соберемся, бабы, вместе
И по разику... хи-хи!

А гармонист ведет песню звонко, согласно, баско!

На злосчастный день, на середу
Двери Рейнских открывались,
С вином бочки выкатались,
Злые турки напивались.

Злые турки напивались,
Во хмелюшке похвалялись:
— Мы Рассеюшку наскрозь пройдем,
Эх, графа Паскевича в полон возьмем!

Граф Паскевич слово вымолвил:
— Вы не бойтесь, робятушки,
Заряжайте пушки порохом,
Эх, мы снесем турку головушку
Да на правую сторонушку!

Вторую песню заказал сам Иван Петрович. Он

поманил пальцем сноху, которую в доме звали полуименем Федоровна. Это жена одного из сыновей — Ивана Ивановича. Когда-то он служил в солдатах в Туле, и приключилась там вот такая история. Как-то идет он по улице с двумя приятелями из его же взвода, и видят, как пьяный мужик бьет нещадным боем молодую бабу, жену, надо полагать. Солдаты отняли у него бабу, подарили ему раз-другой, он и свалился на дороге, уснул в пыли. Иван устроил ее на квартиру к одной старушке, и стали они видаться, а вскоре Иван демобилизовался, и они вместе уехали в Туру. Иван Петрович не артачился, принял гостью сразу. А когда в семейном застолье спела она незнакомую задушевную песню, и вовсе тронула стареющего человека. Хоть и голос у нее был не сильный, но уж больно мягко, сладко, ласково, и когда пела, казалось, в дом залетало ангельское пение поднебесное. Любимая песня стала навсегда желанной, и хозяин так любил подарить-угостить этим звонким серебряным чудом своих праздных гостей!

Вот и поманил он к себе Федоровну. Она покраснела, стушеввалась, смиренно встала рядом. Гармонист, было, перебрал лады скорыми пальцами, но она мягким жестом остановила его, мол, я сама спою, ты не знаешь этой песни. Поправила на плечах белую кружевного вологодского плетения фашонку, опустила руки, смежила веки, почти закрыв глаза, и тихо-тихо тронула песню:

Как поедешь ты, мил, жениться,
Заезжай ко мне да проститься,
Привяжи коня да ко кусту,
Ко тому ль кусту, да ко калине.
Сорви ягоду да с калины,
Какова горька есть калина!
Таково мне жить да без мил дружка...

Иван Петрович погладил ее по руке, и она будто в ладье отплыла к своему месту. Ей похлопали.

Приехав тогда в Туру, дружно зажили Иван с Федоровной. Повенчались. Свадьбу сыграли. Жалели ее оба Ивана, у нее, вишь, одна рученька парализована была, значит, для тяжелой домашней работы не годна.

И вот свалилось на всю семью горе. Муж ее, тот самый драчун и пьяница, потребовал через суд, чтобы ему вернули жену. Так вот ее, бедную, пешком, по этапу и отправили в Тулу. Ну не весь путь пешком прошла, где-то на лошади, а где и поездом в арестантском вагоне... Уж как горевал Иван и все в доме! Только свет не без добрых людей. Посоветовали ему написать прошение на Высочайшее имя. Написал. Ну не сам, конечно, адвоката нанимали. И ведь вернули ему

Федоровну! Радости-то было, на весь завод! Сын у них потом родился, Васей назвали. Лучшим углежомом был тот Вася Боровков, лучшим во всей округе.

Гости все чокались да чокались, а затем не видишь и к пляске поспели. Гармонист защекотал свою хромку, она заверещала звонко, визливо, азартно и враз сорвала с мест самых отчаянных гостей. Тут уж кто во что горазд! Частушки для сугреву!

Деньги есть — едим орехи,
Денег нет — черемуху,
Деньги есть, так любим девок,
Денег нет — Еремиху!

Гармошечка играет,
Вы, девчата, чуετε?
Небаские — по домам!
Баские — с нам ночуете!

Дочери Ивана Петровича, Анне, девице давным-давно уже на выданыи эти «плясания многовертимые» были противны, но она до поры терпела. Но вот вышел на круг тятенька и заорал блажным матом свою разлюбимую частушку, размахивая над головой ручищами-сучьями, не забывая, однако, поддернуть штаны:

Старичонко на вечерку приходил,
Полну пазуху паренок приносил,
А девки чайничали, д самоварничали,
Старику в карман наклали, наохальничали!

Анна встала, фыркнула и, отмахиваясь плапочком от этого сиволапого мужичьего «моветону», ушла в горницу второго этажа, в свою девичью светелку, в свое «прокислое целомудрие», как жалили ее невесты-выскочки по шестнадцатому году. Анна пометалась из угла в угол, схватила гитару с пышным розовым бантом и назло себе запела громко и противно «романц» собственного сочинения, который готовилась подарить своему тайному воздыхателю — «плезиру»:

Первый был поцелуй...
Под кустами роскошной сирени,
Первый тот поцелуй
Я сам сорвал у ней,
Когда в парке ложилися тени,
И над нами тогда песни пел соловей.
А второй поцелуй...
Нам светила луна,
Нам луна очень ярко светила...

А внизу все плясали и орали одно и то же.

Когда все было уже выпито, съедено и надкусано, значит «Не пора ли, гости, к лешему?», Иван Петрович попросил спеть «в посошок» еще одну любимую казачью. Запели нескладно, охрипшими голосами, тянули «на жиле», а хозяин, завесив мохнатыми бровями выцветшие от

хмельного зелья, ничего не видящие глаза «без чортиков», слушал, поводя корявыми, загребущими пальцами в такт и не в такт:

Слёды, мои слёды,
До чего вы довели?
Довели меня следы
До славушки до худы-ы.

Про девчонку слава есть,
Да нам, ребятушкам не в честь.
Нам не честь, не хвала,
Да девка парня провела.

Обманула, провела,
Да дураком назвала.
Ты дурак или казак?
Пошто ходишь к девкам так?

Ты бы шел, ты бы нес,
Сам поздравствовался:
Здравствуй, Саша, здравствуй, Маша,
Здравствуй, милая моя!

Здравствуй, милая моя,
Да дома ль мамынька твоя?

Нет папаша, нет мамаша,
Дома нету никого,
Эх, дома нету никого,
Да полезай, милый, в окно...

Не дожидаясь ухода гостей, Анна потихоньку оделась и убежала в Лазарькову улицу — там свое веселье! Парни катают девок на кованых санках, изукрашенных узорчатым бархатом, ковровой тканью или гобеленом с бахромой, бомбошками, кистями и прочим канительным товаром.

Здесь спуск к пруду крутой и длинный, так что пока мчитса парочка с ветерком, он успеет нащептать ей в такое вожденное ушко самых нежных глупостей, а уж в конце, на льду пруда, умело опрокинет санки и, как бы запутавшись в ее длиннополых пышных одеждах и в своем дубасе или полушубке-борчатке, изловчится потискать милушку, как бы невзначай прикоснуться своей, чуть опущенной губой к холодному великолепному райскому яблоку лица своей Евы, еще не надкусившей того рокового яблока...

Анна стояла на горке, чуток в сторонке от всех. Ей кланялись, кто проходил или пробегал мимо, она в ответ едва заметно, почти царственно наклоняла голову, не одарив праздным словом или скупой улыбкой, не обнажив великолепных зубов.

Вот уж кончается веселье, парни уводят своих зазнобушек или увозят их на санках, изображая рысака немерянной силы, чтобы где-то на повороте еще разок опрокинуть свою цари-

цу, как бы нечаянно запнуться за постромку санок и ухнуть прямо в этот ворох одежд своей лобушки — хотя они всего-то обносочки с мамино или бабушкиного плеча, — но все равно упасть, перемешаться со свежим снегом, визгом, охами и всегдашним «да ну тебя к лешему!», которое так и зовёт-велит зарыться во все это великолепие разгоряченным лицом, оглохнуть, обессилеть от близости своей наездницы, своей богини, и уж конечно на всю жизнь. «Если бы можно было умереть за нее вот тут, на снегу сей же секунд!..»

Анну никто не позвал прокатиться. А так хотелось, чтобы с ветерком залетело в ушко: «Какая Вы нынче...» Пусть не «прекрасная», пусть просто «нарядная». Нет, пора уходить. Ведь позор, если придется уходить последней да еще такой никому не нужной. Нет, она не обносочка какой, о кричного мастера дочь! А этот «монпле-зир» что-то и глаз не кажет, либо пьян, либо...

На утро в доме было как всегда: Федоровна с Ляксандрой перемыли гору посуды, разобрали «объедочки» — это унести в ледник, это подать нищим, а это корове в пойло да собаке морду помазать.

Главной на кухне была Ляксандра. Ее взяли в дом не столько в жены Михаилу, сколько на ломовую работу у русской печи — печь хлеб, готовить корм скотине, варить повседневную еду без гастрономических затей: каши, похлебки, селянки, окрошки, паренки, запеканки.

Анна и ее мамочка Мареюшка ревновали отца к работающей Ляксандре, старались всячески ее притеснить, обидеть, но Иван Петрович посматривал, чтобы не клевали бабу, а потому частенько по утрам прохаживался по кухне, доглядывал за порядком, а подвернется под руку желанный бочок аль бедрышко, так и рукой приложится, но рукой легкой, как дуновение ветерка или как вздох ребенка... Ох, искушенье! Снохи, снохи, кто вас выдумал?..

Жарко топится печь, пламя широким языком вырывается через хайло в дымоход, в трубу. В печи время от времени постреливает, угольки вылетают на пол, Ляксандра подбирает их прямо голыми пальцами, ворчит не зло:

— Сколько раз говорила Михаилу, чтоб не клал в печь еловых да пихтовых поленьев! Хоть бы ты, тятенька, внушил ему построже.

Не отозвался Иван Петрович, видно, в мыслях залетел далеко.

Ляксандра выгребла из глиняной квашенки ржаное тесто, намяла его в муке, разделила на доли для каждой ковриги, чтобы положить долю в точеную липовую чашку-форму, чтоб, подни-

маясь, тесто не расплылось. Мареюшка сидит на табуретке рядом. Нервничает: то скрутит трубочкой ситцевый запон, то раскрутит, видно сильно нервничает, ажно губы перекосила-расквасила от неудовольствия. Нет, все не так делает старикова прихажаня! Невтерпеж. Сорвалась, подскочила:

— Ну-ко, милка, убери свой зад, я тут мой анбар поставлю! Ишь расшаперилась! И куда ты эсколь теста наворотила? Что это за коврига у тебя выйдет? Убавь! Ляксандра убавила. Опять неладно.

— Где надо было отщипнуть теста малехонько — она ополовинила! Прибавь! И вся-то ты йеремазалась! Верно говорят, у хорошей стряпучки только ручки в мучке, а у худой-то и жопка в тесте.

Иван Петрович поглядел, поглядел издали, сидя на залавке, спокойно подошел к своей супружнице, взял ее легонько за ухо и сказал этак ласково:

— Ну-ко пойдем, Мареюшка, за печку, пойдем, пойдем, милая, полежи, кирпичи погрей. — Подвел ее к лесенке о трех ступеньках, помог подняться на плиту-каминку, посадил на русскую печь, где сладко спала кошка мордочкой кверху: к хорошей погоде, значит. Чтоб не беспокоились обе, занавесил их сатиновой в ярких розанах задергушкой.

Анна с утра сидела в светелке за пятами, вышивала отцу ворот и «полку» для рубахи косоворотки. Нет, не идет рукоделье. Села за зингеровскую машину, стачать уже вышитые по углам наволочки для подушек — это уже себе в приданое: двадцатый годок доходит ведь, так и в девки-перестарки угодить не долго. Не шьет машина, нитку рвет, стерва. Сошла вниз по скрипучей лестнице. «К ненастью скрипят доски или от старости? Черт их разберет...» Ходит, мотается из угла в угол.

Теперь Ляксандра взялась за пшеничное тесто — это уже на молоке да с яичком замешано, коровай, значит, будет. Подсыпала муки в селяницу, выдолбленную из средней части осинового ствола, расколотого надвое, очищенного от сердцевинной гнили, распаренного на горячих камнях шире лодки-душегубки, обтесанного да обскобленного — вот тебе и селяница, а тут сразу и две. Так вот, значит, подсыпала муки в квашенку, чтоб тесто стало погуще, месит...

Вдруг подскочила Анна, выхватила веселко и давай хлестать золовку. Бьет да приговаривает:

— По солнышку меси, по солнышку меси! — Всю тестом перемазала.

Иван Петрович соскочил с места по-молодецки, взял из рук веселко, подал Ляксандре, а дочь любимую за ухо:

— Иди, мила дочь, займайся своим приданным. Если мы взяли человека в дом, дак не мешайте ей! Иди с Богом. К обеду велю позвать, не позабуду.

— А чо она не по солнышку месит!

— Да ведь я только из зауторов выгребла в другую сторону, — оправдывается Ляксандра и вытирает рукотельником слезы пополам с тесом: смех берет и хохотать не хорошо.

Ляксандра умылась над ушатом для пойла, поливая себе из красно-медного кованого ковша, утерлась — и враз похорошела, просияла:

— Не буду я больше, тятенька, стряпать, — опять всхлипнула, смешно сморщив нос. — В нищие пойду, а не покорюсь. Нищий под окошко, а я под два сбегая, под одним выпрошу милостинку, а под другим — съем...

— Не реви, моя баская. Не дам имя воли, — пригвоздил свекор. — Не здря бесится Анна, ей замуж пора, черная кровь в ей кипит, стервой девка стает. Вот я ее, кобылу ногайскую, шваркну за худой норов.

Выдали Анну совсем неожиданно за вдовца Ивана Семеновича. А у него на руках осталась воспитанница Варя, отроковица тихая, обходительная. Анна сразу показала свой дикий нрав, била девушку, по всякому мелкому поводу требовала знаки благодарности: выставляла правую ногу, заставляла называть себя мамочкой и низко кланяться. Бить старалась по лицу, а рученка у нее холеная, атласная, мужицкой силы. Варя очень скоро ушла в люди.

В 1910 году у Анны и Ивана Семеновича родилась девочка. Назвали Клавдией. Красивое и гордое имя! Только до самых невест ее звали Кланькой — это с нележкой руки Анны Ивановны, или как она себя величала — Иоанновны, находя в своем обличье, осанке, природной красоте лица и статности сходство с Анной Иоанновной, императрицей Всея Руси — Малыя, Белья и проч.

Жить они сразу стали отдельно, в двухэтажном доме на Береговой улице, почти напротив вокзала и французских складов, на той стороне реки Туры.

Иван Петрович жил как и прежде — ходил в завод, доглядеть, кабы чего сволочи не напортили, по субботам парился в бане, по воскресным утрам любил похаживать на кухне между снох, любил побалагурить, поучить их, а то еще и шутку сомнительного свойства сморозит:

— Ляксандра, нынче ведь шаньги так-то уж не мажут.

— А как ино, тятенька?

— Сказать тебе по сикрету?

— Ну-у.

— Бабе, значит, руки-ноги свяжут, а ейной титькой-то и мажут.

— Фу, какой ты охальник, тятенька. Уж не по возрасту, поди...

— Какой возраст, когда по утрам любимо дело видеть-слышать, как петушок поет! — И погладит, пошлепает сызподтиха любимую сношку по бедрышку.

А то, бывало, найдет на него припадок щедрости, просто так, ни с того, ни с сего. Встанет посредине горницы наверху, заорет:

— Ляксандра-а!

— Чо-о?

— Не «чокай», а подь сюды.

Взойдет Ляксандра, потупится, в руках запон кулемает: так полагается по игре, она-то знает, что сейчас начнет выкомаривать свекор.

— Чо, тятенька, звал?

Он достает, как фокусник, из-за спины пиджак со своего плеча, толкует:

— Дак вот. Нашло на меня расположење-с! Чо Мишка твой на выход носил, дак тот пиджак-от пусть завсяко-просто носит, а чо завсяко-просто носил, сыночку твоему балбесу Лодьке отдадите, внуку моему любимому. Да рукава-то обрежь, подбей, локоточки почини. А это, значит, Мишке на выход. — Отдаст пиджак и выставит вперед правую ногу, мол, кланяйся да не переломись.

Ляксандра низко кланяется, шепчет с приговорным восторгом:

— Спасибо, тятенька, дай Бог тебе... — и уходит, прижимая к груди пиджак, как ребенка-первенца.

Через минуту, две — опять:

— Ляксандра-а!

— Бегу-у, тятенька! — А она и не уходила, тут, за дверью стояла, бросив пиджак куда попало.

— Подь сюды.

Достает из-за спины свои штаны, шитые у швеи Шабанихи, еще когда она родила четвертого ребенка и не знает, от кого. Лодьки тогда еще в помине не было. Толкует, подавая штаны:

— Это Мишке, сыночку моему, на выход или пушай завсяко-просто носит, а чо завсе носил — Лодьке отдай.

— Поди великоваты будут? — сомневается Ляксандра.

— А ты снизу обрежь, подбей, назаде заплатки поставь, на опушке вытачки сделай. Все вас учи, да все даром!..

— Слушаюсь, тятенька, сделаю, как велишь. Спасет тя...

Свекор выставляет другую ногу, и Ляксандра

опять низко кланяется, а что шепчет — одному домовому известно.

— То-то! — распирает свекора самодовольство от щедрости непомерной. На том и кончается представление.

А было это, когда Лодьке стукнуло лет пятнадцать, а Кланьке шел восьмой год, так он жаловался ей:

— Мне-ка, Клань, стыдно ходить на танцы в дедовых да в отцовых обносках, мотня у штанов висит, как у нищего старика Егорыча, заместо ремня вечно какой-то газник. Стыдоба, на девок и поглядеть-то не смеешь, не то, чтобы подойти да на кадрили позвать...

И вот вскоре, в день шестнадцатилетия ему сшили из полушерстяной шведской материи новый костюм. С ума сойти! Правда, швея-то, Шабаниха, была таковская: скроит, на живульку-ниточку смечет, на банный угол примерит, стачает на машине, уютюгом пройдетя, встряхнет — вот те и все! Носи, не марай! Таких ли кособоких франтов делала, иной раз только впору из подворотни и выглядывать. Это уж когда в двадцатых годах, в НЭП, приехал из вотяков-комиков Христофор Васильевич Братенков со своей кроткой женушкой Ольгой Семеновной да вывеску над парадным крыльцом повесил — пошло дело на уездный верхогурский манер.

Кланька тогда нарочно пришла посмотреть на обновку, как-никак, а Лодька ей двоюродный брат. Они вдвоем скакали во дворе совсем как маленькие, а Лодька все хлопал себя по ляжкам:

— Клань, Кланька! Ведь мне кустюм новый сшили, из шведской материи, на сатиновой подкладке! Ведь это первые штаны в аккурат по жопе, Кланечка-а! Теперь кадрили выгучить бы...

В праздники Иван Петрович любил одаривать родню подарками — кому ножичек складной, чайную ложечку, бокал, гребенку, платок иль пуще того — полушалок. Любил он быть затейником всяких шуток, игр, а уж на Святках без него никак невозможно обойтись, просто немислимо! Шутки кочевали из года в год, но всегда в них появлялась какая-то новина. Бывало, к вечеру соберет всех домочадцев в верхней горнице, заведет разговор о том, о сем, а потом без всякой усмешечки и ляпнет:

— Мишка, а тебе ведь ишо раз придется жевать. Право слово, я вчера в воду глядел.

Мишка, как всегда, очень натурально изумляется:

— Да ну тебя, тятенька! Буровишь чо попало...

— От судьбы в подворотню не улизнешь. Хошь новую бабу увидеть? Надевай на голову бабушки-

ну пальтушку, выходи в сени. Да рукав-то один оставь здесь, по эту сторону в притворе, переговариваться через рукав-от станем. А руки-то в карманы заложки. Говори, как постучу тебе: «Лей, лей, не жалеи, Богом клянусь, что не сержусь». И тут Иван Петрович выливает в рукав ковш воды и открывает дверь — вода выливается на голову сына, а у того руки в карманах. Благо, что сын-то был маленько простоват, так позволял над собой эдак выкомаривать да петрушки строить, зато всегда было смешно и вполне глупо.

А то, бывало, скажет Ляксандре:

— Ляксандра, а я ведь умею привораживать и примораживать. Право слово.

Шутка ходила по заводу давным-давно, а в доме Боровковых появилась впервой, так что иные и рты поразевали. Иван Петрович, глазом не моргнув, объясняет, как это чудо дееся:

— Ты ложись на спину, головой к порогу, а грешным-то местом — к часовне. Да харю-то запоню накрой, чтобы не спугнуть чудо. Вот эдак. Говори теперь считалку.

— Которую?

— Какую хошь, ту и понужай.

Она и затараторила: «Сурик, сурик, шапка кругла, о четыре угла — туды угол, сюды угол, туды угол, сюды угол, посередке — киска». Пока она эту глупистику бормочет, он приставляет ей к горлу самый большой ухват, припиливает ее к полу:

— Теперь вставай.

Ляксандра пытается вывернуться из-под ухвата, измажет сажеей руки, лицо, шею. Смешно и глупей не придумаешь.

С иными соседями, кто ни чином, ни рылом не вышел, он тоже мог шутить бесцеремонно. Наискось от них жила незамужняя баба — Наталья Андреевна. Он величал ее «зацвелою девой». Вот она к нему через порог с каким-нето задельем, а он ей:

— Ну, чо, зацвелея дева, явилась, не запылилась?

— А ты почто, Иван Петрович, обзываеть меня? Я, конечно, замужем не бывала, но и одна не сыпала, — крестится Наталья Андреевна на образ во прощение греха. А он свое трунит:

— Ниже, ниже кланяйся! хошь разок за энто местичко перстами-то хватай!

Какой ты богохульник, Иван Петрович.

— Таким, видно, и помру. Только моли Бога, чтобы тебе первой умереть, Наталья, а не мне. Если я раньше тебя туда допаду, так всем там расскажу, какая ты слабая на энто место была.

— А ведь и ты, Иван Петрович, спал-гащивал у меня. Отопрешша? То-то...

— Подмигнешь, так еще приду. А теперя ска-

зывает, по что пожаловала?

— Наше дело бобыльское, незавидное — забор у меня на огороде падает, так не пошлешь ли Лодьку, подсобить?

— Ладно, сговоримся. Гвозди-то есть?

— Старых надергаю да выпрямлю. А новые, дак откудова емям быть-то?

— Уделю и гвоздей, весной на бревнах сочтемся.

Неожиданно Наталья Андреевна спросила, чтобы смять охальный разговор:

— Как доченька Анна, свет Ивановна поживают? Хорошо ли емя на Набережной улке?

— Ладно живут, дочь Кланька растет. Они ведь нас не очень жалуют, мол, мы и сами с усами. Бог с ними.

Спустя четыре года после венчания Анны, Иван Петрович решил подарить дочери корову. Пришла она с мужем за подарком под вечер, а он говорит, приходите завтра, нынче корова еще не выдоена...

— Да как мы и сами...

— Какой дурак корову с молоком со двора отдает? Да не в жисть! Так что утром пожалуйте.

Пришли утром. А он передумал.

— Вот если хотите, дак нетель возьмите. Завтра-послезавтра ее надо покрыть, а то что-то хвост стала шибко задирасть. Вот, тожно и забирайте.

— Да как мы и сами управимся, сводим к быку-то, тут делов-то не в сноп, не в горсть.

— У меня свой бык в простое.

Пришли с запасом через пять дней.

— Вот вам коровушка, вот вам веревочка, потом вернете, так что ведите. Только три рублика пожалуйте.

— За что? — спросила Анна.

— За быка. Ему ведь овса, отрубей надо, то да се... Задарма он не робит.

Иван Семенович побледнел, но достал бумажник, вынул две пятирублевки, подал:

— Вот твоему быку и тебе на отруби.

Взял, не поморговал, хотя деньги в тот, 1915 год уж пустяковыми стали.

— Может бычка годовалого у меня купите?

— Чего спросишь?

— Полсотни надо бы.

— Конешно. С кого и сорвать, как не со своих. Завтра с деньгами зайду. Нет, лучше ты веди к нам, а то у тебя не одна и не две пятницы на неделе, батюшка родненький.

Вот так, потихоньку рушились родственные связи. Жаден стал Иван Петрович. Это уж от возраста, от скоромной пищи, а пуще всего от кошелькового звона серебряного.

Свел Иван Петрович бычка к зятю на двор, но с той поры они стали видеться на Пасху да на

Рождество Христово, и у Ивана Семеновича едва хватило выдержки в прощенное «сопливое» воскресенье расцеловаться с тестем и вымолвить: «Прости ты меня, грешного, если я того... этого»... Анна, правда, забежала реденько да на короткой ноге, но гостеванья не получалось — одни упрёки, укоры да жалобы. В 1915 году Марейушка с Иваном Петровичем приходили по случаю крестин сыночка Вити. Ивана Петровича на сей раз так растащило, что подарил на зубок внуку серебряный рубль с портретом Анны Иоанновны. Хороший подарок, подумалось Анне.

Так и дотянули до 17-го года...

Этот год величайшей смуты одним махом расколол надвое весь социальный уклад. Тут уж не до родственных и приятельских отношений, не до хлебосольной дружбы домами.

В комячейку потянулась беднота, а под шумок зашевелились, заорали лодыри да крикуны, любители ухватить-пограбить, что плохо лежит. Желающих поверить в обещания краснобаев, политиканствующих проходимцев, бахарей, карликовых вождей уездного масштаба оказалось больше, чем истинных защитников Отечества: как просто зреют, порой, трагедии вселенского масштаба!

В нижнетуринскую партиячку вступили по списочно: Василий Колмогоров, Михаил Перевалов, Семен Поршнева, Петр Байков, Александр Абакумов. На собрания приходили сочувствующие: Степанида Храпунова-Закопаева, Дмитрий Артемьев, Григорий Катаев, Алексей Зорин.

В Красную гвардию ушли Александр Меркушин, Леонид Согрин — им к лицу кожан с портупеей, шашка, «товарищ маузер», добротные яловые сапоги.

Верхотурские ополченцы «белого движения» одеты и вооружены еще лучше; там погоны, аксельбанты и сукнецо-то «аглицкое»! В Верхотурье уехали братья Митрофановы — Василий и Андрей. Пошли постоять за Веру, Царя и Отечество.

Всех фамилий не перечесть, это, возможно, сделают историки, не выискивая ни правых, ни виноватых, ибо в гражданских войнах таковых не бывает — все заложники политических страстей.

В первой половине 1918 года в Нижней и Верхней Туре было спокойно, стреляли не каждый день, и, казалось, что беда обскочет где-то стороной, огородами да околицей. В подтверждение можно привести на первый взгляд не очень значительный документ тех дней — рапорт, адресованный в штаб Красной Армии Верхнетуринского завода, написанный на грубой оберточной бу-

мажке жидкими чернилами, но пером великолепной каллиграфии:

Рапортъ

Довожу до сведения, что в партийной дружине во время с 15 по 21 сентября сего 1918 года производились строевые занятия и обучение к революционнымъ песнямъ.

Командиръ дружины Эд. Озолин.

Выстраданная, израненная победа просилась из рапорта в новую прогословную песню, в чеканный шаг по революционной тверди Отечества. Не об этом ли потаенная мысль в рапорте Эдуарда Августовича Озолина, латышского рабочего стрелка, коммуниста, интернационалиста? Только не пробил еще светлый час мира с его оглушающей тишиной, с грачами и навозным духом на пашне, с духмяной ржаниной мужицкого хлеба, парного молока и ароматом свежей детской пленки... Нет, не воткнешь до времени штык в землю!

Военные события в необъятной Пермской губернии закручивались осатанело. В половине ноября 1918 года в Омске свершился контрреволюционный переворот, и сразу же во всех селах, деревнях, заводских поселках Урала и Сибири появился, расклеенный на видных местах, приказ № 4, подписанный штабс-капитаном Казагранди, начальником северной боевой колонны правительственных войск. В приказе Казагранди ультимативно пригрозил: «...18 ноября 1918 года адмирал А.В.Колчак избран Верховным правителем России. Предупреждаю, что все выступления против установленной законным порядком Верховной власти, откуда бы они не исходили, будут пресекаться мною в корне и самым беспощадным образом». Первая годовщина Октябрьской революции была отмечена массовым белым террором, силой устрашения в отместку за расстрел семьи Романовых в Екатеринбурге.

На Урале, в самом пекле Гражданской войны, решалась судьба революции. Ключевые позиции на железной дороге занимали станции Вяя и Гороблагодатская, откуда открывался путь на Пермь, а там и до Москвой рукой подать. Здесь проходил Восточный фронт.

Нижнетурицкий завод приютился под горой Шайтан, богато поросшей на вершине вековыми соснами-свечками, а на склонах — одинокими деревьями с певуче-раскидистыми кронами. Ниже завода, по берегу Туры тянется улица-однорядка Набережная. От нее — мост через реку к станции железной дороги с деревянным вокзалом в стиле «модерн», крашеным золотистой охрой. Железную дорогу сюда от станции Вяя построили за десять лет, начиная с 1908 года. Главным на стройке был инженер Иван Давыдович Не-

стеров, человек одинокий, приезжий. Стоял на квартире в доме Митрофановых, на заводской улице. Тут он и углядел себе невесту — Олю, дочь Алексея Михайловича, отца большого семейства. Один из его сыновей — Андрей Алексеевич, подавшийся, как сказано, с белыми в Верхотурье, был главным мастером железнодорожного завода.

На перроне, на столбе с кронштейном подвесили церковный колокол, покрытый слоем вековой патины. Говорят, он был привезен из какой-то дальней выморочной деревни, где сгорела церковь, а ставить другую было некому. Колокол величиной с хорошую старательскую бадью, с трех сторон украшен рельефным изображением ангелов, сидящих полукружьем в дружном согласии, приклонив головы друг к другу. Это Святая Троица, триединый Бог — изваяние заветной мечты людей о единстве и согласии во имя мира и добра, чего во все времена недоставало человечеству, а уж россиянам — и подавно! Когда на перроне троекратно звонили к отправлению поезда, казалось, это они, ангелы, по очереди оглашают пространство: бим-м-м! бам-м-м! бом-м-м! Иногда звук окрашивался в более торжественные тона: бум-м-м! бым-м-м! бэм-м-м! Отчего это? От погоды, от времени года? Одному Богу известно. Однако колокол всегда оставался непоколебимым человеком и обращал его соотнести житейскую суету с извечными нравственными заповедями: не убий! не укради! возлюби ближнего, яко самого себя!..

Теперь колоколу отвели сигнальную долю — к отправлению и прибытию поезда. С этих торжественных звуков и раскатистого паровозного гудка начиналась новая, до того, быть может, и неведомая жизнь человека, и сам он уже именовал себя буржуйским словом «пассажир».

Девятилетней Кланьке, живущей тут, на Набережной улке-однорядке в двухэтажном доме на три окошка часто приходили «пассажирские» мысли, как только она слышала ангельский глас колокола, гудок паровоза, грохот сдернутых с места вагонов: скорей занять место в купе на холодных узеньких досках спального дивана, расплющить нос на оконном стекле, чтобы — не дай Бог! — не пропустить любимую сосну у Соковкиной пашни, будку обходчика на Скальном разъезде, а дальше красивые домики около Николаевской тюрьмы, бесконечные овсяные поля...

Отец Кланьки, Иван Семенович, мужик в летах, поди, под пятьдесят подpiraет. Работящий, справный по хозяйству, однако очень болен. По его просьбе приезжал из Кушвы доктор Аблин, тогдашний светила в урологии, осмотрел, обмял, ощупал, обслужал и сказал, что без операции

никак нельзя, но это не его ремесло, а хирурга. Посоветовал ехать в Семипалатинск к своему другу по студенческим временам, который, де, все может. Аблин и письмо рекомендательное написал.

«Эко место, ехать в Семипалатинск, — размыслил Иван Семенович. — Мы не голь перекатная, кубышка сдюжит. Да уж как боязно с места сниматься: один не поедешь, а с семьей, как с гирей на шее. И ехать можно только на лошади; сперва, небось, в телеге натрясешься до одури, а уж потом в сани-то перелезешь: почитай, только после Гурия да Матвеева дня зима свой норов-то возьмет да белы зубы покажет!»

Он лежит на печи, поглядывая на свое семейство: Кланька качает в зыбке двухлетнего братца Витьку, тот скет синюшными кривыми ногами, что-то воркует, пускает слюнку пузырями. Кланька зыбает своего худародного братца, вложив в петлю-подцепочку зыбки свою тощую ногу, обутую в стоптанную войлочную калошку, и нищенски жалобным голосом поет колыбельную песню, которая, как надоедливая оса в знойный день Ильи Пророка, привязалась к носу:

Зыбаю, позыбаю,
Пошел отец за рыбою,
Мать пошла пеленки мыть,
Дедушка дрова рубить,
Бабушка уху варить,
Карауленку топить,
Караульчиков кормить,
Караульщик басынький,
Зовут его Васенькой...

А в углу, около кухонного окошка, ослепленного ледяными бельмами холодного утра, припала на колени перед обшарпанной скорописной иконой Богородицы-троеручицы — Анна, мать Кланьки и Витьки, а, стало быть, и жена хворого Ивана Семеновича. Пока топится печь, пока подходят ржаные ковриги под серым холщовым рукотельником, она частоговоркой пробрасывает впрок, на день грядущий, молитву: «Восставшие ото сна, припадем Ти, Блаже, и Ангельскую песнь вопием Ти, Сильнее: Свят, Свят, Свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас. От одра и сна воздвигл мя...»

Вдруг, словно спохватившись в потере, она обернулась через плечо на Кланьку:

— Клань, Кланька! Спишь что ли, сучка худая?

— Нет, мамочка. А что?

— Зыбай да через окошко-то во двор поглядывай вполглаза, чтобы бык-то наш на ихнюю Пестрянку больше трех раз не скакал!

— Будь ты трою проклятая, жаба лешачья! — плюнул в сердцах на пол Иван Семенович.

— А ты как думал! Эти скупердяи Селезевы

дали всего-то ничего: полведра щуплого овса да охалочку худых денег. Куда их, на растопку? Ноне на эти пустые деньги даже вошебойной снасти не купишь, не то ли что хоть чекушку красину.

— Ладно, погляжу, мамочка.

А сама глядела не во двор, а через проталинку фасадного окна, отогретую ладошкой — на станцию, на глухонемой теперь колокол: уж сколько недель его не слышать! Говорят, кругом война...

— Ох, и глупа ты, Анна! А глупость-то надо еще на жадность помножить, да злости в тебе битком набито.

— Лежи-и! — огрызнулась Анна и продолжала исступленно творить душеспасительные, затесанные в памяти слова: «Внезапно Судия придет и коегождо деяния обнажатся, но страхом зовем в полунощи: Свят, Свят, Свят еси Боже, Богородицею помилуй нас».

Потопталась перед челом печи, не очень зло поколотила клюкой головешку, сотрясая переспелые груди.

— Какая-то гостья падает нам: головню никак избыть не могу. Откуль бы?

— С печи да с полатей, на худой лопате, — подтрунил Иван незлобиво.

— Слышь, Иван, а какой нонче год, високосный аль простой? — неожиданно примирительно, даже с елеем в голосе спросила Анна.

— Какая разница, високосный, не високосный... Куда ни сунься — везде крови по колено. Во дворе звякнула щеколда.

— Антипиху черт несет, — буркнула Анна, глянув в слеповатое окошко, теперь уже оттаявшее от жара русской печи.

В едва приоткрытую дверь прошмыгнула недалекая соседка, вечная старушонка Антипиха.

«Как она пролезает в такую узенькую щелку двери? — подумал Иван. — Видно, человек, воспитанный в бедности да забитости, и дверь-то не умеет открыть широко и войти не спеша, с достоинством. Ах ты, куричья стать!»

— С праздником вас, с воскресным днем! — нараспев, треснутым голосом пропела Антипиха, сгибаясь и разгибаясь в глубоких, но скорых поклонах.

— Тс-с! — махнула Анна на старушонку и показала глазами на зыбку. — Эко заделье нашла! Не велик праздник. Дело говори, раз пришла.

— Да вот услышала я, корова у вас во дворе хазит. Селезевых, поди? Дай, думаю, спрошу, не дадите ли своего бычка попользовать и мою скотинку. Заблажила еще с вечера. Думала, поблажит, поблажит да перестанет, а она всурьез. Верно говорят, что худая-то скотина не во вре-

мя да в ненастье быка просит: того и гляди, в заводе стрельба откроется, а ее черт лучинкой под хвост копнул!..

— Веди, — сказал Иван. — Революция-революцией, война-войной, а случка сама по себе.

— Спасибо. Спасет тебя Бог от всяких блох, а от своих сам отобъеши.

— Ведро овса тащи! — приговорила Анна.

— Ни синь пороха нет, милушка.

— Дак что, задарма вас покрывать, что ли?

— И прекрасные богородичные глаза Анны враз сделались выпуклыми, блестящими и бесцветными.

— Не слушай ты ее, бабка Антипиha. Сказано — веди! И скажи-ка ты лучше мне, что нового слышать на базаре, в лавке.

— Про что?

— Ну про Петроград, про царя нет ли чего нового, может врут про гибель-то?

— И не говори! В лавке бабы все в один голос бают, что у государя Николая Александровича, ране, до семнадцатого году была одна ухажерка, а перед смертью — две.

— Ох, бабы, бабы!

— А то вот еще: со станции Выя приехал завчерá на лошаде сват тетки Дуни, говорит, белые прут в нашу сторону, мол, не щадят никого, кто под руку подвернется, даже, сказывают, живьем закапывают.

— Да ну-у?

— Китайцев пленных, мол, по заборам, столбам да по деревьям за косички подвешивают: сук на березе срубят вострой сашкой, а его, сердешного, за косицу вот эдак и подденут. — И Антипиha показала как это «оне» делают — подняла свой платок на затылке, приподнялась на цыпочки, выпелила язык, закатила глаза..

Пока Антипиha представляла и досказывала новости, Анна загребла угли в русской печи в загнетку налево и направо, вымела смоченным в коровьем ведре кедровым помелом кирпичный подпечи, перевалила вытронувшиеся ржаные ковриги из липовых точеных чашек на широкую соновую лопату, а уж с нее — только по очереди спихнуть на жаркий под. Так и усадила в печи четыре ковриги. Загляденье! Неплотно прикрыла заслонкой хайло печи: не подгорел бы хлебушко! Утерла румяное похорошевшее лицо ситцевым запоном:

— Твоим бы языком в печи замечать, дак никакого помела не надо!

— Не сердись, милушка, и сама знаю, что на язык-то слаба, да ведь из дуги оглоблю теперя не сделаешь. Под семьдесят мне-ка... — И ушла, то есть проскользнула в щелочку двери.

В полдень отобедали картошкой в мундирах с солеными ельничными грибами и теплым души-

стым ржаным хлебом. Ковригу Анна распластала сама, прижимая ее ребром к груди.

После обеда у Анны сон здоровья и красоты, как у жены волостного писаря, а Иван просто любил давнуть храпака на печи. Кланьке спать не хотелось. Она «уторкала» в зыбке Витьку, взяла крючок, бобинку ниток «Краше» и начала вязать подзор для свеса к кровати — пожалуй, уж себе в приданое, как прикидывала мамочка. И женишок подрастал: соседскому Алешке уж двенадцать стукнуло. У него поразительно большие уши и нос — что-то дальше будет! Алешка сызмальства научился ездить стоя на телеге и в са-нях-дровнях, широко расставив ноги, натянув вожжи и покручивая ими над головой, причмокивая да присвистывая пронзительно.

— Да вот и он! Легок напомине! — припала Кланька к оттаявшему окошку.

Алешка промчался мимо с криком да посвистом, развалясь в венской кошовке, свесив для форсу ногу наружу — знай наших! Кланька едва успела помаячить рукой..

На печи храпел отец. А мамочка во сне то вдруг коротко застонет, то взбормочет что-то невнятное и тревожное. Грабят ее во сне что ли?

Кланьке послышались какие-то непривычные, хлопающие звуки со станционной стороны, звук нарастал, и она, отложив вязание, прильнула к холодному окошку: там, по станционным путанным рельсам бежали люди в длинных одеждах, не то в халатах, не то в шинелях. Вот и перединые бегут уже через мост сюда, на Береговую. Неожиданно громко и басовито ахнул колокол, и Кланька враз отыскала его глазами. Человек в шинели и в шапке-папахе, стоявший рядом, ритмично раскачивался, ухватив колокол за чугунный язык; яростно вырывая из горластой пасти его тревожные, частые звуки набата: бим, бам, бом! Бум, бым, бэм! Даже собаки брехать перестали.

Вдруг человек у станционного колокола остановился, обхватил его обеими руками, будто разглядывал поближе лики ангелов, мир творящих; звук запутался в сукне шинели и погас, а подогнувшиеся ноги не удержали бессильное тело, и человек, падая, ухватился еще раз за язык колокола, но не удержал его — звук родился немощный, жалобный, еле слышный Кланьке. Так тихо и грустно кончаются протяжные русские песни, кои, хоть и не часто, но певали втроем — папа, мамочка и Кланька..

Вот люди в распахнутых шинелях, иные без шапок пробежали мимо окон, дробно топая по деревянному тротуару. Кто это — белые, красные? Отстреливаются из-под мышки, почти не-

прицельно, почти не оборачиваясь. У иных длинный волос, растрепанный ветром, у других — косички. Это китайцы? Может и тот, у колокола, тоже китаец? Совсем неожиданно Кланьке припомнилась мамочкина шелковая юбка из очень шумной материи «канаус», купленной года четыре тому назад у пожилого китайца на базаре. А юбке подстать сапожнику Никонову были заказаны высокие ботинки с ужасным скрипом — это на зависть полоротым заводским бабам: пушай знают дочь кричного мастера Ивана Петровича Боровкова!

На печи от уличного шума встрепенулся Иван Семенович, не враз, но сообразил, что дело неладное.

— Ань! Анна! Спишь, колода! — сердито крикнул вдруг осипшим голосом.

— А? — вытаращила глаза Анна, спросонья непослушной рукой отыскивая медный крест на суровом льняном шнурке: золотых теперь не носят, прости, Господи.

— Чего вылупилась, тетеря? Стреляют! За печку все!

Анна походя дала подзатыльник Кланьке, словно она виновата в стрельбе, схватила из зыбки охапку пеленок, одеялко вместе с Витькой, и все кучно затаились за печкой. Было слышно, как шелкают выстрелы, бьется сердце где-то в ушах, в висках, под ложечкой и ужасно громко падают капли из чугунного чайника-рукомойника в медную лохань. А во дворе глупая комолая селезневская корова трубно и повелительно призывает вконец зажавшегося на дармовых харчах быка к брачным играм во славу рогатого племени!

Проснулся Витка, нехотя, со скрипом заревел, но Анна тотчас вывалила из-за пазухи сдобную безмолсную грудь, чтобы разом от него откупиться: «Черт тебя надавал, дитяtko, не ко времени-то».

Вслед за китайцами по тротуару шумно пробежала толпа с криком «Ура!» и посвистом — должно быть, красные, прикинул Иван, подкрадываясь на цыпочках к окошку. «Потом побегут по склону горы Шайтан — другого пути нет, потом мимо Николаевской тюрьмы по селу Александровскому, по деревне Именной, а там дорога столбовая — Верхняя Тура, Кушва, Гора Благодарить... Спаси, Господи, и укажи стезю! И китайцы ведь тоже от Бога. Да разберись теперь, кто от Бога, кто от Дьявола! С которой руки ближний твой, с которой враг? Сказано: не убий! А как? Опять же сказано: «Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего». Только, кажись, евангелист Лука обратное сказал: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас и мо-

литесь за обижающих вас». Господи всемилостивейший, за что же ты колешь нас надвое?!»

Много лет спустя эти события в туринской округе на станциях Большая и Малая Выя конца 1918 года стали строкой истории. Здесь в неравных боях погибла половина личного состава полка китайских добровольцев и больше половины командного состава. Позиции сданы белогвардейцам. Погибли сотни венгров, поляков, эстонцев, румын, латышей. Погиб командир 1-го Камышловского полка латыш Бронислав Швельнис. Смертельно раненый в обе ноги и в руку, он, чтобы избежать мучительной смерти пленного красного командира, взорвал себя бомбой. А также и командир полка китайских добровольцев Жень Фучень.

Бывший пулеметчик китайского полка Федор Михайлович Шипицын вспоминает: «Далеко за полночь 29 ноября белогвардейцы крупным соединением до двух полков совсем неожиданно обрушились на станцию Выя. Китайцы и матросы не смогли отбить всех атак белогвардейцев, хотя полк бился насмерть. Штабной вагон окружила группа белых офицеров и солдат. Жень Фучень из тамбура вагона отстреливался из маузера, но или кончились патроны, или заклинило маузер... Но он успел застрелить двоих офицеров. Белогвардейцы вытащили безоружного Жень Фученя из тамбура вагона и закололи его штыками. Бой длился до утра, и после боя беляки кололи штыками, расстреливали пленных китайцев и раненых матросов около вагонов, а оставшихся в живых раздели, разули и гнали босиком по снегу к себе в тыл...»

(В 1919 году пулеметчик Шипицын, переводчик Ли Коан, красноармеец Ван Фусан посетили в Москве, в Токмаковом переулке семью Жень Фученя и привезли гостинцев — лапши, кренделей, сахару. Жена погибшего, его сын пятнадцатилет Жень Дунлянь, две дочери — Лена и Зина, как представились они потом Ленину, не смогли принять дорогого гостинца. Жена просила поблагодарить красноармейцев полка, а подарок передать в один из детских домов Москвы. Голод тогда в Москве и во всей России был невообразимым.)

В 1921 году семью Жень Фученя пригласил Ленин — для знакомства, выражения чувств благодарности, восхищения и чтобы попрощаться: семья уезжала в Китай, увозя с собой память о Москве, Алапаевске, где жили до переворота. О самом скорбном клочке Земли — станции Выя — память сохранили навсегда — как вопль ко Господу, дабы образумил слабопамятных.)

Утром в Туру со стороны Николаевской тюрьмы пришел отряд белой гвардии. Впереди на бе-

лом коне, в окружении офицерской свиты на великолепно ухоженных конях, въехал статный, красиво сидящий в седле, офицер, видать, высокого чина. Его фамилия — Анненков, как следовало из расклеенного приказа-приговора о казни устрашения. Заводские бабы успели разглядеть его удивительно красивые черные глаза с печалью в них, заботой и любовью ко всем, кто взирал на него, на его по-мужицки большие руки, но белые и холеные, к которым хотелось по вековечной рабской потребности приложиться губами, щечой, поцеловать эти великолепные, подаренные богом Эросом ямочки на тыльной стороне ладони, а заодно и облобызать роскошный перстень с густым аметистом, который почитают носить за честь люди степенные, положительные и уж, конечно, трезвые. Этот камень — не диковинка на Урале, и его привечают за то, что он будто бы приносит трезвость в пирах, рассудительность в делах, удачу в охоте...

В этот же день рассыльные сновали по улицам, забегая в дома, где обитают лошадиники: было приказано явиться утром всем владельцам гужевого транспорта в полном снаряжении для отправки обоза на станцию Выя для перевозки военных грузов в срочном порядке. За отказ — предание суду военного трибунала!

Анна проводила до ворот рассыльного Ленушку, вернулась в избу, где стало вдруг тихо и благочинно, словно только что появился покойник. Она ходила из угла в угол, не зная, что и придумать: меринок Колютка застоялся в конюшне, а его хозяин — на печи... Да что это и за хозяин теперь, прости, Господи!

— Кланька, — позвал с печи Иван, — сбегай, позови Алешку.

Алешка пришел тотчас, чинно пошаривая по басам, поздоровался, обмел валенки суконными рукавицами и, положив их на лавку, сел на них.

— Вас нарядили ехать на Выю? — спросил Иван.

— Нарядили. Дак отец не может, грыжа к погоде вовсе выпала.

— Кто поедет?

— Кроме меня некому.

— А вот у нас и совсем некому.

— Я бы поехал и на вашем Колютке, дак можно ли на двух-то?

— А чо такова! Спасибо тебе. Утресь запрягай да понужай.

Алешка вернулся с Выи через три дня, сам отворил ворота, завел закуржавевшего Колютку во двор, выпряг, накрыл коня попонкой и поставил в конюшню. Высморгался в два перста и поднялся на крылечко. Выскочила Кланька в войлочных колошках на босу ногу, на голове — ста-

рющая бабушкина жакетка из жалтого бархата, от которой остались одни лысины да воспоминанья.

— Воротился? — кокнула Кланька носком колошки по половице.

— Воротился, не запылится. Ой, Кланька, чо я там насмотрелся! Теперь спать не смогу, поди.

— Ну?

— Подъезжаем мы к Вые-то, а у самой дороги, вижу, поленница сложена, а как вовсе подъехали — ужась! Из покойников поленница-то! Которые до белья раздетые, а кои и вовсе до нагиша. А чтобы эта поленница не раскатилась, подперли ее с концов тоже покойниками. У которых и глаза открыты. Не одна сотня там, почитай, уложена, и больше-то все с косичками. Некоторые в тельняшках. Вот тебе китайцы, вот тебе и матросы! А лица желтые... Как вспомню, лихотит меня и зубы чакают. Эх, покурить бы что ли, да не умею!

— У нас тут тоже дела-а! Прибегала Антипиша, грит, арестованных совдепов расстреляли с дюжину, аль поболе того.

Да, в конце 1918 года на покосах за прудом были расстреляны комиссар красновардейского отряда Василий Колмогоров и конный разведчик Александр Абакумов, коммунисты Михаил Перевалов, Семен Пермьяков, Петр Байков, а также сочувствующие: Степанида Храпунова-Закопаева, Дмитрий Артемьев, Григорий Катаев, Алексей Зорин. Их останки в 1919 году перенесены на заводскую площадь. Нынче памятник обезличен.

Всю зиму и всю весну Анна зудила, доказывала, что ехать в Семипалатинск надо именно сейчас, пока поутихла стрельба на дорогах. Иван отмалчивался да отмахивался, а после Пасхи обмяк, устал от упреков, слез, оскорблений и сдался:

— Поехали, жаба ты лешачья, хоть к чертям на рога поехали!

В плетеную коробушку на телеге уложены охажки лучшего листового сена, два мешка с овсом, вместо сиденья Анна поставила в передок коробка лубяную коробью соликамской работы со всякими манатками. Иван лег на двухсторонней собачьей ярге, приютив около себя Витьку и Кланьку. Анна села за вожжи — править. Приосанилась, тряхнула вожжами, громко по-ямщицки чмокнула — скрипнула телега, резво взяла с места застоявшийся меринок Колютка, грациозно поднял султаном хвост и дробно пустил ветры!

— Н-ну, балуй, музыкант говененькой! — попеняла Анна и для острастки не шибко ожгла коня плетеным сыроматным хлыстиком.

Поехали! Кланька еще раз глянула за реку, в

сторону вокзала. Отыскала «висельницу» с колоколом, и одними пальцами (чтобы не увидела мамочка) помахала в ту сторону.

Ехали почти все лето. Часто останавливались попасти лошадь, дать передышку бокам, размять ноги, побрать ягод, вскипятить в котелке родниковой воды, заварить листа смородины, малины, белых пушистых соцветий лабазника, богородской травы тимьяна, который попадался на сухих каменистых взгорках. А лист брусники был почти всегда под рукой — и у дороги, и в глубине леса. Уже лопались стручки на высоченных бодылях Иван-чая, и в жаркую погоду летел его пух — значит скоро малина отойдет. Без этой ягоды да «заячьей капусты» нет представления о родном клочке земли, где впервые пробуешь пить родниковую воду через соломинку мятлика. Вкусней той воды нет питья, и в том родничке живет чувство «родинки» до самого конца, пока не отлетит душа.

«Проехали» Ильин день, и Мария Магдалина «прошла», а в одно солнечное утро Анна напомнила:

— Нынче я именинница — мой день!

Расстелила под кустом черемухи собачью ягу да так и пролежала полдня под надоедливый треск-перестрелку кузнечиков, отмахиваясь от комаров, овода. Выискивала в памяти хоть что-нибудь поприятней, повеселей, но неожиданно «увидела» себя маленькой девочкой, а отца — Ивана Петровича — молодым. В тот день он впервые выпорол ее ремнем за то, что она, вслед убогой нищенке Орловой-старшей показала язык: мя-а-а! Очнулась от воспоминания и, не открывая глаз, подумала: «Коли детство вспомнила, значит, кончилась твоя молодость, баба-ягодка. Не рано ли?..»

Иван позвал есть кашу. Нехотя присела у костра на валежину, зачерпнула из котелка каши, пожевала — дрогнул подбородок гордой красавицы, и слезы потекли быстрыми каплями. Положила ложку на замшелую колодину и, уткнувшись в ладони, разрыдалась и потом еще долго плакала на плече Ивана, не стыдясь и не утешаясь. Иван и Кланька не ели, ждали, когда уймется этот плач: не похоже все это на нее! Наконец утерлась углами платка и выдохнула:

— Вот и обрыдала свою бедную головушку...

— Может вернемся назад, Нюра? До Покрова еще есть время, поспеем.

— Поешь да запрягай. Поедем до конца. Нам что в огонь, что...

В конце сентября дотянули до станции Мельничной — это всего-то верст двадцать от Омска.

— Тпру, стой, молодая жена! Нету больше моей силушки. Помру, а дальше ни шагу! — ска-

зал Иван, приблизив свое пугающее, незнакомое лицо к прекрасным «византийским» глазам Анны.

Остановились под окном справной избы, чтобы спросить, где можно квартироваться. Хозяин оказался станичным атаманом, назвался Федором Лаврентьевичем и пригласил заночевать у него во флигелечке. Так и остались на этом подворье на долгие месяцы, видно, ко двору пришлись.

Неделю Иван отлеживался от дорожной тряски, потом заставил себя ходить, что-то делать, но здоровье покатило на убыль, почернел лицом, походка стала осторожной, шаркающей — это называется не ходить, а шлентать.

В станице стоял небольшой отряд красноармейцев, а вместе с «белыми мухами» пришли и белые. Красноармейцы отступили без боя — силы были так неравны!

Офицер с адъютантом встали на постой в горнице Федора Лаврентьевича, значит, гость чинный и честь ему высокая. С неделю в доме было тихо, а тут и праздник пришел — Воздвиженье креста Господня. К обеду стали приходить гости — военные в чинах и партикулярные из местных, дом ожил от громких разговоров и даже смеха. Скоро на террасе, что имеет выход во двор, по трем ступенькам вышел красавец в генеральской форме, вышел просто так, выкушать папироску, освежить, раскрасневшееся от наливки да настоек, лицо.

Иван развешивал на жердях выделанные овчины для проветривания. Кланька помогала ему.

— Хороша ли выделка? — полюбопытствовал генерал.

— Как умеем, Ваше превосходительство. Родитель мой из владимирских сорняков, так вот и я умудрен...

— Сегодня ведь праздник — грех...

— Да мы самую малость, только мездрой вернуть, мешкать нельзя.

— Нездешние?

С Урала, из Нижнетуринского завода. В Семипалатинск путь держим, да вот силы кончились.

— Из Нижней Туры? Как же, как же! Отлично помню. В минувшем году мы там были, маленько пошерстили совдепию. Анненков — к вашим услугам. — И он театрально слегка наклонил голову и, кажется, чуть заметно шаркнул.

— Почту за самую высокую честь и это самое...

— Да стоит ли чиниться!

«Какие у него красивые аспидные глаза, — подумала Кланька. — И суперик с чернильным камнем больно красив».

Кланька вспомнила рассказ Антипихи, как свезли за реку их заводчан и там...

«Да ведь это по его приказу!.. Неужто можно с такими красивыми, добрыми глазами?.. Хотя, шут его знает, вот у мамочки тоже княжки очи, как она иногда хвастается...»

— А теперь как же, Ваше превосходительство, какие стези начертаны свыше?

— Да уж, свыше!.. Полагаю, в Омске великое сиденье ни к чему не приведет. Нам лучше искать альянс с атаманом Семеновым, продвигаться поближе к китайской границе.

— Так, так, так.

— А уж ежели что, так из Китая — хоть в Рим! Только зачем мне, Анненкову, этот Рим? Зачем?

— Не могу знать-с.

— В Риме нет, душа моя, кованой скамьи под березой в саду. А черемухи, как у нас, — вообще нет во всем мире...

— Так, так, так...

— То есть, может быть, она и есть, но... Вы любите крик петуха на рассвете? Нет, нет, именно на рассвете и никогда больше?

— Птица глупая, горлохватистая, однако, без петуха русскому мужику житье немислимое, не самому же на заре орать, извините.

— Русскому мужику житье немислимое... — как эхо повторил Анненков. — Ну что ж, прощайте, мужичок-золотые руки. Только такими руками можно повернуть, так сказать... А что мои! Моими только, пардон, парижских мамзелек оглаживать да похлопывать. Прощайте, любезный. Удачи вам. И вам, барышня, наилучшего!

(Атаман Анненков со своим отрядом ушел в Китай. У города Кульджи анненковцы разбили лагерь, назвав его зловеще-издевательским словом «Веселый». Беспробудные пьянки, оргии, стрельба в небо, как в копеечку... В начале 1921 года китайские власти разоружили анненковцев, а сам атаман попал в тюрьму на три года. Потом оказался на советской территории. В 1927 году Анненков арестован и приговорен к расстрелу.

Нет, не все дороги ведут в Рим...)

На Рождество Христово Федор Лаврентьевич пригласил Ивана со всем семейством откусать хлеба-соли, поговорить о том, о сем. А дела на театре военных действий были не так уж и хороши. Александр Васильевич Колчак со всей армией отступал на Восток, бои, говорят, идут где-то в районе Иркутска. Поговаривают, что Колчак с Пепеляевым сидят в Иркутской тюрьме. Врут, поди?..

(6 февраля 1920 года иркутский Реввоенком постановил арестовать Колчака и его премьер-министра Пепеляева. Приговором Реввоенкома они расстреляны на берегу Ангары и брошены в прорубь 7-го февраля 1920 года в 5 часов утра.

Колчак принял смертный приговор спокойно, только попросил свидания с арестованной княжной Тимиревой, заведовавшей у него мастерскими по пошиву солдатского белья. В свидании было отказано. Что ж, может так и лучше, легче... В догорающей душе вспыхнула любимая строчка стиха: «Умру ли я, и над могилою, гори, сияй, моя звезда!» Только и могилы-то, в общепринятом понятии, кажется, не предвидится. Впрочем, адмиралу теперь можно и так, была бы вода.

Пепеляев от момента чтения приговора в камере заключения и до самой последней минуты рыдал, вставал на колени, умолял простить его, обещал сотрудничать с Советами, падал в обморок и принял смерть на заснеженном берегу в полном смятении духа, пытаясь защититься от выстрела рукавом меховой шубы.)

Скоро похоронили круто заболевшего Витьку, да и сам Иван погасил взгляд, перестал думать и мечтать о Семипалатинске. А тут еще и меринка Колютку украли кыргызы. Пал духом Иван, осунулся, залег.

Однажды послал Анну в Омск за лекарством. Позвал Кланьку, взял за руку, спросил:

— Молитву «Сон Пресвятой Богородицы» знаешь?

— Знаю.

— Вот и это, что скажу, наизусть выучи: постные среды да пятницы не соблюдай, будь в теле. Не уноровишь мужу телом, не уноровишь и делом. Прости, что мать взбачивал. За дело. Больно злая да упрямая. Потом сама поймешь. Во всем твори добро да ласку. И обязательно вернись домой. От меня горсточку земли не забудь захватить...

Утерев вспотевший лоб, попросил чаю с молоком, хотя и не любил его и называл телячьим пойлом. Еще попросил позвать Федора Лаврентьевича, чтобы он подымил махорочной цыгаркой, сам давно уж не курил. Да только не дождался его...

Анна с Кланькой прожили у Федора Лаврентьевича еще год со днем, а как обросли могилки травой, отправились домой. Собрали добрый урожай моркови, что сеяли на хуторе у молокан, продали ее, наняли подводу до Омска, а оттуда в товарном вагоне на свежей соломе, вроде как с телячьей плацкартой и добрались до родных мест. От станции Гороблагодатской ехали пассажирским поездом. На станции Выя поезд стоял долго, и Кланька успела разглядеть деревянный обелиск со звездой, он стоял на покосной поляне недалеко от железнодорожной насыпи, и как-то не укладывалось в голове, что под этой пирамидкой лежат сотни погибших людей, о которых тогда рассказывал Алешка.

«А какой он теперь, Алешка, все такой же ушастый?» — попыталась представить его Кланька, но поезд с грохотом дернулся с места, и мысль как-то сама по себе попала.

Через полчаса поезд дотащился до Нижней Туры, оповестив раскатистым гудком сонные домишки, обмелевшую реку, величавые сосны на горе Шайтан, разъезд скальный и заветную Соковкину пашню.

Анна с Кланькой нагрузились узлами, котомками и пошли к своему дому, да вот он уж совсем на виду. Кланька на секунду задержалась у «виселицы» с колоколом и еле слышно поздоровалась: «Здравствуй, колокол».

— Ну чего ты там шаперишша? Вот я тебя понужну!

Добрели до своего дома. Ворота оказались запертыми на висячий бельгийский замок — огромный амбарный красавец с отделкой из зеленой меди. Такой взломать и рука не поднимется. Анна постучала к соседям, вышел Ганька, Кланькин ровесник. Покраснел от смущения, от неожиданной встречи с повзрослевшей Кланькой: на-кось, у нее уж и формы намекаются! Кое-как, запинаясь, объяснил, что их дом, как они только уехали, сразу забрали под заселение: они, мол, кулаки, за белыми побежали, дак...

— Кого вселили?

— Погорельцев из Кабашной улицы. Теперь они уехали на Исовской прииск своих стариков проведать. Ребят у них двое, и опять брюхо к носу лезет...

— Не мели лишнего, сопля!

Пошли дальше, к Ивану Петровичу, любимому тятеньке. Он принял холодно, указал место на лавочке у двери:

— Присядьте, коль не торопитесь.

— Тебя ли слышу, тятенька?

— Так что, мила дочь, времена меняются, приютить вас я не могу, вы теперь классово чуждый элемент. Кабы и меня с вами не загребли. Вот намедни у кумы Еликоницы квартиранты съехали, дак ступайте к ней, может пустит.

— Попить бы, — спросила Анна, не глядя на отца.

— Попить можно. Отчего не попить, когда жажда. Квасу? Воды?

— Если не больно накладно, — квасу.

— Сдюжу.

Иван Петрович вопросов не задавал, ни о чем не спрашивал, чтобы — не дай Бог! — длинная беседа не занялась. Однако, насчет Ивана Семеновича и Витьки полюбопытствовал и, перекрестясь на образ, указал им на царство небесное.

Вышли за ворота, прошли саженой с полсот-

ни, Анна бросила узлы-котомки на дощатый тротуар, села на них:

— Спину пересékло, — повинилась она перед Кланькой. — Вот тебе и любимая дочь, вот тебе и самый хороший во всем свете тятенька...

В ближнем доме распахнулось окно, выглянул пожилой мужичок с апостольской бородкой:

— Да никак знакомые! Да неужто Анна Иоанновна! Да из каких краев-палестин? Погоди, погоди, я сейчас выбегу!

Давний знакомый, которого не очень жаловала, поздоровался за руку, приложился к раскленной щеке, Кланьку погладил по голове, чуток прижал к себе.

— Заходите, гостями будете. Моя супружница уж больно плоха, так мы ее и беспокоить не станем. Располагайтесь, милые.

— Нет, Николай Дмитриевич, меня родной тятенька только что отшил, дальше порога не пустил, и тебе не след якшаться с нами, ино запачкаешься об нас.

— Страху-то! Я лесник, мне что их политика! — Взял неподъемные котомки у Анны и унес во двор, вернулся, взял узел у Кланьки, обнял ее за плечо и увлек во двор, следом нерешительно вошла и Анна.

— Сейчас, сейчас пойдем в горницу. Честно сказать, я очень рад. Привел-таки Господь! — Звякнул щеколдой и запер калитку на засов.

На другой же день Кланька нашла заделье и попросилась к тетке Саше, той самой Ляксандре, своей крестной, которая жалела и любила Кланьку с самого раннего детства. Она знала, что и с годами Анна не станет добрей к людям, поэтому жалела Кланьку как сироту.

Ляксандру ценили и уважали в доме за покладистый характер, ее считали такой работающей, сильной, что только ей, единственной разрешалось съесть шаньгу между вытями, то есть между завтраком и обедом — честь редкая!

Обнялись, расцеловались, наскоро поплакали — и от радости, и от горя. Кланька, как могла, рассказала о путешествии в Сибирь, о кончине Витьки и папы.

Тетя Саша почувствовала, как тяжело ей рассказывать былое, и незаметно перевела разговор на свое житье-бытье, на нескончаемую кухонную работу и уж совсем суматошные предпраздничные затеи. А как она могла рассказывать о своем деле!

— Вот, мила дочь, гляди — это зерно ржаное, а что бы ты смогла из него смастерить? Из ржаного зерна? И, не дожидаясь ответа, сама начала баять рассусоливать:

— Ну, само собой, можно хлебушек-ржанинку испечь, подовая ржаная коврига всему хлеб-

ному ряду основа, так и говаривали встарь: «Ма-тушка рожь кормит всех дураков сплошь, а пше-ничка — по выбору».

— Потом можно сделать солод. Зерно намо-чить, подержать на печи в деревянных или гли-няных чашках, пока проклюнется росточек, по-том сложить в корчагу, залить водой да в воль-ной печи попарить, когда уж хлебы испечешь. После — высушить, крупно смолоть — вот тебе и солод. А без него ни пива, ни квасу тонкого вкуса не сварить.

— А про сусло расскажи, тетя, я уж забыла чо к чему.

Экая ты пряткая! Сперва надо сделать насо-лоду: в горячей воде замешай ржаную муку, как на тесто, добавь солода, ставь корчагу на печь. Когда будет сладко — значит готово. Вот теперь мастери сусло. Бери корчагу-дырчатку: в ней есть дырочка на три пальца выше днища, в боку, значит. Дырочка зачеканена деревянной затыч-кой. В корчагу клади насолоду, густую как сме-тана. Теперь делай из ржаной соломы вехоть: скрути пучок, свяжи его соломиной и воткни в насолоду до соломиной подстилки на дне корча-ги. После выпечки хлебов ставь корчагу в печь, но крышкой не накрывай. Когда запечется сверху пенка — это уж поутру будет видать, — нали-вай поверх пенки воды немного. И в другой день после выпечки хлебов опять надо поставить эту же корчагу в печь. И так три раза. Вот теперь готово. Вынь затычку, и сусло по желобку сте-чет в другую посудину. А в корчагу, не разоряя соломы и насолоды, наливай воды и парь ете три, четыре раза. Можно и пять. Но сусло будет уже похуже и годно только на квас. А содержимое корчаги — корове в поило: то-то вкуснятина! Ус-отъешь!

— А что из сусла?

— Да хоть тыщу кушаньев! Сусло первого сли-ва идет на сладкое блюдо, его можно заквасить гущей и макать кусочком — рассолом называет-ся. А то еще с толокном или крошками! Тоже перенки варили в сусле — свекольные, морков-ные, калежные, кочерыжки капустные. Только что редьку не варили, вонькая она... Паренки высушивали в вольной печи и заготовляли на зиму.

Ляксандра умолкла, задумалась и, казалось, нечаянно уснула.

— Еще, крестненька!

— А! Вот еще про «куричью панафиду». Бери, мила дочь, перловую крупу, залей суслем да парь — вот тебе и королевское кушанье!

— Еще, еще, как интересно!

— Будет, будет. Гляди, как бы не вспучило, дитятко милое. Еще и кулагу делали. Моя ба-

бушка-покоенка, ставя глиняную чашку с кула-гой в печь, спрашивала нас, малышню: «Робята, поглядите-ка в окошко, кто там едет и с чем». Мы знали, что надо сказать: «Едут с медом!» — это, чтобы кулага послаще удалась. А мой бра-тик Колька одиново сказал: — «С жеребенком едут!» Чуть, было, не испортил кулагу, дурачок!

Заглянув в раздумянное лицо девочки с ка-кой-то безнадегой сказала:

— Всего не перескажешь, милая. Мильен ку-шаньев знаю, устанешь слушать, состаришша! Посля доскажу.

— Про сладкие крендели?

— Ну ладно, на закуску, в завершение. Вот бывает, что ненастье мешает убрать хлеб. Он лежит в копнах или суслонях на поле, а зерно-то и прорастает, солодеет, значит, сладковатым делается. Мука из такого зерна плохо всходит в тесте. Тогда уж лучше из него сделать крендели. Тесто заквашивают, туго намешивают, навер-тят кренделей, уложат на доску, а как вскипит вода белым ключом в чугуне — бултыхнут их в котел-то вверх тормашками! Как опять закипит вода, всплывут крендели — достают их шумов-кой, уложат на жестяной лист — и в русскую печь еще до хлебов. Достают их румяными да баскими, остудят, нанизуют на свежую мочали-ну и повесят на длинный кованный гвоздь в холод-ном чулане: мышам на поглядку!..

Кланьке хотелось повидать сразу всех знако-мых и сродственников. От тети Саши будто бы ненароком забежала в дом к Алешке. Он сидел на завалинке, строгал ножом черемуховый черенок на рукоять к новому хлыстику. Разговор простой, свойский — кто родился, кто уж помер, кто еще нет. В прошлую зиму умер отец Алешки — Мит-рофанов Василий Алексеевич, царствие ему небесное.

— Ему было 33 года, пожилой уж, — расска-зывал Алешка. — Одинова ночью лошадь при-шла к дому сама. В кошовке лежал отец, шубы и собачьей дохи на нем не было, часов серебряных и бумажника тоже не оказалось. Лежал без па-мяти. Позвали доктора Аристову Сергея Алек-сандровича — это который ходит по огороду в обрезанных подштаниках, а его ребята и вовсе без штанов. Беден, а взяток не брал. То ли дело фершал Москвин Василий Иванович, ничем не брезговал, ему хоть простокваши да налей... Ну, значит, посмотрел, послушал отца Сергей Алек-сандрович, и говорит — горячка. А лекарств — никаких. Неделю полежал и преставился... Мать говорит, ладно что вовремя помер, а то при-помнили бы ему брата Андрея.

— А чем был плох дядя Андрей? На заводе — главный мастер, у рабочих в почете.

— Мать все корила его: мол, погоны нашто надел, куда ты теперь, за белых али за красных? Вот и застрелился, только фотокарточка и осталась теперь.

Да помню я, в семнадцатом году он... Мы ведь еще здесь были.

На пожарной каланче ударили в колокол шесть раз.

— Ой, побегу. Мамочка, небось, уж и хлыстик приготовила.

Анна, конечно, понужнула девку-гуляку, но назавтра все-таки отпустила ее к сродственнику Филиппу Ивановичу с супругой Лизаветой Ивановой. А девок у них — куча! Семеро! Филипп Иванович иногда говаривал, особенно когда выпьет: «Если в семье хоть одна девка — горе отцу на всю жизнь. А у меня их семеро!» И не поймешь, то ли шутит он, то ли нет. А, пожалуй, что и нет. Кончилась мировая война, грянула революция, потом началась Гражданская. Женихов-то тютю-тю...

Избушечка у них махонькая, на три окошечка слеповатых. В уголке как войдешь — широкая деревянная кровать, обязательно с клопами. На ней спали родители, а девки — на полу. «Девки навалом», — шутил Филипп Иванович.

Мамочка иногда отпускала к ним повечеровать с рукодельем. Тут Кланька выучилась вышивать гладью и крестом, и «ришелье», и крючком вязать кружева, и на спицах, а то и на коклюшках плела, и филейное рукоделье работала. А уж половики ткать — проще пареной репы, только этим ремеслом занимались летом в анбаре, в горенке не было места для станка.

Бывало, мамочка и с ночевкой отпустит. На ночь глядя настелют на пол старых ватных одеял, в изголовье — пальтушки да лапотники, от которых уж все взято («Мы не बारे какие, чтоб на подушках нежиться»), укрыться — лоскутными пестрыми одеялками, веселыми, наивными — до слез: у каждого лоскутика своя история, своя память.

Полежат девки маленько, поразговаривают, похихикают, попищат по-мышинному, потом кто-то песню потихоньку заведет, вот эту, например, «длиннющую, как змеишша», ее обычно запевала Зойка, или как ее звали в семье — Зойша, а остальные подпевали припев после каждой строчки: «Кáлина, да вот малина».

За лесом, за темным перелесьем,

Кáлина да вот мáлина.

Девушки гуляли, красны танцевали,

Меня, молодешеньку, в три голоса кличут,

В три голоса кличут, чуть не в четыре,

Пятый голосочек чуть только надносит.

Чуть только надносит, свекор домой кличет.

Свекор домой кличет, пить-ести просит.
Чтоб тебе, свекрушка, есть — подавиться.
Есть — подавиться, пить — захлебнуться.
За лесом, лесом, за тем перелесьем
Девушки гуляли, красны танцевали,
Меня, молодешеньку в три голоса кличут,
В три голоса кличут, чуть не в четыре,
Пятый голосочек чуть только надносит,
Чуть только надносит, свекровь домой кличет.
Свекровь домой кличет, постéлюшку стлáти.
Чтоб тебе, свекровушка, лéгчи и не встáти,
Лéгчи и не встати, головы не взнáти.
За лесом, лесом за тем перелесьем
Девушки гуляли, красны танцевали,
Меня, молоденьку, в три голоса кличут,
В три голоса кличут, чуть не в четыре,
Пятый голосочек чуть только надносит,
Чуть только надносит, деверь домой кличет,
Деверь домой кличет, коня оседлати.
Чтоб тебе, деверьюшко, сести и уехать,
Сести и уехать, домой не приехать.
За лесом, лесом, за тем перелесьем
Девушки гуляли, красны танцевали,
Меня, молоденьку, в три голоса кличут,
В три голоса кличут, чуть не в четыре,
Пятый голосочек чуть только надносит,
Чуть только надносит, золовка домой кличет,
Золовка домой кличет, голову чесати,
Голову чесати, да косу заплетати,
Косу заплетати, да ленточку вплетати.
Чтоб тебе, золовушка, косу растрепати,
Косу растрепати, ленту потеряти...

Полежат девки, пошепчутся, потом кто-нибудь тихонько скажет:

— Паренок бы поись...

И опять Зойша заведет песню, да только теперь уж с хитрым умыслом — величальную, свадебную, а все вполголосочка да с подголосочком подтягивают ей:

По́ блюду, блю́ду сере́бряному,

Да по́ меду, меду кру́пичтатому

Плавала чарочка зóлотая

Ту́ре́цкою чéрнедью по́дведена.

Никто эту чарочку не пьет, не берет,

Взялся, принялся один господин —

Свет да Филипп Иванович.

Сам изопьет он, жене поднесет

Свет — Лизавете Ивановне:

— Кушай-ко ты, молодая жена,

Свет — Лизавета Ивановна!

Оканчивалась песня, наступало короткое молчание, потом Зойша поздравляла «молодых»:

— С песенкой Вас, Филипп Иванович! С песенкой и Вас, Лизавета Ивановна!

Опять молчок. А ведь песельников надо благодарить. Филипп Иванович и шепчет благоверной

супруге:

— А чо, мать, надо бы дать девкам хоть пригоршню паренок?

— Пожалуй, чо. Зойша, слазай на вышку, принеси паренок вяленых пригоршню.

— Я одна боюсь.

— А вот Кланька тебя покараулит.

Лезут на чердак в кромешную тьму с лампой-коптилочкой за праздничным лакомством, за пригоршней вяленых паренок. Пригоршня хоть и в две ладони, а все равно мало: девок-то куча-мала, а больше взять — ни-ни! Тятенька за ослушание так шкуру выделает — под сафьян!

Умерла супруга Николая Дмитриевича, Остались у него на руках дочь Оля да родная племянница Лиза. Спустя полгода Николай Дмитриевич и Анна Ивановна уже стояли под венцом в церкви, а Кланька стала еще одной падчерицей, но звала Николая Дмитриевича папой. А Оля и Лиза не называли Анну никак, хотя она приказала звать ее мамочкой, за глаза они звали ее Кабанихой: за самую малую провинность Анна хватала девочек за волосы на затылке и стлкивала их лбами — искры из глаз!

Вскоре Оля ушла в люди нянкой, а Лизу взяли дальние родственники на воспитание и в домашнюю работу.

Кланька с самого начала прижилась в доме Николая Дмитриевича, стала родной, любимой, но эта привязанность к доброму человеку не погасила родовенных чувств к родне кровной. Ей всегда хотелось, несмотря на неприязнь к деду за его предательство, повидать свою бабушку — Марию Павловну, ту самую Мареюшку, но она уже очень редко выходила посидеть на лавочке у ворот, украшенных резными солнышками.

Теперь уж редко приносили к Мареюшке ребенку попарить, поправить его в бане, а она умела это делать превосходно — и грыжу заговаривала и порчу снимала, урочливых детей выправляла: легонечко поглаживая лежащего на лавочке дитя, перебирала по косточке, по жилочке все тельце своими, казалось, неуклюжими, пергаментными пальцами, а потом, чуть припаривая душистым березовым веником, наговаривала воркующим добрым голосом заклинание: «Господи Сусе Христе, сыне Божий, помилуй нас! Не я тебя, дитятко, парила, не я тебя правила, приходила бабушка Соломонида от самого истинного Христа — она тебя парила, она тебя правила, приносила тебе доброго здоровья, счастья. таланту, долгова веку. Отца, мать почитать, еще креснова, кресну, весь род и племя. Спи по ночам, расти по часам, как пшеничное тесто на опаре киснет. Аминь».

Сама Мария Павловна родила восемнадцать детей, так что ей было кого парить да править, вот только до почтенного возраста дожили шестеро...

Иван Петрович тоже редко появлялся за воротами. Он, говорят, совсем никудышный стал — скупость одолела да и суеверия тоже. Сказывал кто-то, как хотели у него мужики денег занять: прознали, что он какой-то свежий должок получил:

— Ты нам, Петрович, хоть десятку дай, ну как по нонешнему миллион, а мы тебе с аванцу...

— Сегодня, мужики, никак нельзя, деньги должны в доме укрепиться, хоть ночку ночевать. Приходите завтра, да не с утра, а после обеда.

Мужики на другой день пришли, но малость подзадержались, а дело уж к вечеру клонилось, уж пегухи отпели день-деньской. Он мужикам-то и выговаривает:

— Поздно пришли, робята, деньги уж спать легли, будить — грех. Так чо...

Ушли мужики налегке, а матышки полетели ему в запятки, когда уж он успел ворота захлопнуть.

И в доме иногда случается беда конфузная: если к вечеру не окажется распчатой ковриги или пшеничной буханки хлеба, значит быть семье без ужина — распчинать хлебы на ночь никак нельзя, то есть просто невозможно. Мареюшка, бывало, хаживала по соседям распчатого хлеба занимать.

Скоротечно времечко! Года через четыре Кланька была уже в доме за хозяйку на кухне. Вот и теперь ворочает у русской печи чугуны полведерные, жаровни, кастрюли. Протопилась печь — загребла загнетку на две стороны, как учила мамочка посредством подзатыльников, вымела кирпичный под, переложила из деревянных чашек ковриги на капустные листья, потом на лопату — и в печь. Папа глядит, любитесь, языком цокает. Пока хлебы пекутся, она уже за шитье принялась — сметать на живульку-ниточку кежовые рабочие штаны папе, таковские, по лесу бродить. А между делом вспомнила про смешную притчу, что он рассказал ей вчера. Попросила повторить, он начал шепоточком, а Кланька подыграла ему в роли зайчика:

— Заинька, беленький, куды бегал?

— Лыки драл.

— Куды клал?

— Под пень, под колоду, под белую березу.

— Где береза?

— Трапезьники срубили.

— Где трапезьники?

— В церкву ушли.

— Где церква?

— Водой снесло.

- Где вода?
- Быки выпили.
- Где быки?
- На гору ушли.
- Где гора?
- Черви выточили.
- Где черви?
- Гуси выклевали.
- Где гуси?
- В тальник улетели.
- Где тальник?
- Девушки выломали.
- Где девушки?
- Взамужья ушли.
- Где мужья?
- Все померли.
- Пошто померли?
- За грешки.
- Где грешки?
- У попа в мешке да на горлышке.

Анна ревниво наблюдала за дочерью и едва-едва терпела ее маленькое счастье. А Николай Дмитриевич, глядя на нее, нарадоваться не мог. Как-то ввечеру сидели втроем, сумерничали, тут Николай Дмитриевич и предложил Кланьке поступить на работу к ним в лесничество секретаршей. Анна даже обрадовалась:

— И верно. Девке уже шестнадцать годочков со днем. Пора и деньги в дом.

— Пора тебе, мила дочь, ближе к людям. И приодеться не плохо бы, в невестах ходишь, ишь какая девка выкуняла!

Он часто гладил ее по голове, и как-то не говорил, не разговаривал, а ворковал над ней, баюкал. Так гладят рукой и словами только обездоленных детей и только добрые люди...

Но на работу ушла не в лесхоз, а в заводоуправление: так распорядилась мамочка.

Усадили за «Ремингтон» учиться печатать. Сначала «давила клопов», а через полгода каретка только похрустывала своим шестеренчатым нутром и дробным топотом клавиатуры. Однажды принесли перепечатать акт инвентаризации от председателя завкома, Кости Якунчикова.

Печатала и хохотала: «Указанный инвентарь — коровы, лошади, седелки, решета и протчие ягоды соответствуют фактическому наличию...» Долго эта фраза ходила по заводу на правах анекдота.

А то еще был один председатель профкома, это в Леспромхозе, Сашка Бабин. Молодой, красивый, умный, но... матерщинник. С Ноева потопа не было таких матькунов, правда, иногда и доброе слово вывернется у него с языка, да больно уж редко.

И вот решили на профсоюзном собрании про-

работать Бабина, мол, не гоже профсоюзному руководителю так-то осквернять язык. Решили его штрафовать за каждое черное слово, ну хоть по рублю.

— Что вы, что вы! — замахала руками секретарша Зина. — У него зарплата триста пятьдесят, этого и на неделю не хватит. Хоть бы по пятаку...

Так и решили — по пятаку. Время идет, Сашка матюкается, тут же извиняется и всерьез пробрасывает: «Запишите на мой счет».

Проходит месяц, дают зарплату, а в кассе говорят Бабину, мол, нечего получать, еще и должен остался. Приходит в контору жена, ей объяснили, в чем дело, она фыркнула и ушла. Но сослуживцы заметили, что Сашка стал пореже прохаживаться «по матушке». Еще через две недели приходит его мать и говорит, бесслезно плача:

— Не знаю, как вас и благодарить. Без жалованья, конечно, не ловко, а только в доме стало не в пример лучше. То ведь бывало, Сашка за столом ложку до рта не донесет без матюка. Бог с ним, с жалованьем. И ушла...

Вскоре постановили снять арест с платежной ведомости. Получил Сашка зарплату сразу за два месяца да как завернет от радости «с самой верхней полки»! Расчитался наличными и серьезно сказал:

— Честное слово, бабоньки, больше не буду!

И не слышали. Только вскорости Бабин простудился на субботнике и как-то нечаянно умер. Кипяток-человек был!..

Директором Нижнетурина завода в конце двадцатых годов был молодой, лет двадцати, парень — Иван Матвеевич Широков. Его хотелось звать просто Ваней, он был любим и уважаем всеми. Однажды он присмотрелся к машинистке Клаве и говорит:

— Что-то мне личность Ваша знакома. — И тут же весело рассказал сослуживцам. — Дело было в самую масленку. Только приехал в Туру, встал на квартиру, вышел погулять вечером, вижу от церкви с горы молодежь катается на конских санях с коробом, с соломой. В оглоблях саней — верзила на коньках. Правит. Девкам, парням лет по пятнадцать-восемнадцать. Я им говорю, мол, вроде бы нехорошо вот так навалом мяться в коробе. Тут кто-то дал подножку, свалили меня в короб, а на меня посыпалась вся орава в кацевейках и душегрейках — не поймешь, где голова, где ноги, где что и чье! И помчалась! Верзила, знай, посвистывает разбойником да покрикивает зычно: «И-ээ-х! Пади-и!» Пролетели по всей улице и через открытые по-

чему-то ворота ввалились прямо на заводской двор. Сани перевернулись, все разбежались и сани уволокли, а я сижу весь в снегу да в колосках-пустяках и не знаю, то ли мне смеяться, то ли сердиться: ведь я — новый директор завода!

Тут Кланька и говорит:

— Вы тогда еще кричали в коробе-то: «Кто чесноку нажрался? Не дыши на меня!»

— А Вы откуда знаете?

— Так ведь это я тогда дала Вам «подножку».

— Ну и ну-у! — просиял Иван Матвеевич и взял ее за плечи. — Немедленно велю уволить без выходного пособия!

Кланька сияла от счастья!

Через малое время его отправили в Свердловск на курсы. Без директора, вроде, неловко. Стали прикидывать: «Этот башковитый, этот тоже вроде бы ничего, но и тот и другой развели цветочки у себя в палисадниках, тополями обсадились, одно слово — «баре, перерожденцы, чуждый элемент». Выдвинули на общем собрании директором товарища Бердышева. Партиец. Член профсоюза. Чего еще надо! Но оказалось, что он совсем неграмотный, только и умеет, что расписаться аршинными буквами. Поставили у него в кабинете классную черную доску, прикрепили учительницу, ходила она, давала уроки. Не успели толком приобщить к грамоте, как его уже сняли приказом сверху и приставили к должности на дровяном складе: следить, чтобы противопожарные бочки всегда были полны, и чтобы при каждой было мочальное помело... Но скоро вернулся Ванечка Широков. Слава Богу!

Бежит, бежит время! Вот уж и Кланька — не Кланька, а Клавдия двадцати лет. Только Анна звала ее все так же — Кланькой, а когда гневалась, тихо шипела:

— Клавдея! Ты меня знаешь! Уж если пойдет прынцип на прынцип — тогда гляди!

Как-то сидели втроем на залавке у русской печи, сумерничали — керосин достать, так это уж целое дело. Николай Дмитриевич погладил Клашу по шелковой головке, сказал:

— Эх, мила дочь, гляжу я на тебя — не наглажусь. Ты и в потемках баская. Не пора ли тебе присмотреться к кому? Ты ведь не представляешь, как короток бабий век.

— И то правда, Коля, — подхватила Анна. — У меня есть на примете...

— Да причем тут твоя примета, Нюра?

— А при том! И все тут!

Через неделю с Исовского прииска — это верст десять от Туры, приехали сваты. Клавдия и жениха-то не видывала, но Анна сцену сватовства разыграла по старинке, хоть и на новый

лад, а в конце заявила протокольно:

— Если под венец — хоть сейчас отдам невесту, а если самокрутом, через ЗАГС, вроде как по конской расписке, а потом вокруг столба да в баню — это не у меня, в другом месте.

Потом приехал жених. Увезли венчаться шепотом да скороговорочкой в деревню Елкино. Только в первую же ночь жених повинился:

— Прости, Клаша, не годен я для супружеской жизни. Война меня испортила...

— А чего было лошадей гонять?..

Поплакала, погоревала, прикинула и так и эдак, а посоветоваться, как поправить мужа, не с кем. Случайно натакалась на краю поселка на бабушку, которая будто может привораживать и примораживать. Пошла. Бабушка Василиса разузнала, раскрутила всю печаль-кручину и велела приходить через три дня в полночь. Пришла, поджилки дрожат.

Василиса хоть и стара годами, они ей несчетные, а ходит столбиком, голос кованый, глаза — шилья колючие. Одета по старому обряду — в шестиклинный сарафан до полу, с крученой опояской, в черном платке, заколотом простой английской булавкой под самое горлышко.

Усадила Клавдию к очелью русской печи, открыла вьюшку дымохода, убрав заслонку, заглянула в хайло печи, пошарила дырчатой шаболой в загнетке, выгребла на шток горячих угольков, пошептала на них, отхлебнула из красно-медного ковша водицы, прыснула на угли, потом в лицо Клавдии, она от неожиданности охнула, сомлела. Василиса накрыла ее с головой черным платом, велела какследно слушать и услышанное на себя переводить. Начала она мужицким голосом торжественно и распевно:

Заря, зарница,

Заря — красная девица.

Утренняя заря — Марья,

Вечерняя — Маремьяна,

Полуночная — Дарья.

Я вам покорюсь,

Я вам поклонюсь.

Выньте из меня тоску тоскучую

И плач неутолимый.

Вложите, вселите в раба Божия Петра,

В его толонь,

В тело белое,

В кости, в мочи

В ретивое сердце,

В горячую кровь,

В семь панков,

В семьдесят семь шлюшок,

В его буйную голову,

В его русые волосы,

В его черные брови,

В ясные очи,
В сахарные уста,
В его лицо белое:
Пил бы раб Петр, не запивал,
Рабу божию Клавдию
На разуме держал,
Чтобы казалася раба Божия Клавдия
Милее отца и матери,
И роду-племени, дружков-товарищей.
И робить пойдет раб Божий Петр,
Чтоб на работе не зарабатывался,
С друзьями не застаивался,
Только думал и гадал
О рабе Божией Клавдии.
Падите мои приговоры и привороты
Не на воду, не на землю!
А падите в раба Божия Петра,
На самое сердце, в кипучую кровь,
В лехкия и жилы,
В суставы, в кости, в мочи,
В жилу костовую, мозговую, хребтовую,
Чтоб те приговоры паром не спаривал,
Водой не скачивал,
Из бани пойдет, ветром не сдувливал.
Он дух, он бы потух в белом лике ясных очей,
В черных бровях, в белых костях,
В буйной голове и в ретивом сердце.
От сглаза двоеженного, от троеженного,
От черного и черемного,
От девки простоволоски
И бабы самокручихи спаси его.
Будьте вы, мои приговоры,
Все сполна недоговорены,
Которых учила, не доучила.
Передние — впереди, задние — напоследиди.
Будь моя голова короткая,
Зубы да губы укрепи мои.
Замок — мой язык, ключ мой у кита,
В море содержится кит-рыба,
А море — у града царя Давида,
И в крепком том граде —
Заря-зарница, заря красная девица,
Утренняя заря — Марья,
Вечерняя — Маремьяна,
Полуночная — Дарья.
Я вам покорюсь, я вам поклонюсь,
Выньте из меня тоску тоскучую
И плач неуголимый...

Нет, не попали наговоры-приговоры Петру ни в жилу становую, ни в мозговую, ни в хребтовую...

Собрала Клавдия немудрящие свои пожитки в узел да в лубяную коробью соликамской работы, и отвез ее венчанный муж к Анне, к своей теще несбыточной.

И вдругорядь вытурила Анна свою дочь «вза-муж», да только через месяц забрали его в ар-

мию. Рассохлась и эта любовь. Анна, было, и в третий раз... Но тут уж Клавдия споперечничала:
— Хватит, мамочка, бегать мне по вашим замужествам! Так и родить будет недосуг...

Беда не заплутала, она пришла к Николаю Дмитриевичу, Анне, Клавдии 5-го августа 1931 года. Не иначе, как по злому доносу. У Клавдии теперь была уже дочь Вера. Явились представители местной власти, произвели обыск, ничего не нашли, а что искали — не сказали. На прощанье успокоили:

— Теперь, дедушка, спите спокойно. — И в два часа ночи ушли, но в пять часов утра опять явились и объявили:

— Мы за вами, товарищ Меркушин. Недоимка за Вами 856 рублей. Будете платить?

Николай Дмитриевич спросил разрешения продать лошадь и корову, чтобы уплатить налог, хотя по его прикидке не было за ним никакой недоимки.

— Нет, — говорят. — Лошадь и корову мы и так возьмем. А вот потрудитесь к 4 часам утра 7 августа не опоздать к поезду. Приготовьтесь в ссылку.

Произвели опись всего имущества, вплоть до старой одежки и ушли.

7 августа Николай Дмитриевич и Анна уже ехали по узкоколейке в сторону станции Лесопильная — это Старая Ляля, куда к этому времени уже согнали на ласпромхозовские участки тысячи раскулаченных спецпереселенцев из средней полосы России, Поволжья и Урала. Между прочим, в поселке Парча, в семи километрах от Ляли уже тогда обитала семья Твардовских, за исключением начинающего поэта Александра, жившего в это время в Смоленске.

Клавдию, как жену красноармейца, оставили в Туре, но из дома выселили, велели искать частную квартиру. Через три месяца родители вернулись из ссылки, жили на иждивении Клавдии. Анна поубавила гонору да спеси не по чину.

20 ноября опять пришли... Потребовали ценные вещи, каких даже и не было никогда, а если что и было, так давно проели, пролечили. Николая Дмитриевича арестовали, просидел месяц в туринской кутузке со вшами да блохами, потом его больного отправили в свердловскую тюрьму, что на улице имени товарища Малышева, около кладбища. Освободили без лишних объяснений 13 февраля 1932 года. Анну вскоре после ареста Николая снова отправили в «родную ссылку», но недели через три вернули обратно в Туре для оказания медицинской помощи. И до Пасхи все жили вместе. Неожиданно вызвали обоих в комендатуру по учету спецкадров и заявили, что Анна находится в бегах из ссыл-

ного пункта. Ее снова отправили в Лесопильную, а Николай Дмитриевич конечно же поехал за ней и поступил там на работу конюхом. Старшим конюхом! Позже он получил грамоту победителя в социалистическом соревновании. Жили «спокойно» до 2 сентября, как вдруг Анну вызвали в Туру и арестовали. Сидела в ГПУ пять дней без допроса, затем отправили в нижнетагильскую тюрьму, что около винзавода у вокзала, где просидела пять недель. Наконец-то ее спросили-допросили:

— За что были высланы?
— Не знаю.
— Были ли с мужем лишенцами?
— Нет.
— Не участвовали ли где?
— Нет, не участвовали.
— Не облагались ли налогом индивидуально?
— Нет.
— Странно. Тогда за что же Вас выслали?
— Не могу знать.
— Хозналог платили?
— За 1931-й год уплатили 16 рублей 80 копеек, самообложения — 8 рублей 40 копеек, культурного налога — 17 рублей, местного — 39 рублей и 10 рублей страховых...

Без всяких объяснений Анну выпустили, а в Туре освободили от ссылки в Лесопильную. Вот счастье привалило!

Николай Дмитриевич с Анной горевали, что не было никакой возможности вернуть дом, лошадей, корову, имущество. А что мотались по каторжным да таежным местам — наплевать!

Ивана Петровича, кричного мастера в прошлом, а теперь уж просто старика у горя на погибели, тоже потаскали в ГПУ — золото вытрясали из него. Наведался и в ту самую тюрьму, где Анна и Николай Дмитриевич не так давно гащивали. Вернулся оттуда совсем дряхлым, с дряхлым лицом и всегда мокрыми глазами и носом. Обветшал глава большой семьи! Сын его Михаил и внук Лодька поняли, что пора старику палки в колеса совать, мол, все равно сам он с домом не пособится.

Подписал дом внуку, успокоился, даже на работу устроился — сторожем на пороховые склады. Только на этом и кончилась его власть! Как-то берет он ковригу, чтобы, значит, отрезать ломоть, мол, с собой на работу взять. Правильно взял ковригу — в левую руку, верхней коркой наружу, нижней — в согнутый локоть... Подскокил Лодька, выхватил ковригу и говорит эдак спокойненько:

— Ты, деданька, давно уж свою долю гостям скормил.

Вот тогда и пришел Иван Петрович к дочери

Анне да внучке Клаве. Выбрал время, когда Николай Дмитриевич на работе был. Плачет, бесперечь вытирает неумные слезы, как будто нарочно отливает их за содеянное прошлое. Клава вроде бы дрогнула сердцем, усадила деда на лавку, подала чистый носовой платок.

— Девки! — неожиданно громко всхлипнул Иван Петрович. — Дайте вы мне Христа ради поись! Заморили меня изверги вовсе...

Ивана Петровича накормили, для успокоения налили рюмочку церковного кагору, неведомо как уцелевшего за эти годы. Потом дед долго молчал, подперев челюсть костлявой рукой. Анна, глядя на него, вспомнила себя юной, красивой, а его — отца — властным, жестким. И вот привиделась такая история: раньше на летнюю страду завод останавливали и всех рабочих отпускали на свои покосы, ведь коровы да лошади были почти в каждом дворе. Этим отпуском ведали заводские мастера. И вот, как-то по улице бежала знакомая девушка, ровесница Анны и при встрече не остановилась, не отдала понойской поклон. Анна нажаловалась Ивану Петровичу: «Манька Сотникова пробежала мимо и не поклонилась мне, стерва. Погоди, завтра оне и тебя зацепят плечом. Любой лохмотник! А может, и самого урядника. Отца заело, он лишил Ивана Сотникова, отца Маньки, отпуска на страдную пору. Шишился Иван Сотников без настоящего дела день-два по заводу, а на третий день вечером с сердцов выдрал дочь черезседельником да так, что вся была в синяках, ажно курочке клонуть негде...

Но Анна и не думает казнить свою совесть за прошлое и теперь глядит на отца просто — без укора себе и ему тоже.

Измолчавшись Иван Петрович спросил:

— Помнишь, Анюта, когда у вас дом отняли, как у богатеев, и вы приехали на родину, как на погорелое место — ни кола, ни двора... Ты помнишь, конечно, как вы пришли ко мне проситься на квартиру...

— С чего бы я забыла! Ты сказал, что мы теперь классово чуждый элемент и можем замарать тебя.

— Да. Тряхнули и меня. Да что можно вытрясти из старика, кроме песку! А в тюрьме-то, дитятки мои, как надо мной глумились воры и мазурики разные! Да-а, видно Бог-то не Афонька, выводит правду потихоньку. Видно, за все содеянное надо платить наличными...

Умер Иван Петрович в тридцать восьмом, наверно, вовремя Господь прибрал. Случился удар, пролежал три дня, помычал бессловесно да так и помер без языка, не покаившись, не причастившись... К первой године стали капитально уби-

рать в доме. Решили в кои-то веки иконы вымыть. Разобрали коробку с образом Николая Чудотворца, а под доской-то натолкано сторублевых «катеринок» да пятисотрублевых «петров» — уйма. Около сорока пяти тысяч насчитали, а только и было, что печку растопить...

В начале лета 1934 года Анна вдруг ни с того, ни с сего завела разговор: не пора ли Кланьке замуж да пристроиться с ребенком покрепче.

— Хватит мне, мамочка, Вашим умом жить! У меня и своя голова не бедна.

Тотчас пошла в винную лавку в Заводскую улицу — Алешка здесь служил счетоводом. Лавку они открыли своей семьей прямо в своем доме, купив лицензию. Возили водку из Тагила и торговали в розницу. Больших прибылей не было, но концы с концами сводили: уж больно была ненасытной налоговая живодерня! Так что иной раз подумывали, как быть дальше.

Клавдия застала Алексея за анбарной книгой, чуть ли не с порога спросила в упор:

— Женишься на мне?

— Хоть сей минут, — пошутил Алексей, однако зарумянился. — Только давай сперва поедим чего-нето.

— Хочу уехать из Туры совсем. Сибирь не по мне, а дальше Тагила дороги не знаю.

— Вот и я подумываю туда же. Место бухгалтера на «ликерке» дают для начала.

— Значит, поехали.

Анна провожала «молодых» одна, Николай Дмитриевич лежал с температурой. Они попрощались с Анной и теперь стояли в вагоне у окна. Анна что-то говорила, должно быть, наставляла, учила, наказывала, но ее не было слышно, значит, впусую тратилась. Появился дежурный по станции, подошел к колоколу, дернул его за язык — и Пресвятая троица, казалось, согласно кивнула головами красивому гласу, напевному и долго не умолкающему, пока его не заглушил раскатистый грозный гудок паровоза, сердито шипящего клубами пара и устрашающе гремящего сцеплениями вагонов.

Клавдия помахала рукой, и Анна подумала, что это ей, но дочь прошевелила губами совсем иное:

— Прощай, милый колокол!

(В конце тридцатых годов, да, да, в те самые времена, поступила руководящая установка: станционный колокол снять, как имеющий наглядные признаки религиозного культа и отправить его в утильсырьё на переплавку, а на перроне пока повесить кусок нестандартного рельса: черт с ним, что он с демидовским буржуйским клеймом! Станционные служащие и рабочие недружно возмущались между собой, хоте-

ли заступиться за опальный колокол, но «Сам» позвонил начальнику станции и сказал, заикаясь от негодования:

— Установка на всех одна! Или твоим охладомнам надо наособицу? Передай емя, что я из них вышибу эту леригию. Христолюбьи!)

Ехали молча почти с версту, опять проехали развезд Скальный, сосну на Соковкиной пашне, овсяные поля с Николаевской тюрмой посредине...

На станции Выя приняли пассажиров, едущих со стороны Иса, Старой Ляли, Павды, Кытлыма — из гиблого края выселенцев, лесорубов, несчастных вербованных и прочих, кто пытался убежать от самих себя. Когда поезд тронулся, тоже по сигналу церковно-станционного колокола, Алексей показывал места, где он был в восемнадцатом году на лошадах, показывал в редком березнике, где лежали «поленницы» убитых и замороженных красногвардейцев — китайцев, русских, венгров, чехов и других, кто попал тогда под горячую руку истории. На поляне, недалеко от дороги стояла, в аккурат на болотистом пятчке, деревянная пирамидка бурого цвета с железной, покосившейся звездочкой, на которой сидела ворона, разевала клюв, вытягивала шею: должно быть каркала. Это памятник погибшим красноармейцам-интернационалистам. Клавдии сразу привиделась она сама — Кланька, бегущие люди с винтовками и тот китаец, что, повиснув на языке колокола и раскачивая его, звонил во славу новорожденного лозунга: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Во вторую мировую войну, колокол перелили из мирной бронзы в воинственную латунь, наштамповали из нее снарядов, патронов, чтобы в упор расстрелять одну из самых главных заповедей — не убий!

Прощай и прости, колокол!

Летом 1934 года мы жили в Нижней Туре. Както я с мамой, Еленой Васильевной, пришел в дом, где квартировала Анна Ивановна со своей семьей. Именно в тот день запомнилась Клавдия. Она стояла перед Анной Ивановной и выслушивала что-то жесткое, обидное. Анна Ивановна сидела в полукресле, между словом открыла красивую жестяную баночку из-под зубного порошка, взяла кусочек мела и положила в рот, а меня спросила:

— Хочешь попробовать? На. Только ведь это не конфеты, а вареный мел. От изжоги.

Я из вежливости и утоления детского любопытства взял комочек, положил в рот и, не почувствовав ожидаемого вкуса, не знал, как поступить дальше. Выручила Верочка, дочь Клавдии, девочка с каким-то слабеньким кукольным голосочком, худенькая, прозрачная, вся в бан-

тиках, ленточках, кружавчиках. Она позвала меня во двор, на солнышко. Там я и выплюнул эту бабушкину гадость.

Вскоре Клавдия с мужем — Алексеем Митрофановым и Верочкой уехали в Тагил. Мое знакомство с этой семьей оказалось на редкость долговечным, теплым, с постоянным проявлением личных симпатий. В Тагиле их семья поселилась в коммунальной квартире на улице Карла Маркса у самого вокзала. Потом они купили домишко в Малогольянской улице, а затем, на долгие времена — на улице Фотеевской, № 17. Теперь этого домика нет — там проложен канализационный коллектор. Я иногда захожу — постоять на земле памяти. Здесь был домик с постоянным ароматом кухонной снеди — картофельных шанег, пирогов с рыбой, капустой, грибами, а садик при доме на крутом берегу пруда всегда был ягодно обильным, весь в непрерывном цветении. Под угором, поближе к берегу стояла кособокая банька, где за долгие годы Клавдии Ивановна и сама не хуже своей бабушки Марейюшки парила-правила пятерых детей — Веру, Юру, Олю, Милу, Люсю.

Наша семья в конце тридцатых годов тоже жила в Тагиле, и мы дружили домами с Митрофановыми, продолжая линию знакомства со времен житья в Нижней Туре. Потом мы уехали. В 80-е годы мне захотелось вернуться в Тагил навсегда, ведь здесь в разные годы прожито около 30 лет. Теперь часто бывал у Клавдии Ивановны. Мне тоже захотелось жить на земле, быть садоводом и огородником, слушать на заре крик петуха, барабанную дробь грозового дождя по железной гулкой крыше. Стал присматривать дом, но все попадались какие-то лубяные избушки. Но вот на улице, где жила Клавдия Ивановна, набрел на большой старинный дом с претензией на барский манер — о двух этажах да еще с мезонином и двумя балконами. Дом был стар, ждал доброго хозяина, чтобы полечил его ремонтом, но не калечил новизной моды. Пошел советоваться с Клавдией Ивановной. Она не стала даже выслушивать до конца:

— Олеженька, покупай немедленно. Это — дар, не купля! Если денег не хватит, я расстараюсь где-то подстрелить. Завтра же дай задаток, а то дом уйдет не знамо, в какие руки.

Так я стал домовладельцем, на берегу пруда, на полуострове! Дом давно не штукатурился, не белился, глазницы-окна не умыты, деревянная резьба наличников и подзоров местами выщерблена, железные листы кровли на ветру хлопают, издавая какой-то унижительный для демидовского железа фанерный звук. Но былая красота даже в старости (построен-то он, слава Богу,

в 1909 году!) не пропадает совсем. Так и хочется по озорной актерской привычке поздороваться с ним, как со старым знакомым, ныне оскудевшим барином: «Наше Вам почтение-с, Ваш сясытва!» Стоит на берегу тагильского пруда среди вековых тополей, берез, лиственниц, черемух, яблонь, сиреней. Сад-огород не ухожен, но великолепен своим раздольем — четверть гектара земли усадьба-то! С гаком-с! Окна нижнего этажа широкие, будто раздавленные громадой дома, покоятся прямо на уровне земли. В их стекла, вечно забрызганные сточной водой с крыши, постукивают и царапают настырные сухие бодыли крапивы и лебеды, объединенные чечетками, снегирями, зелеными синицами, коих я прозвал за приветливость и общение — кузями, Кузеньками, Кузяшечками, а они ко мне всегда, в любое время года с хорошей или тревожной вестью о погоде. Так вот, глядишь в эти подслеповатые окна, и чудится, как прозябшие там, в холодном полуподвале привидения наперебой ворчат на постукивания в мертвые бельма окон: «Да нет же в доме никого кроме нас! Его продают уже три года, а покупателей как не было, так и нет, мол, великоват — три этажа вместе с мезонином-то! Не натопишь и с уборкой с ума сойдешь».

Клавдия Ивановна с трудом одолела расстояние в двести шагов и все-таки навестила меня, восторгалась домом, его старинным духом, загадочной привлекательностью его кладовок, переходов, чуланов, мезонина с балконами на две стороны и усадьбой с малиной, смородиной, яблонями, с огородной тоской залежалой земли...

Вскоре Клавдии Ивановне пришло письмо от мамочки, от Анны Ивановны. Просила приехать и увезти ее в Тагил: Николай Дмитриевич к этому времени уже умер. Его родня пыталась прибрать у нее дом, и все, что зовется имуществом, вот она и взмолилась: «Я этой родне не поддамся, на три аршина в землю уйду, а не покорюсь!»

Клавдия Ивановна с дочерью, зятем и сыном поехали в Туру, без всяких помех продали дом, погрузили скудные пожитки в грузовик и через пять часов были на Гальянке.

Я увидел Анну Ивановну за столом 9 марта 1976 года — в день рождения Клавдии Ивановны. Она была в новом бумазеевом халате, острижена наголо, в белом «морозовском» платочке, в которых обычно хоронят благочестивых старушек, придающих им полную убедительность и портретность в понятии «раба Божия». Мы сидели рядом. Она поминутно прикладывала носовой платочек к носу, к слезящимся глазам, покачивала головой, почти ничего не ела, а под конец застолья тихо сказала, обращаясь только ко мне:

— Олежа, ты погляди на меня, какая я стала. Такая ли я была! Ведь ты помнишь? Наверно я зря сюда приехала...

Однажды у них с дочерью состоялся откровенный разговор, что-то вроде исповеди, только без покаяния и прощения.

— Ты вспомни, мамочка, как ты была, вечно понуждала меня всю жизнь: кочергой ты меня была, лопатой, метлой, ремнем, вожжами, поленом, сапогом — что только в руку попадет, тем и хлестала. Наверно одна только печка и не бывала на мне. За что? За то, что девчонкой начинала мыть полы не от красного угла, а от порога, за то, что цветы поливала «на отмашь», за то, что чай наливала гостям слишком полно или совсем не полно, за то, что кланялась тебе в ногу не очень низко. Да разве все перескажешь! Так могу ли я тебя простить, мамочка? Вот ты встань на мое место и скажи, простила бы ты?

— Честно сказать?

— Конечно честно, у нас не в жмурки игра.

Она долго молчала и, казалось, забыла суть вопроса, но все-таки еле вымолвила:

— Нет, Клаша, не простила бы...

В этом сознании непрощенного греха, хотя по христианским канонам вполне прощаемого, она и умерла. Клавдия в душе понимала мать, перебирала поденно ее искверканную смутным временем жизнь, конечно же простила ее, зная, что и сам Бог простит...

Последние годы Клавдия Ивановна жила одна в своем доме, теперь не уютном, холодном и со всеми комфортными удобствами за углом. Ее конечно же навещали дочери, внуки, сын, но и при них она теперь не расставалась со своим публичным одиночеством.

Я часто заходил к ней, иногда помогал истопить печь, выплеснуть в огород помойное ведро, отгрести от крыльца снег — да мало ли дел в доме — и все неотложные. Когда мы сбгивали житейскую суету, она очень любила рассказывать о себе, о своей нескладной жизни, о своей несметной туринской родне, показывала старинные фотографии. Вот на этой — Иван Давыдович Нестеров с женой, Ольгой Алексеевной, которая приходится ей родной теткой.

— Скитались они по Украине, когда начали нашу родню таскать да сажать, а перед войной переехали в Свердловск и жили на улице Малышева, N 2, это где-то рядом с тюрьмой. В 1943 году Нестеров вышел из партии, ссылаясь на то, что партия сошла с ленинского пути. В этом же году его и многих других, «у кого язык подлиннее», послали в колхоз на посадку картошки. Погода была холодная, дождливая, а ехали в кузове грузовика стоя, человек сорок их было. Про-

студился, заболел воспалением легких, а лекарств — никаких: все для фронта, все для победы. Слава Богу, недолго похворал, помаялся. Помер, царство ему Небесное.

Мне припомнился тот станционный колокол, в который первым ударил Иван Давыдович, благословляя первых пассажиров в большой мир, в люди. Припомнились китайцы, бегущие по Береговой улочке...

А тут еще прочитал очерк Владимира Куликова «Сын героя» в газете «Правда». Вырезку мне прислала артистка Свердловской филармонии Полина Харитоновна Бастрикова, зная мое увлечение темой Гражданской войны на Урале. Куликов писал о Жень Дунляне, сыне Жень Фученя. Командир полка китайских добровольцев Жень Фучень погиб в 1918 году на станции Выя около нижней Туры.

Жень Дунлян в том очерке говорит, что ему не дает покоя мысль: надо непременно побывать на могиле отца. Но годы идут...

Из очерка я узнал его адрес: Пекин, переулок Динь Инь, N 8. Из своей природной наивности написал ему письмо с такими словами:

«Дорогой Жень Дунлян, мне понятна и глубоко симпатична мечта побывать на земле, где погиб отец. Эта мысль никогда не уймется, никогда не заживет душа, напротив, с годами все обострится, но все труднее будет «подняться на крыло». Отложите все дела и приезжайте ко мне в Нижний Тагил. Я знаю, где находится братская могила погибших в 1918 году на станции Выя. Мы вместе поедем, чтобы поклониться праху, взять горсть земли с могильного холма...»

И вот радость! — из Пекина пришло письмо. Писал сам Жень Дунлян на хорошем русском языке, даже к каллиграфии не придерешься — четкий, красивый, несколько старомодный почерк.

«Дорогой Олег Николаевич, Ваше письмо получил 5 мая (1988 г) и с радостью, внимательно прочел его. Спасибо за Вашу заботу и доброе пожелание. Вы пишете, что с каждым годом все труднее будет подняться «на крыло», поэтому я решил поехать в СССР. В составе делегации буду я, моя жена Сун Фенцин, сын Гунвей и группа из трех человек от телевидения и радио КНР. Намерены вылететь из Пекина 8 июля. Первая остановка будет в Москве, потом в Ленинграде, Алапаевске, затем в Тагиле, Вые и в Свердловске.

Что могу сказать о себе, о своем детстве? В 1915 году вместе с мамой и двумя моими сестрами приехали в Алапаевск к папе. Он пригласил для нас две учительницы: одна учила русскому языку, другая — арифметике. В 1917 году мы поступили в гимназию. Жили в Алапаевске очень

хорошо и весело, дружно играли с соседними детьми. Быстро научились говорить по-русски. В летнее время наша семья ездила в лес на пикник. Мы, дети, пили прозрачную родниковую воду, собирали грибы, землянику и кувыркались по травмам, как на мягком ковре. Зимой катались на санках с горки и играли в снежки, что я и сейчас еще вспоминаю...

После гибели отца мы поехали в Москву, это было в 1918 году, в декабре, и жили там два года. В 1921 году вернулись в Китай, в Родину.

Пока на этом закончу письмо и желаю в недалеком будущем счастливо встретиться с Вами».

Такого скорого события я не ожидал. А встретился от того, что прикинул: как гости из Китая сумеют подойти к братской могиле, если поляна около памятника — это постоянная калужина, где всегда пасутся лошади, коровы, козы и овцы.

О своей тревоге написал в Обком КПСС и очень скоро получил ответ: с моим мнением соглашались, разделяли тревогу за возможный конфуз и сообщили, что в ближайшее время на станции Выя состоится обряд перезахоронения останков на другую сторону железнодорожных путей, рядом с помещением вокзала. Меня пригласили приехать на станцию Выя.

Съехались делегации из Свердловска, Тагила, Качканара, Нижней Туры, Верхотурья, Кушвы и других городов. Был духовой оркестр, были речи, был срочный изготовленный крестообразный памятник все из той же мраморной крошки. Покрасили, побелили, подчистили все, что можно было и что не надо было. Такого ренессанса на халяву Вые не видать уж никогда.

20 июля 1988 года Жень Дунлян с членами семьи приехал в Тагил. Представителям радио и телевидения КНР в Москве не разрешили поехать на Урал. Не разрешили — и все тут! Мы встретились на театральной площади, нас представили друг другу. Любезные слова приветствия, легонькая комплиментарная лесть, ничего не значащие вопросы, не нуждающиеся в ответах... В микроавтобусе нам предложили места рядом. Жень Дунлян взял меня за руку и негромко доверительно заговорил:

— В последние дни я все думал, пытался представить, кого встречу в Тагиле, как выглядит мой новый друг? Почему-то думалось, что мне навстречу выйдет солидный человек с животиком, он немножко шаркает ногами и голова его... как бы это сказать?..

— Немножко трясется? — помог я.

— Да, да! — рассмеялся Жень Дунлян. — И вот приятная неожиданность, обманутое воображение.

— Спасибо. Стараюсь. Но почему Вы так думали?

— Так Вы же писали, что Вам за шестьдесят.

— Да ведь и Вам за восемьдесят, а я не заметил, чтобы Вы ногами по асфальту шаркали.

Жень Дунлян от души расхохотался и потряс мою руку. Чувствовалось, что он очень доволен встречей, что можно свободно изъясняться по-русски, чувствовать себя непринужденно.

На пути к Вые Жень Дунлян рассказал кое-что об отце: родился в провинции Ляонин, в Северо-Восточной части Китая. Его родители были крестьянами. Успешно закончил полицейский колледж и в самом начале карьеры служил на строительстве КВЖД. Лингвистические способности его были очень высоки — знал, кроме родного языка, английский, корейский и русский. Русским владел настолько хорошо, что был приглашен преподавать в русскую школу юнкеров. В общении с русскими первоначально складывалось его политическое мировоззрение.

На Вые было очень многолюдно. Поселок преобразился, я никогда с самого детства не видел его таким ухоженным, прибранным, молодым не по летам. Что ж, праздник! Все гости собрались около памятника (проект выполнен архитектором Аллой Ивановой). На нем — слова благодарной памяти потомков: «Бойцам и командирам 17-го Петроградского, Камышловского, Китайского полков, отряда моряков Балтийского флота, эскадрона мадьяр». Открытие состоялось, сказаны торжественные слова. Начинается ритуальное действие гостей: я подаю Жень Дунлянбу букет флоксов и саржи из моего сада, аранжированный по канонам погребальной этики, к нему привязывают белые траурные ленты с начертанными иероглифами. Он благоговейно кладет приношение на стеллу памятника и отрешенно говорит по-китайски с чуть заметным театральным пафосом: «Ах, отец! Жизнь носила меня с семьей по своим волнам, мы шли трудными дорогами, но сердце мое было всегда наполнено чувством сыновнего долга... Когда ты был жив, отец, я не мог заботиться о тебе. После твоей смерти я не мог считать себя почтительным сыном, ведь я не мог приехать и поклониться тебе. Прости меня за это!»

Жень Дунлян низко поклонился земле, в глубине которой он, конечно, «видел» отца таким, каким он был при расставании в Алапаевске. Члены семьи зажгли поминальные палочки, а Жень Дунлян достал металлическую коробочку и рассыпал из нее на могилу сероватые комочки сухой почвы, привезенной из Китая — это «прах матери». Так, якобы, соединяются родные души умерших не в одночасье и не в одних пределах

родной земли.

А Жень Дунлян продолжает:

«Мать перед смертью дала мне наказ, я с горечью слушал ее, но что я мог поделаться! Мать строго выполняла твою волю, воспитала и вырастила нас. Скорбя, хочу все же тебе сказать: я достоин тебя, отец, я не нарушил твоего завета, я вырастил семерых детей, из них большинство коммунисты. Все они работают, не щадя своего здоровья. Семеро моих внуков упорно учатся, овладевая знаниями. Я не забуду передать им твою волю...»

Теперь предстояло взять «прах отца» — горсточку священной земли, чтобы отвезти ее в провинцию Ляонин. Я подарил заранее, приготовленную латунную вазу с цветочным чеканным орнаментом. Ваза сделана из гильзы снаряда, отстрелянного в 1943 году, сделана безвестным художником в одном из лагерей бывших военнопленных в Нижнем Тагиле. Кто он — русский, немец, китаец, украинец — важно ли это?

Настало время возвращаться в Тагил, где по протоколу был запланирован ужин в моем доме.

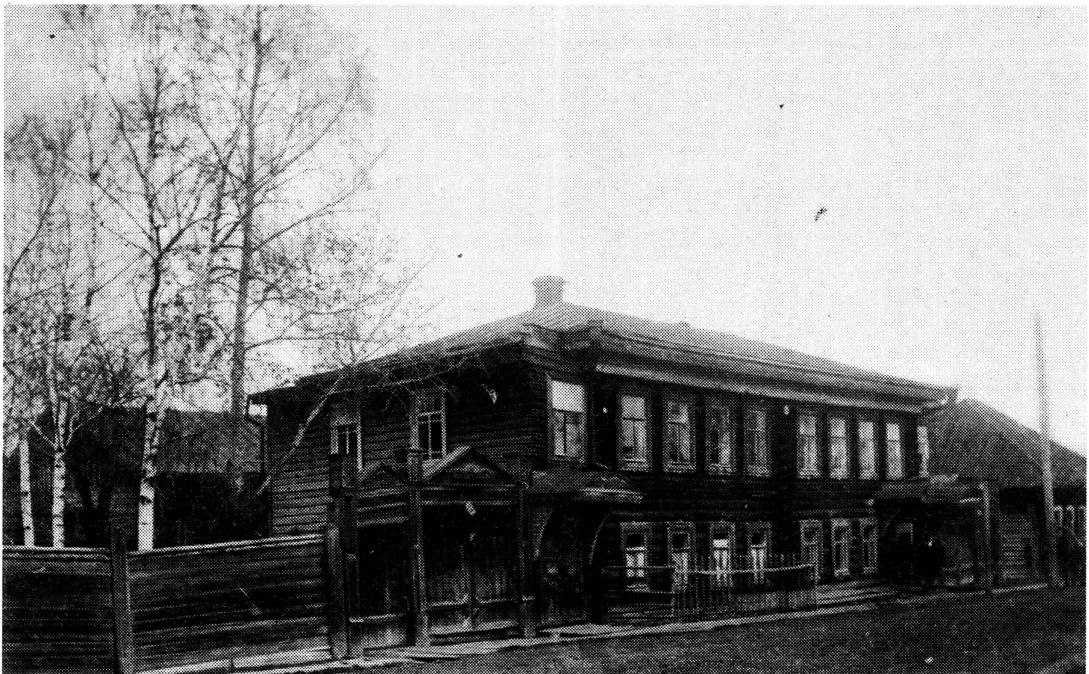
В саду под столетней березой я загодя поставил большой старинный стол на точеных ногах, вокруг него — березовые чурбаны вместо стульев. Гости, званые и незваные, пили квас. На

пеньке закипал старинный самовар. Потом был гостевой стол в доме...

На прощанье я подарил Жень Дунлян старинный поддужный колокольчик, чтобы его приладили к калитке в переулке Динь Инь, чтобы когда-нибудь я потянул за веревочку, а на русское звонкоголосье вышел бы Жень Дунлян — то-то был бы повод крепко обняться!

В этот же вечер я пошел к Клавдии Ивановне и все обсказал. Как жаль, что она тогда уж не выходила за ворота, все больше лежала, а к ней привести китайских гостей — да вы с ума сошли! По протоколу не предусмотрено. А как бы это было славно: ведь в том, восемнадцатом году она и мальчик Дунлян обитали по соседству — от Туры до Алапаевска рукой подать.

...Клавдия Ивановна дожила до 83 лет. Она была хорошим рассказчиком, увлеченным и увлекающим, была хранительницей богатого образности русского языка. Без нее не состоялся бы этот рассказ, и пусть он будет в память о ней. Пусть храмовый колокол церкви Александра Невского по-соседству подаст голос и в ее честь, в честь человека, влюбленного в российский колокол, как символ памяти, чтобы никогда вечевые колокола не были разжалованы в станционные или, хуже того, — в военную бронзу и латунь.

Патриархальная семья Митрофановых в Нижнетуринском заводе — опора и надежда государства Российского. Их дом на Заводской улице.

АЭЛИТА

Александр БОЛЬНЫХ

СЫН ДРАКОНА, ВНУК ДРАКОНА

Повесть

Рисунки Юлии МЕНЬШИКОВОЙ

* * *

Я сидел в кресле первого пилота и недовольно разглядывал свое отражение в небольшом зеркальце. Помятая, поцарапанная физиономия, в глазах все еще прячется испуг, форменная рубашка разодрана, за воротником торчит дубовая веточка, огромные пятна пота, кровавые потеки... М-да, законченный бандит, а не генерал-поручик. На коленях потрепанный генерал держит что-то большое и плоское, завернутое в грязный китель. Опаски ради я предпочел оставить «Себя зеркало» закрытым, мало ли что может случиться с неосторожным, который глянет в него.

С непривычки довольно жутковато лететь в вертолете, которым управляют гремлины. Скромные, смысленные, работающие создания не любят показываться на глаза человеку и предпочитают скрываться внутри опекаемого механизма. У технологических бесей, как и у обыкновенных, существует узкая специализация, однако за счет сложности современной техники гремлинов куда больше, чем обычных бесей. Моторные, топливные, радиолокационные... Аналоги домового, банного, овинного. Каждый следит за своим участком, ревниво охраняя его от посторонних посягательств. Однако, если найти с ними общий язык, то механизм начнет работать безукоризненно. Мы с Ерофеем взялись решать проблему не с того конца. Разумеется, если отрубить голову, то проблема зубной боли разрешится радикально, раз и навсегда. Но не менять же дантистов на палачей... С помощью Задунайского мне удалось договориться с гремлинами, крест животворящий действовал на них так же, как на прочую нечисть. Трудились не за совесть, а за страх, и потому сомнений не возникало. Но, повторяю, иногда мурашки по коже бегают, когда видишь, как шевелится сам по себе штурвал, самостоятельно переключаются тумблеры. Хорошо еще Оберст время от времени наводит порядок. Разумный, строго дозированный террор — мудрейшее изобретение. Кстати, кличка оказалась пророческой. Мы его уже произвели в ефрейторы, глядишь, лет через двести дорастет и до полковника.

Я откинулся на спинку кресла, тяжело вздохнул и отер лоб. Руки продолжали мерзко подрагивать. Я никак не мог отойти от психологического шока. Но с колдуньей придется разобраться. И с котом тоже. Кот Золотой Хвост... С чего вдруг вспомнилось?

Я протер глаза. Какая-то соринка противно зудела, мешая безмятежно отдыхать. И подскочил, больно ударившись макушкой о бронестекло. В обзорном зеркале маячила неяркая желтая точка. Погоня! Непонятно, как я сумел засечь ее раньше радиолокационного. Придется разобраться... Однако тут же запищал компьютер системы управления огнем, сообщая, что цель обнаружена, опознана и захвачена системой наведения.

— Отлично, парни! — бодро произнес я, хотя на самом деле чувствовал себя совсем не здорово. Не то, чтобы предстоящая драка пугала, я уже привык. Скверно, что от меня мало что зависит, придется покорно следовать за работой оружейного и ракетного.

Из рулевой колонки высунулась крошечная рога-ватая головка и вопросительно посмотрела на меня задорно поблескивающими глазенками-бусинками.

— Атакуем! — приказал я, понадежнее устроивая «Себя зеркало». Не приведи Бог, разобьется.

Вертолет резко заложил правый вираж, турбины взвыли. Я различил, как настороженно зашевелились рыльца спаренной пушки. Молодцы, не стоит пока швыряться ракетами.

Кр-р-р-р... Точно полотенце разодрали. В ночную темень метнулись светящиеся полосы трассеров. Вдали польхнуло. Великолепно! Попадание с первого выстрела.

Но в тот же миг мой восторг улетучился.

Тусклый желтый огонь приблизился! В том, что очередь попала в цель, я не сомневался. Но вреда она не причинила никакого.

Пока оружейный озадаченно размышлял над ситуацией, противник оказался совсем рядом, стрелять второй раз было поздно. Однако враг почему-то бездействовал. Мимо нас промчалась бесформенная серая туша, едва освещенная тусклыми желтыми фарами. Что это было, я разобрать не успел.

— Огонь на поражение! — приказал я оружейному. — Всеми средствами!

Взвыли моторы, машинный позабыл про безмятежное прогулочное фланирование и заложил боевой разворот, форсируя турбину. Но противник тут же развернулся нам навстречу.

На сей раз оружейный не поскупился! Пушки залились истерическим лаем, выплевывая снаряд за снарядом. С бортовых пилонов сорвался добрый десяток ракет, подобно рою метеоров.

Багровое зарево залило полнеба. Оружейный был первоклассным спецом, однако все его хозяйство оказалось бессильно. Фары противника засветились ярче — вот единственный результат массивного залпа.

Однако времени на размышления нам не оставили. Внезапно перед лобовым стеклом вертолета развернулась искрящаяся завеса огня. Ни человеческая реакция, ни машинная, ни даже гремлинская не могли спасти нас. Жар польхнул такой, что ресницы затрещали. Кабина наполнилась черным вонючим дымом, краска занялась чадным огнем. А говорят, несгораемая! Поняв, что ничего хорошего ждать не приходится, я пинком открыл дверцу, не успев толком сообразить, что делаю, и выбросился из пылающего вертолета.

Я падал, раскорячившись, точно лягушка, и думая, что натворил. Впрочем, дожидаться взрыва вертолета вряд ли безопаснее, чем прыгать без парашюта. Я скрипнул зубами. Еще секунд десять... Мне бы сейчас мое настоящее «я». Как в бою, выпустить на свободу дремлющего зверя, притаившегося под тонким слоем лака цивилизации...

...и с замирающим сердцем я уловил шорох распахивающихся мощных крыльев.

Противник стремительно приближался. Похоже, он собирался довершить начатое, но его ожидал неприятный сюрприз.

Впрочем, кое-какие сюрпризы ждали и меня. Теперь я сразу понял, почему наша стрельба не причинила противнику ни малейшего ущерба. Да,

бабка оказалась права: я встретил дракона куда раньше, чем надеялся и собирался. Дракон! Телепатия или какое-то седьмое, восьмое, четырнадцатое чувство подсказало мне это. Мир переменялся. Драконовское восприятие окружающего резко отличается от человеческого. Предметы потеряли резкие очертания и стали немного размытыми. Мозг холодно констатировал: спектр зрительного восприятия дракона смещен в инфракрасную область. Пропали все запахи. Еще бы, таскать внутри такую печку и что-то унюхать...

Когда мы оказались с противником нос к носу, он растерянно заплескал крыльями, пытаясь затормозить. Никак не ожидал встретить сородича. Ладно, тамбовский волк тебе дракон!

Я от души полоснул его когтями по спине и хватанул клыками тонкую дряблую шею. Она распалась надвое с поразительной легкостью. Вмиг ставшее неуклюжим тело кувyrкнулось в одну сторону, откушенная голова — в другую. Я ощутил на клыках медовый вкус вражеской крови и подсадовал, что схватка завершилась, не успев начаться. От неосторожного дракона остались только два рдеющих далеко внизу пятна. Останки драконов сгорают, когда ничем не сдерживаемый внутренний пламень вырывается на свободу, вот потому никто и никогда не находил драконовых скелетов.

Я отправился на поиски вертолета.

К моему неопишуемому изумлению, гремлины сумели вывернуться из казавшегося безвыходным положения. Вертолет, почти целый, хотя изрядно закопченный, стоял на полянке, испуская тоненькие струйки дыма. Но огнетушительский умело справился с огнем и после небольшого ремонта можно было снова пускаться в дорогу. Я мысленно похвалил себя. Когда б не моя самоубийственная контратака, догорали бы наши косточки, перемолотые взрывом бензобаков на мелкую муку. Но я отвлек дракона, а потом и вовсе прикончил, спася шкуру свою и чужую.

Ломая сучья, я приземлился на полянке. Выбравшиеся передохнуть гремлины порскнули в стороны, точно перепуганные перепела. Я и забыл, что мой облик... не совсем того...

Обратное перевоплощение заняло гораздо больше времени и отняло много сил. Я вообще задумался: а может, это человеческое обличье мне чужое? Может, истинный я — вольный и могучий дракон, а не жалкое двуногое. Тем более, что предстал генерал-поручик перед починенными ему гремлинами в совершенно непристойном виде — нагишом. Ведь человеческую одежду на драконовское тело не напялишь, она расплзлась лоскутьями. Пришлось заматываться в какую-то промасленную тряпку.

Я приказал гремлинам садиться прямо на крышу Управления, хотя при этом было сломано немало антенн. Но не мог же я дискредитировать себя перед всеми, появившись на военном аэродроме в невообразимом рубище. А свои поймут. Оперативное мероприятие и соответствующая маскировка.

Самое главное — «Себя зеркало» осталось в целости и сохранности. Только немного закоптилось.

Разглядывая магическое зеркало, я пребывал в

тяжком раздумьи, как мне поступить с проклятой бабкой. Слишком много она видела и слышала. А вдобавок знала куда больше нашей организации, что в принципе недопустимо. Я не наивен и не собирался предлагать ей надеть мундир. Откажется. Но что-то предпринять следовало.

ОПЯТЬ РУТИНА

В свое время, подписывая приказ о назначении Малюты Скуратова начальником контрразведки, я долго колебался. Мои сомнения без труда поймет любой. Сформировавшийся за долгие годы образ Малюты плохо укладывался в предназначенные ему рамки. Лишь от полнейшей безграмотности и детской неосведомленности можно решить, что работа контрразведки сводится единственно к допросам и пыткам. Извините, настолько глупо, что уже и не смешно. Допрос — не более чем десерт после сытного обеда, ваза с фруктами и бутылка легкого вина. Само по себе очень приятно, но никакого значения не имеет и обед никак заменить не может. Сначала я сам подпал под влияние стереотипа и долго сомневался, но достаточно быстро сменил точку зрения. На проверку Малюта оказался артистом, да такого высокого класса, что и мне самому нашлось чему у него поучиться.

Впрочем, как хороший повар все-таки не упускает из вида десерт, так и Малюта понимал толк в хорошей пытке. Пленки Зибеллы и его личные наблюдения заставили меня восхититься изобретательностью и трудолюбием Малюты. Все бы так работали! Действительно, как вы представляете себе допрос кентервильского привидения? Оно ведь в любой момент может упорхнуть в ближайшее окошко... А вот Малюта придумал много и очень много, чтобы подобные казусы не случались.

Я от души смеялся, прокручивая видеозаписи, на которых взмыленный Малюта пробовал разнообразные варианты форсированного допроса. На самом себе, между прочим. Трудился, не покладая рук и не щадя живота своего. Вот что значит служебное рвение! Не забыть бы отличить в приказе его самоотверженность.

Так вот, Малюта сразу понял, что основа контрразведки — это широко разветвленная сеть сбора информации. Информация — ключ ко всему. Борзые журналистские перья очень любят строчить о тотальной системе наблюдения, всеобщей слежке, постоянном прослушивании, но это полная ерунда. Никто и никогда не сумел организовать тотальной слежки. Кишка тонка.

В тот прекрасный день я еще не знал, что над землей занялась заря новой эры. И когда Малюта аккуратно положил мне на стол объемистую папку с каллиграфической надписью «Венец», я не сразу догадался, какой силы бомбу таит она в себе. Сдержанно улыбнувшись, я произнес:

— Ну-с, признавайтесь... То есть докладывайте.

Малюта деликатно кашлянул и поправил изящный французский галстук. Где он их только достает? Ума не приложу. Но начальник отдела контрразведки уже успел прославиться как первый щеголь управления. Вошел во вкус, теперь даже смешно вспоминать, как уламывали его побриться.

Так вот, Малюта кашлянул и произнес:

— Здесь изложены предварительные наброски к плану организации мероприятий по созданию информационной сети...

Черт бы побрал Железного Генриха! Его стараниями был наконец наведен порядок в бумагах, но в то же время, словно поганая плесень, по Управлению расплодился канцелярит самого дремучего пошиба. «План организации мероприятий по созданию...» Тыфу. Впрочем, доблестный Российский Генштаб ему перешеголять не удалось. Один из ненаших курортных городов ранее именовался: Крепость-редут Сухум-кале. Вы там никогда не отдыхали? Крепость — понятно, редут — то же, но по-французски, кале — уже по-турецки. Тройная тавтология, кто больше? Куда там немцу-перцу до истинного русака!

Подобно Юлию Цезарю, я давно уже приспособился делать по два дела сразу, и все эти отвлекающие рассуждения отнюдь не мешали мне наивнимательнейше выслушать план Малюты, время от времени деловито уточняя детали, конкретизируя мелочи и восхищаясь. Такое мог измыслить лишь подлинный романтик и поэт. Если нам удастся реализовать план «Венец», то мы полностью застрахуем себя от возможных провалов. Ведь нас уже неоднократно упрекали: такой большой регион, а ни одного шпиона поймать не можете. Есть же они, просто обязательно есть. Конечно, укоризны относились не к нам, к региональному Управлению Безопасности, мы — структура центрального подчинения. Но в любом случае — это пятно на мундире! Я всегда выкручивался, утверждая, что могу головой поручиться за отсутствие вражеских духов, зато коллегам приходилось худо, фельдмаршал был вал беспощаден...

Я опять отвлекся.

Малюта предложил организовать действительно всеобщую информсеть. И если раньше проблемой контрразведки был сбор информации, то теперь на первый план выдвигалась обработка и хранение. План Малюты выглядел гениально просто и столь же безумно. Каждый следит сам за собой. Малюта абсолютно справедливо утверждал: каждый человек подл по натуре своей. Просто один более, другой менее успешно эту подлость маскирует. Но ведь внутреннее «я», подсознание не обманешь! И ничего от него не скроешь. Вот внутри меня, например, обнаружился дракон. Это значило, что я — глубоко порядочное существо, не будем говорить «человек». Малюта предложил обратиться напрямую к тому самому подлецу, который гнездится внутри каждого. Он будет стучать... то есть информировать с тем больше охотой, чем добродетельнее внешне выглядит объект интереса. Ведь добродетель означает, что внутреннее «я» замордовано, загнано в самый темный угол и, конечно, жаждет мести. Именно этот принцип мы положили в основу работы с человеческим фактором в самом Управлении, следовало лишь немного перестроиться и обработать население потребными препаратами.

Когда я попытался указать Малюте на иллюзорность подобного мероприятия, он ехидно заметил, что уже семьдесят лет только это и делается. Нам незачем особенно напрягаться, нужно лишь чуточку подтолкнуть уже срубленное дерево, да позабо-

таться, чтобы никого из нас не зашибло при падении. Мне оставалось только согласиться. Ведь все люди, работающие на нас, поддались методам Торквемады с сокрушительной быстротой. Я не предполагал, что разложение душ может идти с такой скоростью, порой даже хотелось зажать нос от смрада... Слабину в наших рядах мы устранили, и я мог больше не опасаться удара в спину. Теперь следовало устранить слабину в обществе, в стране.

Именно потому я благосклонно выслушал Малюту. Настало время браться за проблему госбезопасности по-крупному. Когда же возник естественный вопрос о сборе информации, оказалось, что он хорошо подготовился и здесь. Малюта предлагал привлечь на помощь гремлинов из рода электрических, благо бытовой техникой нашпигована любая квартира. Значит в ней без труда можно найти электрического, телефонного и прочих. Уточню. Гремлин — порождение технического прогресса, инженерной мысли, а потому не стоит искать его в безгласном и безмозглом водопроводе, канализации, в печи, наконец. Зато там, где работают моторчики, где что-то постоянно жужжит и крутится, гремит, искрит и вообще непонятно что откуда берется — вот там гремлинам раздолье и приволье. А уж помогать нам они не откажутся, есть средства заставить, то есть убедить упрямцев. Одновременно на гремлинов же можно возложить и исполнение операции по пробуждению второго «я». Особенно полезны могут оказаться телевизионные.

Малюта умчался окрыленный, чтобы подготовить приказ о переподчинении подразделений гремлинов из технического отдела ему. Мне по этому поводу предстоял довольно неприятный разговор с Задунайским, потому что Малюта открыл поистине блестящие перспективы. Сам того не подозревая, он прокладывал дорогу моему собственному сверхсекретному проекту «Кентавр».

Зато немного позднее, когда ко мне на прием разом попросились Торквемада и помянутый Задунайский, я слегка загрустил. Похоже, настало время определяться, мои заигрывания с церковью и одновременно с духами не могли тянуться бесконечно. Его преосвященство — человек широких взглядов, но и его терпение не бесконечно. Раньше мне это просто не приходило в голову, внушительный сиюминутный результат заслонял все. Если отец Томас устроит большой крестный ход с водосвятием, последствия могут оказаться самыми серьезными. А он мог, не следовало забывать, что я взял на работу все-таки епископа.

Так и не придя к какому-то определенному решению, первым я вызвал Задунайского, втихую радуясь отсрочке неприятностей больших. Мелкие меня не пугали. Все-таки в душе я оставался прежде всего магом, и обращение к святым мощам было для меня вынужденной мерой. Отца Томаса я вежливейше попросил перенести беседу на завтра, потому что не могу, по причине усталости, проникнуться духом святости.

Задунайский безо всяких preliminariев вывалил на меня ворох разнообразных побрякушек. Он пылал отчитаться за работу отдела. А я с огромным удовлетворением констатировал, что в «Себя зеркало» отразился матерый волчище с заметной

просеديو на загривке и порванным правым ухом. Особенно меня убедило это ухо.

Надо заметить, что, вернувшись от колдуньи, я первым делом пристроил магическое зеркало у себя в кабинете. Для чего я его брал? Чтобы знать, кто сидит напротив меня! Чтобы не возникало ненужных кривотолков, я зеркальце немного замаскировал, ведь и у меня могут иногда пошуровать, даже генеральские погоны не защитят. Бди!

— Вот! — Задунайский широким жестом обвел образовавшуюся россыпь. — Смотрите, что мои молодцы изобрели.

— Что же именно? — с некоторым подозрением осведомился я.

— Например, для вашего любимого горностая, — с кривой ухмылкой прошипел оборотень.

— Ошибаетесь, полковник. У меня нет любимцев. И тем более любимчиков.

Задунайский неторопливо натянул металлизированную перчатку, чтобы защититься от действия серебра, и с прежней брезгливой миной поднял нечто, напоминающее миниатюрный капкан. Штуковина ослепительно сверкнула, разбрасывая колючие отблески.

— Мышеловка?

Задунайский позволил себе чуть приподнять уголки губ.

— В некотором роде. Ею можно и мышей ловить, но вообще-то мы изготовили серебряные вставные челюсти для горностая.

— ??? — только так я мог передать свои ощущения.

— Для борьбы с созданиями из мира духов либо мира магии требуются изделия из серебра. Помимо огнестрельного оружия часто полезным бывает и холодное. Вот мы и постарались снабдить его подходящим инструментом.

Я глубокомысленно повертел в руках вставные челюсти.

— А подойдут по размеру?

Задунайский оскорбился.

— Мы не позволяем себе грубых промахов.

— Только мелкие? — съязвил я.

Задунайский фыркнул.

— Ладно, — успокоил я. — Осталось только уговорить Зибеллу испытать их в действии. Между прочим, полковник, а почему серебро оказывает такое мощное действие на вас?

— На нас серебро оказывает не больше действия, чем на вас, — ядовито ответил Задунайский. — К сожалению, оно воздействует на другое.

И мне пришлось выслушать небольшую лекцию.

По мнению Задунайского, мы живем в четырехмерном мироздании. Кроме него той же точки зрения придерживались Эйнштейн, Бойяи и еще некоторые ученые. Мироздание представимо в виде тессеракта — четырехмерного гиперкуба, состоящего из восьми элементарных трехмерных кубов. Каждый из них суть обычное трехмерное пространство, обычная Вселенная. Обычная, по словам Задунайского, только в смысле геометрической размерности, но не по природе населяющих эти вселенные существ и физических законов, царствующих там. Полностью идентифицировать, несмотря на все старания, помянутые Вселенные оборотно

не удалось. Гипотетически он распределил их так:

1. Мир реальности (слава Богу, поставил на первое место).
2. Мир духов (привидения и души).
3. Мир воображения (вот откуда свалился на мою голову профессор Мориарти!).
4. Мир магии (драконы, колдуны и прочие).
5. Рай (?).
6. Ад (?).
7. Мир техномагии (гремлины).
8. ???

Мне такая классификация показалась довольно надуманной, однако ничего иного Задунайский предложить не мог. Во всяком случае, предложенная гипотеза позволяла объяснить некоторые факты.

Серебро, по мнению Задунайского, нарушало взаимодействие между мирами. Природа сил этого взаимодействия тоже пока оставалась тайной, но Задунайский клялся, что она превосходно укладывается в рамки единой теории поля. Я вскользь заметил, что сама эта теория пока что так же гипотетична, как и таинственный восьмой мир. Задунайский бестактно возразил, что он не пытается вмешиваться в руководство Управлением, так и мне не след пытаться разобраться в научных хитросплетениях.

От многомудрых слов у меня начала пухнуть голова, и я предложил завершить научную дискуссию, чтобы вернуться к прикладным проблемам, то есть представленным Задунайским магическим предметам. Изящное колечко, украшенное пластинкой полированной яшмы, произвело много большее впечатление, хотя оборотень мог бы отковать его если не из золота, то уж из того же серебра. Ах, нет, именно из серебра-то и нельзя. Но высказать это я опоздал, потому что Задунайский уже объяснял, что заключенная в кольцах магия серебром разрушается, превращая кольцо в обычную безделушку.

Я примерил кольцо на средний палец правой руки, оно пришлось впору, точно делалось по мерке. И в то мгновение, когда я надел кольцо, мир вокруг затянула блеклая серая кисея. Одновременно мое зрение приобрело странную двойственность, одно изображение совмещалось с другим. Я попережно сидел у себя в кабинете, но передо мной развернулась непонятная бескрайняя плоскость бледно-зеленого цвета, наложившаяся поверх привычного мира. По этой зеленой плоскости были разбросаны похожие на цветные кляксы пятна. Но что самое странное — по ней медленно двигались литеры D, G, B, S, светящиеся различными цветами. Это было очень красиво и совершенно непонятно.

Задунайский напыжился от гордости.

— Волшебное кольцо исключительной силы.

Здесь он допустил серьезную промашку. От самонадеянности, полагаю. Недопустимо для подчиненного демонстрировать осведомленность большую, чем у начальника. Ведь этого просто не может быть, потому что не может быть никогда. Тем более, что в словах Задунайского таился не слишком замаскированный намек на мою некомпетентность в делах магии. В тот же миг мои мозги защелкали с частотой тридцать три мегагерца, как хороший компьютер, через динамик и синтезатор я снисхо-

дительно проскрежетал:

— Полагаю, что речь идет о поиске нечистых душ? — с этакой одобрительной ленцой.

Приятно было поглядеть на вытянувшееся лицо Задунайского.

— А-а...

— Как я догадался?

— А-а... — никак не мог вырваться из состояния протрации бедный вурдалак. Куда ему до наторевшего в искусстве интриги генерала!

— Стоило лишь немного подумать и сопоставить, дорогой полковник.

Великолепный ответ! Потрясающий по многозначительной бессмысленности, предельной глубокомысленности, абсолютной пустоте, изысканной вежливости и утонченной оскорбительности.

Полностью сокрушенный Задунайский уныло кивнул.

— Вы нечеловечески пронизательны... Я бы ни за что не догадался, имея в своем распоряжении такие обрывки данных.

Я успокаивающе поднял ладонь.

— Полковник, чтобы завершить разговор, сообщая, что я лично буду испытывать экспериментальные образцы. — Еще бы! Не выпущу из рук ни на миг. — Отчет, оформленный надлежащим образом, вы получите позднее.

Растерявшийся Задунайский вытянул из кармана маленькую деревянную палочку. На всякий случай я торопливо нащупал рябиновую планку, привинченную к крышке письменного стола. Я предусмотрел максимум защиты против враждебных чар.

— Надеюсь, вы не намерены показывать, как она работает, прямо здесь?

Задунайский весь съезжился.

— Не-ет.

Я покачал палочку на ладони.

— И что это?

— Превращатель...

Снова компьютер выдал правильный ответ.

— Преобразование или переброс между пространствами?

Оборотень растерянно пожал плечами.

— Не знаю.

Я укоризненно нахмурился.

— Опрямительно с с вашей стороны, полковник. Однажды она может сработать не так, как вам хочется, и завершится это... дурно.

Задунайский поднял на меня виноватый взор. Пришлось еще раз улыбнуться.

— Я разрешаю вам самому испытать ее. Чтобы не дать повода упрекам, будто я вмешиваюсь в работу отдела.

После ухода Задунайского выпало несколько свободных минут, однако перевести дух не удалось. Зибелла горел желанием поделиться свежими новостями. Пришлось выслушать его, и я не разочаровался. В ворохе пустых сплетен обнаружили два-три жемчужных зерна, заслуживающих внимания. Полезно быть в курсе делишек подчиненных.

И только ближе к вечеру я спохватился. Боже мой! До чего затягивает рутинная канцелярская работа. Я поймал себя на том, что в пятый раз старательно перечитываю абзац из обширного, в сорок пять страниц, доклада полковника П. под

пространным, в духе прошлого века, названием: «О недопущении пролетания вражеских спутников над территорией режимных объектов как первоочередная задача в борьбе за укрепление сохранности военной и государственной тайн». Имелось в докладе нечто завораживающее, прямо-таки гипнотизирующее. Он неотвратимо погружал в сон любого, кто пытался более или менее внимательно перереварить указанные сорок пять страниц. Во всяком случае Железный Генрих, на что стойкий по части чтения докладов и отношений, и тот капитулировал. Его сопроводительная записка, прищипленная к титульному листу, трепыхалась подобно белому флагу. Основную идею доклада можно было сформулировать предельно кратко: не подходи к окну с секретным документом, мимо пролетит американский спутник, сфотографирует.

Я сунул голову под кран. Струя холодной воды вернула меня на грешную землю из болотных глубин стр-роевой тупости и дремучих чащоб уставной мудрости. Некстати вспомнилось, что, выйдя из ведьминой избушки, я твердо решил...

По счастью Юрий Владимирович, несмотря на позднее время, еще находился в своем кабинете и потому на мой вызов откликнулся незамедлительно. Однако я не сразу нашел, как начать разговор. Помог мне сам начальник отдела специальных операций.

— Полагаю, речь пойдет о проведении форсированной акции?

Под этим безмятежным термином он подразумевал убийство. Фи! Немного подумав, я подтвердил:

— Именно.

Юрий Владимирович приятно улыбнулся.

— А то я уж начал подумывать, не напрасно ли создан мой отдел. Заржавеет от безделья.

Видите, какой я гуманист!

— Зря, зря. Напротив, вашему отделу придается исключительное значение. В самое ближайшее время вам предстоит ряд ответственных операций, возможно, определяющих будущее всего Управления.

— А пока вы хотите дать задание, каким-то образом связанное с вашей последней поездкой.

Я скорбно вздохнул. Слишком внимательный и слишком пронизательный подчиненный, который, разумеется, не забыл, как сам в недавнем прошлом возглавлял КГБ... Придется разобраться. Начнет-то он не с фельдмаршала.

— Да.

— Колдунья.

Он даже не спрашивал, он утверждал.

— Мы не должны допустить, чтобы знания, которыми она располагает, попали к противнику.

А сам внимательно поглядел в «Себя зеркало». О том, что я увидел, не могу вспоминать без содрогания.

— Запас сведений так велик? — приподнял правую бровь Юрий Владимирович.

— Увы.

— Но мы не сумели пока обнаружить ни одного вражеского агента.

Под моим взглядом он поежился.

— Когда это случится, будет поздно. Вы можете

поручиться, что ни один заграничный вервольф не обнаружит избушку? Вы можете дать гарантию, что старуха не расколется при первой же встрече с этим вервольфом? Вы...

— Сдаюсь, — поднял руки Андропов.

— Теперь вы понимаете причину моей озабоченности.

— Да, — кивнул он. И томно улыбнулся. — А больше всего вас беспокоит, как бы с этой старухой не установили контакт наши заклятые друзья, которые много опаснее врагов.

Не знаю, что проступило у меня на лице, только Андропов умолк, словно ему набили рот перцем. На всякий случай я поглядел в «Себя зеркало». Нет, я не изменился. Он тоже. Обыкновенный вампир с синеватыми кожистыми крыльями и тем самым... Да, отражение Юрия Владимировича удивительно не соответствовало его облику и элегантно-му английскому костюму.

— Чтобы не осталось ни малейшего следа, — жестко приказал я.

— Слушаюсь, — вскочил, вытягиваясь, Андропов.

— Поручите это дело вашим орлам из «Альфы». Надеюсь, новый командир успел освоиться?

Приятно было глядеть на растерянного Андропова. Он молча разевал рот, вмиг поглупев.

— Э-э...

Я шел необходимым пояснить:

— Все приказы о производстве идут через меня.

— Понятно, — Юрий Владимирович перевел дух, однако по его взгляду я понял, что Гиммлеру не поздоровится. Прелестно. Раздоры между подчиненными — основа спокойствия начальника. Андропов постарался провести эти приказы в мое отсутствие и, если бы не бдительность Зибеллы, меня поставили бы перед свершившимся фактом.

— Вы совершенно уверены в нем?

— Так точно, — отрубил Андропов.

— А как же... некоторые специфические наклонности?

— Не играют роли. Главное — он полностью понимает поставленные задачи и не щадит сил при их выполнении.

— Полагаю, вы озаботились изобретением подходящего псевдонима? А то нас могут неправильно понять.

— Не извольте беспокоиться, Петр Петрович, — окончательно оправился Андропов. — Все предусмотрено до мелочей.

— Надеюсь. С меня достаточно прежних скандалов.

Андропов молча склонил голову.

— Простите мне неуместное любопытство, но хотелось бы знать, какими соображениями вы руководствовались. Я, конечно, доверяю вам, — поспешил вставить я, улавливая признаки недовольства на лице Андропова, — будучи непрофессионалом в данной области. Но уж слишком неординарен выбор. Интересно.

Юрий Владимирович улыбнулся. Вам приходилось видеть, как улыбается броневой снаряд?

— Вот именно, неординарность. Вы помните анекдот?

— Какой?

— Про американского шпиона.

— «Да ты же негр, милоч»?

— Его.

— Но какая связь?

— Прямая. В зоопарке, глядя на клетку с птицами, вы прежде всего замечаете павлина. А если он начнет привлекать ваше внимание, развернет хвост, запляшет... Вспомните ли вы остальных птиц?

— Пожалуй, нет.

— Вот именно. Он будет отвлекать на себя внимание, делая остальных членов группы невидимками. А сам, естественно, остается невинным, как новорожденный младенец, не вмешиваясь ни в какие дела.

Я покрутил головой.

— Хитро.

— Главное — действительно.

— Ладно. Я вам доверяю, как уже сказал. Но мое задание должно быть выполнено в трехдневный срок.

— Не беспокойтесь.

После ухода Андропова я задумался. Ситуация осложнялась. Не выходя из рамок дисциплины, Юрий Владимирович создавал подразделение из людей, то есть вампиров, преданных лично ему. Он превосходно сознавал, что в случае любой огласки я отрекусь от него и выдам его и его команду с головой жаждущим крови... Неважно кому. Значит его орлы в любой передраге горой встанут за начальника и будут сопротивляться даже мне. А мое положение выглядело несколько сомнительным. Подразделение «Омега» за отсутствием наличных драконов так и осталось бумажным тигром. Формирование команды «Дельта» тоже заглохло, не успев начаться. Между прочим, моя вина! Гремлыны ушли из-под моего контроля... Как сопротивляться боевикам? Вывод напрашивается — создавать свою личную секретную службу. И лучше всего вне рамок Службы безопасности. Проблема одна — как закрыть ее от бдительного ока Железного Генриха.

Забывшись, я так полоснул когтями по столу, что на полированной крышке появились рваные царапины. Нехорошо давать волю чувствам. Дурной знак.

Может, обратиться к ГРУ? Это была бы великолепная интрига. Но в таком случае я полностью выпускаю инициативу из своих рук. Ведь требуется только подрезать слишком широко разворачивающиеся крылья отдела специальных операций. Я отнюдь не намеревался свернуть ему шею, а подобный исход становился все более и более вероятным. Кроме того, усиливался наш заклятый друг, а мне это не по нраву.

Нет! Я прогнал соблазнительную мысль прочь. Возвращаемся к первому варианту.

Я вызвал Зибеллу и долго разговаривал с ним. Кое-что горностаи принял без возражений, кое-что отверг с ходу. К сожалению, от Зибеллы зависело слишком много, пришлось долго уламывать его. На кого мне полагаться в Управлении? Я одинок. Это не служит источником душевных мук, но создает оперативные проблемы. В конце концов Зибелла сдался. На выполнение задания он отправился не медленно.

Только теперь я заметил, что уже ночь. За мно-

гочисленными делами день пролетел совершенно незаметно, а всего сделать не удалось, осталась масса хвостов и долгов, вроде отложенной беседы с Торквемадой. И завтрашний день сулит не меньше забот. Я налил рюмочку коньяку, с хрустом потянулся и подошел к окну. Бездумно потягивая душистый напиток, я сидел на подоконнике. Отдыхал. Яркие звезды. Красота. Вот только одна, темно-красная, почему-то не стоит на месте, а кружится, кружится, кружится... Что это?

Второй дракон!

Я криво усмехнулся. Им хочется еще — они получают еще.

И одновременно звонко шлепнул себя по лбу. Идея. Блестящая идея! Они всегда приходят в самые неожиданные минуты. Нужно привлечь к сотрудничеству создания Восьмого Мира. Если их никто не знает, то никто и не опасается, никто не обнаружит... Я первый, значит имеются шансы сделать их верными союзниками. Из-за ортогональности вселенных не следует бояться противодействия духов или магов. Остается сущая мелочь — найти этот мир и вызвать его обитателей. Ну да на что у меня Задунайский?

А еще есть гремлины особого рода. Никто не пытался их искать, я сам тоже побаиваюсь. Но как аварийный вариант, последний выход, можно пошарить в атомных и водородных бомбах. Вот где технологические беси неслыханной силы...

ПОКУШЕНИЯ

Бокасса доложил об исполнении приказа через два дня. Кажется, я забыл представить нового помощника и старого приятеля Юрия Владимировича? Извольте. Экс-император Бокасса. Родственные души, можно сказать, сослуживцы.

Наверное, именно этим объясняется некоторая моя расслабленность. Обрадовался, забылся, потерял бдительность. К сожалению, расслабленность генерал-поручика госбезопасности может привести к серьезным последствиям.

Совершенно неожиданно примчался с радостным известием полковник П. Ему посчастливилось обнаружить шпионское логово. Вот так, не больше и не меньше. Признаться честно, я с самого начала смотрел на П. как на тяжкий крест, владеть которым я обязан по положению. Что за госбезопасность без отдела контрразведки? И что за контрразведка без подобного реликта? Правда, в моем Тринадцатом Управлении контрразведка находилась на положении Золушки, ее функции выполняли все остальные подразделения, а работа Малюты сводилась к шаманским камланиям о «вражеских происках» и «черной лапе ЦРУ». Бедный Малюта прямо горячими слезами обливался, однако что он мог сделать в одиночку? От неизбежной тоски Скуратов-Бельский предался литературным упражнениям, сочиняя «Наставление по методам форсированных допросов привидений и вампиров». Я не препятствовал, полезное дело. Но сегодня П. бил себя в грудь и клялся, что неподалеку от города обнаружил логово настоящих вервольфов. Лично я склонен применить иной термин: не смог увернуться...

Не знаю, какой бес в меня вселился, только я поддался на его уговоры, и мы помчались «на опе-

рацию». Зачем? Зачем генералу лететь туда, где за глаза хватило бы прапорщика? Нечистый попутал, не иначе. Впрочем, весь состав Управления был в разгоне по каким-то мелочам, да и в глубине души я по-прежнему никому не доверял, считая только себя способным управиться с лютым врагом. А может, всему виной то самое любопытство, что сгубило кошку?

Группа захвата всегда находится в полной боевой готовности, и мы без задержек отправились небольшой, но внушительной колонной — три броневика. Хотя снаружи эти броневики выглядели самыми невинными автомобилями, не имело смысла пытаться обстреливать их даже из тяжелого пулемета. Краска, несомненно, облупилась бы, но не более. Мы это знали и чувствовали себя в полной безопасности. Если вдобавок учесть, что я усилил броню противомагическими экранами из серебряной проволоки в виде печати Соломона...

Однако все это знал и наш противник. Удар был нанесен ошеломляюще дерзкий. Когда наши машины вывернули на центральный проспект — буквально пятьдесят метров от дверей Управления и прямо против окон УВД — грохнул взрыв. Да такой, что наш бронированный автомобиль закувыркался, словно спичечный коробок.

Именно это мешает мне в подробностях вспомнить все детали происшедшего. Я вертелся и катался в салоне, точно горошина в том самом коробке. Не знаю уж, какое чудо спасло меня от перелома шеи, но отделался я небольшими синяками. Запомнилось желто-красное мельтешение за стеклами машины, едкий запах, свист.

Когда способность реагировать на окружающее вернулась ко мне, я обнаружил, что сижу на грязном асфальте возле курящейся воронки. Неподалеку догорала неряшливая груда железа, еще недавно бывшая моей машиной. Второй броневик спецгруппы взрывом поставило на попа поперек трамвайной линии. Третий броневик срезал фонарный столб и время от времени выплевывал гейзеры из помоятого радиатора. Все кругом засыпали обломки битого стекла, ветки, мусор. Деревья на бульварчике посреди проспекта точно ураган выкорчевал.

Я тупо потряс головой, пытаюсь унять звон в ушах. Легкий порыв ветерка вынес из воронки струю сизого дыма, и я расчихался — в нос резко шибануло чесноком. Когда мой плохо работающий мозг сообразил, чем именно пахнет, то неведомая сила буквально на крыльях отнесла меня подальше от жуткого места. Неужели противник рискнул взорвать прямо в центре города химическую бомбу с мышьяком? Мерзкая холодная струйка потекла вдоль позвоночника, но я все-таки понял, что в этом случае я давно был бы хладным трупом. Здесь крылось нечто иное, а что именно — стало ясно буквально через минуту.

Ко мне подлетел встрепанный и перепачканный командир группы захвата. Один из орлов-вампилов Андропова.

— С вами все в порядке, генерал?

Я кивнул, но тут же все вокруг завертелось, и я едва не рухнул наземь.

— Все, — хрипло пробормотал я, придерживая обеими руками голову, чтобы та не улетела.

— Мерзавцы, — и майор энергично выругался.
 — Спокойнее, — выдавил я. — Все целы?
 — Так точно. Однако машина...
 — Что? — я старался говорить по возможности кратко.

— Полностью вышла из строя. Операция сорвана.

— О-о-о...

Майор развел руками, решив, что мой стон вызван разочарованием. Отчасти он был прав.

— Где П.?

— А-а... — промямлил майор.

— Моя машина... Кто остался жив?

— Сейчас посмотрим, — бодро пообещал майор.

Однако ему помешал невинный порыв легкого ночного ветерка. Чесночная вонь заставила выступить слезы у меня на глазах, а майор вообще чуть не потерял сознание. Он обеими руками схватился за горло и захрипел, точно его душили. Лицо несчастного вампира сначала посинело, потом побелело и, наконец, приобрело неподражаемый цвет вареной свеклы в майонезе. Мне подумалось, что все-таки не обошлось без какой-то отравы, но ведь я сам ничего, кроме неудобств, не ощущал. Ну, пахнет. Бывает хуже. Зато вампиру приходилось туго. Он упал на колени и явно намеревался отдать Богу душу. То есть, конечно, не Богу и не душу, а черт его знает, что там у него... Пришлось схватить его за воротник и оттащить подальше от рокового места.

Когда майор кое-как оклемался, он заскрежетал кличками и надорванным голосом прорычал:

— Чеснок...

Да, ларчик открывался предельно просто. Враг начал мигну чесночной эссенцией. А для верности добавил серебряной картечи, справедливо рассудив, что она окажется одинаково опасна и для призрака, и для человека во плоти. Теперь понятно, почему от несчастного П. осталась только слегка помятая фуражка. Разве мог он выдержать комбинированный удар такой силы? Увы... Впрочем, это избавило меня от многих неприятных забот, ведь я давно намеревался распрощаться с не по уму старательным полковником. Имея таких друзей, нет необходимости заводить еще и врагов. Но неприятель сам взял на себя труды по устранению П. Мир праху его. Зато теперь я со спокойной совестью могу поменять литеру П. на литеру М. На должности П. М. будет смотреться куда благоприятнее. Помните романы о Джеймсе Бонде? Но вы сильно ошибаетесь, если полагаете, что М. я собирался вызывать так же, как и П., из мира воображения. Нет. Начальник МИ-5 был фигурой гораздо более реальной и вещественной. Случись подобный казус в моем Управлении, я, не колеблясь ни секунды, приказал бы расстрелять Яна Флеминга за разглашение военной тайны. Так опрометчиво выдать своего начальника! Ведь бригадный генерал Стюарт Мэнзис существовал на самом деле. Впрочем, особенно торопиться я не собирался. Не потому, что сомневался в М. (оставим это широко известное прозвище, коль скоро к нему все привыкли). Просто я вдруг засомневался: стоит ли так афишировать вызов М.? Может, лучше сделать его своим негласным консультантом, человеком-неви-

димкой? Своим агентом 007? Чтобы подчинялся он непосредственно и единственно мне самому. И вообще, не пора ли обзавестись маленькой карманной разведкой? Ведь я не могу быть уверен, что подобная мысль посетила только меня, а значит, надо подготовить противодействие. Что же до законности... Пусть о ней говорят те, кто ее нарушает.

Тем временем майор полностью пришел в себя. Я обратил внимание, что он как-то странно обливается и принохивается.

— В чем дело?

— Здесь был ифрит, — огорошил он меня.

Я едва не сел, где стоял.

Чего-чего, но подобного варианта у меня и в мыслях не было. Международный терроризм! Сбылись кликушеские предсказания П., только сам он не смог лично в этом убедиться. Или наоборот — убедился. Ведь ифрит означал Аравию. Кто именно? Хуссейн? Каддафи? Арафат? Догадка сверкнула, подобно молнии. Тот, кто стоит за ними всеми — ГРУ! Чужими руками решили устранить меня. Ведь подобную акцию следует готовить долго и тщательно, значит и корни следует искать в Москве.

— Вы уверены? — автоматически переспросил я.

— Еще бы, — осклабился майор. — В свое время я долго работал с ними, не ошибусь.

— Хорошо, — столь же бездумно согласился я. — Только помалкивайте, а не то...

— Понятно.

Операция по отлову вервольфа безнадежно провалилась. Растерзанные и злые, мы вернулись в Управление. Я разогнал верных привидений и сам, после недолгого раздумья, двинулся по домам. Представить мое состояние вы сможете без труда.

После истории с Задунайским я поддался на уговоры начальства и сменил квартиру. Действительно, охранять виллу в лесу куда проще, чем городскую квартиру. Мы установили двойное кольцо вокруг жилого комплекса — одно наше, второе — от организации, строившей виллы, — и наслаждались заслуженным покоем. Никто не знал, что я, следуя святому правилу «Не доверяй и проверяй», свой собственный коттедж постарался обезопасить дополнительно. Помимо живых охранников на вилле незримо присутствовали два вампира, которых любезно одолжил Андропов, и три пулеметных гремлины. Я не сообщал об этом, зачем волновать соседей. Кроме того, вся вилла была буквально напигована амулетами и оберегами. Я искренне надеялся, что преодолеть четыре охранных кольца не по силам ни одному врагу, как реальному, так и призрачному. Очень скоро я оценил мудрость своего переселения. После сумасшедшего рабочего дня за время пути немного успокаиваешься, сбрасываешь стресс и домой прибываешь в полной боевой готовности к напряженному отдыху.

Вот и сейчас я приказал машинному двигать восвояси, погружаясь в медитацию. Автомобиль мчался по узкой дороге, обсаженной вековыми елями.

Мое расслабление прервали самым бесцеремонным образом. Машина затормозила столь резко, что ее занесло, и она вылетела на обочину.

Меня ощутило ударило о спинку переднего сидения. Еще не разобравшись, что к чему, я спросонья завопил:

— Ты что, спятил?!

Шофер не ответил, он удрал. Гремлины вообще отличаются робким нравом, несмотря на свою устрашающую внешность. Испугать они могут только еще больших трусов, чем они сами. Удивительно, сколько хлопот принесли нам эти боязливые создания на орбитальных станциях. Впрочем, отвлеченными рассуждениями я занялся позже, потому что тогда пришлось невольно открыть глаза. Причина переполоха выяснилась немедленно — на дороге стоял дракон.

Я пробкой вылетел из машины. Злость настолько затуманила мне голову, что я не испугался и не удивился. Мало мне прошлых неприятностей, получите новые...

— Убирайся прочь! — гаркнул я, точно на плачу.

Вместо ответа дракон разинул пасть и угрожающе зашипел. Похоже, он намеревался напасть... Второе покушение за три часа! Я не стал разбираться, что к чему, и ринулся в атаку. Дракон этого явно не ожидал, потому что первый же мой удар отбросил его в придорожную канаву. Бедолага долго пытался и ворочался там, а я следил за его потугами со злорадным удовлетворением.

Наконец противнику посчастливилось вырваться из канавы. При этом дракон тоже изрядно разозлился, из его пасти вылетало неяркое пламя, и он странно напоминал самоходную газовую плиту. Я даже хихикнул и свою очередь был наказан за самоуверенность. Моя одежда занялась, точно соломенная труха, настал мой черед приплясывать и ругаться. Но дракон, похоже, не знал, с кем имеет дело. Когда я плюнул в него огнем, он в изумлении попятился. Врагу нельзя давать передышки, и я продолжал наступать. Тигриним прыжком я бросился врагу на спину и схватил его гибкую тонкую шею мощными челюстями. Бедняга только растерянно поводил выпуклыми блестящими глазами и жалко трепыхался.

Я не спешил. Мерзавец должен ощутить, на кого он посмел поднять лапу. Дракон забился сильнее, однако я держал его мертвой хваткой. Он что-то запищал, вероятно, просил пощады. Нет уж. Я сильнее сжал челюсти, прокусив ему шкуру. В первое мгновение черная драконья кровь показалась мне едкой, как кислота. Во второе — приятно теплой. В третье — обворожительно приятной и сладкой.

Жерва забилась сильнее, она почуяла подступающий конец и отчаянно старалась вырваться. Напрасно. Я придавил дракона мощными лапами к земле и, радостно урча, пил, пил, пил его кровь...

Наконец он перестал сопротивляться, а вскоре и вовсе затих. Я брезгливо отшвырнул обмякшее, как тряпка, тело в придорожные кусты. Незачем давать повод нездоровому любопытству. Потом отдышался и вытер пот со лба.

Меня всего трясло, да так, что я едва мог совладать с собственными руками. Отчего вдруг такой озноб? Волны жара и холода попеременно отдавали меня, вынуждали вздрагивать, словно

осиновый лист. Перед глазами метались разноцветные круги, в ушах надоедливо звенели сотни комаров. Со мной происходило нечто непонятное...

Однако рано или поздно все неприятности кончаются. Лихорадка, трепавшая меня добрых два часа, отступила; измученный вконец, я прибыл домой. Прошло, однако, еще немало времени, прежде чем я окончательно оправился после бурного дня. Я расслабленно лежал перед камином, наслаждался теплом, а в голове фантастическим хороводом кружили мысли. Все-таки лихорадка не полностью прошла.

Почему, собственно, нашей системой должен командовать фельдмаршал? Формально его подчинили новоиспеченному министру. Но никто, разумеется, ни на миг не подумал подпустить выскочку хотя бы к краешку п о д л и н н ы х тайн. Пусть дурачок тешился погремужками, а мы делаем дело, нам играть некогда. Так что фельдмаршал остался душой и мозгом системы. А он выходец из прошлого, за ним, хочет он того или нет, тянется хвост прошлых грехов. Но, что гораздо более скверно и опасно, его по рукам и ногам вяжут призраки давно минувших дней. Воззрения, догмы, методы. Что казалось образцом для подражания десять лет назад, сегодня может привести к краху. Вспомнить хотя бы, как он протестовал против удаления людшек из штата Тринадцатого Управления. Повторяю: не худшего врага человеку, чем он сам. Мы поставлены стражами человекoв. Не государство как таковое должно охранять наше ведомство, но людей в нем живущих, ибо без людей нет государства. Вообще в прошлые времена было сказано много умных слов, которые безумная действительность вывернула наизнанку, превратив в злбные пародии на самих себя. «Все во имя человека, все для блага человека». Золотые слова! Вот и мы, не покладая рук, не щадя сил и самой жизни, работаем на благо людей.

...я улетал в пронизанные серебристыми стрелами голубые дали, кружа, подобно светилу, над зеленым шариком Земли...

Эта тяжелая и ответственная работа не каждому по плечу. Только лишенные человеческих слабостей и грехов способны творить добро. Отсюда следует вполне логичный вывод — они должны быть не людьми. Не нелюдьми, а не людьми. Я справедливо не хочу применять двойной стандарт отдельно к окружающим и себе. Если я намерен всегда находиться на высоте положения, то просто обязан как можно скорее изгнать человеческие пережитки из своего сознания, обязан как можно полнее укрепостить свое второе «я», полностью отрешиться от прошлого. И вот тогда, без гнева и пристрастия, я сумею взвешивать людские грехи и судить их. Зато фельдмаршал явно не в состоянии очиститься от грехов прошлого. Значит он должен отступить...

Нет, я не кровожаден. Убивать без причины мне омерзительно. К чему это? Отягощать душу невинной кровью. Я ведь не коммунист какой. Однако мы должны совершенно отчетливо сознавать, что прошлое без боя не сдастся. Во что может вылиться победа прошлого — представить не трудно, наша система не воспитывает снисходительности и мягкости. Бой признается выигранным только

В одном случае — если враг уничтожен. И этот бой тебе оно не касается, — по-прежнему неприветливо сказал Ерофей.

— Зато я пришел к тебе.
— Наверняка с какой-нибудь гадостью.
Я вздохнул. Сдерживаться становилось все труднее.

— Почему ты так думаешь?
— Ты связался со злыми бесами, — прокурорским тоном заявил Ерофей.

— Разве?
— Да. Мало того, ты предался черным силам, что гораздо хуже.

— Ты ошибаешься.
— Нет! — Ерофей забегал по горенке. — Впервые мне не понравилось твое поведение, когда ты привадил злобного волкодлака. Где такое видано? Привечать врага человеческого.

— Если бы не я, то кто-нибудь другой сделал бы то же самое. Так пусть лучше Задунайский работает на меня, чем против меня.

— Рассуждая так, ты должен привлечь на свою сторону самого Сатану рогатого.

Да, при таком подходе мне не остается ничего другого... Я совершенно искренне хотел поладить, желал добра Ерофею. Он сам не оставил мне выбора.

— Может, ты и прав, — лицемерно вздохнул я, проклиная в душе самого себя. — Я остался совершенно один. Зибелла и тот начинает сторониться.
— А я предсказывал, что ты кончишь именно так. Не помогают тебе твои любимые вампиры, привидения и умертвия?
Криво усмехаясь, я махнул рукой. Ерофей немало отмяк, добрая душа.
— Пока не поздно, бросай все да беги ко мне. Снова заживем мирком да ладком. Ведь мы так славно жили, пока не связались с этими... — Ерофей выразительно сплюнул. — Не для нас это и не про нас. Пусть они сами там ковыряются, не стоит мешаться в грязные дела.
— Увы, — я развел руками. — Если бы я мог так поступить. Коготок увяз — всей птичке пропасть. Мне поздно отступать. А точнее, я уже не могу это сделать. Мне не позволяют. Остается маленький шанс, но лишь после ряда операций. Иначе меня просто убьют.
Я бросил короткий взгляд на домового, чтобы понять, как на него подействовали мои причитания. Подействовали именно так, как требовалось. Ерофей всерьез озаботился и не на шутку пригорюнился. Приятно иметь дело со столь бесхитрым чудачком. Им можно управлять, словно марионеткой. Дернул за веревочку — и человек побежал.
— Кто тебе угрожает?
— Если он останется на своем посту, то плохо придется не только мне. Всем нам придет конец. Он поставил своей целью извести под корень всех порядочных людей. Я просто обязан выступить против него. Вот ты давеча обвинил меня, что я привлек к работе вампиров. Не делал я этого! Мне их навязали. Именно он и навязал. Можно подумать, ты меня совсем не знаешь. Когда-нибудь любил я этих кровопийц? Да ведь мы против черных сил

* * *

Я всегда придерживался старого правила: удивил — значит победил. Только смелые нетрадиционные решения могут принести успех. Вот и сейчас, не предупредив никого, один, втихомолку, я отправился в путь.

Увидев меня, Ерофей был поражен до крайности. Впрочем, если удивление он не сумел скрыть, то неприязнь скрывать не пожелал. Это меня больно царапнуло. Ведь, несмотря на вынужденное расставание, я питал к нему прежние теплые чувства. Подозреваю, он так и не простил мне измены Зибеллы. Горностаи всегда считался его лучшим приятелем, а тут предпочел меня.

— Зачем явился? — хмуро спросил он, даже не предложив присесть.

Я почувствовал, как начинают выползать когти, однако подавил этот естественный порыв. Намекаясь чего-либо достигнуть, нельзя давать волю низменным чувствам. Тем более, приходилось закрывать глаза на его заигрывания с ультрапатриотами. Я ведь все помню.

— Предположим, просто соскучился по старому другу, — спокойно ответил я.

Ерофей внимательно глянул из-под кустистых бровей.

— Мог бы соврать и поумней.

— Ну зачем ты так, — я говорил подчеркнуто медленно и спокойно. — Неужели ты озлобился настолько, что не желаешь меня видеть?

— Что я желаю и чего не желаю — то мое дело

АЗИМТА

вместе, рука об руку... Как после этого у тебя язык поворачивается...

Ерофей украдкой смахнул слезинку.

— И нет выхода?

— Есть.

— Какой?

— Помоги мне.

— Чем?

— Нужно доставить в Москву кое-какие бумаги.

— У тебя столько людей и духов.

— Сам понимаешь, не могу я им довериться.

— Значит, просишь меня.

— Да.

— А если я откажусь?

— То собственными руками подпишешь мне смертный приговор.

Ерофей задумался. Потом тряхнул кудлатой головой.

— Ладно. Семь бед — один ответ. Что именно я должен делать?

Дракон разинул пасть и бешено захохотал, изрыгая желтое пламя пополам с дымом. Туда ты доедешь, зато обратно выпустят ли?

ИФРИТ И ОСТАЛЬНЫЕ

Ель была очень старой и очень колючей. Говорю это не для того, чтобы расписать покрасочнее трудности и опасности операции захвата, но просто констатирую неприятный факт, имевший место быть. Сам не могу сказать, что меня подтолкнуло ввязаться в пустяковую операцию по захвату зауряднейшего вервольфа. Скорее всего, раздражение после первого афронта. А может, сработало шестое чувство. В воздухе так и витал запах опасности, и я не счел возможным уклониться, просто решил, что ниже моего достоинства уклониться от вызова. Наверное, со временем у меня тоже развился дар предвидения. Поэтому я не поручил операцию крупнейшему специалисту по волкам-оборотням Задунайскому, а предпочел лично руководить ею, хоть и не генеральское это дело. Я твердо знал, что результат будет не тем, на который мы рассчитываем, и потому решил оказаться в гуще событий, чтобы правильно отреагировать на все изменения обстановки и постараться направить события в благоприятное русло. Вот потому, захватив с собой нескольких орлов Андропова, я торчал в сыром и холодном ночном лесу.

Выбор вервольфом места резиденции меня приятно удивил. Я сначала заподозрил его в полном отсутствии вкуса. Дешевой мелодрамой веяло от подернутого ряской пруда с позеленевшей разрушенной плотиной и покосившимся мельничным срубом, наполовину сползшим в воду. Однако потом я сменил точку зрения. Вероятно, ему стоило немалых трудов отыскать нечто подобное в нашем заиндустриализованном и заурбанизированном крае. Признаться откровенно, я не подозревал, что сохранились еще такие идиллические уголки. Впрочем, не потребовалось слишком много времени, чтобы выяснить истинную причину выбора вервольфа.

Если вампиры чувствовали себя на ночном лодке, точно рыбы в воде, то я не мог похвастаться тем же. Я основательно продрог и начал терять

314 терпение. Проклятый вервольф не спешил показываться, я уже усомнился в достоверности оперативной информации, когда на освещенной прожектором луны полянке возникла смазанная скоростью черная тень и блеснули два зеленых огонька.

Раздраженный и замерзший, я открыл рот, чтобы скомандовать орлам и блестяще завершить операцию, но то же самое предвидение удержало мой язык от опрометчивых слов.

Здоровенный волчище, шерсть которого отливала серебром, уселся на самом краешке берега и трубно завыл. Я поспешно подмигнул своим вампирам, чтобы те ненароком не спугнули врага. Наклевывалось что-то любопытное.

Черная вода лениво булькнула, неспешно колыхнулся ковер ряски и тины, из омота вынырнула отвратительная мокрая башка. Я едва не треснул себя кулаком по лбу, только строгие правила маскировки помешали мне сделать это. За такое голову отрывать следует! Ведь говорил же фельдмаршал о вербовках среди водяных и леших, однако все наши усилия как-то незаметно сосредоточились на цивилизованных бесях, тяготеющих к жилью и самому человеку. Вольная природа осталась неохваченной, за что сейчас и придется расплачиваться — свято место пусто не бывает. Нашим промахом не замедлили воспользоваться враги. Придет-ся теперь Малюте крепко поработать, прежде чем выяснится, много ли пособников на вербовала иноземная нечисть среди наших доверчивых бесей.

Водяной тем временем ловко выскочил из воды и уселся рядом с вервольфом. Был он черен и толст, больше всего походил на огромного сома, если бы не карикатурное человеческое лицо и три ряда острейших акулиных зубов в широкой лягушачьей пасти. Управиться с водяным было проще простого. Ведь во исполнение собственного приказа я носил нателный крестик, а молитвою да крестным знаменем обратять водяного хозяина куда как нетрудно.

Я вновь открыл рот, чтобы приказать орлам начать операцию, но во второй раз что-то удержало меня.

— Скоро? — недовольно квакнул водяной.

Вервольф, переминаясь с лапы на лапу, кивнул и проворчал:

— Он, как правило, не опаздывает.

Водяной шумно вздохнул.

— Скорей бы. Не люблю воздух.

Вервольф на это не ответил, он шумно скребся задней лапой, вычесывая блох. Водяной глядел на это с явным неодобрением.

— Правильно ли мы поступаем, связавшись с этой нечистью?

Вервольф зевнул.

— Враг наших врагов — наш друг.

— Однако уж больно он... нечист.

— Даже для тебя?

Водяной ехидно хрюкнул.

— О себе я не говорю. Даже для т е б я.

В горле вервольфа заклокотало.

— Мы еще побеседуем на эту тему.

Водяной расправил длинные сомяные усы, свивавшиеся кольцами.

— Это ерунда. Больше другого меня смущает

его пристрастие к огню. Лично я огня терпеть не могу, да и ты, кажется, не слишком уважаешь.

— Это верно, — кивнул вервольф.

— Так, может... не надо?..

— Нет, надо. Если есть возможность приречь им пятаки, я не откажусь.

— Как знаешь, тебе видней.

— А вот и он, — радостно твякнул вервольф.

Легкое облачко закрыло полную луну, и поляна вмиг погрузилась во тьму. А потом все вокруг залил мрачный темно-багровый свет, точно в небесах вдруг отворили печную дверцу и отблеск плененного огня лег на землю. В душу ядовитой змеей заполз страх. Самый обычный, вульгарный страх. До сих пор я общался с темными силами мимоходом, на бегу. А сейчас я понял, что предстоит нешуточная схватка. Никогда раньше, да и потом, мне не приходилось встречать такую странную компанию: вервольф, водяной и зубчатопламенный ифрит. Вот уж кого я не ожидал встретить, но...

Ифритов я не видел ни разу, и сейчас смотрел во все глаза. Больше всего он походил на облако раскаленных газов, вырвавшееся из домны вместе с потоком жидкого металла — точно такие же струящиеся черно-красные отсветы, действительно напоминающие мельтешение зубчатого колеса. Разглядеть получше заморского гостя пока не удалось.

Когда чудовище опустилось на поляну, водяной испуганно попятился. Ведь его родной стихией была все-таки вода. Зато вервольф остался на месте, только сел поудобнее, обвив лапы хвостом.

Ифрит все время нервно крутил башкой, похоже, он чуял постороннее присутствие, хотя и не догадывался, кто следит за ним. От взгляда мутных багровых белым тут же с треском занимались кусты и молодые деревца. Сонную воду омула словно хлестнули раскаленным бичом. При виде такого кощунства водяной страдальчески поморщился, а я подумал, что расколоть сообщников будет совсем нетрудно. Не могут создания противоположной природы столкнуться, для этого следует быть гораздо умнее, чем эти простаки. Разделяй и побеждай!

— Зачем звал? — неприветливо осведомился вервольф, встряхивая головой. Оказалось, что на шею у него болтается на золотой цепочке какой-то амулет. Может, именно он придает зверюге столько уверенности? Ведь даже ифрит с заметно робостью поглядывал на волчару.

— Средоточие вселенной, высокосановный, вознесенный до луны, со свойствами Юпитера, с небесно-пышным двором, могущественный, как Тамерлан, победоносный, как Искандар, с бесчисленным, как звезды, войском... — зачистил ифрит. Вервольф по возможности незаметно зевнул. — ...источник справедливости и правосудия, уничтожитель несправедливости и притеснения, опора демократии, надежда прогресса, двигатель цивилизации, тень Аллаха на Земле, всепресветлейший Азият-баши соизволил говорить моими устами...

Вервольф зевнул с гулким подвыванием. Зато меня пробрало, точно за шиворот плеснули стаканчик виски со льдом. Противно и холодно. Вот откуда гарью потянуло! Поистине, один дурак задаст столько вопросов, что и сотня мудрецов не ответит. Не принято говорить о покойниках скверно, но

П. был изрядно глуп. А вот здесь он сумел угадать. Зато многомудрые аналитики во главе с М. промазали. Ведь бредни об исламских террористах мы все дружно высмеяли. И зря. Урок на будущее.

— ...предлагает мир и союз.

Вервольф почесался.

— Зачем это нужно?

Ифрит фыркнул, извергнув струю жидкого огня, подобно напалу поджегшую замшелые бревна плотины.

— У нас один враг. Так не лучше ли сообща ударить по нему с двух, с трех сторон, смять и опрокинуть?

— Не согласен я, — пропищал водяной. — Не по пути нам.

Молодец! Правильно, не по пути русской нечисти с азиятцами!

Однако ифрит не обратил на него ни малейшего внимания, он смотрел только на вервольфа. Понимал, кто здесь первая скрипка! Оборотень задумался.

— Это неожиданно. До сих пор у нас не было ничего общего. Мы скорее боролись друг с другом. Почему я должен поверить тебе?

Ифрит от раздражения надулся и вырос вдвое. Теперь он возвышался над невозмутимым вервольфом, подобно курящемуся вулкану.

— Я не привык...

Оборотень тем временем спокойно и рассудительно продолжил:

— К тому же я не возьмусь перечислять все случаи вашего некорректного поведения. Мы понесли серьезные потери в борьбе с террористами, и мои сотрудники просто не поймут меня, когда я предложу им сотрудничество с вами.

Ифрит обиделся еще сильнее.

— Это не мы, полковник. Вы сталкивались не с воинами солнцеликого Азият-баши, но с наймитами фундаменталистов.

Вервольф-полковник рассеянно поправил лапой амулет, ифрита шатнуло прочь. Мне тоже показалось, что я чувствую излучаемую амулетом мощь. Специалисты СИС потрудились на славу, сказывалось общее технологическое превосходство проклятого Запада и богатые традиции. Все-таки их привидениям чуть не на тысячу лет больше, чем нашим, за это время последний дурак чему-нибудь да научится. Только бы М. не пронюхал, мигом переметнется. Я свирепо скрежетнул клыками. Вампиры, опаски ради, попятиться. А я продолжал напряженно вслушиваться. Ифрит с оборотнем продолжали ожесточенно препираться, водяной сидел поодаль, с интересом следя за перепалкой. Информации не прибывало, разве что пополнялся мой запас ругательств. Но ведь это не самое главное! В конце концов водяной не выдержал и заорал:

— Да прекратите же вы!

Надутые вервольф с ифритом умолкли и сели на почтительном расстоянии друг от друга, обмениваясь неприязненными взглядами.

— Если не перестанете лаяться, никакого проку не будет. Хотели ведь выяснить, как нам спастись, а это можно сделать только сообща.

Да-а... Век живи — век учишь. Это ведь он намекает, что мы собрались всю нечисть истре-

бить. Обвинить госбезопасность в подобной жестокости мог только злонамеренный клеветник. Как у него язык повернулся!

— Действительно, хватит, — согласился оборотень. — Они уже подмяли под себя вампиров и привидения, скоро наступит черед остальных миров. Не знаю, чье тут влияние, только мне это не нравится.

Любопытно... Он тоже ищет инициатора...

— Объединяйтесь под крылом высокостепенного, споспешествуемого Аллахом друга свобода Азият-баши. Среди всеобщего развала только мы сможем защитить безвинных страдающих братьев меньших. У нас имеется возможность оказать противодействие любым акциям Тринадцатого Управления. И есть союзники...

Это называется ловить ерша, поймать акулу. Я-то намеревался захватить пару примитивных шпионов, а налетел на организацию вооруженного восстания! Да еще с изменой в рядах... Да с руководством оттуда...

— А потом меня намаз совершать заставите? — очень к месту уточнил вервольф.

— Конечно, нет, — искренне возмутился ифрит.

— Ты же не станешь.

— Нет.

— Нам бы сейчас управиться с КГБ, потом разберемся, что к чему.

Представляю, что начнется, если вся нечисть европейская, российская и азиатская объединится. Нам же конец придет! И еще я вспомнил, что взрыв машины организовал не кто иной, как ифрит. Видя, с какой легкостью он плюется огнем, я охотно поверил — его работа! Слушать бестолковую трепотню больше нет смысла, теперь пусть Малюта на допросах информацию выколачивает... то есть добывает. Я махнул рукой.

Вампир что-то буркнул в горошину микрофона, прикрепленную к воротнику, и началось.

Все вокруг залил неприятный сине-зеленый свет. Это замершие в засаде вертолеты поднялись над деревьями и включили прожектора — предмет особой гордости Задунайского. Он сумел так подобрать газовую смесь, что их свет немедленно возвращал любое создание Мира Магии в исходное состояние, одновременно блокируя все дальнейшие превращения. Он что-то долго объяснял насчет спектра и длины волны, но я не стал вникать. Главное — результат. Я сам видел, как волк превращался в человека, бутылка шабли — в лимонад, и так далее.

Зато здесь ничего не произошло.

Сначала троица оторопела, потом начала действовать, каждый соответственно своему характеру. Водяной прямо с места огромным прыжком, метров шесть, нырнул в омут. Красиво нырнул — ни брызг, ни плеска, только сверкающая вода чуть колыхнулась и тут же замерла.

Вервольф и не подумал превращаться в человека. Вот где сказалась сила амулета! Пару секунд он сидел неподвижно, сверкая зелеными глазами, потом серой тенью метнулся к деревьям, рассчитывая скрыться. Если бы это ему удалось, все мои труды пошли бы насмарку. Но даже вервольфу не тягаться с электроникой! Затрещала пушечная оче-

редь, раздалось сухое «пок-пок-пок» автоматического гранатомета, и вокруг оборотня забушевали смерчи разрывов. Корпуса гранат выполнены из серебряного сплава, снаряды — тоже. Для государственной безопасности денег не жалеют. Когда смерч улегся, я увидел растерзанный волчий труп. Жалко, лучше бы живьем... И вообще непонятно — после смерти он в любом случае обязан вернуться в исходное состояние.

А вот ифрит разбушевался.

Теперь я разглядел его получше. Не вполне классическое создание. Больше всего он походил на бога Ганеша, только вместо слоновьих ушей по бокам головы слабо трепыхались огромные кожные крылья, напоминающие крылья летучей мыши. Но на локтевом сгибе у них росли четыре когтистых пальца. Рыжую серую кожу покрывали крупные поры, которые так и сочились огнем.

Ифрит задрал хобот и плюнул огнем. Пламенный ореол охватил один из вертолетов. Машина беспорядочно задержалась и кометой рухнула в лес. Только огненный столб отметил место падения.

В первое мгновение мне показалось, что второй вертолет тоже взорвался. Но потом я сообразил, что пилот просто нажал разом все гашетки, выпустив ракеты, разрядив гранатомет и открыв огонь из спаренной пушки. Эффектное зрелище! Вот только вреда ифриту это не причинило ни малейшего, хотя законам физики пришлось подчиниться даже ему. Сила удара опрокинула его наземь, и он закувыркался, кроша и поджаривая кустарник. Ну, теперь наш черед, как пел бравый Эскамильо. Мы с вампирами ринулись в бой.

Конечно, им на крылышках куда проще, они меня опередили. Когда я подросел, мои орлы уже сноровисто набросили на ифрита сеть, сплетенную из освященных веревок. Ифрит взревел, как авиадвигатель. Мне показалось, что у меня лопаются барабанные перепонки. Единственным опасением было — выдержит ли сеть? Ифрит принадлежал мусульманскому аду, так сработает ли христианское освящение? Ведь попасть в мечеть я не мог.

Сработало.

Хотя я отчетливо видел — на пределе. Ифрит бился и ворочался в сети, словно огромная рыба, но только сильнее запутывался. Он смачно плевался огнем, не замечая, что верткие вампиры без труда уворачиваются от плевков. Даже попади адское пламя на вампира — проку оказалось бы немного. А д с к и й пламень вампиру не страшен.

Наконец в бой вступил я.

Черные создания глупы и отсталы, поэтому презирают технические достижения. А мои гремлины вместе с Задунайским постарались, и когда я ловко защелкнул наручники и кандалы, то сразу ускользнул. Теперь голубчик никуда не ускользнет. Игрушки самозатягивающиеся, а в замки вставлена печать Соломона.

Ифрит бешено сверкнул глазами и вытянул хобот, чтобы поразить меня огнем, но один из вампиров сноровисто приклеил магический пластырь на пяточок. Ифрит был полностью обезврежен.

— Вызывайте грузовой вертолет, и в лабораторию его. Вервольфа тоже туда.

— А что с водяным? — любопытствовал вам-

пир.

— Швырните в омут пару гранат, а когда всплывет — подберите.

Вампир довольно ослабился.

Амулет вервольфа я забрал себе.

* * *

Первый сюрприз мне поднес Задунайский. Тщательно разобравшись в истерзанном трупe вервольфа, он огорчил меня сообщением, что мы прикончили настоящего волка.

— То есть как?! Ведь он же разговаривал! А источник собственными глазами наблюдал перевоплощение в человеческую ипостась и обратно!

Задунайский развел руками.

— Надеюсь, вы доверяете моей квалификации?

Еще бы, не доверять! Он же сам волкодлак. Мог бы и не задавать риторических вопросов. Я постарался безмолвно выразить полное и совершенное доверие. Кажется, это удалось, потому что Задунайский подобрел.

— Все равно не могу разобраться. Похоже, это существо иной природы. Кто он? Откуда пришел? Не знаю. Но жестоко обманывается тот, кто считает его своим полковником. Очень большой вопрос, на кого он работал. Мне этот волк кажется странным. Станным и страшным.

— Ерунда, — фыркнул я.

— Вы полагаете? А что, если мы столкнулись с хорошо законспирированным заговором?

Сам того не зная, Задунайский ткнул в большое место.

— Заговор? — насторожился я.

— Конечно. Что еще может свести вместе таких разных тварей? Парочку водяной-ифрит я вообще отказываюсь себе представлять.

— Действительно, — согласился я. — Трудно совмещаются.

После слов Задунайского я крепко задумался. Действительно, картина все больше напоминала сцены из жизни карбонариев. Черные плащи; широкополые шляпы, надвинутые на глаза; темная ночь; заброшенная каменоломня... Но не кроется ли за этой опереттой нечто гораздо более серьезное? Ведь это стандартный прием — уверить противника в своей безобидности, делая вид, будто все твои действия у него под контролем. Метод стеклянного дома. Штука обоюдоострая, но действенная: расслабившийся неприятель частенько пропускает сокрушительный удар.

— Тем более, что мы практически ничем не можем противодействовать инфильтрации агентов из-за границы, — ввернул шуруп поглубже Задунайский.

Устами младенца глаголет истина. Оборотень не был спецом в оперативной работе и мало чем интересовался, кроме возлюбленной техники. Однако именно ему суждено было сунуть меня носом в зияющую прореху прямо посреди нашего оборонительного щита. Действительно, следует ли бороться с уже проникшим к нам агентом? Не проще ли постараться парализовать деятельность разведцентра? Увы, увы... С тех пор как нас в очередной раз преобразовали, служба внешней разведки уплыла из наших рук. Я бы кое-кого с удовольствием чет-

вертовал, хотя оставалось только скрежетать зубами в бессильной злобе, беспомощно наблюдая за развалом налаженной системы. Впрочем, если от решиться от эмоций, по силам ли людишкам контролировать передвижения жителей Восьми Миров? Ответ напрашивается сам.

Вывод очевиден — нужно создавать внешнюю разведку в рамках Тринадцатого Управления. Пришлось не слишком вежливо выгнать Задунайского, отобрав на ходу амулет, снятый с трупа вервольфа.

Раздумья были недолгими. Я вызвал фельдмаршала.

Изумления при виде перемен внешности начальника стали чем-то вроде привычного ритуала. Фельдмаршал буквально истаивал, исчезал. Щеки ввалились и стали восковыми и прозрачными. Некогда щегольская борода больше всего напоминала неряшливый кусок пакли, волосы поредели и засалились. Даже на аккуратном френче показались подозрительные пятна.

— Что у вас? — неприветливо спросил он, не сочтя нужным поздороваться.

— Предложение, — не подавая вида, что глубоко оскорблен, бодро отозвался я.

Он поморщился.

— Какая еще гениальная идея посетила вашу голову?

Я безропотно проглотил и эту пилюлю, хотя про себя порадовался, что давно обшил стол нержавеющей сталью.

— Хотелось бы восстановить то, что сгоряча было уничтожено.

Фельдмаршал глянул исподлобья.

— Очевидно, новое расширение Тринадцатого Управления?

— Да.

— Что еще вы намерены подгрести под себя?

Здесь я уже счел необходимым выказать неудовольствие.

— Продолжать разговор в подобном тоне я не намерен.

— Ишь, раскипятился! — удивленно, точно видел меня впервые, произнес фельдмаршал. — Куда вы денетесь?

Деться мне было некуда, однако я сблефовал.

— Если вы полагаете, что цепляюсь за погоны, то ошибаетесь.

— Вы готовы подать рапорт?

Цинично усмехнувшись, я сказал:

— Всегда полагал, что я нашему ведомству нужен больше, чем оно мне.

Фельдмаршал рявкнул:

— Не забывайте!

— Именно!

— !!!

— Так что о моем предложении? — деловито осведомился я, словно и не было предыдущей ругани.

Он скривился, как будто раскусил лимон.

— Восстановить внешнюю разведку?

— Да.

— Нет!

— Почему?

— Законом это запрещено.

— С каких пор наше ведомство начало соблюдать законы?

Фельдмаршал тяжело уставился на меня.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ничего, — поспешно отыграл назад я.

— То-то, — и начальственная голова исчезла.

Разговор кончился ничем. Нет, вру. Я завершил беседу в твердой уверенности, что глава службы безопасности работает на сторону. Измена! Теперь понятно, почему большинство моих акций заканчивались оглушительным провалом. Если предательство свило гнездо на самом вершине, то я почти бессилён. И стал понятен намек ифрита. Наш разговор окончательно укрепил мою решимость создать собственную разведку. Вот только засветился я по-глупому. Ничего, вывернемся. И наплевать на все запреты! Интересы государственной безопасности выше личных амбиций и тем более бумажных законов.

Впрочем, из своего кабинета я вылетел бледно-зелёный от бешенства и сразу направился во владения Малюта. Надо же хоть как-то отвести душу.

Малюта даже в специфических условиях не изменял новоприобретённой привычке одеваться как можно элегантнее. Немного странно было видеть белоснежную сорочку и безукоризненный галстук под асбестовой робой, но я отдал должное его предусмотрительности. Допрос ифрита — вещь обоюдоострая.

— Хотите лично присутствовать? — приветливо улынулся он, разглядывая отполированные ногти.

— Детское любопытство, — буркнул я, понемногу остывая. — Как они?

— Признаются помаленьку. Только вот водяной... — Малюта вздохнул.

— Что водяной?

— Хлипкок оказался.

— Но показания дать успел?

— Успел.

— И ладно. А ифрит?

— Упрямится.

— Давайте глянем.

Все-таки Малюта остался в душе консервативом. Он решительно не признавал современных технических новаций и упрямо цеплялся за старые испытанные средства. Особенно помогали разговорить ифрита водные процедуры — как всякий огненный демон, ифрит воду на дух не переносил. Поэтому Малюта изощрялся. Сначала по капле капал на выбритую макушку святую воду. Потом решил, что чем больше воды, тем лучше, и принялся вливать кипяток ведрами через воронку прямо в лоб ифрита. Не уверен, что здесь он был прав. С одной стороны вода, но с другой-то — кипяток! Интересная проблема, заслуживающая детального рассмотрения. В конце концов Малюта решил дать ифриту еще больше воды и засунул его в бочку со святой водой и святым же льдом. А верности ради на бочку наложил печати Соломона, которые делали бесполезными любые попытки вырваться. К своему удивлению я застал здесь же отца Томаса. Скромно потупившись, Торквемада объяснил, что приглашен Малютой как специалист по работе с мусульманскими демонами. Молодцы. Я не учел этого!

318 Я подошел к бочке, из которой торчала поспевшая башка демона. Чтобы тот не сбежал, Малюта приколотил его уши серебряными гвоздями к дубовой клепке.

— Ну, как? Не надоело? — ласково спросил я. Тот молчал, бешено вращая матово-красными глазами.

— Молчит, проклятый, — скупко прокомментировал Торквемада.

Ифрит громко расхохотался.

— Болваны! Настанет час - все вы согнетесь под священной столой солнцеликого, опоры ислама и демократии, многопобедного, яркоблистающего Азият-баши! Гяуры! Вас приведут к покорности, как предков ваших тумены Батыя! Вы падете в пыль перед зеленым знаменем пророка!

Я плюнул в бесстыжие глаза.

— Это вас приведут к покорности, неверные собаки!

— Ваши воеводы уже ищут благосклонности высокосановного, десницы Аллаха, благоначального Азият-баши!

— Какие воеводы?! — вскинулся я.

Однако ифрит напрягся, рванулся, оставив кровотокающие ключья ушей на бочке. Малюта растерянно присел. Зато Торквемада, ничуть не испугавшись, поднял серебряное распятие и начал громко читать охранительную молитву. Впрочем, он зря старался, ифрит пренебрег им. Надувшись, демон выпустил струю жидкого огня прямо мне в лицо. Мгновенно занялась форменная рубашка, затлели волосы. Я не успел даже испугаться. Но ведь дракону огонь — дом родной! Неведомая сила приподняла меня, я ощутил прилив сил.

Трубно зарывчав, я в ответ дунул черным огнем. Ифрит пронзительно заверещал, когда пламя коснулось его. Я оказался сильнее! Когда пламя погасло, я кинулся на ифрита и вонзил когти в дряблую кожу. Демон слабо трепыхнулся, когда мои челюсти сжали его глотку. Кровь оказалась восхитительно сладкой...

Так неожиданно завершился день.

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА

Я всегда был последователен, логичен и спрашивающий. Самое главное — не создавать себе ни малейших привилегий. Я начал кампанию по устраниению человеческого элемента из рядов Тринадцатого Управления как источника слабости и предательства — я обязан довести ее до конца. На меня и так уже потихоньку косились. Аппаратура Зибеллы работала исправно, и каждое утро мне на стол ложились «Отчеты о происходящем». Они меня не радовали, ох как не радовали. Дисциплина хромала на все четыре копыта, среди вампиров и вурдалаков шло постоянное брожение, они вечно чем-то были недовольны. Особенно усердствовали о б р а б о т а н н ы е по моему приказу. Человек не понимает заботы о себе, и они тоже не могли простить мне хлопот об их будущем. Не увидели своей же пользы и по слепоте старались оттолкнуть и оплевать протянутую руку помощи. Приходится силой подталкивать упирающихся...

Впрочем, я не хотел полностью лишаться преимуществ человеческой ипостаси. До разговора с

Задунайским я еще не представлял себе ясно всех выгод принадлежности двум мирам, однако интуиция подсказала мне единственно верное решение. Не пытайтесь ловить меня на слове, я превосходно помню все, что говорил о бастардах, принадлежащих двум вселенным. Мы должны четко различать положение и устремления. Для меня это становилось тяжелой обязанностью, неприятным долгом, связанным с моими служебными функциями. Выродки получали извращенное удовольствие, циркулируя между мирами, а я страдал, молча сцепив клыки.

Мы долго беседовали с Задунайским о том, как нам лучше подготовиться к предстоящим схваткам. Гипотезу Восьми Миров и переходного НИЧТО он уже излагал, а сейчас грохнул мне на стол объемистый конволют, обильно уснащенный формулами и малопонятными фразами типа «ротор вихря временного вирла не вполне представимой обратной фазовой решетки...» Б-р-р...

Однако при устном изложении теория показала мне понятной и не лишенной рационального зерна. Все сводилось к ступенчатому усложнению мировой матрицы. Исходным пунктом Задунайский принимал Большой Взрыв. Первым шагом было существование Прайяца нулевой размерности. Вторым — разделение света и тьмы, добра и зла. Появилась двоичность, диалектичность природы. Но после этого разделение пространство еще не имело привычного нам облика. Нельзя сказать «изотропность», если нет никаких свойств. «Да будет свет»... И стал свет... М-да.

После двойки следует четверка — происходит новое деление. Мы получили четыре стихии, четыре первоэлемента, четыре стороны света, четыре координаты. Наша Вселенная полностью оформилась, живи и пользуйся. К сожалению, природа на этом не остановилась, хотя и могла бы. На смену четверке появляется восьмерка. После сдвигания Вселенной в перпендикулярном направлении возникли Восемь Миров, каждый со своими законами и правилами. Восемь Вселенных плюс НИЧТО. Здесь Задунайский разводил руками и невнятно мычал. У него не было даже предположения, что представляет собой это самое НИЧТО. Может — переработанные остатки четырехмерности, а может, наоборот — зародыш следующего акта деления и преобразования шестнадцатимерности. Когда я попытался уточнить, а что именно представляет из себя эта самая шестнадцатимерность, Задунайский лишь жалостно трепыхнулся. Единственно, что он мог предположить — удвоение количества миров за счет инверсии времени, образование взаимосвязанных пар «мир-антимир». Полностью физику антимира он описать не смог, так как не был специалистом-ядерщиком. Ясно было одно: инверсия времени повлечет гораздо более обширные последствия, чем кажется на первый взгляд. Смена векторов элементарных токов, например, превратит все частицы в натуральнейшие античастицы, а там — полный ба-бах!!!

Практическим выводом из многоумных объяснений была созданная Задунайским установка для путешествия по Восьми Мирам. Каким-то образом она сворачивала наше пространство в то самое

НИЧТО. Сильно подозреваю, что сам ее автор не разобрался до конца, как машина работает. Во всяком случае, использование в качестве обязательного момента «парения духа» не вызвало у меня прилива энтузиазма. Не знаю, что подразумевал под этим Задунайский, но я в очередной раз убедился, что начальник технического отдела —неудержимый романтик. Впрочем, я твердо знал — оборотень не склонен к пустым разглагольствованиям и произнесению красивых фраз. Даже говоря о бессмертной душе, он наверняка подразумевает нечто до предела приземленное.

Задунайский поклялся, что через пару дней установка будет готова к использованию, чем поставил меня в тупик. Надо установку проверить в работе. Кто этим займется? Кому я могу безоговорочно доверять, но при этом не слишком дорожу этим сотрудником... Вообще, рапорт Задунайского породил у меня глубокую тревогу. На первый план со всей очевидностью выплывала нелегкая проблема сохранения тайны. Причем не столько от чужих, сколько от своих. С некоторых пор я решительно перестал доверять даже собственным заместителям. Друзей, понятное дело, у меня быть не могло. Груз ответственности и собственной значимости облек мои плечи подобно императорской порфире, одновременно возвысив и придавив. Я немного поразмыслил и принял решение поручить охрану установки М., полагая, что, как человек новый, он еще не успел ввязаться в наши внутренние дрязги. Однако, на всякий случай, пришлось поручить Гиммлеру организовать всестороннюю проверку М. А Малюте я поручил установить негласное наблюдение за новым сотрудником, что тот исполнил с великой охотой — Малюта ревновал.

Уладив различные мелочи, я отправился в клинику. Нет, я не заболел. И операции, которым я намеревался подвергнуться, носили промежуточный характер между хирургическими и специальными. Тем более, что проводить их должен был неизменный Задунайский.

Прежде всего я потребовал, чтобы он вживил мне то самое магическое кольцо телепатии. Мне надоело постоянно обращаться к нему. Лучше всего, если эта способность станет врожденной. Бедный оборотень глаза выпучил, когда я поставил перед ним задачу. А уж при виде составленного мною меморандума и вообще окаменел, как при встрече с василиском. Сначала Задунайский начал трепыхаться, утверждая, что подобное невозможно, что человеческий организм неизбежно отторгнет чужеродный предмет, тем более принадлежащий Миру Магии. Пришлось напомнить ему, что я не человек, а генерал-поручик. Сцепив клыки, Задунайский согласился, правда, успел заметить, что снимает с себя ответственность за последствия операции. Я его успокоил, заверив, что за все буду отвечать сам. Его дело десятое —исполнять приказы.

Операция оказалась долгой и болезненной. Конечно, я не мог допустить наркотического беспамьятства. Нет, я, разумеется, доверял Задунайскому, но ведь и кроме него могут найтись желающие воспользоваться моей временной беспомощностью, видя в ней благоприятный шанс. Не стоит вводить

людей, а тем более вампиров, в искушение.

Когда я поднялся с операционного стола, прижимая к груди закутанную в толстую повязку руку, больше всего меня занимала противная, сосущая боль в свежей ране. Остальные проблемы как-то ушли в тень. Поэтому я сначала не обратил внимания на странные изменения окружающего мира. Я начал смотреть совершенно иными глазами. Говорят, что собаки не различают цветов и потому воспринимают все иначе, чем мы. Не знаю. У меня разом изменились зрение, слух, обоняние. Я словно попал в чужую страну, где все незнакомо и непривычно, все тревожит и раздражает. От странных запахов кружится голова и свербит в носу, почему-то все время слезятся глаза, отчего ты смотришь будто сквозь толстое мутное стекло, в ушах постоянно звучит надоедливый, утомляющий комариный звон. Земля плыла и качалась под ногами, каждый шаг приходилось тщательно рассчитывать, поэтому мои движения были неестественно замедленными и осторожными. Кое-кому могло показаться, что я просто просто пьян, хоть я во рту маковой росинки не держал. Поэтому я искренне обрадовался, когда Задунайский сообщил, что к остальным операциям ему надо подготовиться получше да и вообще разобраться, осуществимы ли они. Отсрочка пришлось как нельзя кстати.

Отложив мысль о дальнейшем самосовершенствовании, я решил заняться делами прозаическими и бюрократическими — очередной реорганизацией Управления. М. прибыл немедленно, как всегда аккуратный и собранный, держа в руках пухлую красную папку. Все-таки и Малюте, и Андропову при их показной элегантности не хватает неуловимого шарма, веющего от М.

— Садитесь, — радушно пригласил я. — Разговор может оказаться долгим.

— Благодарю, — кивнул М.

Я помедлил. С чего начать нелегкий разговор, я представлял плохо. Предложения нарушить пятю-другой законов еще не стали для меня обыденными и привычными.

— Сначала я хотел пригласить вас, чтобы спросить: удовлетворены ли вы работой Управления? А потом внимательно слушал бы ваши рассуждения, втихую радуясь собственной прозорливости, ибо вы подтвердили бы мои догадки. Хотел было, но решил, что поступить так будет недостойно ни вас, ни меня самого. Поэтому я задам вам несколько неожиданный вопрос. Кем вы себя считаете в первую очередь: военным или христианином?

Я добился своего, от удивления М. чуть не уронил папку, однако быстро справился с удивлением.

— Вы полагаете эти понятия несовместимыми?

— Первое подразумевает постоянное и многократное нарушение заповеди «Не убий». Есть и другие, не менее важные отличия.

— Не новая постановка вопроса, — кивнул М. — Воинство христово...

— Простите, что перебиваю вас. Только не следует говорить о войнах во славу креста и победах над неверными. Вы сами превосходно знаете, что наиболее ужасные и кровопролитные войны шли как раз между правоверными христианами. Еще раз прошу прощения, что прервал вас.

320

— Увы, в ваших словах горькая правда.

— Но вы так и не ответили на мой вопрос.

Признавайтесь.

М. без колебаний отрезал:

— Солдат на службе Ее Величества... То есть... Солдат!

Я сделал вид, что не заметил его оговорки, но для себя ее накрепко запомнил. Не доверяй и проверяй!

— Значит выше всего вы ставите повиновение приказам?

— Да. Если...

— Интересное словечко. В каком уставе вы его вычитали?

М. натянуто улыбнулся.

— Если приказ не является преступным.

— А решать это собрались вы?

— Ведь исполнять его мне.

— Черт бы побрал вашу хваленую демократию, — обозлился я. — Этак если каждый подчиненный начнет рассуждать и размышлять, то на само исполнение приказов у него не останется времени. Армия развалится. Запомните, М., у нас не секретная служба Ее Величества, у нас свои законы!

— Я постараюсь, — кротко кивнул М.

— Сказано: «Солдаты должны беспрекословно выполнять приказы своих командиров во имя мира и всеобщего спасения. Пусть сам государь и запянул себя несправедливостью, но он военачальник. Приказ начальника делает солдата невинным в совершенных государем злодеяниях».

М. так и подскочил.

— Я не советовал бы произносить эти слова во всеуслышание.

— Почему?

— Мы сражались против Гитлера.

Я торжествующе усмехнулся.

— Вот здесь вы ошибаетесь. Если Гитлер и говорил нечто подобное, это отнюдь не было его собственными мыслями. Он лишь процитировал сказанное за тысячу лет до него одним из столпов христианского богословия.

— Неужели?

— Впервые эти слова произнес блаженный Августин. Так что воинская дисциплина, беспрекословное исполнение приказов есть добродетель не только специфически воинская, но и общехристианская. Я не сомневаюсь в вашей исполнительности, но спрашивал вас, чтобы выяснить, будете ли вы подчиняться моим приказам, внимая лишь требованию устава, либо следуя внутренним императивам.

М. оскорбился.

— Вы усомнились?

— Ничуть.

— Тогда зачем?

— Чтобы выяснить, до каких пределов вы пойдете со мной.

— Какое непомерно длинное вступление! И все ради того, чтобы узнать о моем мнении относительно создания службы внешней разведки! Можно было просто взять у меня эту папку.

Да, он расплатился со мною сполна и то же монетой. Полагаю, вид генерал-поручика с разинутым ртом особенно забавен.

АЗИТА

Я машинально принял означенную папку, пребывая в состоянии некоторой остоленности. Но в то же время я отчетливо понял, что слишком долго нам вместе с М. не работать. Излишне проницательный подчиненный — это мина замедленного действия, которая рано или поздно, но обязательно взорвется и уничтожит тебя. Однако лишь круглый идиот на этом основании попытается немедленно избавиться от такого подчиненного. Подлинная мудрость заключается в том, чтобы использовать его до последней возможности, и лишь тонко уловив решающий момент, выкидывать становящегося реальной опасностью конкурента. Значит, пока мы вместе. Пока.

— Отложим в сторону лишнюю писанину. Изложите вкратце ваши соображения.

Я слушал М., думая о своем. Только бы не запутаться в хитросплетениях созданных мною же независимых подразделений. Сейчас эта опасность становится все более реальной? Чем же мы располагаем на сегодняшний день?

Первое. Команда «Гамма». Слава Богу, хоть с этими у меня не возникает проблем. Хлопотунчики-гремлины исправно несут службу в лабораториях и мастерских, время от времени выбираясь, чтобы привести в действие моторы и затворы.

Второе. Команда «Омега». К величайшему сожалению, она пока существует только в моем воображении. Руки не доходят придать ей хотя бы бумажную жизнь. По-моему, нужно. Просто обязательно. Братья-драконы никогда не подведут и не выдадут. Они могут стать моей преторианской гвардией, опираясь на которую я смогу держать в железной узде все Тринадцатое Управление.

Третье. Информационно-аналитическая служба. За надвинувшимися хлопотами я совершенно о ней забыл. Впрочем, забыл и Малюта, ее создавший. Надо поинтересоваться, чего они достигли, ведь результаты могут оказаться самые неожиданные.

И появляется четвертое. Служба внешней разведки. Называть ее так ни в коем случае нельзя. Требуется благозвучное и совершенно нейтральное имя. Например «Институт стратегических исследований». Чем плохо? Комплектуем ее людьми М. То есть, конечно, не людьми, а кто у него там.

Кроме всего прочего, следует рассмотреть и перспективное пятое. Надо бы создать небольшую карманную армию. Мало ли для чего может понадобиться. Драконы хороши при работе с жителями Восьми Миров, но ведь может случиться, что придется драться и с людишками.

Ах, да. Еще шестое. Команда «Дельта». Полностью привести под свою руку.

Седьмое. Команда «Альфа-13» и исполнительный людоед Бокасса. Разогнать без остатка.

Тут действительно, как в детском саду, научишься считать до десяти. Вообще интересно получается. В моем личном ведении оказывается дополнительная организация, вполне сопоставимая по размерам с подчиненной мне официально. Или даже крупнее нее. Любопытно, у фельдмаршала тоже дела обстоят подобным образом? Самое трудное в таком положении — найти источники финансирования. Содержать сотню-другую личных агентов не проблема, а вот целый институт... Бухгалтерия —

не ЦРУ, ее не проведешь на мякине.

Эти рассуждения отнюдь не мешали мне слушать скороговорку М. Я не мог не отдать должного квалификации и проницательности бывшего начальника МИ-5. Однако он не сказал ничего нового и в основном подтверждал мои собственные догадки. Но кое-что любопытное он все-таки подметил.

Любой фронт с гнилым тылом обречен на поражение. Нет смысла начинать серьезные операции за рубежом, не разделившись с врагом внутренним. А в качестве такового М. назвал не шпионов и диссидентов, а спецслужбу ГРУ. Не ГРУ, как таковое, нам оно не помеха, а именно Приказ черной магии. Вот его следует уничтожить беспощадно. Немного поразмыслив, я полностью с ним согласился. Зачем нам лишние конкуренты? Тем более скрытые коммунисты.

Кроме того, М. предложил план уничтожения конкурирующего отдела ЦРУ. Это мне понравилось гораздо больше. Справиться с ним будет сложно, поэтому нужны союзники, может быть, даже европейские спецслужбы.

Вот оно! Показался зародыш измены! М. был и остался офицером тайной службы Ее Величества. Хотя, некое рациональное зерно можно было отыскать даже в таких изменческих речах. Это допустимо, если над головой будет развеваться российский трехцветный флаг.

Я понимаю, в М. говорила ревность к более удачливому партнеру, но почему бы не использовать нужного человека в нужном месте в нужное время? И незачем вникать в его побудительные мотивы, меня они не касаются. Мудрость подлинного руководителя состоит в том, чтобы отыскать умного подчиненного и умело его использовать. Не следует бояться умных людей. Если ты хитрее, значит и сильнее.

Все, что предложил М., я утвердил без поправки. Поправки внесет по моему приказу Малюта, только М. об этом знать совершенно не обязательно.

* * *

Через пару дней я почувствовал себя гораздо лучше и вновь вызвал Задунайского. Тот явился хмур и мрачен.

— Господин генерал, пока не получается. Хоть расстреляйте, не могу выполнить ваше приказание.

— Предположим, расстреливать я вас не собираюсь, — мило пошутил я. — Но спросить — спросу. Так в чем дело?

— Вы дали мне список преобразований, которые требуется провести у человека.

Действительно, я надеялся, что вживленное кольцо-локатор станет лишь первым шагом. Я хотел приобрести как можно больше полезных качеств — положение обязывает. Как я мог командовать вампирами, оборотнями и гремлинами, если сам не был способен на элементарную трансформацию. Знание десятка заклинаний способно внушить им трепет и привести к повиновению, но не поможет завоевать уважение. Лично я всегда считал звонкий девиз «Пусть ненавидят, лишь бы боялись» порочным по своей сути. Лучшее тому дока-

зательство — печальная участь тиранов, его исповедовавших. Все они скверно кончили, обязательно находился кто-то превозмогший страх и воткнувший нож в спину недалевидному правителю. Завоевать любовь жителей Восьми Миров я не мог, оставалось завоевать уважение. Вот я и озаботился приобретением качеств, способных принести это самое уважение.

Прежде всего требовалось обрести способность разящего удара. Не всегда под рукой «Скорпион», и не всегда он поможет. Как я ни старался, но ничего лучше взгляда василиска придумать не смог. Тем более, что Царь-Змей отчасти родня моей второй ипостаси — дракону. Мне, в общем, требовалось не так уж много — обрести смертоносный взгляд, я не претендовал на корону и чешую... И сейчас палец Задунайского указывал именно на первый пункт списка.

— В чем же препятствие? — осведомился я.

— Их даже два. Я изучил проблему и пришел к выводу, что технически это вполне возможно. Необходимо переливание крови василиска и пересадка печени. Возможна даже имплантация. Просто переливание даст слишком кратковременный эффект.

— Так действуйте, я готов!

— Осталась сущая мелочь. Достать василиска, живого или мертвого. Я предпочел бы мертвого.

— Так действуйте, — повторил я, но тут же прикусил язык. Это гораздо легче сказать, чем выполнить. Сам я, например, не собираюсь руководить экспедицией по отлову василиска. Но я уже закусил удила, а потому предложил: — Отправьте сафари, можете сами возглавить его.

— Шутите? — уточнил Задунайский.

— Нет, приказываю.

Бедный оборотень побледнел, однако нашел силы возразить:

— Если я не вернусь с этого сафари, то вряд ли кто еще сумеет провести необходимые операции.

Я немного подумал. Вот превосходный случай дать приятно возможность отличиться и выдвигаться. За заслуги награждают. Одновременно может решиться проблема еще одного сподвижника, который знает меня слишком давно, а следовательно, слишком хорошо. Нельзя допускать, чтобы кто-то узнал тебя досконально.

— Предложите возглавить экспедицию Зибелле.

— Ему? — поразился Задунайский.

— Конечно. Вряд ли вы сами знаете фауну лучше него. Заодно опробуете свою установку перехода между мирами. Прокатитесь в Мир Магии. Убьете двух зайцев разом.

Но Задунайский никак не мог поверить, что я приношу в жертву своего любимца. Мне показалось, что он решил именно так. Глупо. Ведь если Зибелла погибнет, то, естественно, не доставит василиска.

— Вы действительно так хотите?

— Полковник, мне это надоело! Можете сами возглавить сафари, я уже говорил вам. Только позаботьтесь о подходящем техническом инвентаре. Вам потребуются зеркальные шлемы с перископами, зеркальные щиты. Я не хочу бесполезной гибели сотрудников.

— Будет исполнено, — кивнул Задунайский.

— Теперь о втором препятствии.

— То есть?

— Вы говорили, что возникают два принципиальных возражения. Первое мы устранили. Теперь о втором.

— Ах, второе... — спохватился Задунайский. — Дело в том, что после переливания крови... объект перестанет быть человеком.

— В каком смысле?

— Изменения могут приобрести необратимый характер, и возвращение в человеческую ипостась окажется весьма затрудненным. Если вообще возможным. Конечно, трансформации в дракона это ничуть не помешает, — поспешно добавил Задунайский.

— Почему?

— Человек оказался существом слишком специфическим, он заметно отличается от жителей остальных семи миров. Природа различий мне пока неизвестна. Потребуется годы исследований и работа большого института, чтобы уточнить это. Я пока могу лишь сообщить конечный результат. Вероятнее всего, дело в так называемой душе.

— Ладно, хватит об этом. А что вы можете сказать об остальных позициях?

Здесь Задунайский проявил больше оптимизма. Прежде всего он предложил отпилить маленький кусочек «Себя зеркало». По его словам, вживление этой стекляшки могло привести к зарождению способности распознания сути объектов. Хорошо видеть собеседника насквозь, не прибегая к помощи громоздкой штуковины в резной багетовой раме. Телепатия, левитация, трансмутация — все это Задунайский тоже считал реально осуществимым, хотя пока не видел путей к достижению цели. Слишком уж внезапно я обрушился на него со своими пожеланиями.

Немного подосадовав, что дело затягивается, я приказал Задунайскому готовиться к пересадке «Себя зеркало» и отправлять экспедицию за василиском. Сообщить Зибелле о великой чести, выпавшей на его долю, мы предоставили Гиммлеру. Он ведает личным составом, так пусть работает.

А я остался размышлять над проблемой вечности. Следует ли от нее отказаться или нет...

МЯТЕЖ

Со стороны это, наверное, выглядело жутко. Ни с того, ни с сего земля вдруг затряслась и застонала, колоссальный небоскреб Управления озарился прозрачным сиреневым сиянием, окутавшим его, подобно ореолу. В дрожащем мареве то и дело вспыхивали пронзительно красные сполохи молний. Потянуло антарктическим холодом, и зелень тополей обметал сухой колючий иней. Не знаю, что обо всем этом думали горожане, может, решили, что началось светопреставление. На самом деле все обстояло куда серьезнее. Андропов со чады и домочадцы выступил против меня. Да не на коллегии, а поднял самый натуральный вооруженный мятеж в Управлении.

Это было невозможно. Это был просто бред. В это никто не верил. Однако это случилось.

После того, как раскололся пленный ифрит, Ан-

Андропов пошел сразу со всех имевшихся козырей. Правда, вооруженное выступление было последним и отчаянным шансом. Подозреваю даже, что не по своей воле затеял он это безумие, скорее всего, выиграла мерзкая натура вампиров. Неотесанная, некультурная, анархичная, хищная. Полезные здания, но слишком неуправляемые, придется над этой проблемой долго и упорно думать. Врожденная эгоцентричность и жажда крови толкнула вампиров на акт государственной измены, хотя, надо признаться, для кадрового работника госбезопасности это словосочетание не столь шокирующе, как для нормального гражданина. Постоянно имея дело с действительной или тобою же вымышленной изменой, невольно свыкаешься с мыслью, что она, измена, не так уж и страшна, что она обычна и привычна. А привыкнув, не столь трудно и самому использовать эту вещь. Тем более, что повадка постоянно колебаться в резонансе с линией партии рождает невероятную гибкость убеждений. Для меня не стали откровением шашни Андропова с «Черным сентябрем» и «Братьями-мусульманами». Он всего лишь возобновил старые связи. Зато неясная ниточка от главы отдела спецопераций к резидентам ГРУ откровенно поразила и напугала. Неприятным открытием стали и развязанные им силы.

Однако по порядку.

* * *

На кого намекал ифрит, я догадался сразу. Когда я созвал совещание, то прибыли три заместителя. Андропов почуял неладное и отказался. Более того, он заявил, что не собирается выполнять преступные приказы, угрожающие свободе и демократии. Мы немного оторопели.

— Любопытно, — прокомментировал случившееся Гиммлер. Он один сохранил спокойствие. — Любопытно, хотя вполне предсказуемо.

— Изменщик, — рыкнул Малюта.

— Уничтожить, — невольно вырвалось у меня.

— Вряд ли это удастся, — помрачнел Гиммлер. — Он наверняка подстраховал себя на случай провала.

Я недовольно скрежетнул когтями по столу. Малюта самоуверенно отозвался:

— Нет ареста, который не смогли бы провести мои молодцы.

Это верно. Его каменные великаны практически неуязвимы и неподвластны магии. До сих пор они не знали неудач.

— Так чего вы ждете, генерал? — польхнул огнем я. — Исполняйте!

— Слушаюсь, — Малюта поправил щегольский вязаный галстук и пропал. Но тут подал голос молчавший до сих пор Торквемада:

— Лучше подготовиться к самому худшему.

— То есть? — невольно уточнил я.

— Меня всегда настораживала неизвестность. Praemonitus — praemunitus. Предупрежден — значит вооружен.

Я скривился.

— Хорошо, посмотрим, к чему нам надо готовиться, — и переключился на магическое зрение.

Вживленное кольцо сработало исправно и высветило врагов. В полупрозрачном зеленом тумане

плавали толпы синих литер V. Расшифровать это не составляло труда — верные сотрудники отдела спецопераций, орлы-вампиры, горой встали за своего начальника. Неприятель группировался в левом крыле здания.

Я резко поднялся, доставая из ящика стола верный «Скорпион».

— Блокировать отдел! Бросить в атаку каменных гигантов и волкодлаков. Гремлинам подготовить осинобые колометы. Я хочу по возможности не причинять ущерба зданию, поэтому с огнестрельным оружием обходитесь поаккуратнее. Генрих, распорядитесь. Я лично возглавлю штурмовую группу. М., займитесь наружной изоляцией. Вас, ваше преосвященство, я попрошу пока удалиться.

Но тут мой оптимизм вмиг пригас.

Невидимый великан с такой силой тряхнул здание Управления, что я едва не полетел кувырком. Польхнул зловеющий сиреневый свет, порыв ледяного ветра осел черной изморозью на разбросанные бумаги. Неведомой угрозой вспыхнула ярко-зеленая литера G.

Я пробкой вылетел в коридор.

Сразу все встало на свои места. Привычная суматоха боя: отчаянный треск автоматов, едкий запах гари, глухое буханье взрывов, резкое щелканье молний. Не происходи все это в стенах Управления, не возникло бы поводов для тревоги. Мои увещевания пропали втуне. Бой разгорался нешуточный.

Первая часть моего плана была исполнена великолепно. Андроповская банда оказалась зажата в помещениях своего отдела. Верные волкодлаки и привидения сосредоточенным огнем поливали коридоры, не давая вампирам даже высунуться. Непонятные создания М. сумели установить железный занавес, отсекающий здание от всего мира. Не знаю уж, что они там изобразили, чтобы не вызвать паники внезапной пропажей огромного небоскреба, но наверняка что-то придумали. Но в то же время робкие попытки прорваться на контролируемое мятежниками территорию обошлись дорого — черные пятна сажи на полу показывали, где завершили свой путь незадачливые штурмовики. Невозмутимые каменные гиганты, столбами торчавшие в каждом коридоре, сдерживали противника. Автоматные очереди высекали из них фейерверки красивых искр, не причиняя ни малейшего вреда.

Воина приобрела позиционный характер. Следовало переходить к активным действиям, но гремлины, на которых возлагались главные надежды, почему-то мешкали.

Короткой очередью срезав метнувшуюся ко мне фиолетовую летучую мышь — какой-то глупый вампир понадеялся на генеральскую рассеянность, — я приказал клубящемуся белому облачку:

— Поторопите гремлинов!

Привидение-подполковник дохнуло на меня могильной сыростью и глухо проворчало:

— Слушаюсь, генерал.

Но тут в глубинах андроповского царства что-то вновь громыхнуло, и подполковник начал таять прямо у меня на глазах.

— Остановитесь! — глупо завопил я. — Как вы

смеете!

Однако в мутных глазах привидения плескался ужас, оно уже не владело собой.

— Спасайтесь, генерал. Это...

Договорить оно не успело, растаяло без следа. Что еще за напасть?

Я торопливо огляделся. Так и есть. Расчет станкового пулемета тоже пропал. Разбираться в причинах времени не было, я тигром ринулся к пулемету и длинной очередью пропорол потолок, чтобы показать неприятелю — нас не сломить! Счастье, что каменные гиганты оказались куда более стойкими, чем даже я предполагал.

Я подозвал одного из них и усадил за пулемет, а сам помчался назад к себе в кабинет. Там был мой штаб, туда сходились все нити управления боем, и мне надлежало находиться там. Нё генеральское это дело — из пулемета строчить, хотя и приятно.

В кабинете меня ожидал встрепанный Гиммлер. Непривычно было видеть всегда аккуратного Генриха в столь растерзанном виде. Поистине, случилось нечто невероятное.

— Мы ошиблись, генерал! — визгливо выкрикнул он, и я уловил откровенный страх в его голосе.

— Где?

— Мы боремся с ним, как с обычным вампиром, порождением мира духов.

— Ну и?

— Это не так!

Я поморщился.

— Прекратите панику и признавайтесь спокойно.

Гиммлер схватил бутылку минеральной воды и начал гулко глотать, проливая воду на себя. Потом отшвырнул бутылку.

— Он пришел из ада!

Я так и взвился.

— Врешь!

— Нет.

— Откуда известно?

Гиммлер устало махнул рукой.

— Не время рассказывать, слишком долго. Нужно побыстрее перестраиваться.

Я немедленно сосредоточился на поиске врага. Действительно, к многочисленным V, примешивались фиолетовые I. Чертенята? Откуда? Глупый вопрос.

Я схватился за голову и простонал:

— Но ведь мы все крещенье...

— Привидения-то? — саркастически ухмыльнулся Гиммлер.

— Срочно Торквемаду! Пусть готовит крестный ход и изгнание бесов!

— А на это ответят пулеметы.

— Проклятье!

И чтобы подтвердить тяжесть ситуации, зеленым загорелась таинственная G. Здание вновь затряслось.

Я ударил по клавишам селектора. Пора пускаться в ход резерв главного командования, который я берег на черный день. Жаль, что он наступил гораздо раньше, чем хотелось бы.

— М., вы меня слышите?

— Да, — глухо отозвался селектор.

— Группу ко мне, немедленно.

— Но ведь...

— Обстановка изменилась.

— Кто?

— Ад.

— Ясно.

Спартанский лаконизм!

Эти не подведут. Ребята М. не верят ни в бога, ни в черта, ни в кошачий чох. Они живо справятся с любыми чертями. Думать о том, как справиться с лихими ребятами, мне не хотелось. Только бы они не опоздали.

Я рывком выбросил на пол ящички письменного стола. Бумаги запорхали по кабинету.

— Куда я его дел... — бормотал я, расшвыривая ненужную макулатуру. — Куда я мог его деть...

— Что? — осведомился Гиммлер.

— Да крест, черт его побери.

— Ну... — протянул он странным тоном.

Крест упрямо не находился.

Грохот боя подползал ближе. Кажется, они уже добрались до командного коридора.

— А что, если я тоже попробую вызвать кое-кого? — спросил Гиммлер.

— Давайте кого угодно, только остановите безумца.

Генрих выскользнул из кабинета. А я так и не мог найти святой кипарисовый крестик.

Вот он! Наконец!

Я схватил крестик и тотчас непроизвольно отбросил его прочь. Крест оказался мне отлитым из раскаленного чугуна, на ладони у меня проступило багровое пятно. Кто-то заколдовал мой крест! Я поплевал на палец и потрогал крест, как горячий утюг. Реакция была той же самой — слюна зашипела. Я выругался. Времени разбираться не было, я вновь схватил «Скорпион» и ринулся к двери. М. со своими молодцами уже ждал меня в приемной.

— За мной! — гаркнул я, не тратя времени на объяснения.

Меня всегда удивляла и немного пугала команда М. С виду вроде самые обычные люди, но их окружало нечто вроде тонкого слоя постоянно струящегося воздуха, очертания смазывались, и казалось, что человек постоянно меняет облик. Ты его видишь и не видишь, он один и их десять, он есть и его нет. Они слегка походили на ифрита.

Я налетел на замершего посреди коридора каменного гиганта и в кровь разбил подбородок.

— Что ты здесь делаешь, истукан? — в сердцах закричал я.

Но гигант молчал.

— Отвечать!

Напрасно.

Меня прошиб холодный пот. Я увидел, что гигант о к а м е н е л! Живой камень превратился в мертвый! Передо мной стояло произведение искусства, статуя филигранной работы, не больше, черт побери!

Подобные чувства, похоже, испытал и М., потому что в его глазах мелькнула озабоченность. Не оборачиваясь, он щелкнул пальцами, и его ребята взяли наизготовку странное оружие — нечто вроде автоматов «Стэн» с толстым стеклянным стволом. Я тоже поднял «Скорпион».

Нас обдала волна ненависти, осязаемая физи-

чески. Все правильно, появление адских тварей обязательно сопровождается эманацией злобы.

В темном коридоре мелькнуло синеватое сияние. Добры молодцы отреагировали незамедлительно. Их оружие выплюнуло пронзительные лучи голубого цвета, похожие на лазерные. Незадачливый демон, попавший под удар, заверещал, точно его жарили на сковородке, но в тот же миг завопил и я. Мне показалось, что разом начали сверлить все тридцать два моих зуба, причем без наркоза. Один из ребят немного промахнулся и зацепил меня. Не знаю только, случайно ли...

Да, человеческая плоть скверно приспособлена для поединков со сверхъестественным. Я решил выпустить на волю дракона, остальное пока следует поберечь.

М. подхватил выпавший у меня «Скорпион» и пристрелил двух вампиров, которые выскочили из дверей кабинета Задунайского. Между прочим, как он?

Мы с топотом помчались дальше.

В самый напряженный момент меня посетила глупая мысль: а во сколько обойдется ремонт здания Управления? И вторая, не глупая, но жуткая: как я буду объясняться в Москве? Фельдмаршал, вне всякого сомнения, постарается представить все в выгодном для себя свете, а доложит первым именно он. И отмазаться там будет гораздо сложнее, чем отстреляться здесь.

Впереди показалась целая толпа вампиров. Завидев меня, они в панике порскнули в разные стороны. Еще бы! До сих пор им не приводилось видеть начальника Управления в его подлинном виде. Мою сокровенную тайну знали только ближайšie помощники. Добры молодцы полоснули по ним голубыми лучами. Ну прямо как кипятком ошпарили выводок поросят! Однако, если чертей странное оружие истребляло начисто, вампиры, хоть и понесли урон, остались живы и бросились на моих спутников. Меня они явно избегали. Закипела рукопашная. Орлы Андропова обучались в Высшей школе КГБ, только и ребята М. тоже оказались не промах. Враги были достойны друг друга. Такого каскада финтов и уловок и в кино не увидишь. Однако мне любоваться на их кутерьму не хотелось. Тем более, что я чувствовал — уходит драгоценное время.

Я сосредоточился... И море огня заплескалось вдоль коридора. Драконий огонь — страшная сила, особенно если к ней подпустить немножечко... моих новоприобретений. Чеснок и серебро могут убить вампира, зато мой огонь выжиг всю скверну, как ее и не было. Несмотря на горячку боя, я с удовлетворением отметил, что создания Восьмого мира тоже оказались чувствительными к моему пламени. Значит они не неуязвимы! Запомним на будущее... К счастью, около половины моего отряда уцелело.

Вот и дверь андроповского кабинета.

Недолго размышляя, я вломился в нее, словно таран, только щепки брызнули в стороны. И тут же взвыл! Дракон крепок, однако навстречу мне вытянулись светящиеся струи очереди многоствольного пулемета. Силой удара меня смяло, опрокинуло и вышвырнуло обратно в коридор. Черная клокоцущая кровь хлынула из ран. Ошеломленный жуткой

болью, я замер.

Самонадеянность могла мне очень дорого обойтись, но вовремя подоспели добры молодцы. Это было потрясающее зрелище. Перекрещивающиеся цветные лучи, облака порохового дыма, брызжащая каменная крошка! Неумолчный стук выстрелов, буханье взрывов, невнятные вопли!

Тем временем я обнаружил, что пострадал гораздо меньше, чем казалось на первый взгляд. Я потерял немало крови, так так раны на вид были ужасны. Но ведь мне всего лишь ободрало кожу. И только! Ни жизни, ни здоровью угрозы не возникло...

Придя в себя, я совершенно осатанел. Никогда в жизни ярость не захватывала меня полностью. Я взревел так, что добры молодцы поразбежались. На сей раз я не стал вышибать дверь, а ударил напрямую по стене. Целая грудa битого кирпича летела впереди меня, сокрушая все на своем пути. Поэтому, когда я второй раз появился в приемной Андропова, то меня встретили лишь груды закопченного мусора. В живых никого не осталось.

Я мотал головой, стараясь унять звон и грохот в ушах. Подоспели оробевшие молодцы. Они сноровисто раскидали обгорелые доски и выволокли полуоглушенного вампира.

— Где он? — рявкнул я.

Вампир только жалостно поводил глазами, не в силах вымолвить и слова.

— Где?! — клыки лязгнули.

Вампир протянул руку, показывая на дверь кабинета. Я сжал челюсти, и сладкая кровь наполнила мою пасть. Поистине, труп врага пахнет всегда хорошо, а вражеская кровь прибавляет сил. Странно, как я раньше этого не замечал.

Добры молодцы начали подозрительно долго осматриваться и приглядываться. И вдруг я понял, что они совсем не рвутся штурмовать кабинет взбунтовавшегося начальника отдела спецопераций. Что-то их останавливает. Неужели они решили, будто их встретит еще один дракон? Ведь испугались они только моего огня. Серебряные пули им — что сухой горох, я сам это ясно видел.

Я присмотрелся. Сквозь закрытую дверь просачивалось зеленое сияние. Или оно мне померещилось?

После первого штурма я поумнел и потому приказал молодцам:

— Ломайте дверь, — не собираясь лезть на рожон.

Те замаялись.

— Ломать! — взревел я, пошире распахивая пасть. С явной неохотой один из молодцов поднял гранатомет и прицелился. Громкое уханье, неяркая вспышка, облако черного дыма — и путь открыт.

Андропов сидел за столом, кроме него в кабинете не было ни души. Странное дело, он сумел сохранить в неприкосновенности отутюженный костюм, его только чуть-чуть припорошило пылью.

— Сдавайся! — прорычал я, приметив, что свора добрых молодцев вновь отступает назад и смущенно переминается, стараясь держаться у меня за спиной. Запомним этим трусам. Пока я никому не спускал подобную слабость.

— Дурак, — скупое бросил Андропов. Вот уж не

ожидал от злостного интеллигента столь грубых выражений. Впрочем, помимо слов меня поразил и голос, их произнесший. Скрипучий тенор с заметным акцентом ничуть не напоминал привычную отработанную дикцию. Неспроста же мне упрямо казалось, что за столом сидят двое. Вижу одного, но сидят двое!

— Взять! — кивнул я добрым молодцам, кидая ближайшему магические наручники. Он отпрыгнул, словно я швырнул ему ядовитую змею.

Андропов расхохотался и встал, машинально отряхивая известку. Я не выдержал и плюнул огнем. Деревянным шагом на негнущихся ногах он двинулся к нам. Добры молодцы, толкая друг друга, ринулись из кабинета, образовав кучу малу в разломанных дверях. Даже я ощутил некую робость и сделал шаг назад.

Андропов усмехнулся. Глаза его были белы и слепы. Зомби!

Я столкнулся с чем-то совершенно новым — привидение-зомби! Внутрь него вселился еще кто-то. Догадка пронизала меня ядовитой иглой. Вот он, таинственный G! Ghost! Призрак!

— Догадался, — проскрипел Андропов. Его фигура раздвоилась, заколебалась. За спиной жалкого оборотня поднималась серая тень с пылающими, как угли, глазами.

Однако меня не запугаешь. Я нащупал бесполезно висевший на шее амулет и сжал его покрепче. Зловещая пара замерла. Потом серая тень начала наливать изумрудной зеленью. Она светилась все сильнее, вынуждая жмуриться. Я заслонил глаза лапой и выдохнул облако огня. Когда дым рассеялся, обнаружилось, что обгорелый костюм привидения валяется на полу, сам Андропов бесследно растаял, зато призрак сверкает, как маленькое солнце.

Я зарычал и бросился в атаку, однако он отмахнулся от меня, как от назойливой мухи. Похоже, при падении я повернул камень амулета, потому что тень насторожилась. А когда я поднялся, уже она попятилась. Моя вторая атака увенчалась полным успехом — противник был рассеян. Однако я начал понимать, с кем сражался! А главное — осталась твердая уверенность, что призрак успел сбежать. По нашей классификации — неполная победа. Скверно!

После гибели предводителя вампиры довольно быстро капитулировали, и мы вернулись к делам мирным и созидательным. Прежде всего следовало привести в порядок здание, а то оно слишком напоминало нечто прифронтовое.

ВОСЕМЬ ЦВЕТОВ БИФРЕСТА

Господи, как хотелось бы забыть обо всех безумиях последних дней. Честное слово, я начал проклипать себя за то, что однажды легкомысленно принял предложение змея-искусителя, странным образом воплотившегося в некоего полковника. Поддавшись соблазну, я сунул руку в капкан. Стальные челюсти с лязгом захлопнулись, кованые клыки раздробили кости, разорвали вены и намертво приковали к месту — истекать кровью и ожидать неминуемого конца. Конечно, у меня оставался последний выход — откусить плененную лапу и уко-

выпить в свое логово зализывать раны и размышлять о бренности сущего. Как приятно было сидеть в медвежьем углу, в глухомани, возиться с безобидными лешими и домовыми, знать не зная, думать не думая о жутких тварях, скрывающихся сейчас за дверями моего кабинета. Восстановительные работы шли полным ходом, и сейчас там орудовала банда гремлинов.

Я вздохнул. Ничто человеческое мне не чуждо, случаются минуты слабости даже у генерал-поручика госбезопасности. Я злобно скрежетнул клыками. Мятаж Андропова ясно показал, откуда ветер дует. Что там ветер — опаляющий аравийский самум. Если не желаешь превратиться в иссушенную мумию, следует получше приготовиться. Схватка с Главным Маршалом... тьфу!.. генерал-фельдмаршлом должна состояться в самое ближайшее время, нам стало слишком тесно на крохотной планете. Я обязан найти союзников, для меня это вопрос жизни и смерти. Только в каком из Восьми Миров их искать? В последнее время я все чаще начал подумывать: а сам фельдмаршал не является ли выходцем оттуда же? Естественным кажется обращение к Миру Магии. Мое второе «Я», моя драконья сущность напрямую с ним связана. Но с другой стороны, слоняется же где-то третий дракон, жаждающий моей крови. И прибыл он наверняка из Мира Магии. Запутался я, совершенно запутался. Если вспомнить еще так и не прослеженные до конца нити к ГРУ, то мое положение рисовалось предельно мрачным. Как заброшенная катакомба.

Однако, несмотря ни на что, капитулировать я отнюдь не собирался. Более того, кажущаяся безнадежность вызвала у меня прилив энергичной злости. Сначала требовалось разобраться в ранжировке врагов и угроз, сами понимаете, эти понятия далеко не всегда совпадают. Враг номер один далеко не всегда является угрозой номер один, и частенько самой близкой угрозой становится мелкий вражишка, которого и поминать-то суетно. Для меня угрозой номер один стал генерал-фельдмаршал. Мятаж, в котором бунтовщики использовали Призрак, Который Бродит По Европе, ясно показал, что красно-коричневая нечисть не примирилась, оружия не сложила и всегда готова попытаться отрваншироваться. Сам облик фельдмаршала ясно говорил, кто был вдохновителем и подлинным организатором восстания. Железный Феликс... Чтоб его драли...

Решение пришло само собой. Конечно, лобовой штурм практически всегда обходится слишком дорого, в моем случае резко повышались затраты сил и времени. Но зато появлялась уверенность, что не упущен ни единый шанс, использована самая крошечная возможность. Я попросту решил посетить поочередно каждый из Восьми Миров в поисках поддержки и союза. Аппаратура такую возможность давала, собственных сил я не жалел, а время... Я полагал, что странствия по Восьми Мирам не отнимут время у земного тела.

Описывать установку в деталях я не могу, сами понимаете — сугубая государственная и военная тайна. Не для того я засекретил ее даже от собственных замов, чтобы выбалтывать первому встречному. Скажу лишь, что подготовка включала целый

Д комплекс мер, в том числе и принятие внутрь множества неаппетитных снадобий. «Для раскрепощения подсознания и освобождения скрытых потенциалов», — выразился Задунайский. Интересно, чем это он меня раскрепостил? Не крэкром ли? С него станется, волкодлак видит лишь конечный результат, и сомнения относительно средств достижения одного его не мучают. Но я-то другое дело, я обязан быть выше подозрений... Вот и голова уже поплыла...

Как я ни готовился, однако, подойдя к воротам, испытал невольный трепет. Даже сам Задунайский, создав эту хитроумную машину, совершенно ничего не мог сказать о поджидающих меня опасностях. Теория Восьми Миров так и оставалась пока чисто спекулятивной теорией. Приходилось полагаться исключительно на самого себя, на силу своего разума и силу мышц. Дело в том, что, по словам Задунайского, не удастся протаскать сквозь ворота ни одной технической либо магической штучки. Я, конечно, не поверил и попытался прокинуть сквозь ворота «Скорпион» с привязанным к нему кольцом магической защиты. М-да. Я убедился, что иногда следует верить на слово. Царапины заклеили плас-

621 тырем, пожар потушили и продолжили подготовку. Ворота выглядели исключительно неприятно — обычная дверь, выкрашенная белой краской. Нечто казенно-канцелярское. Я еще пошутил на прощание, что в такую дырочку дракону ни за что не протиснуться, но у Задунайского чувство юмора полностью атрофировалось, и он сухо проинформировал, что каждый видит в Воротах проем, достаточный для прохождения особи данного вида. Ишь, выраженьице подобрал.

Кроме Задунайского проводить меня пришли верный Зибелла и, разумеется, М. Остальных я не информировал. Помахав легкомысленно ручкой, я облизнул пересохшие губы, зажмурился и решительно шагнул в дверь.

Первым ощущением стал жуткий холод. Ледяные иглы мириадами вонзились в тело, заставив вскрикнуть. А потом, закрыв рот, я открыл глаза.

Мрак. Непроглядный мрак. И полное отсутствие каких бы то ни было ориентиров. Я потерял всякое представление о времени и пространстве. Куда идти? Как идти? Вероятно, защитные механизмы, заложенные природой в любом теле, включаются в минуту опасности сами, без участия сознания. Я

АЭЛИТА

полюхнул огнем, мощно взмахнул крыльями и полетел.

Долог ли был мой полет — не знаю. Но наконец впереди забрезжило рассеянное сияние, что-то вроде призрачной серебристой вуали. Я рванулся к ней, как потерпевший кораблекрушение к берегу.

Передо мной протянулась бесконечная дорога, вымощенная огромными квадратными плитами. Они то и светились, подобно Млечному Пути, в черноте НИЧТО. Дорога начиналась в бесконечности, в бесконечность же и уходила. Зрение дракона много острее человеческого, однако и оно капитулировало...

Подлетев поближе, я обнаружил, что это не дорога, а мост. Просто сначала я не заметил тонких черных колонн, на которых лежало полотно. Колонны тоже опускались во мрак. Так и хотелось сказать — вниз, но здесь пропали и низ, и верх.

С обратной стороны мост светился семью цветами радуги. Настоящий Бифрест! Однако удивляться было некогда.

Едва я приземлился на мост, как он отозвался мелодичным приятным звуком, точно исполинский камертон, извещая всех и каждого, что появился желающий посетить Восемь Миров. Как-то мимоходом подумалось: а восемь ли? Судя по длине, мост мог соединять гораздо больше.

В первые мгновения я настороженно озирался, готовый при первых же признаках опасности взмыть вверх. Но умолк камертон, и вновь воцарилась тусклая ватная тишина. Однако по краям моста через равные промежутки вспыхнули цветные огни, все семь цветов радуги. Точнее, семь и еще один. Восьмой. Черный. Не знаю почему, но при виде черных факелов мне страстно захотелось улизнуть подальше. Я даже распахнул крылья, но в последний миг остановился. Бежать означало признать свое поражение здесь, и что гораздо хуже — подготавливать свое поражение там.

Я скрежетнул клыками и зашагал по мосту. Несколько неожиданно обнаружилось, что я не могу лететь над ним. Мост притягивал меня, словно магнит железом. Чтобы оторваться от него, следовало броситься в зияющую по сторонам пустоту. Но в данный момент это не входило в мои планы.

Направление движения мне было совершенно безразлично. В НИЧТО властвуют свои законы, здесь бессильны и эвклидова, и неэвклидова геометрии. Бессильны и бесполезны. Следует руководствоваться мудрой до безумия фразой Кэррола: «А может, я и не иду, а вовсе стою...» Вот я и стоял, справедливо полагая, что в обоих направлениях мне попадутся по очереди все Восемь Миров.

Как бы подтверждая мою догадку, разноцветные пламена взметнулись выше и яростно загудели. Я криво усмехнулся, извергнув струю темно-багрового пламени. Оно ничуть не походило на пронзительный алый огонь, плещущийся на краю моста в гранитной чаше.

Взмахнув крыльями, я заскользил по светящимся плитам, словно по льду. Такой способ передвижения оказался много удобнее унылой ходьбы.

Спустя некоторое время над уходящей в бесконечность молочно-белой струной моста появилось призрачное красноватое свечение. Я слегка при-

328 тормозил, однако, к своему изумлению, полностью остановиться не смог. Непонятная сила продолжала увлекать меня вперед. Поначалу я не испытывал ничего, кроме легкого удивления. Но когда разглядел, что поперек моста широким полотнищем стоит жемчужно-алый костер, не на шутку встревожился. Нырять в обычной пламя мне совершенно не хотелось, а в магическое — и того меньше. Впрочем, события уже вырвались из-под моего контроля.

Пытаясь хоть как-то притормозить свое движение к огню, я упал плашмя на камни и руками попытался уцепиться за мостовую. Напрасно. Я только в кровь ободрал пальцы и сломал два ногтя. Приподняв голову, я обнаружил, что алое пламя уже совсем рядом. С перепугу я зажмурился и в таком малопочтенном виде — распластанный, точно лягушка, и с закрытыми глазами — въехал головой в костер.

Вновь мне пришлось поразиться до глубины души. Я не ощутил жара, хотя готов был поклясться, что огонь самый что ни на есть подлинный. Осторожно приоткрыв правый глаз, я убедился, что вокруг пляшут красные вихри. Однако видимого вреда они мне не причиняли, и я приободрился. Продолжая скользить неведомо куда, я поднялся на ноги и постарался осмотреться получше. Однако ни человеческому, ни драконьему взору не открылось ничего, кроме ленивого колыхания пронзительно-красных полотнищ. Казалось, беспокоиться не о чем, но в этот миг я слышал обращенный ко мне вопрос. Разобрать слова я не смог, да и вообще не был уверен, что спросили на известном мне языке. Самое странное — что я ответил. Не произнеся ни слова. В мозгу пробежала строчка огненных букв, и спрашивающий оказался, по-видимому, удовлетворен.

«Зато я — нет! Потому что сразу после моего ответа пришлось почувствовать, что я действительно стою в огне. Я взвыл от нестерпимого жара, испепеляющего не столько снаружи, сколько изнутри. Самый страшный пожар пылал внутри меня! И не было силы, способной потушить его. Мне отпущены считанные минуты...»

Проклятье! Как я мог попасться так глупо?! Почему я столь легкомысленно отнесся к своей же догадке относительно Бифреста?! Пламя, сжигающее всех смертных. А я доверчиво сам бросился на него... Впрочем, долго мучиться, наверное, не придется.

Но чудеса продолжались.

Несмотря на адские муки, я оставался жив. Более того, продолжая скользить по радужному мосту, я вылетел из колдовского пламени, с удивлением обнаружив, что не получил даже самого маленького ожога. Однако внутри стало пусто и холодно. Безразличие и скука. Такая скука, что я с удовольствием покончил бы с собой, если бы для этого не требовалось совершать новые усилия, ведь делать решительно ничего не хотелось. Что-то сгорело и сгорело дотла. Но что? Этого я не мог сказать.

Меня несло по мосту навстречу оранжевым языкам. Я равнодушно глядел на неземную красоту, ведь я не ребенок и не генерал, чтобы радоваться

разноцветным фонтанам огня, лижущим небо. То есть, конечно, генерал, но не из тех, кто голову использует единственно для ношения предписанного уставом головного убора.

Оранжевое пламя обняло меня. Я сжался в ожидании жгучей боли — ее не было. По всему телу разлилось приятное тепло, вызвавшее почти сексуальное наслаждение. Я расслабился, отдаваясь новым ощущениям, и потому прозевал самый миг появления Волшебника. Несколько языков пламени свились жгутом, образовав подобие человеческой фигуры. Длинная мантия, чалма, борода — весь предписанный сказками набор.

— Приветствую тебя, Нидхегг, — грустно сказал Волшебник.

— Привет и тебе, хранитель, — отозвался я, не удивляясь ни тому, что он знает мое подлинное имя, ни тому, что я знаю, как обратиться к нему.

— Ты возвращаешься на родину?

— Нет.

— Это радует, — с заметным облегчением отозвался Волшебник. — Наш мир не нуждается в тебе.

— Именно поэтому ты послал троих убить меня? — язвительно осведомился я. — Напрасный труд. Ты ведь знаешь, что никому из них со мной не равняться.

— Знаю, — кивнул Волшебник. — Именно поэтому я никого не посылал.

— Но за мной охотились. Двоих я уже прикончил, где-то летает еще третий. Третий смертник, — уточнил я.

— Кажется, я догадываюсь, чей приказ они выполняли, — улыбнулся хранитель.

— Чей?!

— Не скажу. Ты ведь знаешь, что я никогда не помогал врагам.

— Враг я или он?

— Думай как хочешь.

— Рано или поздно я вернусь, и тогда ты горько пожалеешь о своей неуступчивости.

Волшебник качнул головой.

— Никто и ни о чем тогда не пожалеет на пепелище Вселенной Магии.

В раздражении я выпустил клуб дыма.

— Я не собираюсь губить родину.

— Ты так говоришь.

— Не понимаю.

— Еще бы. Ты ведь уже прошел красное пламя?

— Конечно.

— И договорился?

— Я никого не видел.

— Вот именно.

Я окончательно взбесился и скрежетнул когтями.

— Я могу не дожидаться возвращения в Мир Магии, а прикончить тебя немедленно!

— Попытайся.

Я рванулся было к хранителю, но не смог преодолеть инерцию скольжения, меня влекло дальше по мосту, а он остался стоять в оранжевом пламени.

— Мы еще встретимся! — рявкнул я на прощание. Что мне оставалось, кроме бессильных угроз?

— Не уверен, — холодно ответил Волшебник. —

Ведь ты уже не человек.

— Как?! — взвыл я.

Однако оранжевый костер остался далеко позади, и расслышать ответ я не смог. Передо мной вырос желтый костер. Понятно. Меня протащит через огни всех восьми цветов радуги. Каждый из костров является воротами в соответствующий мир. Например, оранжевый соответствует Миру Магии. Интересно, что было в красном, через который я так лихо проскочил? Тыфу, черт! Как я мог так ляпнуть?! Восемь цветов радуги?! Семь, конечно, только семь. Но ведь обочь дороги я совершенно ясно видел черное пламя. Черное! Какой мир мог таиться во мраке? Подумать страшно... Но больше я ничего сообразить не успел, потому что въехал в бушующий желтый огонь.

Противно завоняло горячей шерстью, меня едва не вырвало. Одновременно я обнаружил, что горю. На сей раз вполне по-настоящему. Дрожащие огоньки поползли по комбинезону, хотя по мысли конструкторов он был абсолютно несгораемым. Вот вам и хваленая американская химия. Впрочем, удивляться и возмущаться у меня времени не осталось — меня ждала новая встреча.

— Дьявол? — вяло уточнил я при виде рогатой персоны с хвостом и копытами.

Фигура потешно сморщила поросыачье рыльце и негодующе хрюкнула:

— Вот еще!

— А кто? — с проблесками интереса спросил я.

— Мы с вами уже встречались, — последовал банальный ответ.

— Не припомню.

— Постарайтесь.

Я пристально вгляделся в морду (при всем желании не могу сказать лицо) незнакомца. Действительно, что-то такое... Но танцующие желтые чадные огни, противно тлеющая одежда не давали сосредоточиться.

— Не знаю, — отрезал я.

— Мы с вами тогда сделку заключили...

— А-а... — прозрел я. Шустрый и фиолетовый!

— Но вы, кажется, тогда были, м-м, несколько другого цвета и размера.

— Совершенно верно, — кивнул незнакомец.

— Но это технические детали. Мы не будем их сейчас обсуждать. Вы намерены посетить наш мир?

Я постарался вспомнить, собирался ли.

— Технической магии? Признавайся!

— Именно. Гремлингов, полтергейстов, UFO и прочих.

— Нет.

— Жаль. Я с удовольствием поболтал бы с вами. Как там наши? Перестали досаждать?

Я махнул рукой.

— Дело прошлое. Мы давно живем вкуче и влюбе.

— Рад за вас.

— Не за них?

Шустрый помотал рожками.

— Вы настолько переменились, что я принимаю поправку. Рад за них.

— До скорого, — ответил я, покорно следуя движению Бифреста.

Шустрый изящно сделал ручкой, и я с радостью заметил, что моя одежда погасла. Хотя дыры и подпалины скрыть было невозможно, и вид я приобрел абсолютно разбойничий. Подумалось даже, не следует ли вновь обратиться к драконьей сущности, но я отшел колебания. Человеческая форма, по-моему, наиболее пригодна для общения с обитателями Восьми Миров. Они, в глубине души, презирают слабого и беспомощного человека, а презрение — скверный советчик в делах.

Тем временем меня охватило зеленое пламя. Интересно, кто встретит меня здесь? Однако меня пронизал такой жуткий холод, что все любопытство вмиг вымерзло. Даже первые мгновения, проведенные в НИЧТО, нельзя было сравнить с этим льдом, положенным прямо на обнаженную душу.

Зеленые языки извивались лениво и замедленно, словно не огонь это был, а какая-то желеобразная субстанция. Но как ни старался я уклониться от них — напрасно. Мои движения неизменно оказывались еще медленнее. Само пространство здесь переменилось. Хотя, какое пространство? В НИЧТО ничего и не было.

Прикосновения зеленых огней заставляли меня ежиться и взвизгивать. Долго ли тянулась новая пытка? Бесконечность. И никто не вышел мне навстречу. Зеленый мир наглухо закрылся от пришельца. Интересно, от кого? Человека? Генерал-поручика? Дракона Нидхега? Но в любом случае я сюда еще вернусь, и мы разберемся с дерзкими. Проклятые гордецы! Не захотели удостоить даже беседы. Но ведь и красное пламя отвергло меня... А шустрый... Мерзавец! Я был совершенно уверен, что он меня обокрал. Только сейчас я это обнаружил. Хотя при этом отчетливо понимал, что до сих пор не знаю, что именно увел у меня нахальный негодяй. Сломалось что-то в душе — хрупкое, едва осязаемое. Но бесконечно важное.

А меня уже неотвратимо влекло к бешено ревущему жемчужно-голубому пламени. Почему-то при первом же взгляде на него меня охватил такой неодолимый ужас, что невольно застучали клыки и холодная испарина выступила вдоль спинного гребня. Я попытался уцепиться когтями за плиты мостовой, однако моя новая попытка остановиться имела не больше успеха, чем первая. Голубое пламя надвигалось с неотвратимостью рока.

Ощущения оказались настолько неожиданными, что я вскрикнул. Да и было от чего. Меня ударило, словно о гранитную стену. Совершенно необъяснимо огонь приобрел твердость камня. Вновь меня ударило о шероховатую прохладную поверхность. Я не ощутил ни испепеляющего жара, ни обжигающего холода. Ничего. Меня остановила самая обычная, ничем не привлекательная, вульгарная даже, каменная стена.

Замешательство длилось недолго. Точно ядовитая заноза, начала саднить мысль: голубой мир просто отказался иметь со мною дело, не пожелал впускать. Один просто равнодушно пропустил меня, а этот возненавидел...

А следом пришел ужас. Я уже достаточно разобравшись в механизмах работы Бифреста, чтобы понять — обход граней тессеракта Восьми Миров совершается в строгой последовательности. Возмож-

но, изнутри они действительно сообщаются каждый с каждым, но здесь, на гранях, скольжение определяется более сложными законами, не согласующимися с постулатами геометрии. Это означает, что я навсегда останусь в НИЧТО, ибо назад меня не пускает Бифрест, а вперед — проклятый голубой огонь.

Словно подслушав мои мысли, голубое пламя стало еще ярче, причиняя страдания глазам. Ведь закрыть их я не мог. Я остервенело принялся царапать когтями эту магическую стену, превосходно сознавая бессмысленность и безнадежность такой попытки. Голубое свечение очень быстро вынудило меня отвернуться, ведь я не хотел лишиться зрения.

И тогда ужас и озлобление сменились безразличием и тупой покорностью судьбе. Непрерывное струение Бифреста плотно прижало меня к огненной стене, буквально не давая пошевелиться. Я свернулся калачиком, прикрыл глаза ладонями и лег, ожидая, что за сюрприз мне поднесут далее...

Голос прозвучал ниоткуда. Он возник во мне. Не внутри меня, а именно во мне.

Что он спросил — я не понял, да и не стремился понять. Я был измучен, я отчаялся, я был ограблен... Что еще?

Вопрос повторился.

Я вяло выругался. Сговорились, что ли? Если спрашивают — обязательно так, чтобы я не понял.

— Дракон и не может понять моих вопросов, — укоризненно ответил голос.

Я встrepенулcя.

— Ты намекаешь, что я уже дракон более, чем человек?

— Разве здесь нужны намеки?

— Тебе-то что? — огрызнулся я, снова укладываясь на мостовую.

— Мне есть дело до всех людей.

— Ты же сам утверждаешь, что я дракон.

— Я этого не говорил.

— Софистика, казуистика и прочая ...истика.

— Оглянись во злобе.

— Во гневe.

— Нет, во злобе. Гнев благороден...

Я тяжело вздохнул, выпустив из ноздрей клубы сернистого дыма.

— Нельзя предаваться отчаянию, — упрекнул неизвестный собеседник, хотя я не произнес ни слова. По-видимому, он превосходно читал у меня в мыслях.

— Это было бы нескромностью.

Станный диалог! Я не открываю рта, а собеседнику это не доставляет ни малейшего затруднения. При этом он еще упрямо отрицает, что залез мне в голову.

— Конечно. Люди для меня — открытая книга. Мне дано читать в душах и сердцах.

— Вот видишь, — не сдержался я.

— Но не в мыслях. Помыслы человека принадлежат лишь ему самому.

Я устало махнул рукой.

— Прекрати. Перестань меня мучить.

— Кто способен быть более непреклонным судьей человеку, чем он сам? Судить — не мое. Я могу лишь простить.

Клыкки мои невольно лязгнули.

— Прощение нужно слабым.

— А сильным — втрое.

— Может быть. Не знаю. Но я не нуждаюсь в жалости. Я силен ненавистью. Отними у меня мою ненависть — и ты убьешь меня.

Он умолк, и я уже подумал, что одержал победу в бредовом и совершенно неуместном споре. Однако мой собеседник не сдался.

— Мне жаль тебя.

— Нет! Не делай меня слабым!

— Мы поговорим об этом, когда ты вернешься ко мне.

— Чтобы вернуться, нужно уйти. А я, как видишь, не могу двинуться с места.

— Ты идешь, просто слишком долг твой путь.

Я поднял голову. Не могу сказать «к своему удивлению», ибо за последнее время способность удивляться полностью атрофировалась во мне, я просто отметил, что приближается злое пламя. Почему злое? Оно окрасило весь мир мертвенным светом, как-то невольно заставляя вспоминать о могилах.

Если каждое из оставшихся трех пламен отнимет у меня столько же физических сил, как алое, или духовных, как голубое, мое путешествие вполне может завершиться плачевно.

А там меня уже кто-то ждет... Я совершенно отчетливо увидел мрачную фигуру, озаренную тусклыми синими сполохами. Инстинктивно я понял, что ничего хорошего встреча мне не сулит. Однако избежать ее я не мог — Бифрест все решал за меня. Проклятье! Теперь я понял, почему ни один смертный не смог пройти по тебе!

Я предостерегающе рыкнул синему призраку, чтобы он держался подальше. И с горечью понял, что основная цель моего похода по Бифресту с треском проваливается. Ведь отправился-то я за союзниками! А получилось нечто вроде ознакомительной прогулки — такое же бесполезное и такое же утомительное. Я уже миновал пять миров из восьми, а результат нулевой. И если мои предчувствия верны, шестой мир поднесет мне только еще одно разочарование. Вероятность удачи понижается уже до одной четвертой.

Разглядев, кто ожидает меня, я невольно попятился. Точнее, вознамерился это сделать, однако течение моста не позволило. На моем месте любой поступил бы так же, потому что среди синих вихрей меня поджидала колдунья, которую я тогда... Мои нервы не выдержали.

— Сгинь! Рассыпья, нечистая сила!

Старуха довольно потерла сухие ладони.

— Вижу, узнал.

— Изыди!

Она недовольно поморщилась.

— Ты же не веришь в Бога! Так зачем ты призываешь Его на помощь? Мне при первой же встрече сразу показалось, что ты глуповат.

Как ни странно, оскорбление вернуло мне самообладание. Припадок ярости снял стресс, и я уже смог трезво оценить ситуацию. Максимум, на что бабка способна — это вынудить меня провести несколько неприятных минут. Повредить же мне она не в силах.

331

— Замолчи, старая, — намеренно грубо ответил я. — Не твое дело знать, во что я верю, во что нет.

— Действительно, — неожиданно покладисто согласилась она. — Твоя вера меня ничуть не касается и совсем не волнует. Но твои намерения — другое дело.

Я собрался было ответить, но вместо слов из моего горла вырвался новый крик боли. Невидимый великан, вооружившись раскаленными клещами, принялся методично выдирать из моего тела жилку за жилкой. Так, по крайней мере, мне показалось. До тех пор я, выяснилось, не представлял, какой жуткой может оказаться боль. Ведьма только ухмылялась, глядя на мои корчи.

— Я до тебя еще доберусь... — вылетело у меня меж судорожно сжатых клыков. — Если ты умерла, это еще не означает, что ты от меня скрылась...

— Умерла? — нахально передразнила она.

Я в бессильной злобе полыхнул огнем, но его струи бессильно растаяли, едва коснувшись призрака. Оставалось терпеть и ждать, пока Бифрест разлучит нас.

— Чего ты хочешь? — спросил я. — Признавайся.

— Я? Ничего. Это ты все время чего-то ищешь.

— Может, ты и сейчас начнешь пророчествовать?

— Это нетрудно. — уголками губ усмехнулся призрак. — Только новое предсказание тебе понравится еще меньше.

Ничего, перетерпим еще одно оскорбление. Обидам всем веду я счет, за мной ничто не пропадет. Я сгоряча пообещал припомнить ей, но почему бы не взяться за эту задачу всерьез? Куда она денется из мира духов? Ребята М. доберутся и туда...

— Ты найдешь союзника, — пообещала колдунья, — хотя не там, где ищешь, и не того, что хотел бы.

— Как тебя понимать?

— Понимай буквально. Самый верный способ.

— Ну-ну...

— Однако хочу тебя предупредить. За время путешествия ты уже многое растерял. Потеряешь еще больше.

Я слегка встревожился.

— Это что же?

— Не могу сказать, — вздохнул призрак. — К сожалению, действительно не могу, потому что иначе с большим удовольствием заставила бы тебя метаться в поисках утраченного. Не в моих силах.

На что же она намекает?

— Надо понимать так, что в твоём мире я союзников не найду?

— Ты совершенно прав. Чтобы поговорить с кем-то, нужно пройти в наш мир, а он тебя отвергает.

— А как же духи, работающие на меня?

— Тебе ведь требуются не единицы, ты хочешь набрать армию.

— Да.

— Вот и найди мир, который примет тебя такого, каков ты есть.

— Кто же я такой, что шесть миров уже не

впустили меня? —неожиданно прорвалось мое отчаяние.

— Ты это ты, не больше и не меньше.

— Новая загадка.

— Нет, все та же. Но от ответа на нее зависит твое будущее.

Я открыл было рот, чтобы достойно ответить старой карге, однако движущийся мост унес меня из синего костра. Я перевел дух. Нужно было собраться с силами и достойно подготовиться к следующему испытанию. Дрожащие фиолетовые тени, бегающие по мостовой, не внушали бодрости. От них веяло холодом и отчаянием. Впервые я испугался заранее, еще не приблизившись к седьмому огню. Ужас был настолько силен, что я попытался вообще спрыгнуть с моста. Увы. Ноги мои словно приклеились. Так, жалко трепыхаясь, я и въехал под арку фиолетового огня.

Шок, испытанный мною, описать невозможно. Нет у меня подходящих слов. Оказаться в офисе... Я малодушно упал в обморок.

Только величайшими усилиями хозяин кабинета сумел привести меня в чувство.

— Добро пожаловать, — ласково улыбнулся он, когда ко мне вернулась способность нормально воспринимать окружающее.

— Э-э... Н-ня... — не слишком любезно отозвался я.

— Надеюсь, путешествие по Восьми Мирам показалось вам достаточно увлекательным? — медовым голоском осведомился хозяин кабинета. Он был отличным психологом, и хорошо понимал, что следует дать человеку время опомниться, прежде чем начать серьезный разговор.

— Вы правы. Хотя скорее не столько увлекательным, как поучительным. Выяснилось, что я даже отдаленно не представлял здешних дел.

— Так всегда — ждешь одного, повстречаешь совершенно другое.

Я покрутил головой, ощупал шею. Вроде все пришло в норму. Пару раз вздохнул поглубже.

— Насколько я вас знаю, вы не расположены к излишним сантиментам. Поэтому я предложил бы завершить обмен любезностями и перейти прямо к делу.

— Насколько я знаю, — передразнил хозяин, — вы к сантиментам расположены не более меня. Так что, действительно, давайте перейдем к деловой части. Вы ищете союзников, чтобы одолеть фельдмаршала?

— Да.

— Отлично! Мне тоже нужны союзники, чтобы... Неважно. Но наши устремления полностью совпадают, поэтому не сомневаюсь, что мы могли бы найти общий язык.

— Вы полагаете? Ваша репутация в нашем мире отнюдь не располагает сотрудничеству с вами.

— Я предоставлю вам случай убедиться, что эти слухи ложны.

— Тем более...

— Что?

— Что те, с кем я намерен бороться, работают именно на вас.

Хозяин широко улыбнулся.

— Это так. Но я давно ищущ возможность покон-

чить с этим опостылевшим сотрудничеством. Они стали фигурами настолько одиозными, что любое упоминание вашего имени рядом с их именами способно навечно запачкать вас дерьмом. В свое время мой предшественник...

— Простите? — мои брови невольно взметнулись. — Ваш предшественник?

— А вы полагаете, что сидящий здесь вечен? Это было бы ужасно. Вечность означает отсутствие прогресса, застой, деградацию и гниение. Мир вокруг меняется, должен меняться и подход к нему. Ведь только этим можно объяснить тот тупик, в который уперлись, гм, мои соседи. Нет. Мы заботимся о своей репутации и о действительности наших методов. И если это означает неизбежность смены руководства — мы его меняем. Как видите, у нас царит подлинная демократия. Чего, кстати, никак не могут осознать мои недавние союзники. Их лозунг «умрем, но не сдвинемся с места» для меня неприемлем.

Я криво усмехнулся.

— «У Англии нет постоянных союзников, есть лишь постоянные интересы».

— Отчасти так.

— Но это, увы, лишь подтверждает мою оценку вашей репутации.

— Некогда сказано: «Кто сам без греха, пусть первый бросит в нее камень».

— Да-а. Дьявол цитирует Священное Писание.

— Мир сложен.

— Давайте ближе к делу. Вы действительно согласны отказаться от поддержки фельдмаршала? Мне совершенно ясно, что он работал в тесном контакте с Андроповым, и поднятый тем мятеж — не что иное, как отчаянная попытка взять под свой контроль Тринадцатое Управление. Все более очевидным становится, что деятельность фельдмаршала противоречит конституции, и он не желает мириться с нашей поддержкой законной власти. Мир и прогресс — наша цель, а они жаждут вернуть Призрак, Который Бродит По Европе. Признавайтесь, ваших рук дело?

Хозяин кивнул.

— Глупо было бы отрицать. Создали этот призрак мы. Однако использование призрака целиком и полностью на совести его теперешних владельцев. Если только им ведомо слово «совесть».

— Объясните мне, ради Бога, почему вы поддерживаете... эту команду?

Хозяин широко улыбнулся.

— Разве не очевидно?

— Отнюдь. Ведь они тратят массу сил, занимаясь убийствами. И, по идее, пополняют ряды ваших подданных. Убивали в прошлом, намерены убивать в будущем. Слава Богу, — при этих словах хозяин кисло поморщился, — они утверждают, что т е п е р ь твердо знают, кого надо расстреливать.

— Если бы они действительно знали... Дело в том, что как раз массовые убийства менее всего отвечают моим интересам. Если фанатики-параноики-коммунисты думают угодить мне, устраивая массовые гекатомбы, они жестоко ошибаются. Ведь, отправляя под топор десятки миллионов невиновных, они пополняют армию моего... конкурента. Поэтому я заинтересован в прямо противополож-

ном — мире и покое.

Мои брови вновь вышли из повиновения.

— Парадокс!

— Жизнь состоит из них, — вздохнул хозяин. —

Не стоит принимать на веру ничего. Особенно — очевидных утверждений, потому что наверняка они не таковы, какими кажутся.

Я поднялся.

— Что ж, благодарю вас за хороший совет, не премину им воспользоваться. Именно поэтому я отклоню ваше предложение. Не стану верить очевидности.

Хозяин приятно улыбнулся.

— Вы еще вернетесь ко мне. Разговор не окончен.

— Я уже это слышал.

— Не сомневаюсь. Но ко мне, — он старательно подчеркнул это слово, — вы вернетесь обязательно. Вы обречены вернуться. Я готов подождать, пока вы перемените свою точку зрения. Я терпелив.

— Честь имею, — церемонно поклонился я.

— До скорого. — Дьявол небрежно щелкнул пальцами, и я обнаружил себя на плавно скользящем Бифресте. Фиолетовое зарево медленно таяло за спиной.

Я вытянул семь пустышек. Грустно. Само собой разумеется, что я ни на миг не подумал принимать предложение дьявола. Я еще не сошел с ума. Что позволено коммунистам, то заказано нормальному человеку. Взаимодействие между Восемью Мирами слишком сложно, чтобы разобраться в нем вот так, с налета, и описать двумя-тремя словами. Но что очевидно — большой любви к соседям никто не питает. Просто нам больше знакомы трения между раем и адом, но мы совершенно одинаково не в ладах и с тем, и с другим. Попытка сыграть на чужих противоречиях провалилась, как я понял, большей частью потому, что сам я не принадлежал ни к одному из миров. Никто не признал меня за своего, никто не захотел поддержать. Волк-одиночка... Особенно оскорбительным был отказ Мира Магии, я-то надеялся... В отношении прочих я не питал особых иллюзий. Конечно, гремлины были «за», но ведь мир техномагии был самым молодым и самым слабым. Не стоило обольщаться его поддержкой. Спустя тысячу-другую лет его силы достаточно окрепнут, но мне что из того?

Впереди плавно колыхалось черное облако. Меня встречал таинственный Восьмой Мир, о котором никто ничего не знал.

Когда я коснулся черноты, то вскрикнул от боли. Это уже стало привычным ритуалом. Все правильно, переход из одного мира в другой должен сопровождаться шоком. Но не таким же! Мне словно плеснули кислотой прямо в душу. И тут же оглушительная боль сменилась покоем. Я ничего не видел и не слышал, однако при этом каждой клеточкой своего тела ощущал — я наконец попал в свой мир! Только этим я мог объяснить благодать, снизошедшую на меня. Я проник в новый мир, слился с ним, растворился в нем, полностью отрекшись от своего «я».

Во мне зазвучали наперебой голоса. Опять я не мог различить ни единого слова. Какое-то ворча-

ние, бормотание, шорохи. Время от времени их перекрывал бархатистый медный удар. Меня спрашивали — я отвечал. В свою очередь спрашивал я — мне втолковывали, как маленькому ребенку. Но будь я проклят, если смогу вспомнить хоть что-либо! Самое главное — мы сумели обо всем договориться. Мне обещали всемерную поддержку и помощь. Более того, меня назначили эмиссаром Восьмого Мира в нашей Вселенной. Отлично. Мы разберемся и с фельдмаршалом, и с пособниками Сатаны. Никто не будет забыт и ничто не будет забыто.

Смущало одно — я так и не знал, кого именно я представляю. Загадка, которая саднила ядовитой занозой. Я был уверен, что не стану орудием темных сил, ведь я категорически отказался сотрудничать с Сатаной, однако хотелось большей определенности. Иначе я не смогу уверенно вербовать помощников из числа... нет, не подумайте, что людей. На это слабое, склонное к пороку и предательству племя я давно перестал полагаться. Я рассчитывал привлечь к работе своих братьев из Мира Магии, шустрых гремлинов и многих, многих других.

Сейчас мне требовалось лишь одно — как можно скорее вернуться назад, в свой кабинет. Ведь Бифрест вынес меня из пределов Восьмого мира совершенно опустошенным. Мне стало настолько скверно... Нагой и беззащитный... Так я определил бы свои ощущения. Спасительный мрак остался позади, а безостановочно движущаяся мостовая влекла меня в неизвестность. К счастью, неопределенность тянулась не слишком долго. Через десяток минут впереди замаячили рассеянные красные отсветы. Естественно, это были ворота моего собственного мира, Мира Реальности. Язык не поворачивается сказать: человечества. Не только человек живет в нашем мире. Не только и не столько.

Правда, непонятно, что мне делать, если алое пламя вновь отвергнет меня. Неужели я буду обречен до окончания времени крутиться по Бифресту между мирами? Или проще будет постараться зацепиться за один из них? Пока я гадал таким образом, красное пламя надвинулось на меня. Затрещали волосы, противно запахло паленым. Я заverteцал от ужаса — ведь с в о й огонь мог и должен сжечь в пепел. Ко всему я был готов, но перспектива сгореть заживо меня пугала. Заслонив лицо локтем, я рванулся было назад. Напрасно! Бифрест в который раз оказался сильнее меня, и я въехал прямо в бушующее пекло. К счастью, я сразу потерял сознание и не чувствовал, что происходит.

ДВЕ ВСТРЕЧИ И ОДНА ИДЕЯ

Возвращение было тягостным. После всех перенесенных мною испытаний вдруг обнаружилось, что я не имею и отдаленного представления, какими могут быть мучения. Меня ломало и коржило, неведомый садист через каждый нерв пропускал электрический ток. Внутренности заполнила кипящая болотная жижа, а кожу методически поливали кислотой...

Как я все это выдержал — не знаю, только

АЭЛИТА

снулся я весь в поту, руки непроизвольно подергивались. В кабинете все вокруг покрывали лениво колышущиеся хлопья гари, вместо бумаг на моем столе высились груды сероватого пепла. Похоже, в забытии я искал спасения, перевоплощаясь в свое второе «я», и успел натворить немало дел. В очередной раз я похвалил себя за предусмотрительность, ведь догадался однажды сделать свой кабинет несгораемым, хотя и поставил в тупик этим приказом бедного Генриха. А иначе не миновать беды.

Однако демонстрировать живописную картину разгрома в кабинете начальника Управления всем и каждому отнюдь не хотелось. На подгибающихся ногах я выполз в белый свет. Не знаю, что изменилось в моем лице, но мирно беседовавшие Задунайский и Гиммлер так и шарахнулись, едва завидев меня в дверник проеме.

— Назад... — слабо проскрежетал я. Голос мне начисто отказал.

Вдолбленная годами службы привычка повиноваться остановила Железного Генриха, а волкодлак притормозил с хорошим запозданием. Похоже, его остановил только пример начальника отдела лично его состава.

— Генрих, вам придется изрядно поработать.

Гиммлер приятно улыбнулся, хотя на мраморном лбу у него выступили крупные капли пота. Интересно, как может потеть дух?

— Что потребуется?

— Мы создадим свое спецподразделение. Точнее, даже целую войсковую часть. Контролировать дивизию имени Дзержинского мы пока не в состоянии, зато сражаться с диверсантами и боевиками ГРУ нам приходится каждый день. Мне удалось договориться кое с кем за время путешествия, и вскоре начнут прибывать добровольцы. Обеспечьте их размещение. Придумайте место новому подразделению в нашей структуре, не особо афишируя его наличие. Техникой и вооружением займетесь вы, — я кивнул Задунайскому. Начальник технического отдела с немногого оцепенелой улыбкой покорно кивнул в ответ. Подозреваю, он сделал это чисто механически, повторяя мой жест. Слабодушный оборотень никак не мог совладать со своими нервами. — А потом мы разберемся с теми, кто становится на пути демократии и свободы... — угуемо закончил я.

Оба как по команде попятились. Вновь неладно. Подойти к зеркалу? Поверьте, я так бы и поступил, ведь следовало же выяснить, что именно так пугает окружающих. О людях я и не говорю, эти твари будут шарахаться при одном упоминании моего имени, но не дело, если твои подчиненные и соратники испытывают при разговоре с тобой сильнейшее желание улепетнуть. Я взглянул бы в зеркало... Однако понял, что никогда, до самой смерти этого не сделаю. Какой-то непонятный внутренний запрет, непередаваемое состояние, подобное ощущениям человека, находящегося рядом с пропастью. Она и манит, и отпугивает, притягивает и запрещает, но зовет, зовет, зовет... И вместо намеченного, неожиданно для самого себя, я приказал Гиммлеру:

— И выкиньте все зеркала из Управления. У

нас солдаты или шлюхи? Нечего им прихорашиваться. Вампир хорош, каков он есть.

— Но...

— Исполняйте! — лязгнул я.

Бедный Генрих вытянулся в струнку и щелкнул каблуками. Представляю, что он подумал о сумасбродстве начальника. Я мрачно поглядел на них, едва сдерживая клочущее в горле рычание.

— Идите.

Гораздо поспешнее, чем это предписывалось уставом, они выполнили приказание. Я прошелся по опустевшему предбаннику, шлепнулся в мягкое кожаное кресло и погрузился в невеселые раздумья.

* * *

Домой я предпочел отправиться по воздуху. Мне стал непереносим самый вид грязных людишек, омерзителен их запах. Я сумел разобраться, почему так происходит, но правильно сказано —любое знание старит. А непомерное знание может сокрушить рассудок, как каменная глыба ломает хрупкие кости неосторожного. Я выдержал, я сильный. Однако приобретенное знание легло на душу подобно черноте НИЧТО. Это не мрак ночи и не холод льда. Не приведи Бог вам испытать нечто хотя бы похожее. Бог или Сатана — выбирайте сами, что ближе.

Я легко пошел вверх, оставляя за собой огненные пунктиры улиц. Скоро ли я смогу сокрушить эту заразу и предать обретенную Вселенную моему миру? Ведь только так я избавлюсь от мучений. Любое существо за пределами своего мира невыразимо страдает. Дышать чужим воздухом, есть чужую пищу, слышать чужие чувства — мучительно. Вы полагаете, что вампиры и духи злы изначально? Ошибаетесь. Представьте себе, что вам постоянно приходится шагать по раскаленным угольям. Не испортится ли при этом у вас характер? Мне могут возразить: а как же домовые? Они-то сумели превосходно обжиться в этом мире и чувствуют себя здесь неплохо. Твари смешанной крови, они подобны тараканам, проникают в любую щель, множатся и плодятся, пока хозяева вдруг не обнаружат, что как раз они сами стали совершенно лишними в собственном доме.

Но вообще-то — неплохой мир. Нам он придется по вкусу после обустройства. А люди... Нет, я не собираюсь призывать уничтожить людей как вид. «Кто не с нами, тот против нас», «Если враг не сдастся — его уничтожают». Какое дремучее варварство. Полагаю, оно пришло из первобытных эпох, когда все Восемь Миров были юными. Недаром сказано: «первобытнообщинный коммунизм». Вот они и втащили нравы каменного века в наше время. Поэтому к ним и отношение надлежащее... Как к питекантропам. Причем, что самое странное, они даже не испытывают удовольствия от своих многочисленных убийств. Будь все коммунисты патологическими садистами, их хотя бы можно было понять. Но в чем кроется смысл пролитых ими океанов крови? Ведь Сатана отрекся от них, не без оснований утверждая, что менее всего он заинтересован умножать ряды безвинных мучеников. Так, может, это ангелочки стирают свои лилейные ризы в человеческой крови? Догадка вполне безумная, значит она имеет полное право оказаться гениаль-

ным прозрением.

Развить эту мысль мне не удалось. Как гром среди ясного неба (а оно и впрямь было ясным), пронзительно-белая молния расколола фиолетовый ночной свод. Меня обдало холодным жаром, едва крылья не вспыхнули. Знамение? Это что же, нематоды голубенькие решили показать норы и попугать меня? Меня, наместника Восьмого Мира?! Осатанев, я метнул струю дымного пламени прямо вверх. Не для того, чтобы наказать противника, его просто не было, но чтобы предупредить — я готов и намерен драться, я не отступлю! Одновременно я мысленно произнес несколько заклинаний, чтобы помочь пламени пройти несколько дальше, чем увидел бы несведущий. Откуда у меня взялось это знание — понятия не имею. Когда оно появилось — примерно помню: во время странствий по Бифресту. Но какой именно из миров наградил меня частицей своей мудрости — не представляю. И мое пламя умчалось очень далеко...

Ответ последовал незамедлительно. Новая молния ударила мне прямо в правое крыло. Меня перевернуло и закрутило, словно сухой лист порывом ветра. Обычный дракон был бы испепелен на месте, но меня хранили вышние силы, я был предназначен для выполнения исторической миссии, и не могли жалкие молнии повредить мне. Кроме того, я знал, хотя бы понаслышке, то, о чем простой дракон не подозревал — высший пилотаж. Скажите серому неграмотному дракону: иммельман, бочка, мертвая петля, — и я не дам за вашу жизнь и дохлой мухи, скорее всего, он попытается сжечь вас, решив, что его жестоко оскорбили. А я использовал свое невеликое знание, чтобы вывернуться из затруднений. Непросто это было сделать, но я сумел.

— Хорошо сделано, — прозвучал рядом, над самым ухом, сочный баритон.

Я шарханулся прочь от неведомой опасности.

Невдалеке от меня прямо по небу скакал всадник на тонконогом белом коне. Он (разумеется, всадник, а не конь) был одет в полный доспех древнерусского воина, за плечами вился тяжелый малиновый плащ, расшитый золотыми узорами. Мое внимание привлекло копьё, окруженное жемчужно-голубым ореолом. От копыя веяло непонятной угрозой, и я чуял скрытую в нем ужасную силу, силу, противостоять которой не мог никто.

— Я говорю, хорошо сделано, — повторил всадник, улыбаясь.

— Как все, что я делаю, — сухо ответил я, пытаясь сообразить, драться мне или прятаться.

— Не все, — качнул головой всадник.

— Позвольте мне самому судить свои поступки, — ошетинился я. Как бы за разговором не проскочить мимо своей вины.

— Не уверен... Любого из нас судят окружающие.

— Схоластика. — Признаться откровенно, беседа дается мне с ощутимым трудом, когда я отпускаю на волю второе «я».

— Нет, реальность.

— Я всегда и все делаю на совесть. Никто не может пожаловаться, что я не довел до конца начатое.

— О да, — согласился всадник, и копьё засветилось поярче. — Мертвые не жалуются. Что же до совести...

— Вы меня оскорбляете.

Милая беседа в ночном небе на высоте пяти сотен метров.

— Ничуть. Просто пытаюсь точно определить явление.

— Меня?

— Верно.

— Мне положительно начинает казаться, что вы напрашиваетесь на ссору.

— Пока нет.

— Пока?

— Да, ибо сказано: «Прощайте до семижды семидесяти». Четыреста девяносто первый грех вам еще предстоит совершить, чтобы исчерпалось милостивое терпение. Но остерегайтесь, чаша переполнится гораздо скорее, чем вам может показаться.

Я начал немного понимать.

— Так вы посланы Пятым Миром?

— Вы угадали.

— Зачем? Ведь мы беседовали совсем недавно.

— Предостережь. Пока вы сражались против посланцев Шестого — все было нормально. Но сейчас вы слишком близко подошли к роковой грани. Бойтесь перестараться, гнев наш будет ужасен.

— Не пугайте. Это не подействует, да и не к лицу вам такое. Не стоит унижаться.

— Вы правы. Я больше привык разговаривать мечом. Но пославший меня не жаждет крови. Он хочет единственно мира.

— Тогда считайте, что свою задачу вы выполнили. Предупреждение получено, ступайте прочь! Не следует меня запугивать, потому что м о й гнев будет ужасен! Я вообще не привык обсуждать свои дела со слугами...

Всадник вновь улыбнулся.

— Вы напрасно стараетесь оскорбить меня. Грех гордыни мне чужд. Наш поединок состоится, я провижу это. Но не сейчас. Сейчас тебе грозят иные опасности.

— Какие? — не смог я сдержать своего любопытства.

Всадник не ответил. Он начал удаляться, окутанный легкой серебристой дымкой, пока не растворился в неверном мерцающем сиянии. Только копьё сверкнуло на прощание яркой голубой молнией.

Что за опасности? Я торопливо включил телепатическую локацию и взвыл от бешенства. На матовом зеленом фоне отчетливо выделялась сочная изумрудная буква G. Проклятый призрак остался жив! Я-то старался уверить себя, что прикончил его вместе с Андроповым. Ошибочка вышла. Значит я попусту хвалился, что любое дело довожу до конца, мне еще предстоит подраться... Впрочем, эта литера светилась далеко от меня. Гораздо ближе находилась голубая литера G. Почему мне так часто стала попадаться эта буква? Со всадником все понятно: Святой Георгий-Победоносец. Однако не от него же исходит опасность. Ага, вот оно!

Совсем рядом, буквально вплотную, тревожным оранжевым светом полыхнула буква D. Наконец изволил явиться, голубчик. Я уже устал его ждать.

Презрительно зашипев, я выплюнул струю огня, чтобы осветить небо. Если он рядом, непременно отзовется.

И дракон поспешил откликнуться.

По сравнению с ним два первых выглядели жалкими недомерками. Этот же величественно парил в ночном небе, подобный крепостной башне. Мое пламя на мгновение осветило мощное тело, красные блики заиграли на блестящих, словно полированных, чешуях. Мне они показались серо-стальными, а может, таким и были на самом деле. Ведь частично непробиваемость драконьей шкуры обеспечивает стальные чешуи. Его крылья были вдвое шире моих, спинной гребень эффектно отливал кармином.

Поняв, что обнаружен, дракон повернул голову и выдохнул целую реку пламени. Небо залило желтое сияние с оранжевыми прожилками. Не знаю, что потом думали об этом горожане. Скорее всего, решили, что город посетил очередной НЛО. Глупцы! Они забыли великолепный принцип Оккама: не изобретать сущностей сверх необходимого. Зачем приплетать сюда мистических пришельцев, если существуют вполне реальные драконы?

Однако понимание всего этого пришло позднее. В тот момент меня заботила одна мысль: ох, и туго же мне придется. Я постарался, чтобы мое пламя выглядело как можно более внушительно. Увы. Лучше бы я этого не делал, потому что осрамился самым жалким образом. Получилась лишь жалкая пародия.

Но противник, казалось, не заметил моего конфуза. Он только блеснул желто-зеленым фосфорическим глазом и отрубно прогудел:

— Приветствую.

— Что тебе нужно? — неудача подтолкнула меня стать агрессивным.

— Я хотел поговорить с тобой.

— Что-то слишком многие желают побеседовать со мною после возвращения из НИЧТО. А в свое время, в Восьми Мирах, не пожелали и видеть.

— Мой хозяин говорил с тобой.

— Так ты не представитель Второго?!

— Отнюдь.

— Изменник!

Мне почудилось, что дракон пожал плечами.

— Я перешел на сторону сильнейшего. В том нет греха. Живой дракон лучше дохлого.

— Я только что беседовал еще с одним послем.

— Осторожнее! — полыхнул огнем дракон, его глаза налились желтизной. Похоже, он приходил в бешенство при одной мысли о Георгии-Победоносце. Отчасти мне были понятны такие чувства.

— Не указывай!

Дракон скрипнул клыками, но сдержался, только сильнее и чаще забил крыльями, набирая высоту. Что-то, а это понимали даже самые тупые твари — атаковать сверху гораздо удобнее. Впрочем, он продолжил разговор:

— Мой хозяин решил, что тебе пора определиться. Во время путешествия по Восьми Мирам все только присматривались к тебе, вырабатывали

политику по отношению к новой силе. А сейчас начали действовать. Именно потому, что с тобой связались заклятые враги, мы требуем немедленного ответа: с кем ты? С ними, или поддержишь нас?

Интересно, что такого сумел я совершить, что теперь меня признают как силу? Ведь не разговаривали со мной от презрения к моей ничтожности. Что переменялось?

— Дурак! Я не с ними и не с вами. Я сам по себе!

— Так не бывает, — не слишком уверенно возразил дракон.

— Бывает. Ведь существуют восемь миров, а не два.

— Так значит...

— Ты поразительно догадлив. Я служу самому себе и своему Восьмому миру. Все остальные семь тоже скоро будут принадлежать нам.

— Тогда умри! — взревел дракон.

Вместо ответа я дохнул на него огнем, однако проклятый успел подняться гораздо выше, и пламя не причинило ему вреда. Начался безумный воздушный бой двух драконов над ночным городом. Я просто обязан был его проиграть, уступая противнику почти по всем параметрам. Из знаменитой формулы: высота, скорость, огонь, маневр, — моим было лишь последнее слагаемое. Летучий гад превосходил меня и по скорости, и по огневой мощи, и по бронированию. Мое превосходство заключалось единственно в небольшом знании высшего пилотажа. Ах да, чуть не забыл. Еще в подчиненности Высокой Идеи.

Сначала он пытался взять меня грубой силой. Заходил сзади и сверху, атаковал с пикирования. Это было внушительное зрелище: отливающая металлом темная туша со свистом разрезала воздух, изрыгая потоки желтого пламени. Однако мне не составляло большого труда уклоняться от его хаотических атак. Следовало только проявлять немного осмотрительности, переключая с крыла на крыло. Правда, мне немного подпало хвост, зато ему доставалось изрядно. Каждый раз, когда противник проскакивал мимо, я ударял его огненным бичом. Поскольку скорость полета дракона все-таки не слишком высока, я отчетливо слышал треск подгорающей чешуи и успевал почуять, как пахнет горелым. Эх, если бы мне такое пламя, как у него! Уверю, тогда этот дурак не пережил бы первого же промаха.

А пока с каждой новой неудачей он свирепел все больше и больше. Я еще подумал, что следует поручить Задунайскому приспособить многоствольную авиапушку для ношения ее драконами. Ведь сумел же он оснастить Зибеллу! А с драконом все куда проще, ведь у него вполне подходящая грузоподъемность. Никогда не следует полагаться только на природное оружие.

Увлеченный этими рассуждениями, я едва не прозевал перемену тактики противником. Теперь он ринулся в лобовую атаку.

Вот здесь мне уже пришлось поступать не по канонам. Как я недавно упомянул, драконы довольно-таки медлительны, и столкновение морда в морду отнюдь не смертельно для них, если учесть креп-

кую конституцию этих зверей. Так что мне пришлось прилагать максимум стараний, чтобы уклоняться от противника. Он-то как раз жаждал сцепиться со мною влапопашную, чтобы пустить в ход свои мощные когти и жуткие челюсти. Поэтому я вертелся, как мог. Бочка, змейка, штопор... Пару раз после классических иммельманов мне посчастливилось хорошенько полоснуть его когтями по спине. Однако я все отчетливее ощущал, как наливаются свинцом крылья. Такая сумасшедшая гонка долго тянуться не могла. Еще минут пять — и он меня закогтит. А тогда Сатана в лице фельдмаршала, или фельдмаршал в лице Сатаны, не время разбираться, восторгается.

Как вывернуться — я не видел. Спуститься на землю? Дракон немедленно меня испепелит. Сражаться в воздухе? Через пару минут бой превратится в избиение. Наверное, я слишком расстроился, потому что прозевал именно то, чего так опасался. Мы столкнулись и диким клубком, с ревом и визгом, терзая друг друга когтями, рухнули на землю.

Его клыки полосовали меня, словно ножи, пламя обжигало, а слюна оказалась такой же едкой, как олеум. Конечно, я сопротивлялся изо всех сил. Мы упали в молодую рощицу и сейчас катались по земле, ломая хрупкие ели и невысокие березки. Мало-помалу мое сопротивление начало ослабевать. Дракон подмял меня под себя и уже раскрыл пасть, готовясь перекусить мне горло. Я невольно зашмурился... Чего он ждет? Издевается?

Но смертельный удар запаздывал.

Я приоткрыл правый глаз. Дракон стоял надо мной, приоткрыв пасть. Он настолько походил на человека, в изумлении разинувшего рот, что я не сдержался и нервно хихикнул. Истерический смешок прервал немую сцену. Дракон выпустил меня и отскочил, точно ужаленный. Потом припал к земле, в знак покорности пригибая шею. В такой позе он не мог ни нападать, ни защищаться. Оглушенный, я кое-как поднялся.

— Извините, я не знал; — униженно пролепетал дракон. — Виноват.

— В чем дело? — тупо переспросил я. Вообще-то нехарактерно для меня терять самообладание, в другом случае я просто ударил бы покрепче — и дело с концом. Видимо, он меня слишком сильно помял.

— Если бы вам угодно было сразу сказать, господин Великий Дракон, кто вы, я, конечно, ни за что не посмел бы столь дерзко посягнуть на священную особу.

— Ладно, забудем об этом.

— Как прикажете.

— А сейчас убирайся.

— Вернуться к... Сатане? — Он все-таки немного помедлил, прежде чем назвать это имя.

— Нет, в наш мир.

— И что прикажете делать?

— Ждать моего возвращения. Ждать и готовиться. Я не задержусь. Собирай войско.

— Слушаюсь, господин Великий Дракон.

— Ступай.

Он прямо-таки вжался в землю и ползком, пятясь, скрылся в темноте. Потом я увидел тусклую

малиновую вспышку, услышал легкий хлопок. Третий дракон отбыл, оставив меня в совершенном смятении.

* * *

Я сидел перед камином, напрасно пытаюсь собрать воедино разрозненные осколки мыслей. От частых и сильных ударов по голове мысли имеют скверную привычку терять плавность и стройность, уподобляясь беспорядочному вороху щепня. А этих самых ударов за последние полчаса я получил достаточное количество.

Я победил, но каким образом? Как мне удалось безнадежную ситуацию превратить в победу? В битве при Маренго Наполеона от разгрома спас вовремя появившийся Дезе. Кто же стал моей палочкой-выручалочкой? Такие победы пугают. Ведь подобным образом может перемениться и выгодное положение, если не разобраться...

Крылатый придурок разглядывал меня так, словно перед ним появился сам... не знаю кто. Ведь драконы не боятся никого и ничего. Просто физически не могут бояться, так устроена их нервная система. Тем не менее, он глядел на меня, как женщина на мышь. Точнее, не на меня, а на то, что висело у меня на шее, которую он так нахально вознамерился перегрызть.

Я торопливо ощупал разодранный воротник рубахи.

Мне на ладонь лег золотой квадратик, который отобрали у ифрита. Но теперь на черном камне проступили две огненные буквы: МР. Интересно, русские или латинские? Ведь смена алфавита резко меняет смысл монограммы на трофейном амулете. От «члена парламента» до «миллирентгена» диапазон очень велик и вмещает несчетное множество понятий. Или счетное, зато очень большое. Впрочем, если отбросить шутки в сторону, амулет сначала укротил Призрак, Который Бродит По Европе, а спустя несколько дней просто спас меня от разъяренного дракона-убийцы, вмиг утихомирив его, превратив в агнца. Между прочим, как бы не забыть за хлопотами... Еще никому не удавалось опрокинуть меня и столь блестяще опозорить. К величайшему сожалению, здесь придется действовать самому, потому что язык наемного убийцы подчас страшнее его оружия.

Я положил амулет на журнальный столик и блаженно вытянул гудящие ноги поближе к огоньку. Странно. Проклятый дракон едва не сжег меня, а все хочется тепла. Жутко болело все тело, словно меня пропустили через мясорубку, зудели ожоги, но несмотря на все огорчения, я мирно заснул, сидя в кресле. Заснул сном младенца, настолько меня измотал безумный поединок.

Проснулся я от того, что обнаглевший солнечный луч уперся мне прямо в лицо. Неприятное ощущение — словно тебя разглядывают в упор. Я с хрустом потянулся, разминаясь, и судорожно схватил лежащий тут же на столике «Скорпион». Ведь меня действительно разглядывали. Непростительная оплошность с моей стороны — не запереть двери и не вывесить обереги. Здорово же меня укатал негодяй, если я потерял обычную осторожность.

Впрочем М., а посетителем оказался именно он, предупредительно поднял руки и поспешил за- верить, что не собирается нападать.

— Что вы здесь делаете? — Я был крайне раздосадован, позволив застигнуть себя врасплох.

— Охранял посторонних от вас.

Я помотал головой, плохо понимая спросонья, что говорят.

— То есть меня от посторонних?

— Нет, именно так: посторонних от вас, господин Имперский Маг.

Час от часу не легче! Теперь еще этот награждает меня новым титулом. Да, придется заставить Задунайского вплотную заняться амулетом. Пусть выяснит, в чем тут соль.

— Чем же это я мог кому-нибудь повредить?

М. приятно улыбнулся.

— Амулет трансформаций работает. Прежде всего я порекомендовал бы не находиться слишком долго рядом с ним, если он установлен в первую позицию.

— Так он вам знаком?! — подскочил я.

— Разумеется.

— Признавайтесь... То есть рассказывайте.

М. пожевал тонкими губами.

— Всего я сам не знаю, но мне приводилось сталкиваться с амулетом Эм-Пи.

— Значит, все-таки английский язык?

— Да. По слухам его изготовил Роджер Бэкон. А он, сами понимаете, англичанин.

— И что значат эти буквы? В первой позиции, — уточнил я. — А равно в остальных.

М. развел руками.

— Повторяю, всего я рассказать не в силах, потому что не знаю сам. Мне не известно, например, сколько всего позиций. С его помощью реализуется суть вещей, названия которых начинаются с Эм-Пи, он немного сродни вашему «Себя зеркало».

Я обрадовался собственной догадливости.

— Я был прав, когда предположил, что возможен вариант «Member of parliament»!

М. кивнул.

— Да, он здесь присутствует. Олицетворение самого старого в мире демократического института — одна из позиций амулета.

— А что означают остальные? Почему испугался Призрак?

— Ну, это совсем просто. Он испугался «Metropolitan Police».

— ???

— Столичной полиции.

— Полагаю, лондонской.

— Верно.

— А отчего сбежал дракон?

М. тяжело вздохнул.

— Он увидел в вас суть первой аббревиатуры. Ради которой, собственно, и создавался амулет. Это позднее ему придали множество функций, век от века дополняя список.

Я помаленьку начал закипать.

— Не тяните кота за хвост. Что это за первая позиция?!

— «Malice purified».

— Я не знаю английского. В совершенстве не

знаю. — Очищенное зло, — тихо и серьезно ответил М.

Вот оно что! Все сразу встало на свои места. Квинтэссенция зла, еще бы не испугаться. Вероятно, сочетание моего второго «я» и очищенного зла дало такой редкий сплав, такое новое качество, что оно привело в смущение даже дракона. Не испугало, нет. Повторяю, дракон не сможет испугаться, даже если очень этого захочет. Но заставить оторопеть, задуматься...

— Ладно, не будем об этом, — завершил я неприятный разговор. — Мы не так давно знакомы, но я вас, М., уже достаточно хорошо изучил, чтобы понимать: если вы пришли, значит что-то задумали. Во всяком случае, вы прибыли не для объяснения свойств амулета.

М. сделал обиженное лицо.

— Вы подозреваете меня в неискренности?

— Разумеется, нет.

— Тогда в чем дело?

— Вы меня неправильно поняли. Я не подозреваю вас в неискренности, я в ней убежден. Честный начальник разведки... Нонсенс. Но, повторяю, оставим пикировку. Что вы придумали?

М. потерял ухо.

— Я хотел предложить новый подход к организации службы.

— Вы полагаете, что проведенных мною изменений недостаточно?

М. печально кивнул.

— Увы, да.

— Уж не хотите ли вы вернуться к комплектованию спецслужбы людьми?

— Избави Бог, — замахал он руками. — Ни в коем случае.

— Так какие перемены вы предлагаете?

— Изменение принципов. Эффективность секретной службы определяется отнюдь не идейной подкованностью сотрудников. Сколько ни читай «Богородице дево...» либо «Коммунистический манифест» — эффективность работы не повысится. Ее определяет только количество серых клеточек в черепной коробке. А до сих пор система не способствовала продвижению людей умных.

— Вы хотите сказать, что в КГБ работали одни идиоты?! — взвыл я.

— Ну конечно, нет. Не только они, — ласково проворковал он. — Хотя иногда создавалось и такое впечатление. Говорю вам как человек, много лет борющийся с Комитетом.

— Негативный отбор? — предположил я.

— Нет. Ситуация много сложнее. Негативный отбор означал бы гиперболическое распределение. Бесконечность в нуле, у полных кретинков, и ноль — в бесконечности. На самом деле отбор происходит по гораздо более сложному принципу. На первый взгляд, он соответствует гауссовской кривой нормального распределения, недаром же его так называют! Оно имеет максимум в средней точке и сходит до нуля в обе стороны. Ни дураков, ни гениев. Дорогу посредственностям.

— Веселая перспектива, — криво осклабился я. — Однако вы намекаете...

Но М. разошелся. С пылающими щеками он метался по кабинету, размахивая руками. Похоже, у

АЭПИТА

него, как и у всех незаурядных людей, имелся конек. Маленький пунктик. Даже Наполеон предпочитал, чтобы его хвалили как изобретателя скверного, проигрышного варианта королевского гамбита, а не как гениального полководца. Вот и М. питал неутолимую страсть к математике.

— Нет, дело хуже. Я понял это, ознакомившись с трудами основоположников квантовой механики.

Тот же допустимо. Один собирает марки, другой на досуге конспектирует Эйнштейна, Планка, Гейзенберга.

— Кривая отбора имеет максимум, смещенный к нулю. Это планковское распределение! Наибольшие шансы имеет человек глупее среднего. Не предельный дурак, разумеется, но тот, кого мы называем... ограниченным. Вот суть вашей системы, поэтому вы и проиграли.

— Вы предлагаете набрать гениев? — процедил я сквозь зубы.

— Хотелось бы. Но все гении наперечет и наперехват.

— Тогда кого?

— Людей с развитым нестандартным мышлением.

— Людей?!

— Не цепляйтесь к словам. Это случайная оговорка. Повсеместно признано, что наиболее эффективно работает Интеллидженс Сервис. Наиболее эффективно по критерию МакНамары «стоимость-эффективность». Тратя массу денег и гробя толпы людей, ЦРУ и КГБ добивались большего. Но какой ценой? А что позволяло СИС добиться выдающихся результатов? Люди.

— Какие? — вздохнул я.

— Писатели.

Да, М. мог огоршить кого угодно. Если бы я не сидел в глубоком кресле, то определенно упал бы на пол.

— Кто?!

— Писатели. Как вы помните, Сомерсет Моэм и Грэм Грин неплохо послужили Ее Величеству.

— Не помню, — честно ответил я.

— Даниэль Дефо так просто возглавлял разведку.

— Ну, это было, как говорится, давно и неправда.

— Вы напрасно сопротивляетесь, — укорил М. — Поймите, цепляясь за идейно подкованных придурков, вы правой рукой разрушаете то, что строите левой. Разведка, по существу рациональная в своих основах и по своим методам, может осуществлять наиболее значительные завоевания лишь путем опасных внезапных скачков ума, когда проявляются способности, освобожденные от тяжелых оков строгого рассуждения, которые называют воображением, интуицией, остроумием.

Вроде я это уже где-то слышал...

— Этот вопрос не ко мне. Систему возглавляет фельдмаршал.

— Если руководитель становится делу поперек дороги...

— Вы смелый человек, М., — оборвал я его разглагольствования. — За такие слова другого...

— А я не человек, — усмехнулся М.

— Мы только успели подавить один мятеж, как

вы предлагаете начать новый.

— Солдат должен быть верен Родине и конституции, но не исполнительной власти и тем более не лицу, ее представляющему.

— Знаю, генерал Дуглас МакАртур.

— Так подумайте.

-- Ладно, идите.

М. растаял, точно призрак, каковым, собственно, и являлся.

А я последовал его совету и задумался. Было о чем.

AND NOT TO YIELD...

Ничего особенно неожиданного не произошло. Все эти соображения давно уже стали для меня очевидностью и без сторонних подсказок. А если двое думают одинаково, то велика вероятность, что они думают правильно. Кроме того, сказано: капля воды камень точит. И еще сказано: соломинка ломает спину верблюду.

А тут еще очень кстати меня вызвали в центр для дачи объяснений по поводу «Битвы на Исети». Грохот канонады долетел до Москвы, да и вообще мятеж — происшествие, скажем прямо, неординарное. Но лететь к нам комиссия не посмела... И мне предстояло выдерживать второй, гораздо более трудный бой. Правительственная комиссия отнюдь не собиралась руководствоваться правилом «победителей не судят». Судить требовалось, судить хоть кого. Поскольку проигравшие свое отжили, то волей-неволей приходилось брать в оборот победителя. Если учесть крайне прохладный прием, намерения комиссии были серьезны до предела.

Не буду вдаваться в детали, рассказывая, как мне удалось добиться желаемого результата. Темны и извилисты пути власти, далеко не каждому по силам пройти их. Разумеется, я одолел извилистый лабиринт. Представив все доказательства существования опаснейшего заговора красных реваншистов против демократически избранного правительства, я убедил их в правильности своих действий, а главное — в необходимости смещения фельдмаршала. Демократия в опасности! Православие под угрозой! Народность заколебалась! Побольше звонких фраз, не отягощенных каким-либо смыслом; вдосталь туманных угроз с неясными перспективами, но незамаскированными намеками на утерю вполне реального благополучия. Не народом, разумеется, а попечителями народного блага. Последнее особенно важно. Короче, принесенная мною жертва (бедняга Ерофей) оказалась не напрасна. Я получил добро на устранение фельдмаршала. А с учетом возможного сопротивления мне дали карт-бланш и в отношении средств. Вплоть до применения танков, как при аресте Берии. Я твердо заверил правительство в своей лояльности. И в самом деле, пока у меня не было и в мыслях уничтожать их. Пока. Про мои команды «Гамма» и «Омега», про информационно-аналитический центр правительству знать незачем, у них и так слишком много забот. Пусть спят спокойно.

А теперь следовало торопиться. Я не обольщался: принятые решения вряд ли удастся сохранить в тайне дольше суток, и противник начнет принимать контрмеры, если я не поспешу. Неважно, откуда к

нему придет эта информация, кто меня продаст. Как-нибудь сладим. Скорее всего, само же правительство. А потому Впрочем, я отвлекся. любое промедление смерти подобно.

Едва вернувшись к себе в Управление, я вызвал М.

— Дивизия готова?

— Не совсем...

— Проклятье! Она нужна мне сегодня же!

— Кое-что можно выставить.

— Я немедленно вызываю фельдмаршала.

М. пожевал губами, подумал и кивнул.

— Действуйте. Если он клюнет, мы справимся, на это сил хватит. Но выковырять его из здания Лубянки нам не по силам.

— А Призрак?

М. задумался еще раз.

— Задействуйте МР.

Я перекрестился слегка дрогнувшей рукой.

— И да поможет нам Бог.

За окном громыхнуло.

* * *

Когда вытянутое худое лицо с козлиной бородкой повисло над моим столом, я неожиданно ощутил спокойствие и уверенность. Мосты сожжены, сейчас волнение слишком опасно.

— Господин фельдмаршал, требуется ваше присутствие. Заговор.

— Тот, который вы успешно разгромили? — неприязненно спросил он.

— Гораздо более опасный. Корни уходят так высоко, что мне не по силам их вырвать.

— Корни — высоко... Интересное выражение.

— Не смейтесь. Если вы узнаете детали, то и вам станет так же грустно, как мне сейчас. Когда вы прилетите?

— Вы предлагаете мне сунуть голову в осиное гнездо?

— Я не думал даже, что вы собираетесь сами превратиться в оперативника...

Он поднял на меня запавшие воспаленные глаза. Мне сразу стало нехорошо — настолько злое были перемены. Нет, на сей раз фельдмаршал не стал менять наружность. Просто в нем появилось нечто. Нечто бесовское. Я не могу определить это словами.

— Хорошо, я прилечу, — медленно произнес он, и изображение тотчас растаяло.

Не требуется описывать мое состояние. Фельдмаршал все понял и принял вызов. Однако я ведь приготовил кое-какие сюрпризы!

* * *

В тот же день я приказал ввести войска в город. Конечно, у многих это ассоциируется с крайне неприятными понятиями: хунта, комендантский час, мятеж, расстрелы. Какая ерунда! Я бы даже рискнул добавить: обывательщина. Видеть в нас, истинных защитниках демократии, рыцарях свободы — тупых жандармов... Больно и обидно. Мы защищаем людей от них самих. «Терпеливо сноси угрозы и оскорбления и почестей не проси; Будь терпелив и честен...» Не забыть бы в развитие идеи М. пригласить работать Редьярда Киплинга. Пользу от его стихов переоценить невозможно, а с Задунайским

как-нибудь сладим.

Впрочем, я отвлекся.

Приходилось блюсти внешние приличия, и потому я не расставил танки на каждом перекрестке. Не стоит смущать людей и вызывать панику. В этом заключается огромное преимущество моего Управления. Ведь мои солдаты при необходимости могут становиться невидимыми. Конечно, людишки при этом будут испытывать психологический дискомфорт. Даже не видя вампира, вы почувствуете его присутствие и вряд ли останетесь спокойны. Но это уже дело двадцать пятое. Надлежало предусмотреть возможные действия противника, особое внимание я уделил трассам из аэропорта. Именно там я расставил усиленные группы с задачей не допустить прорыва боевиков «Альфы» к городу. Ах, если бы мне удалось завершить формирование «Омеги»! Против массивной атаки драконов... Но приходилось довольствоваться имеющимся. И при этом я ни в коем случае не мог допустить бойни на улицах, при которой неизбежно пострадает мирное население. К тому же я не слишком доверял вампирам, хотя Андропов и был уничтожен. Пришлось приставить к каждой группе проверенного волкодака или призрака, что тоже не улучшало состояние окружающих. Каждому из моих доверенных лиц вручили последнее изобретение Задунайского — карманный ультрафиолетовый лазер. Совершенно истребительное оружие против вампиров, троллей и тому подобных тварей, не переносящих солнечного света. Ведь если они и сумели адаптироваться к обычному солнышку, то удар излучения лазера разведал в пыль самого стойкого из них. Не доверяй и проверяй!

В здании Управления расположились молодцы, навербованные М. в Восьмом Мире. До сих пор так и не знаю, с кем имею дело. Странные фигуры. Вроде бы человек, но не человек. Вампиры от него, как от огня, шарахаются. И все время его окутывает полупрозрачная колеблющаяся пелена, точно струится горячий воздух. Вроде бы ты его видишь, и в то же время нет. Но самое шокирующее — отсутствие лица. Фигуры таинственные, личностей не имеющие, целый батальон поручиков Кижэ. Бесплезным оказался даже такой мощный инструмент, как «Себя зеркало». Отказывал телепатический локатор... Зеркало невозмутимо отражало обстановку моего кабинета, в упор не видя таинственного незнакомца; вживленное кольцо показывало гладкий матовый зеленый фон без единого проблеска. Когда я сказал об этом Задунайскому, тот беспомощно развел руками. Редкий случай, оборотень признал свое поражение, даже не пообещал «дней через пять» выдать нечто потрясающее. Я растолковал глупому техническому гению, чем опасно для нас появление непонятной третьей силы, однако и тогда Задунайский промямлил нечто невразумительное. Кажется; он испугался!

Впрочем, работники ребята исправно и к встрече диверсантов «Альфы» подготовились.

* * *

Первый сигнал поступил из аэропорта. Наши гремлины, засевшие в самолетах, сообщили о вылете группы захвата. Малюта, командовавший на-

шими основными силами, принял решение с корнем вырвать больной зуб и приказал расстрелять самолет в воздухе. Возникла небольшая проблемка — самолет был обычным аэрофлотовским, хотя летели в нем только боевики. Как не ошибиться? С земли-то плохо видны бортовые номера. Но Малюта заявил, что в случае ошибки он принимает ответственность на себя. Молодец! Между прочим, ума не приложу, откуда у него взялись зенитные ракеты. Нам, вроде бы, ни для каких надобностей их не поставляли.

Самолет, оставляя за собой лохматый хвост черного дыма, рухнул в ста метрах от посадочной полосы на глазах тысяч удивленных зрителей. Не знаю, как потом пресекали панику.

Впрочем, сразу после этого два вертолета противника нанесли удар по аэропорту. Я ведь предупреждал, что мы сражаемся с хладнокровными убийцами! Пострадало столько невинных людей. Фельдмаршал оказался хитрой бестией, появления шариковых бомб с серебряной шрапнелью мы не предусматривали. Какая умная голова подсказала ему это? Малюта понес большие потери.

Узнав об этом, Гиммлер мрачно сказал:

— Не прилетит.

Я покачал головой.

— Куда он денется. Фельдмаршал превосходно знает, что со мной не справиться никому, кроме него самого, — при этом я нервно ощупал МР, висящий на груди. — Сейчас любая неполная победа равносильна поражению. Он человек последовательный, прилетит.

— А что, если он уже прилетел?

— Гремлины следят за всеми московскими аэродромами.

Дурацкая привычка у М. постоянно жевать губами.

— Предусмотрительно. Если он решит воспользоваться самолетом.

— А как иначе?

— Мне, например, самолет не нужен. Вы рассуждаете, исходя из предположения, что фельдмаршал человек.

— Безумие... — вспыхнул было я, но тут же погас. С одной стороны, не может председатель КГБ оказаться призраком, но с другой — кто ему помешает? Точнее, не призраком, а воплощенным символом. Такая гипотеза объясняет очень многое, если не все. — Ладно, — недовольно проворчал я. — Что предпримем?

— Давайте исходить из предположения, что он уже здесь.

— Как?! — подпрыгнул я.

— Неужели вы до сих пор не научились уважать противника? Тогда вообще непонятно, как вы сумели хоть чего-то достичь. Самоуверенность — верный залог гибели. Ведь вы сами часто отвлекали внимание противника разнообразными уловками. Шумные уличные бои, по-моему, отличная дымовая завеса.

— Тонко подмечено! — громыхнуло у меня над ухом.

В тот же миг я отшвырнул прочь кресло и разрядил весь магазин «Скорпиона» в тот угол, откуда прозвучал издевательский комментарий. Штукатур-

ка так и брызнула, однако моя очередь никому вреда не принесла, потому что голос, по-прежнему бодро, заметил:

— Скоро мы с вами разберемся.

— Гораздо скорее, чем ты полагаешь, — криво ухмыльнулся М., лихорадочно щелкая кнопками уюки-токи. — Начинайте операцию, — прошипел он в микрофон.

Окружающий мир начал стремительно меняться. Ровные аккуратные стены кабинета вдруг изъязвили сотни мелких кратеров, все плоские поверхности разом выгнулись полусферами, угрожая раздавить нас. По ним лихорадочно забегали радужные переливы, от которых болели глаза и кружилась голова. Чувство расстояния напрочь отказало. Улица за окном провалилась вниз, фасады домов легли горизонтально, превратились в мостовую, зато сама мостовая ушла вниз подобно отвесной стене ущелья. Даже небо переменялось. Почему-то справа и слева оно изогнулось навстречу взору, словно два голубых крыла, стремясь обнять меня. Хотя, почему голубых? В далекой глубине оно стало черно-синим, переходя через все оттенки до блеклого-голубого у близких концов крыльев. Солнце безумным образом сжалось посередине, образовав неопределимую словами фигуру, нечто вроде однополостного гиперболоида.

— Что происходит? — взвизгнул я.

М. открыл рот, однако не произнес ни слова. Уши заполнил ровный немолчный гул, глаза затянула бирюзовая дымка, прощально блеснуло пенсне Гиммлера...

* * *

Когда я пришел в себя, то обнаружил, что сижу на невысоком пригорке. Из-под драного мохового ковра влажно поблескивает гранитная скала. Старая, местами выкрошившаяся до щебня. Я вернулся в родной и привычный мир. Только в очень холодное место. Свинцово-серые волны тихим плеском накатываются на унылый щебнистый берег. Но даже отсюда, с вершины холма, видно, как неправдоподобно чиста и прозрачна вода. Я различал дно, стоя вдалеке от берега. Ни одной тучки, хотя небо того же самого свинцово-серого оттенка. И холод.

Я поднялся. Бессмысленно пытаться разгадать природу сил, затянувших меня сюда. Машинально я заправил новый магазин в рукоять «Скорпиона» и побрел куда глаза глядят. Непонятно что меня сюда забросило, оно же, подойдет срок, меня отсюда извлечет. Но вот бесславно замерзнуть я не намерен. Постараюсь согреться ходьбой.

Мрачная, слегка всхолмленная равнина наполнила душу тоской. Хотелось сесть на корточки и завывать волком на луну, которая красовалась на одной стороне небосклона, тогда как солнце и не думало покидать противоположную. Однако оба светила выглядели почти одинаково — бесцветно-белые, тусклые, холодные. Лишь характерный серп месяца выдавал луну, иначе отличить их стало бы невозможно. Заплакать...

Нет! Я дракон и не должен поддаваться предательской слабости. Это всего лишь вражеская уловка, чтобы захватить меня врасплох. Но я не под-

дамся!

И я пошел неведомо куда бодрим строевым шагом.

Очень скоро море скрылось за очередным холмом. Вокруг расстиралось бескрайнее моховое поле. Тут и там отсвечивали черные лужицы-зеркальца убийственно холодной воды. Чахлые прутьки торчали изо мха. Совсем некстати вспомнился ад Данте: в отличие от христианских басен поэт сделал ад ледяным. Может, меня занесло во владения Сатаны?

— Нет, — откликнулся знакомый голос.

Я схватился за шею, превосходно понимая, что амулет — моя последняя надежда. Даже после всех трансформаций в лаборатории Задунайского мне не тягаться с хозяином здешних мест. Угадать бы только, в какую позицию его ставить. Ведь ошибка окажет прямо противоположное действие, равносильное самоубийству.

В семи-восьми шагах передо мною прямо в воздухе показался темный силуэт. Постепенно уплотняясь, облачко превратилось в человеческую голову. Фельдмаршал! Попался...

Тонкие губы ехидно изогнулись.

— Вот мы и встретились.

— Заезженная фраза, — неприветливо ответил я.

— Старо и банально.

— Не всем быть писателями.

— И умными тоже.

— Но себя ты к ним относишь.

— Конечно.

Голова кивнула.

— Если ситуация не отличается новизной, то даже умному человеку трудно придумать что-то новое.

— Как знать.

— Впрочем, не нов и заговор против начальни-ка, — ехидно закончила голова.

— Вы всегда стояли на пути интересов службы.

Дело превыше всего.

— Какое дело?

— Дело государственной безопасности.

— Я ожидал, что ты скажешь: государства.

— Софистика, — ощерился я. — Ненавижу.

— Меня или софистику?

— Обоих!

— Да, недооценил я тебя, — вздохнула голова.

— Следовало бы уничтожить сразу, как только ты начал набирать силу. Впрочем, эту ошибку не поздно исправить и сейчас.

— Попытайтесь, — предложил я, трогая амулет и внутренне напрягаясь. Но при этом я не мог не любоваться собой: какая вежливость, какая выдержка! Не то, что этот хам.

— Однажды и тебе так же скажут: ты мешаешь делу.

— Нелогично. Если я сейчас умру, кто и когда скажет?

— Гипотеза.

— Если гипотеза, я отвечу. Я уйду сам, не цепляясь за кресло и погоны.

— Не уверен. Власть так сладка.

— Кончайте пустые разговоры, призрак.

Он ничуть не удивился и не стал протестовать.

— Ладно, ты сам хотел этого, — и зло сверкнул

глазами.

И впервые я увидел фельдмаршала целиком. Высокий худой человек в длиннополой шинели. Мои первые впечатления оказались правильными — он работал под Дзержинского. Не знаю, чем ему так приглянулся этот хладнокровный палач. Я сразу же ощутил присутствие огромной силы. Эта неведомая мощь — я никак не мог определить ее природу — вызвала уважение и невольный трепет. Даже закралось сомнение: а не лучше ли отступить, но я отогнал прочь недостойные мысли. Я дракон, а это обязывает. К тому же я заметил, что фельдмаршал смущен не меньше моего.

Нельзя было терять драгоценные мгновения, и я перешел в наступление. В глубине души мне всегда импонировала теория блицкрига: сокрушить врага первым же ударом, чтобы сохранить силы для дальнейшего наступления, для развития успеха. Все решает генеральное сражение!

И я вложил в первый удар все, что имел. Использовал, наконец, свое секретное оружие, оружие возмездия. Спасибо покойнику Зибелле. Я сделал небольшое усилие, вызывая в памяти образ василиска. На Земле этот прием вряд ли сработает, но в НИЧТО, где властвуют иные законы, он должен помочь. На глазах пораженного соперника я начал трансформироваться в покрытую крупной зеленой чешуей ящерицу.

Стоять на задних лапах было не слишком удобно, однако я поймал шаткое равновесие и вцепился когтями передних лап в амулет. Перевести его в положение «Очищенное зло», чтобы усилить мощь удара. Одновременно, чтобы смутить противника, я со свистом выдохнул облако ядовитых газов. На такое даже дракон не способен.

Когда фосфоресцирующая фиолетовая струя коснулась Дзержинского, он пронзительно заверещал и задергался. Там, где ядовитые капли осели на сукне шинели, оно сразу покрылось черными подпалинами, вокруг которых появились странные прозрачные пятна, будто он начал таять в воздухе.

И вдруг Дзержинский начал молиться! Это было настолько неожиданно, что я в первый миг замер, однако едва моего слуха коснулись слова безумной молитвы, все сразу встало на свои места.

— Князь Тьмы, приди на помощь слуге твоему! Укрепи силы его в борьбе с неверным! Помоги мне одолеть супостата, и Ты приблизишь тем миг моего воцарения!

— Дурак! — каркнул я. — Он отрекся от вас! Вы оказались слишком глупы! Повернись и сражайся! Я хочу дать тебе последний шанс, потому что уничтожить труса значит потерять частицу своей мощи.

Одним рывком Дзержинский сбросил прожженную шинель, и в то же мгновение сотни теней вырвались на свободу! Все пространство заполнили неясные силуэты, послышались голоса... Кто-то размахивал руками, кто-то молился, кто-то обнажал меч... Мои нервы не выдержали, и я приоткрыл третий глаз, приоткрыл на одно крошечное мгновение. Но этого оказалось достаточно.

Кошмаров ночь прошла, и солнце воссияло, Так входит пилигрим под серым покрывалом, Под дланью коего ветра утихли вяло,

Чей перст рассеял тучи, гром смирил
И сонмы призраков, которых ад родил.

С оглушительным треском серое воинство обратилось в груды камней, которые тут же начали крошиться, распадаться, рассыпаться. Мой противник остался стоять один посреди засыпанного щебенкой поля.

— Ты думаешь, что победил? — проскрежетал он. — Зря! Битва еще только началась!

Дзержинский простер руки вверх, растопырил пальцы. Я ожидал удара молнии, свиста урагана, падения скал. Однако единственным изменением стала перемена цвета глаз врага. Сначала они стали пронзительно-синими, в то же мгновение синий луч ударил мне прямо в морду. Мировой холод сковал было мои члены, но это ощущение длилось недолго. Ведь василиск неуязвим для магических лучей!

Я в ответ выдохнул струю кислоты, которая обдала Дзержинского с ног до головы. Он странно посерел, поблек. Позади него в воздухе повисло серое пятно.

Теперь его бельма стали мутно-багровыми, и меня окатило жаром, вокруг забушевал адский пожар. Я поспешно перевоплотился в дракона и купался, наслаждаясь восхитительным вкусом огня, чувствуя, как прибывают мои силы. Ответный огненный удар превратил его левую руку в скрюченную черную палку.

С огромным трудом я успел вновь обратиться василиском, чтобы встретить черный луч. Дракона он уложил бы на месте, но и василиску пришлось худо — у меня отнялись задние лапы. Луч смерти — страшная вещь.

Пора было кончать игру, и я во второй раз приоткрыл третий глаз. Почему я пользовался им с такой осторожностью? Я не знал, насколько глубоко мое перевоплощение в Царя-Змея, не израсходуется ли волшебная сила раньше, чем завершится

343 бой. Дзержинский стал мраморно-белым. Было видно, что все движения теперь даются ему с огромным трудом. Он каменел! Но слишком медленно...

Зеленый луч ударил в меня, когда я лихорадочно перевел амулет в состояние «Столичная полиция». Я угадал! Луч рассыпался безвредными зелеными искрами. Однако я понял, что сам не могу нанести ответный удар. Рисковать я не мог: если я сниму защиту, то откроюсь. Blitzkrieg трансформировался в Sitzkrieg. Мне оставалось только сидеть и ждать, пока он окончательно превратится в камень.

Дзержинский тоже понял это, потому что попытался шагнуть ко мне, чтобы схватиться врукопашную. Однако его ноги уже превратились в мраморные глыбы, и он мог лишь в бессильной злобе посылать проклятия. А я спокойно перевел дух и вытер пот со лба.

— Напрасно ты надеешься победить, — прошептал он твердеющими губами. — Ты уничтожишь меня, но я оставлю тебе подарок...

— Возьми себе, — автоматически произнес я предохраняющее заклятье.

— Нет, это не примитивное колдовство, которое ты сможешь вернуть. Я оставлю тебе богатое наследство...

Больше он ничего добавить не успел, передо мной стояла безгласная статуя. Я настороженно осмотрелся, прислушался. Тихо. И рискнул снять защитное поле, переключив амулет на «Очищенное зло». В тот же миг серая тень, лежавшая позади грубого изваяния, метнулась ко мне. Я не успел ни вскрикнуть, ни шевельнуться. Она накрыла меня, обняла и проникла в каждую клеточку тела.

Лишь тогда я понял, что за жуткое наследство оставил мне окаменевший фельдмаршал. Я сам стал Призраком, Который Бродит По Европе. Он же — *Malice purified*. Что теперь ждало меня?

Конец второй книги.

Сергей КАЛАШНИКОВ

ДЛИННЫЙ ОТПУСК

Повесть

ГЛАВА 1

«Невезение, даже если это не бесконечная череда неудач, а всего лишь отсутствие благоприятного стечения обстоятельств, не слишком приятная штука, — рассуждал Степа, покачиваясь на стропах. Кромешная темнота, затекшие ноги и боль от удара в боку привели его в меланхолическое расположение духа. — Впрочем, не все так уж плохо, — продолжал он размышлять. — Судя по тому, что я уже провисел здесь около трех часов, скоро начнет светать, и можно будет хотя бы рассмотреть, за что зацепился парашют».

Однако рассвет не принес ему приятных новостей. Первое, что стало ясно — это то, что туманы на этой планете обладают замечательной плотностью и позволяют видеть на расстоянии чуть больше вытянутой руки. Стропы уходили вверх и терялись в тумане на расстоянии двух метров.

«Ну что же, раз видно только в одном направлении, значит туда и двинусь, — рассудил Степа. — Если повисеть еще немного, можно потом и вовсе не стронуться с места». Ног он уже не чувствовал.

Достав из наколенного кармана скафандра пару отверток, он выбрал стропу, которая не была натянута. Подергав, убедился, что держится она прочно, и сделал на ней на расстоянии вытянутой руки петлю, в которой закрепил одну из отверток. Теперь было за что ухватиться. Он подтянулся, перецепил на отвертку карабин страховочного фала и повис на прочном шнуре. Почти полметра было выиграно, а главное — лямки

парашютных креплений перестали передавливать ноги. Вес принял на себя монтажный пояс, надетый поверх скафандра.

Теперь настал черед другой стропы, и снова он отыграл полметра у туманной мглы. Так, чередуя стропы, он карабкался вверх, пока сбоку не проявилась каменная стена — сплошная, без расщелин и выступов, да еще и нависающая над ним.

Через пару метров стропы оказались прижатыми к стене, это увеличило неудобства. Опереться о стену ногами он не отважился — не известно, насколько крепко зацепился парашют. Пришлось снова подтягиваться на руках.

Наконец он добрался до купола. Но и это не принесло облегчения. Теперь он вынужден был резать крепкую скользкую ткань, и на последних метрах Степа окончательно вымотался.

Он выбрался на горизонтальную поверхность и, по-прежнему не видя в тумане почти ничего, отполз от края. Вытянувшись и задрав кверху ноги, восстановил в них кровообращение. Снял скафандр и осмотрел ушибленные места. Ничего страшного — синяк на ребрах, ссадины на локтях и колене — даже уже почти и не больно.

Через час его разбудило солнце. Оно здесь совсем не отличалось от земного, впрочем, это он и раньше знал. О планете ему были известны справочные данные — все почти как у Земли, только чуть меньше масса и короче период обращения вокруг звезды того же спектрального класса, что и Солнце. Кроме этих данных сообщалось, что данная

звездная система не рекомендуется для посещения, исключая аварийные случаи. Как раз такой случай и привел его сюда.

Взрывы на звездолете начались одновременно во многих местах и не прекращались даже тогда, когда Степа покидал его в спасательном боте. Покидал — это мягко сказано. Бот отшвырнуло одним из взрывов и повредило при этом так, что почти месяц пришлось чинить двигатели и систему управления. А потом еще два месяца ковылять до ближайшей пригодной для жизни планеты. О нормальной посадке нечего было и думать, и, погасив скорость, насколько позволяли остатки топлива, Степа катапультировался, как только обреченный бот вошел в атмосферу. Естественно, как это обычно с ним случалось, ни о какой удаче не могло быть и речи. Он опускался в сплошную облачность на ночную сторону планеты, ожидая ногами соприкосновения с твердью земной или, на худой конец, с водной, а вместо этого получил удар в бок и остался висеть между небом и землей.

Осмотревшись, Степа понял, что приземление произошло в соответствии с привычным ему принципом максимально неблагоприятного стечения обстоятельств. Он не попал на ровное, как стол, плато, на которое с таким трудом вскарабкался. Он не попал и в обширную долину, противоположный край которой с трудом сейчас различал с высоты полукилометровой скалы. Провидению было угодно хорошенько хряпнуть его об эту скалу, зацепив купол парашюта за единственный, насколько он видел, выступ на ее краю. Причем в месте, где скала имела обратный уклон. Других таких мест он тоже больше не видел.

Свернув парашют и придавив его камнями, Степа отправился вдоль кромки обрыва, следуя всем ее поворотам, дабы не пропустить удобного места для спуска в долину. Часа через четыре, не найдя ни одной мало-мальски подходящей расщелины, он замкнул круг, вернувшись к своему парашюту.

Пора было перекусить и прикинуть план дальнейших действий. Остаться на безводной, покрытой одной лишь травой равнине — такая перспектива по-

казалась малопривлекательной, тем более, что пекло нещадно.

Пришлось отрезать стропы от парашюта, связывать их, крепить за тот же выступ и начинать утомительный путь вниз, захлестнув стропу двойной петлей сквозь карабин страховочного фала. На каждом узле он останавливался и, закрепившись отверткой в петле выше карабина, перецеплял карабин ниже узла, висая на одной руке и орудуя другой.

Конец стропы, разумеется, не достал до dna долины, и остаток пути Степа проделал с грацией ползущего по стене таракана, цепляясь пальцами рук за мельчайшие неровности. Уклон скалы в ее нижней части был уже не обратным и относительно пологим, градусов тридцать в месте, где кончилась стропа, и ниже постепенно переходящим в каменную осыпь у подошвы. Разумеется, расставаясь со стропой, Степа не забыл отрезать привязанный к ее концу сверток с остатками парашюта и скафандром и проследил глазами его путь вниз по склону.

Наконец спуск закончился. У нижней кромки каменистой осыпи, тянущейся вдоль подошвы скалы, он отыскал свой сверток. Дальше начинался лес. Деревья всех размеров, сплетаясь нижними ветвями, создавали почти непреодолимую зеленую стену. Первые метры пришлось преодолевать полчаса, пользуясь ножом и складной ножовкой по металлу из инструментального комплекта все того же скафандра. Дальше подлесок стал редким. Видимо, солнце не проникало сюда через кроны больших деревьев, и мелкая поросль испытывала недостаток света.

Прохлада и покой располагали к отдыху, да и пора было заморить червячка. Прикончив остатки тюбика с питательной смесью, начатого еще наверху, Степа допил воду из питьевого резервуара скафандра. Экономить ее не имело смысла потому, что примерно в километре, если прямо удаляться от скалы, протекала река. Ее хорошо было видно сверху.

Осмотр припасов и снаряжения дал достаточно скромные результаты: десять тюбиков с питанием, аптечка, две отвертки, два разводных ключа, складная

ножовка по металлу, три специальных ключа, тубик клея, тубик герметика, нож, ножницы по металлу, широкий пояс со страховочным фалом и карабином и крепкий теплый скафандр с кислородным баллоном и пластиковым шлемом. Не слишком подходящий набор для колонизации просторов незаселенной планеты.

Насчет незаселенности уверенности не было. Обычно справочники не рекомендуют для посещений планеты, где обнаружена разумная жизнь. Степень ее разумности может быть различной. От каменного века до средневековья. Но может быть, что на этой планете и нет никакой разумной жизни, и она является спорной территорией в войне землян с касситами, которая уже около века тлеет вдоль границы сферы колонизации, обращенной в сторону Кассии. Судя по ее координатам, это вполне возможно. Тем более, что авария звездолета очень походила на результат обстрела.

Упаковав все в тюк и закрепив его на спине, Степа двинулся к реке, вооруженный свежесрезанной палкой. Влажная почва мягко пружинила, похрустывали полусгнившие ветки, валежины местами заставляли делать обходы, но, в общем, идти было не трудно, почти приятно. Местами попадались небольшие поляны, но он обходил их лесом, чтобы не продираться через молодую поросль опушек.

Берег оказался топким, но вдоль реки вела чуть заметная тропка, на которую Степа и свернул, полагая, что куда бы она ни вела — ему туда и надо.

Тропинка то удалялась от реки, то возвращалась обратно. Вдруг она разделилась на два почти совсем незаметных следа, и стало ясно, что ведет она не «туда», а «оттуда». Не раздумывая, Степа развернулся и зашагал обратно. Примерно через пару часов ходьбы со стороны, противоположной реке, в его тропу влилась еще одна тропа, а через час — еще одна.

«Неплохой результат, и всего со второй попытки», — рассудил Степа, продолжая путь. Характер местности не менялся. Слева река, вниз по течению которой он шел. Справа лес. За ним, в километре, каменный обрыв. Впрочем,

обрыв стал заметно удаляться и вскоре совсем отвернул от реки. Лес немного поредел и тоже несколько отодвинулся от реки. В этом месте он заметил пеня, потом еще и еще. Пни были и старые, и совсем свежие. Здесь же лежали щепки и срубленные сучья, Степа заметил и борозды, ведущие к реке: похоже, здесь тащили бревна. Все это выдавало работу разумных существ. И, судя по размерам щепок, они орудовали стальным инструментом.

Прежде, чем идти дальше, Степа остановился в нерешительности. Кто знает, не примут ли его за добычу, или за врага, или за «чудище поганое». Присев на пенек, он «приговорил» второй за сегодня тубик рациона и принялся обдумывать дальнейшие действия.

Хорошо бы понаблюдать аборигенов со стороны, а там будет видно: идти к ним или лучше держаться подальше. Однако эти существа живут в лесу и, несомненно, охотятся. У него — городского жителя — мало шансов остаться незамеченным. Если его обнаружат прячущимся — это, скорее всего, вызовет недоверие к нему. Лучше, если он просто открыто объявится. Значит выбор прост. Или идти сразу, или уйти и обосноваться подальше от этих неведомых существ и жить в одиночестве, поддерживая свое существование охотой, рыбалкой и чем-то, что еще удастся найти из съедобных растений. Впрочем, кто их поймет, какие здесь съедобные, а какие нет. Экспериментальный способ определения мог закончиться с первой попытки. А на мясной диете он, пожалуй, долго не протянет.

Кстати, насчет охоты. Он что-то никакой дичи не встречал. А ведь должна же она быть в лесу. Значит звери обнаруживают его раньше, чем он их, и прячутся. Следовательно, он похож на тех, кого они боятся — на здешних разумных существ. Тогда у него есть шанс заговорить с ними до того, как ему выстрелят в спину.

ГЛАВА 2

Бревенчатая избушка стояла в полу-сотне метров от реки. Рядом огород, обнесенный плотным плетнем, сарай и колодец. Деревянные мостки на берегу.

И ни души. Дверь в избу подперта па-
лочкой. Петли кожаные. Окна затянуты
мутноватой пленкой, видимо, животного
происхождения. Колодец оказался сру-
бом, в котором скапливалась вода из
родника. Огород ухоженный, и... капу-
ста, морковь, картошка — совершенно
земные овощи.

В сарае санки, лыжи, дрова и ма-
ленький загон, как для козы. Наверху
сеновал, но сена почти нет. В избе,
кроме сеней, одна комната. В середине
большая печь. Вдоль стен лавки, покры-
тые шкурами, и сундуки. Над ними пол-
ки с глиняной посудой и другой утварью.
Стол для стряпни, обеденный стол.
У двери на деревянных колышках —
одежда, в основном из шкур, но штаны
— из груботканой материи. На одной из
полок несколько книг. Степа открыл одну
из них. Буквы знакомые, даже кое-что
можно прочесть, только в словах мно-
го «лишних» букв. Видимо, старинный
вариант земного языка. Все книги ру-
кописные. Металлических изделий в оби-
ходе немного и только инструмент: ножи,
топор, ножницы. Все грубоватое, но доб-
ротное. Спальных мест явно два. Раз-
дельно. Значит живут два мужика. На-
верное, отец и сын.

Солнце заметно клонилось к закату.
За окном заблел коза. Степа впустил
ее в загончик в сарае, но запереть не
стал. Заглянул в печь. Нашел под золой
горячие угли и раздул огонь. обследо-
вав продуктовые запасы хозяев, при-
нялся готовить ужин. Почистил и поста-
вил вариться картошку, видимо, прошло-
годнюю, из решетчатого ларя. Нарвал
редиски, вымыл, сложил на стол. Из
бочонка в сенях достал кусок соленого
мяса, промыл хорошенько, нарезал и
пожарил. В полотняном мешке обнару-
жил хлеб. Нарезал на троих. Остаток
оставалось дожидаться хозяев.

Хозяева, два рослых бородатых му-
жика, восприняли Степино появление со-
вершенно спокойно. На приветствие от-
ветили, хотя и с непривычным произно-
шением, но вполне понятно. Пока стар-
ший, крепкий старик, развешивал на чер-
даке пучки привезенных трав, младший,
одних со Степой лет, подоил козу. Трапе-
за прошла при общем молчаливом одоб-
рении и завершилась естественным об-

разом, когда не осталось ни крошки.
Мужики ни о чем не спрашивали, и пе-
ред тем, как тушить свечу, младший,
Карл, положил на одну из свободных
лавок меховую подушку и такое же оде-
яло.

Больше года Степа прожил у лесови-
ков. Косил, полог, доил и охотился. Де-
лал вместе с хозяевами их работу и не
чувствовал, что даром ест их хлеб. Все-
му обучился быстро. Хотя, конечно, по-
лучалось у него не так ловко, однако
справлялся. Из лука стрелял даже луч-
ше, чем Карл. Однако, что касается охот-
ничьих успехов, то тут до Карла ему
было далеко. Охота — это ведь не только
попадание стрелой в цель. Дичь надо
отыскать и подобраться к ней на рас-
стояние прицельного выстрела. Значит
— надо знать ее повадки.

Летом мужики рубили срубы из бре-
вен, что были заготовлены еще с зимы.
Осенью сплавляли их вниз по реке и
продали в ближайшем селении купцу.
Купили соли, крупы, муки, кое-что из
одежды и вернулись обратно. Коза про-
делала все путешествие вместе с ними.

В селении, стоявшем при впадении
речки, на которой была их избушка, в
другую реку — побольше, на Степу тоже
не обратили особого внимания. Выго-
вор у него теперь был такой же, как у
местных, и одежда такая же. Да и бо-
роду он отпустил в полном соответствии
с местными обычаями.

В селении жил купец, продававший и
покупавший все, чем была богата эта
земля и что было надо местным жите-
лям, да еще кузнец, выделывавший же-
лезную утварь для нужд местных жите-
лей, преимущественно охотников. Еще
было с десятков крестьянских дворов.

Степа не слишком приставал с рас-
спросами, чтобы не вызывать интереса
к собственной персоне. Однако он до-
вольно много выяснил из рассказов ста-
рика. По вечерам, если им удавалось
пораньше управиться с делами, старик
рассказывал сказки, легенды и всякие
истории, известные ему в превеликом
множестве. Обычно сдержанный днем
во время работы, в такие минуты он
делался разговорчивым, и речь его была
нетороплива и обстоятельна. Из этих рас-
сказов, да еще из книг, которые Степа

несколько раз перечитал, стало ясно, что планета находится в периоде средневековья. Монархия и пирамида вассальной зависимости. Монархи воюют между собой и, нередко, со своими вассалами. Вассалы тоже часто нападают друг на друга ради добычи или для приобретения земель соседа.

Здесь глухие места находятся под властью герцога, который каждый год присылает в селение сборщиков оброка. Дальше селения они не бывают — разве отыщешь все охотничьи заимки. Однако купцу приходится выкладывать солидное мыто каждый раз, когда он везет товар в город, так что казна не в накладе.

Одна из прочитанных Степой книг оказалась религиозного содержания. В ней были разные поучительные истории, действие которых разворачивалось явно на Земле, судя по названиям городов — на Ближнем Востоке. На вопрос о том, где находятся эти города, старик ответил, что ему это не известно и он не знает людей, которые знали бы это. Книга эта очень древняя, и автор не обозначен. Оставалось предположить, что история появления людей на этой планете не сохранилась в памяти населения, однако, похоже, насчитывала она не более пяти сотен лет: очень уж близок их язык к языку землян.

Зимой охотились на пушного зверя, а весной шкурки свезли в то же селение, тому же купцу. Вскоре после возвращения старик как-то вечером после ужина завел разговор в обычной манере неторопливого повествования.

— Лет двадцать тому назад, через год после женитьбы нашего герцога, герцогиня родила двойню. Двух мальчиков. Поскольку наследники появились на свет почти одновременно, стало ясно, что в момент, когда одному из них предстоит вступить на престол, может возникнуть распря. Во избежание грядущих неприятностей герцог, посоветовавшись с герцогиней и наказав повитухе молчать, объявил, что у него родился только один наследник. Второго малыша он сам отвез в самый отдаленный уголок своих владений и отдал на воспитание охотнику, у которого не было своих детей. Охотник и его жена вырастили мальчи-

ка, как своего сына. Пять лет назад жена охотника умерла, и юноша остался жить вдвоем с охотником. Это Карл.

Два года назад, когда Карлу исполнилось восемнадцать, он уговорил меня отпустить его в столицу герцогства. По весне мы справили ему пристойную одежду. Он взял немного денег, харчи на дорогу и отправился с купцом на его плоскодонке.

В конце лета, сразу после покоса, он возвратился и сказал, что впредь будет жить здесь и никогда меня не покинет.

Старик замолчал и посмотрел на Карла. Карл подтвердил:

— В городе теснота и сутолока, воровство и обман. И душно. — Карл не отличался многословием.

Старик продолжил:

— Когда мы последний раз ездили в село, купец рассказал мне, что наследник тяжело болен и, похоже, до лета не дотянет. Поскольку у герцога нет других сыновей, может статься, что вскоре за Карлом пожалуют герцогские слуги, а может, и сам герцог, и вернут его во дворец. Карла представят как внебрачного сына герцога и престолонаследника. Такое в порядке вещей.

— А я не хочу, — сказал Карл, — я умру там, как и мой брат. Задохнусь или свихнусь от тесноты.

Старик и Карл молча смотрели на Степу. Пауза затягивалась.

Молчание прервал старик.

— Сыновья у герцога родились непохожие друг на друга. Двойняшки, но не близнецы. А вы с Карлом одного возраста, глазами и волосом похожи...

Степа продолжал молчать. Вот оно что. Охотники вознамерились отдать чужака вместо Карла в ненавистный дворец. Интересный расклад.

Во-первых, становиться сыном монарха, пусть и небольшого — значит участвовать в дворцовых интригах, грязных политических затеях и семейных склоках. А он планировал незаметно устроиться где-нибудь поближе к ремесленникам, осмотреться, пообвыкнуться и придумать, что делать дальше. Может быть, жениться, обзавестись домом, детьми да и жить себе тихо и незаметно. Или пристать к купцам, побродить по неведомым землям.

Во-вторых, мужики явно что-то недоговаривали. Возможно, вокруг престолонаследия идет грызня, и претендент рискует быть отравленным или зарезанным. Словом, соглашаться не хотелось, но и новый поворот судьбы казался заманчивым. Да и отказать охотникам было как-то неудобно. Все-таки приняли его как родного, с расспросами не приставали...

Сошлись на том, что Степа подумает.

ГЛАВА 3

На другой день Карл ушел на охоту. Один. Такое и раньше случалось. Каждый месяц, а то и чаще, он пропадал где-то с неделю или чуть больше. Добычу приносил, но не такую, за которой следовало неделю мотаться по лесу, а так себе: то косулю (не земную, конечно, но сходное животное из местных), то свинку. Словом, это можно добыть и за полдня в окрестностях заимки.

Степа сказал старику, что тоже хочет денек-другой поохотиться, и подался за Карлом. Карл следов не путал, не оглядывался и шел, не сворачивая, прямохонько по одной из тропинок. Степа за полдня сократил расстояние до прямой видимости, потом чуть отстал, чтобы не попадаться на глаза, да так и шел целый день, поглядывая на свежие следы. К вечеру они дошли до места. Вернее, Карл дошел. До небольшой заимки. Степа затаился на опушке и стал наблюдать.

Жила здесь семья: муж с женой, старуха да четверо ребятишек. Старшенькая — лет шестнадцати симпатичная девушка — и была целью «охоты». Встретили Карла приветливо. Девушка чмокнула в щечку. Родители не возражали.

Похоже, здесь и кроется причина «городской духоты», рассудил Степа и отправился восвояси. Когда стемнело — остановился, развел костер, поужинал и устроился на ночлег. Ночь была тихая, мирно потрескивали ветки в костре. Прихлебывая травяной отвар, Степа обнаружил, что мысли его приняли новый оборот.

«Старик уже не молод. Еще лет десяток — и старость. А тут Карл с молодой женой подарят ему внуков, накормят, присмотрят. Если идти Карлу в герцоги — прощай тихая старость. А мне терять

ничего, я один и никому не нужен. Не все ли равно, в ремесленники, в путешественники или в герцоги». — С тем и заснул.

К вечеру, добравшись до дома, он приступил к расспросам. Старик отвечал охотно, подробно рассказывая об обычаях двора, об этикете, вассалах герцога и о его сюзерене — короле. Степа диву давался — откуда у лесного деда такие познания? Старик не скрыл и этого.

Он, оказывается, сам из дворян. Служилый. Смолоду был при герцоге начальником охоты. А потом пришла зазноба сердцу молодецкому. Встретил как-то юную красавицу, бросил все, женился и поселился с ней в лесу на далекой заимке. Марта — его любовь — была дочерью кузнеца из того самого селения, где он нынче сбывал свою добычу. А нынешний кузнец — ее брат. С герцогом они расстались по-хорошему, хотя, женившись на простолюдинке, начальник охоты потерял свое дворянское звание. Но каждый год по весне и по осени посылал он герцогу письмо с купцом. И каждый раз получал ответ. Из этих писем герцог и узнал, что детей у бывшего придворного нет, и потому-то, видно, выбрал его приемным отцом своему сыну. Верил, что ребенок в надежных руках, и что охотник сохранит все в тайне.

Года три тому назад, когда Карлу минуло шестнадцать, в очередном письме герцог пожаловался на слабое здоровье единственного наследника и попросил старика рассказать обо всем Карлу, чтобы, в случае чего, не оставить трон пустым. Карл загорелся любопытством, да видно не судьба...

Степа растрогался и дал старику согласие.

На другой день по просьбе старика он отнес весточку Карлу, чтобы тот оставался у соседей, пока старик сам за ним не придет. Познакомился он с Карловой избранницей и искренне порадовался его выбору. Узнал, что свадьбу планируют на ближайшую осень. Невесте должно было исполниться семнадцать. Домой вернулся вечером. В обе стороны бежал — уж что-что, а спортивная подготовка в летном училище была на

высоте, и поддерживать себя в форме. Мне не будет стыдно предстать перед ним. — Провести его моему двору.

Недели три прошли как обычно. Только разговоры со стариком по вечерам происходили ежедневно. Степа, как губка, впитывал в себя все, что касалось его будущей жизни, а старик щедро делился воспоминаниями о своей молодости.

Как-то под вечер, когда еще не стемнело, к мосткам подплыла небольшая лодка. Из нее вышел высокий мужчина лет под шестьдесят. На нем был удобный охотничий костюм из добротной ткани, почти без украшений, высокие мягкие сапоги, кожаная шляпа с короткими полями, загнутыми вверх сзади и с боков и опущенными впереди. На поясе висел охотничий нож. За спиной колчан со стрелами, в руках лук. Старик приветствовал его, поклонившись и поцеловав руку. Степа, чуть замешкавшись, сделал то же самое.

— Вот твой отец, — сказал старик.

Герцог некоторое время рассматривал Степу. Потом велел принести поклажу из лодки, и они со стариком прошли в дом. Поклажи — свертков, тюков и мешков — оказалось немало. Пришлось ходить четыре раза. Потом Степа накрыл стол и прислуживал гостю за ужином в соответствии с придворным этикетом. Герцог вел себя тоже соответственно своему положению, однако со стариком держался, как со своим приближенным, и с аппетитом уплетал простую еду с нехитрой деревянной посуды, искусно пользуясь своими ножом и ложкой. Вилка в обиходе не было. Подав, Степа тоже устроился за столом по правую руку от гостя — место старшего сына и наследника. Герцог принял это как должное.

«Кажется, ничего мужик, без заскоков, — подумал Степа, — похоже, уживается».

Покончив с едой, герцог остался за столом и дождался, пока насытились хозяева. Быстро убрав со стола, Степа подал травяной отвар, который они обычно пили и который здесь называли чаем, хотя он не заваривался, а варился из местного растения.

— Я вижу, ты выполнил мою просьбу, — обратился герцог к старику, — Карл знает все, что следует, и умеет себя

вести. Мне не будет стыдно предстать перед ним. — Провести его моему двору.

— Благодарю Вас, Ваше Высочество, — ответил старик, кланяясь, — я старался в меру своих скромных возможностей.

Подчеркнутая церемонность старика подсказала Степе, что приближается важный момент, и... Ждать пришлось недолго.

— Сын мой, готов ли ты занять свое место рядом со мной? — На этот раз герцог обращался к Степе.

— Да, Ваше Высочество, — ответил Степа.

— Ты не должен именовать меня моим титулом, — продолжал герцог. — Мы члены одной семьи и обращаемся друг к другу на ты. Говори мне «отец». А сейчас переоденься. Твое платье в том тюке.

— Да, отец, — ответил Степа. Забрав указанный тюк, он вышел к реке. Помылся, переоделся. Новоявленный отец ничего не забыл. Там был такой же, как у него, костюм, совсем новый, белье, ремень, шляпа и сапоги. И даже портянки. Все пришлось в пору. Старую одежду он забрал в дом и развесил на колышках у двери.

За час до рассвета Степа встал, как обычно, и, когда проснулись остальные, завтрак был готов. Поев, они с герцогом попрощались со стариком, сели в лодку и отчалили. Начинался новый период жизни. Степа чувствовал легкий холодок в животе.

ГЛАВА 4

Представление ко двору прошло гладко. Придворные расценили Степино появление как нечто само собой разумеющееся. Или сделали вид. Сестры, однако, приняли его прохладно. Под управлением крепкой руки Матео Альбаузского вассалы были покорны, соседи сговорчивы, народ спокоен. Сюзерен — король Сигизмунд IV, правивший Боккардией, в которую, кроме Альбауза, входили еще четыре герцогства, — не вел войн. Словом, политическая обстановка тревоги не вызывала.

«Словно в сказочном королевстве, — подумалось Степе. Впрочем, теперь его звали Карлом. — Не к добру это благо-

лепие».

Поскольку основных занятий у него оказалось всего три: завтрак, обед и ужин, — он чувствовал себя одиноким и никому не нужным. Герцог был постоянно занят. Придворные — любезны и предупредительны, но не более. За первую неделю Степа исходил весь дворец, который оказался невелик, удобно обустроен и хорошо защищен. Еще две недели ушло у него на знакомство с городом. Одевшись так, чтобы не привлекать внимания, он исходил Альбауз вдоль и поперек. Город считался большим только по меркам средневековья. Торговые ряды, ремесленные кварталы, богатые дома придворных — все это занимало не более пяти квадратных километров треугольником между двух рек: Альбы, главной реки герцогства, и Мирбы, ее притока. Вообще, надо отметить, что селились здесь в основном у слияния рек или речушек. Оно и понятно, реки — удобные пути сообщения в этой лесистой местности.

Через месяц Степа заскучал по вольготной лесной жизни. Как-то за завтраком в разговоре упомянули Степиного «брата» — тоже Матео. Раньше этой темы при нем не касались, а он не расспрашивал. Полагал, что брат умер еще до того, как он здесь появился. Оказывается, еще жив, продолжает болеть, и состояние его опять ухудшилось. Степа испросил у герцога разрешения и после завтрака навестил больного.

Больной лежал в одной из комнат, составлявших покои герцога. Поэтому раньше Степа его и не обнаружил. Комната была просторная, но темная из-за занавешенных окон. В ней стоял тяжелый дух лекарств, благовоний и еще чего-то кислого. Матео-младший оказался рослым плечистым парнем, но худым и изможденным. Он часто и сухо кашлял, послушно пил какие-то отвары, подаваемые лекарями, и, видимо, был обречен на медленное неуклонное угасание. Степа попросил у дежурившего лекаря позволения и приложил ухо к груди больного. Легкие хрипели так, что было слышно и без слуховой трубки. Похоже на какую-то легочную инфекцию.

Матео открыл глаза и вопросительно посмотрел на Степу. Он был в созна-

нии, но страшно слаб.

— Я — Карл, твой младший брат, — ответил Степа на незаданный вопрос. Вопросительное выражение лица сменилось удивленным, потом, через минуту — понимающим. Наконец больной слабо улыбнулся и закрыл глаза.

«Жаль парня. Похоже, ему недолго осталось. Однако, чем черт не шутит. Аптечка у меня с собой, а в ней есть антибиотики. Можно попробовать».

Степа вернулся в свою комнату и достал из потаенного места за тяжелым комодом портативную аптечку — единственную из земных вещей, что прихватил с собой с лесной заимки. Остальное он спрятал в крошечной пещере неподалеку от избышки старика. Покопавшись в коробке, он нашел то, что искал. Довольно объемистую капсулу с крошечными таблетками. Фиптол — сильное средство. И универсальное. Одной таблетки хватит, чтобы обеззаразить ведро воды. Если растворить ее в стакане — можно промывать раны, или принимать внутрь, или использовать для инъекций.

Отсчитав двадцать таблеток и спрятав их в крошечном карманчике под воротником, Степа отправился прямо к герцогу. Дворянин, дежуривший у двери в кабинет, доложил немедленно. Через минуту из кабинета вышли граф Витор, казначей, и маркиз Жуан, исполнявший конфиденциальные поручения герцога. Они учтиво поклонились и отошли к окну. Дежурный офицер, вышедший за ними, пригласил Степу в кабинет и закрыл за ним дверь.

— Отец, — начал Степа почти от самой двери, — мой брат, твой старший сын Матео, тяжело болен.

— Мне известно это. — Герцог недобролюбно посмотрел на Степу. Тот однако не смутился и продолжал.

— Я посмотрел, как его лечат, и мне кажется, что есть лучший способ. Позволь мне воспользоваться моим лесным опытом, правда, небольшим, но отличающимся от опыта твоих придворных медиков. Хуже все равно не будет, а у меня есть надежда.

Лицо герцога смягчилось. Он немного помолчал, затем спросил:

— Что ты намерен предпринять?

— Я хочу попытаться лечить не бо- лезнь, а больного. Свежий воздух, сол- нце, козье молоко — мне кажется, надо только помочь Матео, и он сам спра- вится с болезнью.

Герцог еще немного помолчал.

— Хорошо. Делай, что считаешь нуж- ным. Однако должен предупредить тебя: болезнь длится уже пять лет, многие врачи пытались помочь, пробовались разные средства.

В голосе его не было угрозы. Ско- рее, это было обещание простить буду- щую неудачу. Степа скрыл удивление. Как-то не вязалось это с его представ- лениями о характере монархов. Впро- чем, может быть, это только по отноше- нию к нему — престолonasледнику.

— Скажи, отец, — продолжал он, — нет ли у тебя загородного дома где- нибудь в лесу, лучше в горах?

— Есть. Вверх по Мирбе. Два дня пути. Там в горах на перевале крепость с гарнизоном. Я иногда охочусь в тех местах. Там есть удобные комнаты. И козы у солдатских жен тоже есть.

— Пожалуйста, напиши начальнику гарнизона, чтобы принял нас с Матео и послал людей навстречу. Матео придет- ся нести. Он очень слаб.

— Хорошо. Что еще?

— Это все. Спасибо отец. — Степа вышел из кабинета и прошел прямо к Матео. В комнате ничего не измени- лось. Та же сумрачная, вонючая духо- та. Тот же лекарь у постели с непод- вижным телом. Степа сообщил лекарю, что тот может отдохнуть, и беззастенчи- во выпроводил его. Потом выплеснул в таз какое-то питье из чашки на столике. Налил воды из кувшина для мытья рук, попробовал на вкус, промыл чашку, сно- ва налил и попробовал. Теперь нормаль- но. Обычная вода. Достал таблетку, бро- сил в чашку. Таблетка растворяться не хотела. Он сунул в чашку палец и стал растирать таблетку о дно. Она посте- пенно размякла и размазалась по дну. Пришлось тереть, пока все не раствори- лось. Наконец, облизав палец (ну и го- речь!), Степа осторожно приподнял го- лову Матео и поднес чашку к его губам. Тот послушно выпил и даже не помор- щился. Похоже, за время болезни ко всему привык, бедолага.

Присев на край кровати, Степа стал следить за состоянием больного. Ниче- го не менялось. Он раздернул шторы, раскрыл окно. Состояние больного ос- тавалось прежним. Через пару часов повторно напоил Матео своим лекар- ством. Слугам велел вынести все, что осталось от лекаря. Весь день поил боль- ного через каждые два часа и всю ночь тоже. Окно не закрывал — лето, воздух и ночью теплый.

И к утру никаких изменений не про- изошло. Степа продолжал поить больно- го до вечера и еще одну ночь. К утру кончились припасенные таблетки. Он схо- дил к себе и возобновил запас. Когда вернулся — обнаружил, что Матео ле- жит с открытыми глазами и чуть шеве- лит губами. Наклонился, прислушался — непонятно. Позвал слугу — один всегда дежурил в соседней комнате. Тот ра- зобрал шепот хозяина и сделал все, что надо. Когда слуга вынес горшок, боль- ной закашлялся.

Стоп! Это уже сдвиг. Кашель стал не таким сухим. Степа понял, что шанс на успех действительно есть. Он велел слуге позвать кастеляна — так здесь называ- ли коменданта дворца, и втолковал ему, что и как приготовить. Пока шел разго- вор, кастелян косился на больного. «Ви- димо, любопытство, — решил Степа, — двое суток никто не заходил в комнату и никаких сообщений о состоянии боль- ного не было».

Когда кастелян ушел, Степа прило- жил ухо к груди пациента. Характер хри- пов явно изменился. Они стали влаж- ными, с присвистом. Перевернув боль- ного на живот так, чтобы голова свешивалась с края кровати, и подставив таз, Степа принялся за массаж спины и бо- ков. Пациент кашлял и плевался. Дряб- лая, слежавшаяся кожа на спине, каза- лось, расползалась под пальцами, нео- хотно отзывалась на прикосновения. Однако мягкое упорство в конце кон- цов восторжествовало. Кожа слегка по- розовела, разгладилась. Заодно промас- сировав ноги и плечи, Степа укрыл боль- ного и оставил в покое. Тому явно было легче.

Еще сутки, пока кастелян по полу- ченным указаниям готовил носилки, бар- ку и множество других вещей, необхо-

Димых для транспортировки больного, ⁵⁰ в овраг крепости и ее окрестностей.

Степа поил своего подопечного теми же таблетками, но увеличил интервал до четырех часов. Он вымыл больного в горячей воде, сменил ему постель и белье. Матео теперь разговаривал, просил еду и питье и даже шевелился, меняя положение.

На следующий день они отправились в путь. Младшая дочь герцога — Мария — увязалась с ними, прихватив с собой служанку, гувернантку и одну из фрейлин. Герцог попросил Степу присматривать за ними. Двенадцатилетняя принцесса и ее молодые спутницы практически не доставляли никаких хлопот. Дорога, сначала по воде, а потом пешком вверх к горному перевалу, не была особенно трудной. Шли не спеша. Весь груз и больного несли слуги.

Степа постепенно увеличивал интервалы между приемами лекарства, зато не жалел сил на массаж и начал проводить гимнастику. Сначала — как с младенцем: сгибая и разгибая ему руки и ноги, а потом и по-настоящему. Матео явно поправлялся, силы возвращались к нему. Ел и пил он теперь сидя, а вскоре начал вставать.

Единственная проблема была с козьим молоком. Оно настолько не нравилось пациенту, что тот всячески уклонялся, тянул время и норовил незаметно вылить его куда-нибудь. Но Степа был непреклонен. Ведь это составляло неотъемлемую часть лечения, которое он обещал герцогу. Антибиотик он давал тайком. С той поры, как к пациенту вернулось ощущение реальности, это стало более серьезной проблемой, чем молоко. Растертую таблетку приходилось подмешивать к чему-нибудь и заставлять больного все это съесть или выпить. Дело усугублялось отвратительно горьким вкусом лекарства, который неизменно передавался еде или питью. Однако вскоре в этом отпала необходимость. Болезнь отступила. Оставалась слабость, почти дистрофия. Но хорошее питание, свежий воздух и движение приносили должный результат. Матео просто расцветал на глазах и креп с каждым днем. Поскольку врачебные обязанности не отнимали теперь слишком много времени, Степа занялся осмот-

В обширной ложбине между двух гор проходила дорога, соединяющая равнины, раскинувшиеся по обе стороны горной гряды. В самом узком месте этой пологой ложбины стояла крепость. Высокие стены, сложенные из хорошо пригнанных камней, и глубокий ров, вырытый в каменистом грунте, придавали ей неприступный, внушительный вид, несмотря на небольшие размеры. Гарнизон из двухсот солдат с офицерами и семьями нес караульную службу в крепости и, кроме того, высылал патрули в сторону сопредельной территории. По дороге почти каждый день проходил торговый караван: десяток или чуть больше быков с вьюками.

Дежурный офицер расспрашивал караванщика: кто, откуда, куда, что везет. Заносил все в толстую книгу и беспрепятственно пропускал. Полистав эту книгу, Степа обнаружил, что от соседей везут, в основном, ткани и специи. Ввозят, как правило, железные изделия и деревянную посуду. Впрочем, в обоих случаях попадалось и множество других вещей.

Солдат каждый день обучали стрельбе из лука и фехтованию. Степа с удовольствием присоединялся к ним во время тренировок. Из лука он стрелял неплохо. Сложнее оказалось с фехтованием. Дело в том, что еще в училище он серьезно занимался этим видом спорта и был там одним из первых. Теперь эти навыки приходилось скрывать, вернее, маскировать. Он легко мог справиться с любым противником, но нарочно затягивал схватку, пропуская случаи поразить партнера или немного не доводя до конца начатый прием. Однако он четко уяснил, что реакция у него заметно лучше, чем у любого солдата.

Неожиданно для него в крепости оказалась изрядная библиотека. Хранителя при ней не было, никто ею не интересовался, но содержалась она в образцовом порядке, в сухости и чистоте. Командант крепости ежедневно посылал наряд протапливать и прибираться помещение. Свое рвение он объяснил тем, что хороший солдат должен быть всегда занят, а хороший гарнизон должен быть

в порядке «от пера на шлеме командира до выгребной ямы». Если библиотека оказалась в гарнизоне — то она часть гарнизона. Относительно появления здесь книг он ничего не знал. Двадцать лет назад он принял гарнизон от своего предшественника уже вместе с книгами и забыл поинтересоваться их происхождением.

Выяснилась также еще одна любопытная деталь. Библиотека регулярно пополнялась. Каждый месяц с одним из караванов приходило несколько книг. Караванщик отдавал их дежурному офицеру и брал расписку в получении. Командант полагал, что это кто-то из канцелярии герцога пользуется оказией.

В библиотеке Степа проводил каждый день по несколько часов. Книги хранились на полках, в шкафах и в сундуках без всякой системы. Все — рукописные, на хорошей бумаге и, похоже, никем не читанные. Во всяком случае, без пометок или признаков износа. Здесь были и сочинения местных авторов, и, видимо, переписанные по памяти, известные произведения с Земли. Сюжеты и имена действующих лиц совпадали. Имена авторов указывались не всегда. Много было книг, посвященных естественным наукам. Особенно интересны были карты. Из них выяснилось, что географические познания жителей планеты ограничиваются весьма скромным участком суши, не со всех сторон еще изученной, и несколькими омывающими ее морями. Два внутренних моря были описаны сравнительно неплохо. Координатные сетки на картах отсутствовали, и не было ни малейших признаков знания о сферической форме планеты.

Труды по математике отсутствовали совершенно, не считая двух учебников: арифметики и геометрии. Несколько трудов по механике, во многом неточных. Химия — как результат накопления практического опыта. В общем, около пяти тысяч книг на любые темы, кроме, пожалуй, религиозных. Каждая книга была только в одном экземпляре.

Как-то, перелистывая очередной фолиант, описывающий довольно знакомый сюжет, Степа обнаружил, что плотные листы добротной бумаги выглядят старыми, сильно потертыми и засаленными,

хотя на самом деле прочные и новые. Изучив эти листы повнимательней и даже поцарапав их, он убедился, что бумага действительно новая, но текст на нее нанесен не рукой писца, а копировальным аппаратом. То есть именно этот экземпляр попросту переснят с какого-то оригинала и соответственно переплетен. Перелистав еще несколько книг наугад, он убедился, что и все остальные книги изготовлены точно так же. Если книга, с которой снимали копию, не была слишком невмозможна, заметить это было почти невозможно, если, конечно, не предполагать заранее.

Обнаружив этот факт, Степа несколько дней не посещал библиотеку. Он в основном гулял по окрестностям, стараясь заканчивать или начинать свои прогулки в момент, когда очередной караван оказывается у поста. Через неделю один из караванщиков передал дежурному очередную партию книг, как обычно, взял у него расписку и отправился дальше. Степа выждал полчаса, переоделся в охотничий костюм, взял лук, немного харчей и сообщил, что отправился на охоту. Чтобы не хватились и не начали розысков, сказал, что вернется через пять дней. Караван он настиг через три часа. Присоединился к нему и до вечера шел, держась поближе к хозяину.

ГЛАВА 5

Дорога шла под гору, огибая скалы и лесистые участки. За очередным поворотом далеко впереди открылась необъятная панорама степи, расстилавшейся по эту сторону горной гряды.

Степа завязал неспешный разговор с купцом. Купец охотно болтал сначала о погоде, потом о дороге, потом обо всем подряд. О разбойниках, которые уже который год не шалют по дорогам (то ли было раньше!). О кровавых стычках между сеньорами (уж сколько лет прошло со времени последней). О наступившем покое, благоприятствующем торговле и ремеслам. О том, что на заставах перестали брать с купцов проездное, а раньше драли немилосердно.

Слушал Степа и диву давался. По рассказам старика-охотника он все это представлял совсем в ином свете. Он ожи-

дал встретиться с разгулом насилия, характерным для средневековья. А тут — просто сказочная идиллия.

К вечеру закончили спуск с перевала. На краю степи стоял постоянный двор. Там уже расположился на ночлег встречный караван, следующий в Альбауз. Купцы, как выяснилось, были старые приятели. За ужином завязалась беседа. Вспомнили общих знакомых, разные происшествия, хвастались удачными сделками. Степа, щедро угощавший купцов, заинтересованно расспрашивал их о путях из города в город, о ценах и спросе на разные товары. Между делом спросил, торгуют ли книгами? Потом — где можно купить, какие цены? Под хороший разговор да под сладкую бражку Степин попутчик упомянул и о книгах, что завез в пограничную крепость. Оказывается, на торгу подошел к нему незнакомец и, хорошо заплатив, передал с ним связку книг. Сказал, что расписку заберет у него, когда тот будет в Альбаузе в другой раз, и еще приплатит.

Поскольку обратно купец планировал вернуться недели через четыре, Степа «почувствовал утомление» и отправился спать.

Наутро, после плотного завтрака, оба каравана двинулись в разные стороны. Степа предупредил хозяина, что комнату оставляет за собой, расспросил о дичи в окрестностях и пошел на юг вдоль края горного хребта, прихватив лук и стрелы. Охота, впрочем, его не интересовала. Хотелось остаться наедине со своими мыслями. Очень уж много разных странностей оказалось у планеты, куда занесла его нелегкая.

Во-первых, никаких признаков какой бы то ни было религии.

Во-вторых, всеобщий мир и благоденствие, охватившие планету менее чем на протяжении жизни одного поколения.

В-третьих, кто-то копирует книги и складывает их в укромном месте.

Похоже на то, что высокоразвитая цивилизация втихаря орудует здесь, преследуя свои цели. Может быть, научные, а может — и не только. Если бы здесь действовала экспедиция с Земли, Степа обязательно знал бы об этом. Военные пилоты регулярно получали ори-

ентировки относительно всего, что происходит в секторе военных действий и его окрестностях. Эти ориентировки не просто изучались. По каждой проводился экзамен для всех, кто пилотировал корабли. От шкиперов лихтеров до капитанов линкоров. Степа точно помнил — эта звездная система не упоминалась в течение всего года, пока он служил на орбитальной станции Z80. А ведь это всего в пятнадцати переходах отсюда.

Скорее всего — касситы. Степа стал вспоминать, что известно ему о противнике, с которым он воевал в течение года. Ему ни разу не приходилось видеть его изображения. Правда, он ни, когда этим и не интересовался. Впрочем, если никто из землян не видел касситов никогда — это не удивительно. Насколько он знал из истории этого конфликта, а это они проходили в училище, касситы ни разу не посещали и не атакывали населенные людьми планеты. Земляне тоже не нападали на кассийские планеты и ничего не знали об их расположении.

Что касается захвата пленных или осмотра трупов на подбитых кораблях — при столкновении в космосе такое маловероятно. Корабли или их останки не стоят на месте. Они летят быстрее пули. А в случае повреждения и потери управления обязательно начинают кувиркаться так, что только сумасшедший попытается приблизиться. Степа видел это сам. О перебежчиках тоже ни разу не упоминалось.

Война развязалась в связи с нападениями на земные корабли в определенном районе. Когда земляне стали вооружать и охранять свои корабли, они, естественно, обнаружили нападавших. Затем построили в этой зоне военные базы на орбитах необитаемых планет, обнаружили базы противника и так далее. При всем при этом конфликт никогда не выходил за рамки участка, имеющего форму двояковыпуклой линзы. Вроде пересечения двух сфер, немного проникших друг в друга краями. В центре одной из этих сфер находилась Земля. Радиус этой сферы оказался примерно равен радиусу сферы земной колонизации. Центр другой сферы астрономы оп-

ределили с большой степенью приближения. Наиболее яркой звездой в его окрестностях оказалась безымянная звезда с номером, который начинался с букв KSS. Отсюда и названия — Кассия, касситы.

Конечно, трудно признать естественным тот факт, что за сто лет непрерывной войны ни разу не удалось не то чтобы захватить, а хотя бы увидеть хоть одного из вражеских солдат. Но касситы ни разу не пытались начать переговоры, а попытки со стороны землян заканчивались гибелью парламентариев, что лишь подливало масла в огонь.

Задолго до полудня Степа нашел прелестное местечко на берегу крошечного озера с прозрачной водой, окруженного со всех сторон скалами. Он с комфортом устроился под нависающим козырьком одной из них у костра. Харчи с собой, погода — как в сказке. Курорт! Мысли его снова вернулись к касситам.

Если на планете действительно заправляют они, ему лучше затаиться и не пытаться искать их. Может крепко не поздоровиться. Тем более — насолил он им изрядно. Не известно, конечно, знают ли они о его существовании вообще, а если и знают, то дошла ли эта информация до тех, кто здесь работает? Но лучше предполагать наихудшее. Падение бота они, конечно, засеки, но определить место его приземления вряд ли смогут. Судя по местным картам, бот упал в океан, и искать его там наверняка не будут.

Чтобы начать поиски, надо обнаружить момент катапультирования и прощесать район возможного приземления. Для этого его надо вести радаром. Но аппаратура бота не обнаружила посылок радиоимпульсов. Затем в течение года не произошло ни одной неожиданной встречи, и он не заметил к себе никакого особого внимания. Нет, о нем никому ничего не известно. Можно не паниковать.

Память вернулась к событиям двухгодичной давности. К началу службы, к первому вылету.

ГЛАВА 6

Место в лихтере Степа занял за полчаса до старта. Контейнеры со скафан-

драми, комбинезонами, форменной одеждой и личными вещами он, как положено, устроил в багажном отсеке, а сам расположился в пассажирском. Один на весь салон. Попутчиков до Z80 не было. В положенный момент шкипер по трансляции приказал пристегнуться, и лихтер плавно отошел от борта транспорта. Затем сутки торможения — благословенное время при нормальной земной силе тяготения. Поскольку кроме него и шкипера на лихтере никого не было, Степа добровольно принял на себя обязанности кока и стюарта.

Люди, проводящие в космосе многие месяцы, умеют использовать такие периоды, получая максимум удовольствия. Настоящий душ, еда, приготовленная и съеденная в естественных условиях, а не из соски в невесомости. Да и в условиях слабой искусственной гравитации за счет вращения орбитальных станций у еды вкус не тот. Вспомнить хотя бы суп, норовящий покинуть тарелку при первом прикосновении к нему ложкой. Или котлеты, которые надо придерживать на сковородке. Степа, хоть это и было его первое назначение прямо после выпуска из училища, за годы учебы успел это освоить и оценить.

После маневрирования и швартовки люк был открыт. Тележка для степиных контейнеров ждала у выхода. Шкипер остался следить за разгрузкой почты и груза, а Степа отправился докладывать о прибытии. Заблудиться он не боялся. Станция стандартная, отличающаяся от других только серийным номером, ну и, конечно, элементами отделки, привнесенными экипажем. Следуя заведенной традиции, он не замедлил добавить свою лепту. В конце длинного ряда надписей на гладкой белой стене коридора он вывел: «Стивен Брагин» — и поставил дату прибытия. Степой его называла бабушка. Потом родители и все знакомые. Степу это устроило. Стивов много, а это старинное имя больше не встречалось. Он и сам при знакомстве представлялся этим именем. Удобно.

Дежурный сержант официально улыбнулся, провел его личной карточкой по считывателю, взглянул на монитор и сдержанно поздравил с прибытием и зачислением в штат военной базы в каче-

АЭЛИТА

стве пилота. Сообщил, что кроме пат-рульного звена, охраняющего базу, все пилоты во главе с адмиралом пошли на перехват вражеского рейдера. На базе только технический состав и штабные. Поэтому доклад о прибытии придется отложить до возвращения командира. Выдал ключи от каюты и пожелал хорошего отдыха.

Отдыхать совершенно не хотелось. Степа быстро разместил свои контейнеры в специальных шкафах. Проверил скафандры: летный для боевых вылетов и тяжелый скафандр для наружных работ. Его полагалось брать с собой в каждый полет. Пилоты предпочитали сами следить за исправностью оборудования, от которого могла зависеть их жизнь. Кроме того, скафандры для военных летчиков делали строго индивидуально, с учетом всех особенностей строения тела. Случалось, что их приходилось носить неделями, не снимая. А уж по нескольким дням — почти каждый полет.

Он уже собирался пойти в комнату инструктажа за свежей ориентировкой, как вдруг прозвучал вызов по коммуникатору.

— Лейтенант Брагин! Срочный вылет. Площадка двадцать восемь.

Степа удивился. На всех станциях этого типа на площадках с двадцать первой по тридцатую базировались тяжелые штурмовики. Но их довольно редко использовали срочно. Истребители — другое дело. Там все понятно. Отражение атаки, поддержка дежурного звена. Правда, перед этим должна быть общая тревога, а ее не было. Что-то новое.

Все объяснил штабной майор, подждавший его у входа на площадку.

— С последним транспортом получен приказ немедленно атаковать базу касситов КС-27. Поскольку других пилотов на базе сейчас нет, задание поручено Вам. Вылет немедленно. Желаю удачи.

Степа вошел в отсек. Техник доложил о готовности машины к немедленному вылету и предупредительно открыл перед ним люк. Однако немедленно забираться в штурмовик Степа не стал. Удача — не из тех дам, что оказывают ему знаки внимания. Это он усвоил давно. Не глядя на подпрыгивающего от нетерпения техника, он обошел штурмо-

вик со всех сторон. Осмотрел приборы, вооружение, двигатели. Потрогал и пошатал все, что имело значение для безопасности полета. В корабле тоже осматривал все отсеки и закутки, заглянул во все лючки. Включил системы контроля, и только убедившись, что все в порядке, закрыл люк и занял свое место. За те полчаса, пока он занимался осмотром, его дважды торопили по коммуникатору, на что он флегматично отвечал, что идет проверка систем, и отключался. Усевшись, прежде чем включить системы связи и ориентации, он вскрыл лючок навигационного компьютера, извлек кассету памяти и вставил туда свою.

В училище навигация давалась ему особенно трудно, и он был вынужден тратить на ее изучение все свободное время. Это принесло свои плоды. По навигации не было равных ему в его потоке. Он сам настолько увлекся ею, что помогал корректировать базы данных с координатами небесных тел. Эти корректировки велись непрерывно по мере поступления все более и более уточненных данных о траекториях и координатах звезд, планет, лун, астероидов и так далее. Кассеты с уточненными в очередной раз данными после каждого исправления рассылались на все космические корабли и станции. Несомненно и то, что очередная такая кассета пришла сюда с тем же транспортом, на котором он прибыл. Так же несомненно, что ее еще не размножили и не ввели в компьютеры несомых базой кораблей. На это надо не меньше суток, а еще и часа не прошло. Но Степа беззащитно воспользовался своей причастностью к великому делу и втихаря скопировал свеженький файл прямо с компьютера навигационной службы. Там любознательного курсанта считали своим, и, получив новенькие погоны, он не забыл навестить старых друзей перед отбытием к новому месту службы. Правда, особого практического интереса это не представляло. Просто хотелось что-нибудь слямзить на память о хороших людях.

Конечно, данные, содержащиеся в «родной» кассете штурмовика, достаточно точны для выполнения поставленной

задачи. Но хотелось как-то воспользоваться добычей. Тем более, что, судя по всему, другого раза у него не будет. Степа изучал отчеты о попытках налетов на базы противника. Обычно атаквали большой группой одновременно с разных сторон. Потери редко составляли менее половины, а о каждом попадании в цель докладывали, как о большом достижении. Касситы хорошо обороняли свои базы.

«Штабная крыса, — подумал Степа о начальнике штаба. — Побоялся не выполнить приказ. Тем более срочный. А сейчас может отрапортовать: «Во исполнение приказа номер такой-то послан штурмовик номер такой-то».

Отсек откачали и разгерметезировали. Крышка люка в полу отошла, держатели отпустили, и, отброшенный центробежной силой, штурмовик стал удаляться от цилиндра станции. Степа ввел в компьютер название цели, получил данные и занялся расчетами курса. Поскольку операция не планировалась, обстановка не изучалась и никаких инструкций получено не было, Степа решил, прежде чем действовать, пораскинуть собственным умишком и особенно не торопиться. Тем более, что старт фактически уже состоялся и его больше не беспокоили.

Координаты цели и характеристики звездной системы, где она располагалась, были представлены полно и с малой погрешностью. Изучив все имеющиеся в компьютере данные, Степа прикинул вариант атаки в том виде, как он обычно применялся на практике. Подойти к звездной системе на полпарсека, тщательно сориентировать корабль и сделать переход так, чтобы оказаться максимально близко к цели. Затем обнаружить цель, навести ракеты, выстрелить и снова в переход — так, чтобы выйти в районе, удаленном от звезд. При действиях по этому сценарию у него не было никаких шансов уцелеть.

Его обнаружат мгновенно. Сразу, как только штурмовик появится вблизи станции. Пока он ориентирует корабль и будет гасить относительную скорость, истребители противника стартуют и перехватят его и все выпущенные им ракеты. Уйти от истребителей в простран-

стве невозможно. Уйти в переход до залпа — вернуться с неизрасходованным боезапасом — срам. Отстреляться лишь бы как и немедленно уйти — тоже срам.

«Мертвые сраму не имут» — вспомнилось ему некстати. Степа уставился в приборы невидящим взглядом и пребывал в прострации, пытаясь выбрать для себя вариант. Что-то ни один его не устраивал.

Даже позорные варианты давали ему совсем немного шансов. Вокруг цели, конечно, пристрелян каждый дюйм. За пять минут, что необходимы для расчета перехода, он наверняка получит ракету в борт и потеряет способность управлять кораблем.

Настроение соответствовало положению «тонус ниже ануса». Степа достал из бортового неприкосновенного запаса большую плитку шоколада, а из-за пазухи скафандра, через отверстие для головы — плоскую фляжку с любимым напитком. В ней было ровно семьсот граммов. Степе хватило трехсот, чтобы гнетущее настроение сменилось легкостью и тягой к приключениям.

Под действием водки воображение разыгралось. Он прикидывал разные способы действий. Его бы устроило, если, выйдя из перехода, он обнаружил бы станцию точно по курсу на расстоянии от двадцати до пятидесяти тысяч километров. Тогда наведение и залп заняли бы секунд десять. Потом тридцать секунд на поворот в перпендикулярном направлении и разгон с максимальным ускорением. И в переход. Без расчетов. В конце концов, пустота в космосе занимает намного больше места, чем все остальное, так что вероятность вляпаться на выходе в звезду или планету невелика.

Беда в том, что ошибка при выходе из перехода даже на минимальной дистанции в полпарсека составит около полумиллиона километров. В принципе, он может выйти в таком месте, что стрельба окажется невозможной. И ему придется повторять попытку. Стоп. Можно ведь делать попытки до тех пор, пока не получится.

Степа занялся расчетами. Результат оказался удручающим. Пришлось бы де-

лать около пятисот попыток. Впрочем, успешной может оказаться и первая.

Теоретически. Хотя обычно Фортуна заставляла его делать все. Ресурсов штурмовика хватало попыток на сто. Можно попробовать.

Приступив к расчетам перехода для выхода на исходную позицию, Степа остановился, пораженный неожиданной мыслью. Всего полфляжки, а уже появился план, как прицельно отстреляться и остаться в живых. Нет ли во второй половине фляжки мысли о том, как бы сделать это так, чтобы ракеты достигли цели? Проведенный поиск поверг его в глубокий хмельной сон.

Проснулся Степа в глубоком похмелье. Рация голосом диспетчера назойливо передавала его позывные. Пришлось ответить. Станция была обеспокоена его пассивным висением в ее районе. Соврал, что занимается расчетами. Взглянул на часы и ужаснулся. Оказывается, он «считал» уже восемь часов. Его должны принять за дебила. Пока у диспетчера не прошел шок, включил ходовые двигатели и рванул подальше, не особо выбирая направление. Главное — в стуту.

Нужная мысль на дне фляжки действительно нашлась. В меру бредовая, в меру разумная. Три часа ушло на проработку деталей. И на сожаления, что в бортовом пайке нет рассола.

Степа вывел штурмовик в плоскости эклиптики на таком расстоянии от цели, чтобы заведомо не быть обнаруженным. Сориентировавшись, он занялся поисками метеоритного роя, траектория которого ему подходила бы. Сведения о нем были в компьютере, и искать долго на пришлось. Догнав рой и уравнив скорость с летящими метеорами, он вошел в середину роя и долго маневрировал, пока не устроил корабль так, чтобы не столкнуться с каменными и ледяными глыбами.

Все источники излучений на поверхности корабля он отключил. Радары, радио и радиомаяк. И даже автоответчик «я свой». Теперь обнаружить его было невозможно. По крайней мере, до включения ходовых двигателей. Засечь работу маневровых двигателей со ста тысяч километров очень нелегко. Слнш-

ком мала мощность.

Будущая комета, которую он оседлал, должна была через два месяца пересечь орбиту планеты, вокруг которой вращалась база касситов. Правда, сама планета к этому моменту не долетит до точки пересечения на добрую неделю своего пути, но к этому времени Степа рассчитывал быть уже дома.

Месяц ожидания был заполнен наблюдениями, расчетами и, главное, подготовкой ракет. Их было двадцать на внешних консолях штурмовика. Каждая несла тонну взрывчатки и могла в клочья разнести орбитальную станцию, с которой он стартовал. Станция касситов — сфера диаметром около десяти километров — серьезно пострадала бы от такого гостинца.

Каждая ракета располагалась в трубе, из которой ее выстреливал пороховой заряд. Через пять секунд, обогнав корабль, она включала ходовой двигатель, ориентировалась по гироскопам и наводилась на цель радаром по принципу выбора самого крупного объекта прямо по курсу. В этой процедуре Степу не устраивало всего два момента.

Во-первых, гироскопы запоминали положение в момент выстрела, а ему надо было выстрелить почти перпендикулярно направлению, которое ракетам следовало занять после включения двигателей.

Во-вторых, задержка между выстрелом и стартом ракет должна была составить не пять секунд, а три с половиной недели.

Если первую задачу он решил за час, переподключив несколько проводов в системе управления вооружением, то со второй было много хлопот. Пришлось выходить наружу, извлекать из всех ракет кассеты с программой бортовых компьютеров, возвращаться на корабль и перепрограммировать время задержки. Потом снова наружу, и все в обратном порядке. В общем, скучать было некогда.

Для наблюдений в бортовой телескоп и проведения точных измерений пришлось выводить корабль в место, где каменные глыбы не закрывали цель. Станция была хорошо видна при большом увеличении. Степа даже наблюдал

старт и швартовку истребителей охраны.

В расчетное время он на маневровых двигателях выбрался из роя. Повернул нос штурмовика в направлении ожидаемого положения базы противника в момент включения двигателей ракет. Запустил гироскопы и, развернув корабль почти на девяносто градусов, выстрелил. Отдача вернула штурмовик обратно в хаос каменных глыб. Оставалось только погасить скорость.

Все. Больше от него ничего не зависело. Дальше работали законы небесной механики. Ракеты с выключенными двигателями не отличимы от обычных метеоров. По Степиным расчетам, когда двигатели включатся, ракеты будет уже почти невозможно перехватить.

Можно было уйти домой. Но его бы сразу обнаружили по работе ходовых двигателей. Догнать бы не смогли, а вот задумались бы обязательно. Не так уж трудно сообразить, зачем корабль противника появился поблизости от базы. Начали бы прочесывать пространство и, кто знает, наткнулись бы на его посланцев. Лучше выждать и смыться под шумок, когда начнется заварушка.

Оставшиеся недели Степа изнывал от скуки, заполняя досуг чем придется. Резался с компьютером в шахматы, пытался готовить из концентратов и консервов в условиях невесомости. В результате перепачкал всю кабину и долго ее отмывал. В отчаянии перечитал все найденные на борту инструкции и наставления.

Наконец настал долгожданный момент. Настроив телескоп, Степа, не отрываясь, следил за станцией. Ракет, конечно, видно не было. Но вот включились их двигатели, и крошечные звездочки устремились к серебристому шарик. Вспышка, еще вспышка, потом еще и еще. Четыре ракеты уничтожены, а что с остальными? Прошло уже больше двух минут, а нет никаких признаков попадания. Степа впился взглядом в поверхность цели. Ничего. Впрочем, что это за пятнышко? Раньше его не было. И второе. Ба, да их целая россыпь. Конечно, пробоины. Ведь ракеты должны взорваться не в момент попадания в борт станции, а с замедлением, внутри

базы. Поэтому он и не видел вспышек взрывов. Только вывороченные участки обшивки. Степа насчитал одиннадцать отметок. Неплохо. Похоже, внутри не осталось живого места. Пора возвращаться.

Ошвартовавшись и выйдя из машины, Степа отправился докладывать дежурному. По дороге он сделал неприятное открытие. От него пахло. Не розами, конечно. Пахло мочой, дерьмом и давно не мытым телом. Все удобства в тесной кабине штурмовика находились прямо за креслом пилота, и за два месяца он буквально пропитался их запахами.

Дежурный майор — тот же, что ставил ему задачу — бесстрастно выслушал доклад: задание выполнено, корабль исправен, — принял кассету бортового журнала и отпустил Степу отдыхать. До омерзения буднично. Даже настроение испортилось.

Приведя себя в порядок, Степа уже собирался идти к адмиралу — надо же было, пусть и с опозданием, представиться в связи с прибытием, — как вдруг его вызвал сам адмирал.

Кроме командующего в кабинете находился еще один офицер, капитан лет тридцати. После формального доклада адмирал предложил Степе сесть, помолчал немного и наконец заговорил с выражением ехидства:

— Так вот, молодой человек. Капитан Тернер только что вернулся из района учебной цели. Никаких повреждений там нет. Как Вы соотнесете это с Вашим докладом о выполнении задания?

Степа молчал. Он был почти без сознания. Ему не поручали атаковать учебную цель. В чем же дело? Неужели эта штабная крыса майор дал ему не то задание? Впрочем, техник наверняка помнит... Нет, майор ставил задачу в коридоре, а техник был на площадке за дверью. Кажись, приехали. Майор в ошибке, конечно, не создается. Штабные щепетильны во всем, что касается карьеры. Стало быть, придется доказывать, что ты не верблюд. Юлить бесполезно. Но и пресмыкаться не стоит.

Собравшись с мыслями, Степа ответил, стараясь попасть в тон вопроса:

— Видите ли, сэр. Я и не получал задания на обстрел учебной цели.

— Действительно. Вам ставилась боевая задача, и в качестве цели была названа настоящая база касситов. Но в вашем бортовом компьютере под этим названием были даны координаты нашей учебной цели.

«Слава богу, штабник ни при чем. Хороший, наверно, человек. Пусть ему икнется», — подумал Степа. Адмирал тем временем продолжал:

— Мы с большим интересом наблюдали, как Вы почти полсутки висели вблизи базы. Видимо, дрожали от страха и собирались с мужеством. Это и не удивительно. Многие молодые пилоты до Вас вели себя аналогично. Но после этого Вы рванули почти в противоположную сторону, пропадали где-то два месяца, а потом вернулись с израсходованным боезапасом и докладом о выполнении задания. И за все это время даже ни разу не приблизились к цели. Должен поставить Вас в известность, что трусы и лжецы под моим командованием не служат. Вы вернетесь на Землю ближайшим транспортом и будете уволены из армии. У меня все.

По его виду было ясно, что теперь Степа должен по-уставному попросить разрешения и покинуть кабинет. Но обвинения во лжи и трусости на некоторое время лишили его дара речи. Так и сидел Степа, не зная, что делать, когда на столе зазвонил телефон внутренней связи. Адмирал снял трубку и долго молча слушал. Наконец положил трубку. Лицо его выражало растерянность. Он зачем-то посмотрел на капитана, потом перевел взгляд на Степу. Да так и замер в молчании.

«Расшифровали бортовой журнал», — понял Степа. Гнев его, однако, не улегся, и он пошел на добивание.

— Видите ли, сэр. Неточность в данных бортового компьютера я обнаружил и устранил как раз в то время, когда, по Вашим словам, висел вблизи базы. Наставление по производству полетов категорически запрещает включать двигатели, если неисправно навигационное оборудование. Ваш трюк с искажением данных мог сбить с толку недоучек, прошедших обучение по ускоренной про-

грамме. Но не кадрового офицера. «Достаточно для первого раза», — решил Степа. О том, что адмирал в свое время обучался по сокращенному курсу, на базе, конечно, знали все.

Командующий как-то по-стариковски съезжился и виновато улыбался.

Но на защиту командира бросился капитан. Он телефонного разговора не слышал и был все еще не в курсе.

— Вы хотите сказать, что отстрелялись по настоящей базе КС-27?

— Так точно.

— С какого же, позвольте узнать, расстояния?

— С двух десятых астрономической единицы.

— И сколько же попаданий удалось отметить? Или все ракеты были перехвачены?

— Одиннадцать. — Это уже адмирал вступил в разговор. — Уймись, Заг. Он разнес ее в клочья. Осталась только оболочка, и та, как решето.

Адмирал снова перевел взгляд на Степу.

— Прости старика. Я ведь не знал.

Степина ярость мгновенно улеглась. Перед ним сидел усталый пожилой человек и сам жестоко страдал от обиды, которую только что нанес ему. Испросив разрешения, Степа вышел из кабинета. И пошел в столовую.

Потом были и другие полеты. На боевое дежурство, на патрулирование района, на сопровождение и так далее. В основном летал на истребителе. Были и стычки с касситами. Вертя карусель схватки, Степа не раз слышал переговоры пилотов неприятеля друг с другом. Но кодированный модуляцией сигнал воспринимался как полный звуковой хаос. Впрочем, касситы слышали его так же, поскольку на их кораблях и кораблях землян применялись сходные системы кодирования радиосигнала, только с разными кодами, разумеется.

А через год, направляясь в свой первый отпуск на транспортном звездолете, Степа попал в аварию, больше похожую на нападение, и оказался заброшенным на эту планету.

ГЛАВА 7

Костер весело потрескивал. Чай заварили на славу. Прихлебывая его вприкуску с очень вкусными местными сладостями — какой-то фрукт, уваренный в меде до твердости, — Степа вернулся из воспоминаний о недалеком и таком милым прошлом к своему странному сегодня.

Конечно, можно затаиться и сократить свой век, неплохо устроившись в этом примитивном обществе. Но тогда нет ни одного шанса отсюда вырваться.

С другой стороны, если найти касситов — у них наверняка есть какие-то летательные аппараты. Может быть, удастся угнать корабль и вернуться к своим. Насколько он помнил, по внешнему виду корабли касситов отличались от земных не настолько, чтобы можно было предполагать принципиальные различия в их устройстве. Конечно, у них совершенно иная система управления, но в этом можно как-нибудь разобраться. А если не получится — ну, стало быть, и не получится. Но попробовать надо.

На постоянный двор Степа вернулся с твердым намерением разыскать тех, кто организовал в крепости библиотеку. Утром, с попутным караваном, он отправился в крепость.

Матео продолжал поправляться. Он много гулял в обществе своей сестры и ее гувернантки. Отваживался даже на верховые прогулки. Лошадей на планете не было. В повозки запрягали быков, вывезенных когда-то с Земли. Их же использовали и под седлом или вьюком. Передвигались на них заметно медленнее, чем на лошадях, но, в общем, подходяще. Искусство езды на быке Степа тоже освоил. Ничего особого, кроме выносливости соприкасающегося с быком участка тела, это не требовало.

Однажды вечером, диктуя гувернантке очередное письмо к герцогу, Степа вдруг подумал, что не знает даже ее имени. Мария звала ее «няня», а как к ней обращаются другие — он не обращал внимания.

— Мадам! Простите мне мой вопрос. Стыдно признаться, я до сих пор не знаю Вашего имени.

— Карменсита, сэ.

— Скажите, мадам Карменсита, давно ли Вы служите у герцога?

— Вот уже четыре года. Я поступила гувернанткой к дочери Его Высочества сразу по окончании обучения в пансионате Бованского монастыря.

Вот это новость! Оказывается, здесь есть монастыри.

— А чему Вас учили в монастыре? — Степе захотелось побольше узнать об этой непонятной ситуации, когда нет религии, но есть монастыри.

— Нас учили письму и счету, рисованию и рукоделию, музыке и танцам.

— Только этим шести предметам?

— Да, только этим.

— И как долго Вы им обучались?

— Шесть лет. Меня отдали в монастырь после смерти родителей. Мне было тогда восемь лет.

— А кто были Ваши родители?

— Мой отец служил в войске у короля. Он погиб, когда я была совсем маленькой. Мы с матушкой жили на его пенсию, пока она не умерла от болезни. Что-то с сердцем. Родных у меня не оставалось, и соседи отдали меня в монастырь. Герцог Альбаузский написал настоятелю, что его младшей дочери нужна гувернантка, и я поступила к нему на службу.

— Вы ведь тогда были совсем ребенком! Как же Вы справились?

— Мы с принцессой подружились и вместе росли. Небольшая разница в возрасте сблизила нас. Мы много играли и много шалили. Так, играя, я обучила ее всему, что знала, а теперь мы вместе познаем мир и все, что в нем есть.

— Расскажите, пожалуйста, мне о монастыре. Я никогда не бывал в таких местах, а мне бы хотелось знать о них побольше.

— Извольте. Монастырь расположен в старом королевском замке Бован на берегу озера Торо. Это в сорока километрах от Боккачо — столицы Боккардии. Раньше предки нынешнего короля приезжали туда на охоту, но лет тридцать назад, еще при Сигизмунде Третьем, там сделали монастырь для сирот. Король распорядился, чтобы детей, оставшихся без родственников, содержали там, пока не подрастут, и обучали

грамоте и ремеслам. Он сам бывает там по пять раз в год и крепко спрашивает с настоятеля за нерадение, если заметит непорядок. Он живет там по неделе, случается — больше, и иногда сам проводит занятия со старшими учениками.

Порядки в монастыре строгие. Целый день занятия и работы: заготовка дров, огород, приборка, стирка. Почти все ученики делают сами. Много делается во время занятий — ведь там обучают и ремеслам. Подъем с рассветом, отбой — когда закончены все дела. Но жизнь сытая и нескучная.

По достижении семнадцати лет ученики и ученицы покидают монастырь. Обычно их или забирает кто-нибудь, кому нужен мастер их профессии, или они сами идут искать счастья. На обзаведение им выдаются неплохие деньги, а дальше — кто на что способен...

В этом рассказе Степу поразили несколько обстоятельств.

Во-первых, то, что приют организован первым лицом в государстве и тщательно им контролируется. Это весьма дальновидная политика, и ведется она на протяжении уже второго поколения. За этим чувствуется влияние очень цивилизованного разума.

Во-вторых, рассказ гувернантки был кратким и одновременно полным. Такая лаконичность скорее пристала рапорту военного, чем воспитательнице шаловливой принцессы.

В-третьих, она упомянула километры, хотя обычно расстояния здесь измеряли днями пути.

И, наконец, она сказала: «Что-то с сердцем» — этот оборот совершенно не характерен для местной речи.

То, что приют для сирот называют монастырем — ну и что. Чего не случается с языком на планете, оторванной от родины предков ее обитателей.

Прошло уже около трех недель с того момента, как в крепость доставили последнюю партию книг. Степа каждый день просматривал записи в журнале дежурного, но имени знакомого купца там не упоминалось. Да, собственно, и время его возвращения еще не пришло. Основное внимание Степа сосредоточил на гувернантке. Она хорошо соответ-

ствовала его представлению об агенте касситов. Занимала пост, позволяющий оказывать незаметное влияние на ход исторических событий на планете, не привлекая к себе внимания. Сначала влияя на принцессу. Потом, возможно, и на наследника престола. Матео явно ею интересовался, и она была с ним учтива, впрочем, так же, как и со Степой.

Совершенно неожиданно для себя Степа отметил, что эта барышня ему далеко не безразлична. Он даже ощущал что-то вроде ревности, если она разговаривала с другими мужчинами, особенно с Матео. Тем более, что в создавшейся ситуации Карл-Степа как младший брат на герцогский престол уже не претендовал, и если она действительно касситка, Степа должен быть для нее менее интересен, чем его предполагаемый соперник.

Собственно, в поведении Карменситы не было ничего необычного, за исключением, пожалуй, ее страсти к собиранию гербария. Степа однажды проявил к этому интерес и был вознагражден трехчасовой лекцией о флоре окрестностей крепости. Он рассматривал папки с засушенными растениями, зарисовками кустов и деревьев и описаниями условий их произрастания. Выслушивал длинные разъяснения по поводу способа опыления и способа распространения семян. Узнал о нескольких видах, открытых его собеседницей именно здесь на протяжении прошедших недель. В конце концов, когда речь пошла о методах систематизации и классификации, он окончательно сомлел. Чего стоит, например, «Купанелла ребролиственнодырчатая дробноплодная»!. Однако и в этом увлечении молоденькой учительницы содержалось косвенное указание на ее причастность к деятельности касситов. Что может быть естественнее их интереса к растительному миру контролируемой планеты?

ГЛАВА 8

Однажды утром, часа через три после рассвета, в крепость прибежал один из дозорных. Из одежды на нем были только короткие подштанники и башмаки. Комендант, предупрежденный часо-

выми, встретил его у ворот и провел в поддерживающихся в крепости быков. Словом, кордегардию. Через пять минут еще быстро и четко шла подготовка к обороне. Без суеты, но и без промедления. С башни через амбразуру Степа не все было видно. Но солдаты переговаривались, и различные сообщения, передаваясь из уст в уста, обходили всех и позволяли «быть в курсе».

Вот вернулся один из дозоров, вот еще один. Вот с северной башни заметили неприятеля — всадников с копьями верхом на быках. Большой отряд — сотни три. Этот отряд обошел крепость и перерезал дорогу на Альбауз. Через час после полудня крепость была окружена. Нападающие стояли за пределами досягаемости стрел и не атаквали. Их было много. Тысячи. Все с копьями и круглыми щитами. Все верхом. У каждого лук и меч. Доспехи, в основном, из кожи. Металлические — редкость. Шлемы островерхие, оставляющие лицо открытым. Да и затылок прикрыт только кожаной занавеской.

Слуги принца, способные носить оружие, остались в крепости. Степа тоже остался. Да ему и не предлагали ее покинуть. Дозорный сообщил о приближении неприятеля, и гарнизон готовился к осаде. Примерно через час из окрестных деревень стали приходиться мужчины. Сержант вооружал их и разводил по подразделениям. К одной из таких групп Степа и присоединился. Ему подобрали по росту штаны и куртку из бычьей кожи, панцирь, налокотники, поножи и гребенчатый шлем. Меч и лук у него были свои. Копья ему не дали и включили в подразделение, оборонявшее юго-западную башню. В его «десятке» было уже человек пятнадцать. С этой башни Степа видел, как из ближайшей деревни уходят жители — женщины, дети, старики. Мужчины собрались в цитадели.

Крепость не перекрывала полностью весь перевал. Он был слишком широк. Неприятель запросто мог ее обойти со всех сторон. Однако удобная дорога проходила рядом с крепостью, прямо за рвом, ее опоясывающим, и прекрасно простреливалась из луков. В остальной части этой пологой лощины изобиловали овраги и расщелины, холмы и скалы. А то и просто участки, покрытые крупными обломками камней. Обходить крепость большими силами и, тем более, с обозами было крайне неудобно, если вообще возможно. Поэтому никто не сомневался в предстоящем штурме.

На стены поднимали корзины с камнями и колчаны со стрелами. Прибывающих окрестных крестьян и охотников вооружали и расставляли по местам. Загнали несколько возов сена для со-

держивающихся в крепости быков. Словом, кордегардию. Через пять минут еще быстро и четко шла подготовка к обороне. Без суеты, но и без промедления. С башни через амбразуру Степа не все было видно. Но солдаты переговаривались, и различные сообщения, передаваясь из уст в уста, обходили всех и позволяли «быть в курсе».

Вот вернулся один из дозоров, вот еще один. Вот с северной башни заметили неприятеля — всадников с копьями верхом на быках. Большой отряд — сотни три. Этот отряд обошел крепость и перерезал дорогу на Альбауз. Через час после полудня крепость была окружена. Нападающие стояли за пределами досягаемости стрел и не атаквали. Их было много. Тысячи. Все с копьями и круглыми щитами. Все верхом. У каждого лук и меч. Доспехи, в основном, из кожи. Металлические — редкость. Шлемы островерхие, оставляющие лицо открытым. Да и затылок прикрыт только кожаной занавеской.

«Солдатский телеграф» доложил о кратких переговорах коменданта с командиром осаждающих, об отказе сдаться. После этого в рядах неприятеля произошли перемены. Воины спешили. Быков отвели назад, и появилось множество длинных лестниц. Откуда они взялись — этого Степа не видел.

Неприятель окружал крепость со всех сторон без промежутков и в несколько рядов. Ряды эти непрерывно умножались за счет прибывающих воинов. По стенам прошла команда приготовиться. Масса врагов колыхнулась и хлынула на штурм.

Лестницы приставлялись к стенам, по ним осаждающие полезли наверх. Их сбивали камнями и расстреливали из луков. Тех, кто добирался до верха, кололи копьями и рубили мечами. Лестницы отталкивали длинными рогатинами, но их ставили снова.

Степа посылал стрелу за стрелой и старался не промахиваться. Его амбразура располагалась ниже кромки стены в выступающей части башни. Она представляла из себя узкую вертикальную щель, позволяющую вести стрельбу вдоль южной стены. Нападающие были повернуты к нему левым боком. Поскольку, взбираясь вверх, они вешали щит на

А левое плечо, поразить их было непросто. Приходилось метиться в голову или в потолок несколько бревен. Когда баррикада рухнула и поток атакующих хлынул через образовавшийся пролом, свет погасили и качнули на них тяжелые бревна.

Колчаны пустели один за другим. Кто-то заменял их полными. Кто — этого Степа не видел. Он только стрелял и стрелял. Штурм продолжался без перерыва уже много часов. Смеркалось. Стало темно. Со стен на длинных жердях выдвинули пылающие факелы, чтобы видно было атакующих. Стрелок у соседней амбразуры со стоном упал. Стрела попала ему в горло ниже забрала шлема, но выше пелерины панциря. Его заменил другой. Солдат или ополченец. Разве поймешь в темноте, да еще все в одинаковых доспехах. Видно только, что телом пожиже. Совсем цыпленок. Но стреляет метко и скоро, а это славно.

Вдруг цели перестали появляться. Степа подождал минуту. Вот прогорел и погас один из факелов, выдвинутых над стеной. Его не сменили и даже не убрали. Однако шум битвы не стих. Он продолжал звучать, и стало ясно, что оборона где-то прорвана, на стенах и во дворе идет бой. Теперь все звуки перекрывал звон металла и треск ломающихся копий.

Стрелки выскочили из каземата и ринулись вниз по лестнице. На нижней площадке у выхода из башни кипела жаркая схватка. Дверь была проломлена, и воины в островерхих шлемах врывались в проем, прикрываясь круглыми щитами и выставив вперед длинные копья. Защитники башни отчаянно отбивались. Лучники с лестницы осыпали атакующих стрелами через головы своих товарищей, которые с копьями и щитами сдерживали бешеный напор. Все это освещалось единственным факелом.

В этой давке все решил численный перевес нападающих. Половина обороняющихся была перебита, остальных оттеснили к лестнице и продолжали теснить дальше. У двери на площадку следующего этажа произошла остановка. Пока враги били тараном в забаррикадированную дверь, защитники готовились к встрече: разложили по полу бревна и крупные камни, подвесили на цепях к

потолку несколько бревен. Когда баррикада рухнула и поток атакующих хлынул через образовавшийся пролом, свет погасили и качнули на них тяжелые бревна.

Сослепу после освещенной лестницы, спотыкаясь о камни под ногами, враги валились под ударами буквально десятками. Но на их места немедленно становились другие, и снова защитники крепости, оттянув за веревки назад, пускали в ход сметающие все на своем пути бревна. Наконец гряда тел перестала позволять раскачиваться бревнам, и несколькими воинам удалось внести факелы. Ударили навстречу копья, столкнулись щиты, зазвенели клинки. Степа ругался с холодной решимостью человека, которому некуда отступать и не приходится ждать пощады. Товарищи его падали один за другим, и вот остался последний — тот щуплый стрелок, что сменил убитого у соседней амбразуры. Он прикрывал Степину спину, разя длинным прямым мечом с точностью и неотвратимостью молнии, и с ловкостью кошки избегая прямых ударов.

Но долго это продолжаться не могло, и, отчаянным усилием разметав нападающих, Степа бросился вверх по лестнице, ведущей на следующий этаж башни. Влетев в дверь, он захлопнул ее за спиной последнего своего товарища, который тут же наложил на дверь крепкий деревянный засов. Орудия в полном молчании, они нагромодили у дверей баррикаду из мебели, бревен и камней. Свалив в эту гору все, что было на этаже, они поднялись на следующую площадку, с которой в обе стороны вели выходы на стены. На стенах никого не было. Лишь трупы нападавших и обороняющихся покрывали их местами сплошным слоем. Да еще над стенами торчали верхние концы штурмовых лестниц. «Это шанс, — понял Степа. — И, кажется, неплохой. Тьма ведь крошечная».

Он сменил свой почти пустой колчан на полный — благо их много было припасено здесь. Меч вложил в ножны, проверил, хорошо ли закреплен лук за спиной. Шлем снял и тоже закрепил за спиной у пояса. Вместо него надел на голову островерхий шлем, сняв его с убитого. На левое плечо приспособил

круглый щит и взял копьё. Менять одежду во времени не было, дверь на нижней площадке уже трещала под натиском тарана. При тусклом свете догорающего факела он видел, как его спутник проделывал то же самое.

ГЛАВА 9

По штурмовой лестнице врага спустились быстро. Степа только успел оценить ее добротность и длину. Упираясь в противоположный край крепостного рва, она доставала до верха стены. Это при наклоне градусов шестьдесят. Внизу никого не было. Только трупы, заполнявшие ров и покрывавшие все подножие стены. Впрочем, кое-кто шевелился и стонал. Вдали горели костры. Это воины, оставшиеся сторожить быков, готовили еду или просто коротали время. Степа направился в промежуток между двух ближайших костров, стараясь избежать встречи со сторожами. Потом повернул, обходя следующий костер, и так далее. Через час с небольшим костры и бродящие вокруг них быки остались позади. Начался подъем.

Когда небо стало светлеть, они были уже на вершине утеса, отстоящего от крепости на три километра и почти на километр выше ее. Пора было передохнуть и осмотреться. Степин спутник еле плелся, да и Степа с трудом переставлял ноги. Отыскав в густом кустарнике крошечную полянку, покрытую шелковистой травой, Степа обнажил меч и буквально рухнул на траву, не выпуская из руки рукоятки. Щуплый стрелок упал рядом, так же обнажив клинок. Последнее, что пришло Степе в голову: очень хорошо, что поляна перед кустами чисто выкошена и на ней не осталось следов.

Проснувшись, Степа прежде всего ощутил свое тело. Оно сообщало ему о своем глубоком неудовлетворении. Руки и ноги затекли. Кромки доспехов нарезали бока и плечи. Болели многочисленные синяки и ссадины. Каждая мышца была буквально стянута от недавнего перенапряжения. Огромного труда стоило заставить себя сделать первое движение, но потом пошло легче. Степа встал и осторожными движениями восстановил кровообращение. Спутник его

беззвучно спал, свернувшись калачиком на правом боку и прикрывшись щитом. Островерхий колпак с головы свалился и немного откатился, обнажив тяжелый узел черных волос, туго скрученный на макушке. Женщина. Степа заглянул ей в лицо. С заплывшим глазом, рассеченной бровью и распухшим расквашенным носом, оно, тем не менее, было узнаваемо. Карменсита.

Постояв минуту в нерешительности, Степа решил ее не будить. Он направился к краю утеса и осторожно, скрываясь за скалами, принялся разглядывать крепость и ее окрестности. Мимо крепости шла в Альбауз нескончаемая вереница быков. На каждом сидел воин или был закреплен выюк. Вокруг крепости шла уборка трупов. Их разоружали и сбрасывали в ущелье. Судя по размерам кучи шлемов, потери нападавших составили несколько тысяч. Крепость же защищало не более пятисот человек. Двести солдат и около трех сотен ополченцев. Дорого досталась врагам эта победа, но зато теперь Альбауз, можно считать, у них в руках. Если не медлить, конечно. Они и не медлят.

Степа разыскал покосный балаганчик. Крестьяне из ближней деревушки косили здесь на зиму сено для своих коз и быков и оборудовали укрытие на ночь. Крошечный шалашик, крытый корой. Там он отыскал кремьень, трут и кресало. И еще глиняный горшочек, миску и две чашки. Съестного не оказалось совсем. Неподалеку нашелся родничок. Степа напился и набрал воды для Карменситы.

Проснувшись она неохотно, но пила жадно, все до капли. Степа помог ей доковылять до родника. Дела ее были неважны. Явных ран видно не было — искромсанные, пробитые во многих местах доспехи не пропустили сталь в тело; по крайней мере, если и пустили, то неглубоко. Но сотрясение мозга она получила наверняка. Она практически не сопротивлялась, пока Степа ее разоблачал, и беспрепятственно позволила сделать с собой все, что следовало, оставаясь только в браслете на левом запястье. А работы оказалось немало.

Степа растворил одну таблеточку антибиотика из своей драгоценной аптечки в чашке воды и лоскутком от рубахи

АЭЛИТА

Роботал многочисленные мелкие ранки и ссадины, почти равномерно распределенные по всему телу Карменситы. Рассеченную бровь зашил иголкой из ридикюля, что висел у Карменситы на поясе. Там же нашлись и нитки. Нос не был сломан. Он просто опух от удара и выглядел, как красная картофелина. Карменсита была в полубессознательном состоянии, и Степа уложил ее в тенечке на подстилке из сена. Одевать не стал, а укрыл ветхой тряпкой, найденной в покосном балагане. Оставалось почаще менять на голове холодные компрессы и ждать выздоровления.

По отношению к себе он применил те же методы лечения. Потом перестирал всю одежду и занялся поисками провизии. Довольно быстро ему удалось подстрелить крупную нелетающую птицу местной породы. За массивность и неспособность к полетам их называли индюками, по аналогии с земными птицами, с которыми они, однако, почти не имели внешнего сходства. Кроме того, в окрестностях покоса отыскалось немало знакомых Степе съедобных корешков и грибов. Так что ужин получился на славу и почти весь достался автору. Карменситу пришлось кормить насильно.

Ночью Степа спал мало — так, подремывал, сидя рядом с больной, менял компрессы и давал питье. В воду он подмешивал десенсибилизатор из своей аптечки. Давать транквилизатор не отважился, поскольку не помнил наверняка, что следует применять при сотрясениях мозга; про покой и холод помнил точно, а про медикаменты не помнил ничего. Судя по расшифровке названия решил, что десенсибилизатор должен обезболить, и проверил это на себе. Кроме того, очень важным в выборе лекарства оказалось полное отсутствие у него вкуса.

Теплая ночь позволила ему обойтись без костра. И не пришлось залезать в трухлявый балаган. На рассвете больная вполне пришла в себя и попросила есть. Это был добрый признак.

ГЛАВА 10

На постельном режиме Степа поддерживал свою пациентку ровно пять су-

ток. Сам он охотился и готовил еду. Посетил ближайшую деревню. Жителей там не было, но кое-что из съестного нашлось. Несколько раз подбирался к крепости. В ней был оставлен небольшой гарнизон, человек сто. На дороге через перевал было довольно оживленное движение в обоих направлениях, но содержимое тюков, навьюченных на быков, оставалось неизвестным.

Степа выровнял вмятины на доспехах, привел в порядок оружие и оставшее снаряжение. Утром шестого дня можно было трогаться в путь. Но куда? Альбауз наверняка оккупирован, и возвращаться туда вряд ли имеет смысл. Другие места Степе не известны. Впрочем, возможно, у Карменситы есть какие-то планы.

Однако Степина спутница выглядела растерянной и явно не знала, что делать дальше. Поэтому пошли в Альбауз. Двигались осторожно на некотором удалении от дороги, временами возвращаясь к ней на расстояние видимости и рассматривая идущие по ней караваны. В Альбауз под охраной двигались гурты скота. Навстречу везли тюки, вероятно — с военной добычей. Такие вьючные процессии попадались редко и были невелики. Однажды, обозревая такой караван издали со склона придорожной возвышенности, Степа увидел, как из леса на охрану набросились вооруженные люди в гребенчатых шлемах, какие носила армия герцога, его «отца». Внезапность и численный перевес позволили нападающим быстро покончить с охраной. Убитых и раненых погрузили на быков и увезли в сторону от дороги. Все произошло так быстро, что Степе и Карменсите пришлось догонять их целый час попеременно то бегом, то быстрым шагом.

Арьергард обнаружил их раньше, чем они успели его увидеть, и подстерег в узкой лощине. Степа и Карменсита успели только встать спинами друг к другу, прикрывшись щитами и наставив на нападающих копыя.

— Кто вы такие? — спросил один из них. Форма гребня его шлема выдавала в нем десятника.

— Карл, младший сын герцога Альбаузского, и мой оруженосец. — Степа

постарался, чтобы голос его звучал твердо. — Кто вы?

— Федор Круг, десятник Его Высочества герцога Альбаузского.

Услышав этот ответ, Степа опустил щит и поднял копье, поставив его вертикально. Солдаты поступили так же, и Степа приказал отвести себя к сотнику. Федор выделил ему провожатого.

Сотня состояла из десятка кадровых солдат, служивших у герцога по найму, и, примерно, сотни ополченцев. Все бывшие солдаты стали десятниками, а десятник — сотником. Ополченцы были экипированы так же, как и кадровые солдаты: добротнo обмундированы и хорошо вооружены. Степа в очередной раз подивился высокой мобилизационной готовности крошечного Альбауза. Еще больше он был удивлен, выслушав ответы сотника на свои вопросы.

Оказалось, что тех суток, на которые крепость на перевале задержала противника, хватило, чтобы старики, женщины и дети укрылись в лесах, а мужчины прибыли к местам расквартирования герцогских гарнизонов, получили оружие и стали солдатами. Селения опустели, провиант из них вывезли, и армия герцога приготовилась к обороне трех больших и пяти маленьких крепостей. Все они сейчас осаждены неприятелем, но держатся. Напуганный огромными потерями при взятии крепости на пограничном перевале, противник не отваживается на повторение бешеного штурма и ведет правильную осаду подкопами, таранами, осадными башнями и насыпями.

Невозможность кормиться с захваченных земель заставляет привозить провиант издалека, поэтому и тянутся гурты скота через перевал. А навстречу везут награбленное в городах: ткани, металл и другое добро, брошенное жителями на произвол судьбы и теперь доставшееся завоевателям. Несколько сотен герцогского войска — из тех, что не успели укрыться в крепостях, — активно препятствуют этому, отбивая добычу и уничтожая охрану караванов. На гурты быков и коз, однако, не нападают. Таков приказ.

Еще сотник сообщил, что дальше Альбауза противник пока не продвинулся,

что король Сигизмунд IV, сеньор герцога, собирает большое войско и скоро придет на помощь.

О противнике было известно очень немного. Кочевые племена скотоводов издавна населяли обширные степи за горной грядой. Они часто воевали между собой и изредка совершали набеги на приграничные селения Альбауза, Тиберии и Монарды. Но это всегда были короткие налеты с целью грабежа, и натолкнувшись на малейшее сопротивление, кочевники обычно отступали. Теперь из степи пришло огромное, хорошо организованное войско, спаянное железной дисциплиной и ведомое твердой рукой. Из допросов пленных стало известно, что численность войска — около двухсот тысяч вооруженных всадников. Руководит им каган Тенгиз, сумевший подчинить себе каганов всех степных племен и собравший под свою руку воинов с огромной территории. Три месяца пути — так оценил ее размер один из пленных.

Оставалось по заслугам оценить внезапность и стремительность нападения. Враг силен и опасен. Он разоряет селения и не позволяет собрать созревший урожай. Даже если объединенное войско короля Сигизмунда IV сумеет одержать верх, Альбаузу грозит голод этой зимой.

Степа не стал долго здесь задерживаться и приказал проводить его к полковнику, под чьим началом находилась эта сотня. Сотник выделил провожатых, и на рассвете они выступили. Два дня они пробирались окольными тропами и, наконец, добрались до спрятанного в лесу лагеря.

С полковником, бароном Туфио, Степа раньше встречался во дворце своего «батюшки», так что они разговорились, как старые знакомые. Барон прежде всего сообщил о своей полной готовности подчиниться всем распоряжениям «Его Высочества принца Карла». Кроме того, от него Степа узнал, что связь с осажденными крепостями полностью прервана, и барон Туфио практически является командующим над всеми альбаузскими войсками, не занятыми в обороне крепостей.

Поразмыслив над сложившейся ситу-

рацией, Степа подсаждал на то, что поиски касситов приходится отложить на неопределенный срок. В стране, контролируемой неприятелем и ведущей партизанскую войну, заниматься раскрытием тщательно законспирированной шпионской сети невозможно. Закончить бы поскорее с этой заварухой. А для этого надо попытаться стать хозяином положения и как-то повлиять на ход событий. Словом, Степа сообщил полковнику, что принимает на себя общее командование, и взялся за дело.

ГЛАВА 11

Десять дней Степа занимался анализом данных, приносимых разведчиками и гонцами. Связь с осажденными крепостями практически отсутствовала. Разъезды неприятеля то и дело натывались на разведывательные отряды и на группы, посылаемые на перехват обозов. Особое внимание Степа уделял крепости Матлор, находившейся всего в одном дневном переходе от лесного лагеря. Ее осаждал десятитысячный отряд.

Крепость была окружена со всех сторон тыном, прячась за которым, вражеские солдаты засыпали ров и возвели рядом с крепостной стеной четыре деревянные башни. Высота этих башен уже сравнялась с высотой стен, и можно было ожидать немедленного штурма. В крепости было около двух тысяч защитников. Собрав вместе все подчиняющиеся ему сотни, Степа мог набрать еще полторы тысячи войска.

Атаку начали за час до рассвета. Завоженные в броню ряды альбаузцев в полном молчании отделились от леса и, выставив копья и прикрывшись щитами, ударили по спящему лагерю. Часовые, разумеется, подняли тревогу, и в сумятице встревоженного лагеря успели возникнуть очаги сопротивления, но противостоять натиску неприятель не смог. Бегущие ломали ряды тех, кто пытался наладить отпор, и в течение получаса все было кончено. Бежали немногие. Зажатые нападающими между крепостью и рекой, избежали смерти или плена только те, кто, бросив оружие и доспехи, переплыл реку. Остальные сложили оружие.

Рассвет открыл перед защитниками крепости совершенно неожиданную картину. Осаждавшие, превратившиеся в пленных, стягивались под конвоем к воротам крепости. Их немедленно задерживали на разборке осадных башен и заставили расчищать засыпанный ими же ров. Оружие и все припасы из захваченного лагеря затащили в крепость.

Свое войско Степа увел от крепости, присоединив к нему еще тысячу бойцов из числа солдат, составлявших ее гарнизон. Около двух суток их никто не преследовал. Затем неприятельские разъезды настигли арьергард, а вскоре к ним присоединились крупные силы, что-то около двадцати тысяч всадников. Степа продолжал отступление, прикрываясь заслонами и засадами. Леса и непрерывное движение отступающих не позволяли неприятелю обойти его. Однако и оторваться от преследования всадников его пешее войско не могло. Да, собственно, это и не входило в Степины планы.

На четвертый день отступления арьергард втянулся в горную теснину — узкое ущелье, по дну которого струился неширокий ручей. Это ущелье было выбрано заранее из-за того, что на протяжении десяти километров из него не было ни одного выхода. Основная часть войска уже находилась у противоположного его конца, а сотня прикрытия, едва войдя в теснину, села на заранее приготовленных свежих быков и со всей возможной скоростью пустилась наутек, быстро оторвавшись от ожидающих засады преследователей.

Целые сутки неприятель не решался ввести в ущелье свои основные силы, опасаясь подвоха. За это время его разведчики убедились, что на верхних краях ущелья нет альбаузских солдат и нет опасности быть похороненными под потоком катящихся сверху камней. Эти стены были доступны разве только для птиц, и устроить здесь засаду было невозможно. Дно ущелья на протяжении всех десяти километров представляло собой хаос из каменных глыб, и только узкая извилистая тропа позволяла двигаться цепочкой. Но зато в дальнем конце ущелье расширилось метров до двух-

сот и имело плоское дно, покрытое высокой травой. Именно в этом месте альбаузцы и поджидали неприятеля, перегородив все свободное пространство пятью шеренгами воинов и приготовившись к фронтальному бою. Перед строем оставалось не менее километра чистого пространства, что позволяло неприятелю накопиться и построиться для атаки. Видимо, это и повлияло на решение кагана Амира, предводителя этой группы кочевников.

На рассвете его воины вошли в ущелье. Амир не начинал атаку, пока все его войско не вышло из теснины. Степа ждал того же.

Наконец, первая атака. Она же единственная. Воины второго ряда альбаузцев имели копья на метр длиннее, чем у солдат первой шеренги. А у третьего ряда — еще на метр длиннее. Пробить эту стену всадники не смогли. Они смешались и отхлынули, но плотные ряды пехоты ни на шаг не отставали, и гурьба бегущих всадников навалилась на своих же товарищей, ожидающих сигнала к атаке. В образовавшейся страшной давке возникла неразбериха, а вслед за ней паника. Попытки начальников навести порядок привели к тому, что отступающие бросились с оружием в руках на тех, кто им мешал. Возникшая резня усугублялась неумолимым продвижением пехотных шеренг, оставляющих все меньше и меньше свободного места впереди и почти сплошной слой тел позади себя. Все пространство, занятое только что грозным войском, превратилось к адский котел, наполненный безумцами. Те, кому удалось бежать через игольное ушко теснины, вероятно, долго будут радоваться своему чудесному спасению, поскольку невозможно сосчитать, сколько их было затоптано и сколько разбилось о камни, оттесненных своими же спасающимися товарищами.

Пленных оказалось немного, около двух тысяч. Еще столько же, вероятно, смогло удрать. Степа не велел их преследовать. В конце концов, количественный урон, нанесенный неприятелю, не идет ни в какое сравнение с уроном моральным. Он не имел сил, чтобы совладать с огромным войском захватчи-

ков. Важнее было внести в стан врага сомнение, а может, и раздор. Ведь покоренные каганы вряд ли в восторге от выпавшей им доли воевать ради славы Тенгиза.

ГЛАВА 12

Знание местности — всегда хороший козырь в руках обороняющегося. Не зря Степа в свое время так тщательно изучал карты в крепостной библиотеке. Тренированная память навигатора не подводила его в отношении всего, что положили на свои примитивные карты местные картографы. А в отношении того, что в картах отмечено не было, — в рядах его двухтысячного отряда всегда находились люди, знающие местность и умеющие толково объяснить. Вот и сейчас, вспомнив карты и расспросив коекого из солдат, Степа выяснил, что от памятной ему крепости на перевале его отделяет один дневной переход. Правда, по узким горным тропам. Идти с пленными по этой дороге было бы неудобно, и, поразмыслив, Степа их отпустил.

Сутки ушли на похороны погибших и сбор трофеев. Неожиданно с заставы сообщили о приходе парламентаров. Оказалось, что это каган Амир. Он не решился возвращаться к Тенгизу с вестью о поражении и, собрав около тысячи бежавших воинов, оставался в нерешительности у противоположного конца теснины. В случае возвращения его ждала верная смерть, да и его воинов тоже. Поэтому, когда отпущенные Степой бывшие пленные стали выходить из ущелья, он решил сменить господина и теперь пришел проситься на службу к «милостивому и могущественному принцу Карлу».

Посоветовавшись с бароном Туфио и, для видимости, потянув сутки с ответом, Степа согласился принять Амира на службу с его воинами, при условии, что он вернет крепость на перевале.

— Ты храбро сражался, но был побежден, — сказал ему Степа высокопарно. — Докажи, что умеешь побеждать.

Воинам Амира вернули оружие. Снабдили их необходимым количеством быков и отправили в сопровождении про-

водников по горным тропам кратчайшей дорогой к перевалу. Через двое суток гонец сообщил, что крепость взята и каган Амир просит принца Карла принять ее как знак верности. О взятии крепости Степа знал от своих разведчиков натри часа раньше. Амир не полез на штурм. Он вошел в крепость как свой, а затем быстро обезоружил ее гарнизон. Обошлось практически без кровопролития.

Еще через сутки Степа занял крепость и оседлал перевал. Амира с его воинами он предварительно отправил домой, в степь, и велел забирать с собой всех пленных. Не доверял он предателю. Амир мог захватить или убить Степу, представив свое предательство как военную хитрость, и таким образом купить себе жизнь у Тенгиза.

Вскоре пришла весть, что Сигизмунд IV разбит Тенгизом и попал в плен. Что две крепости альбаузцев: Корт и Фирзия — пали. Это были маленькие крепости, и больших надежд с ними не связывалось. Но войска противника, занятые их осадой, теперь свободны. И самое главное — большое войско идет к перевалу явно с целью отбить крепость и покончить с надоевшим Тенгизу подвижным Степиным отрядом. Что же, к встрече готовы.

Степины солдаты, превратившиеся в землекопов и плотников; уже соорудили плотину в узком месте, перегородив один из притоков Мирбы — горную речку, вырывающуюся из ущелья. Уже неделю копится вода в котловине. Уже неделя, как на метр упал уровень Мирбы. Степа посчитал, что около кубического километра накоплено и продолжает собираться. Этого хватило бы и на все войско Тенгиза, если бы оно вошло в верхнюю часть долины Мирбы, к тому месту, где дорога начинает подниматься на перевал. Впрочем, по оценкам разведчиков, противник подтягивает около полусотни тысяч, а это немало. И свидетельствует о том, что точными сведениями о численности Степиного отряда Тенгиз не располагает.

Разъезды и дозоры неприятеля появились в виду крепости под вечер. Степа оставил в крепости всего одну сотню, чтобы стены не пустовали. Сам

он с края утеса наблюдал, как далеко внизу в долине Мирбы один за другим загораются костры, на которых воины Тенгиза готовят себе ужин. Последний ужин в их жизни.

С наступлением темноты плотина была разрушена, и бешеный поток смел с лица земли весь экспедиционный корпус. Передовой отряд пленили утром. Враги не сопротивлялись и даже не пытались бежать. Их разоружили и тоже отправили «домой».

К глубокому Степиному сожалению, все эти славные победы не приводили войну к концу. Тенгиз, потерявший половину своего войска, имеет еще около ста тысяч. Это вчетверо больше, чем вся армия Альбауза, разбросанная по осажденным крепостям. Боккардия, лишившаяся армии, подвергается безнаказанному грабежу. Урожай зерновых на полях осыпался. Скоро пойдут осенние дожди, и сгниют на огородах необработанные овощи. Тем, кто прячется в лесах, придется несладко. Впрочем, стоп. Дожди. Дороги развезет так, что двигаться по ним станет невозможно. В это время или плавают на лодках, или сидят дома. Передвигаться пешком можно только по лесным тропинкам. Кажется, на этом можно получить существенное преимущество перед неприятелем. Тут есть о чем подумать.

Степины бойцы снова превратились в мастеровых. Все, кто не был занят в дозоре или не нес караульную службу, занимались изготовлением лодок. Каркас из тонких жердей обтягивали корой. Все плотно сшивали и смолили. Получались легкие четырехместные байдарки, очень ходкие и маневренные. На ближайшем озере проводили опробование лодок и тренировки.

Противник не предпринимал пока попыток нового нападения. По-прежнему велась осада крепостей и шли грабежи по всей захваченной территории. Степа с нетерпением ждал наступления осенней распутицы. Полдня уходило у него на выслушивание докладов разведчиков и дозорных. Он выставил наблюдательные посты на всех окрестных возвышенностях и, кроме наблюдения за местностью, приказал также наблюдать и за ветром, облаками, поведением жи-

вотных и птиц. Погода — дама капризная. Осень может простоять сухая, а потом сразу снег, мороз и никакой тебе слякоти. И он со своим двухтысячным отрядом ничего не сможет предпринять против Тенгиза. Встреча в открытом бою с любой группой войск противника — верное поражение. Его просто задавят численностью.

А осень, как на зло, стояла бархатная. Тихие безветренные дни то ли конца лета, то ли начала осени. Когда воздух чист и необыкновенно прозрачен, когда днем тепло, а ночи прохладны, когда листва еще зелена, но эта зелень уже теряет яркость и сочность своей окраски. Степа с волнением следил за приметамы наступающей осени. Он ждал дождей.

Карменсита все время неотступно оставалась при нем. Где она спала и чем питалась — он не интересовался. Но с утра и до вечера в латах и при оружии она беспрекословно исполняла его поручения: позвать кого-нибудь или передать что-то. Или принести. Словом, была ординарцем. Степа испытывал к ней двойное чувство. С одной стороны, она ему очень нравилась. С другой стороны, ее поведение он не склонен был истолковывать как результат сердечной привязанности или проявление патриотического духа. Скорее всего, она — касситка. Одна из ячеек обширной агентурной сети, опутавшей всю планету. И сейчас, поскольку Степа стал заметной и перспективной фигурой, влияющей на ход событий в Альбаузе, да, пожалуй, и во всей Боккардии, Карменситу просто приставили к нему, чтобы всегда иметь о нем информацию. Что касается способа связи Карменситы со своим резидентом, то тут тоже все прозрачно. Серебряный браслет на ее левой руке достаточно массивен, чтобы вместить в себя рацию. И достаточно рельефен, чтобы скрыть клавиши управления под видом элементов узора.

Надежных фактов, подтверждающих такую гипотезу, у Степы не было. И, что самое печальное, он не представлял себе, как добраться через нее до касситов при таком способе связи. Другое дело, если выследить путь книг. Это, по крайней мере, вполне вещественно.

Дни проходили в ежедневных заботах. Разведчики донесли, что Тенгиз теперь отправляет свои караваны через другой перевал, по дороге, проходящей через Монарду — соседнее с Альбаузом герцогство, тоже в составе Боккардии. Герцог Монардский, выступивший вместе с Сигизмундом IV на выручку Альбауза, тоже попал в плен к Тенгизу, как и другие вассалы боккардийского монарха. Тиберия, Кремонт и Навалон — все герцогства Боккардии теперь беззащитны перед агрессором и даже не пытаются оказывать сопротивление. И только маленький Альбауз, первым встретивший врага, продолжает борьбу.

«Интересно, на что рассчитывает Матео? — размышлял Степа. — Какого чуда он ждет?»

Ни барон Туфио, ни другие офицеры не высказали ни одного мало-мальски правдоподобного предположения на эту тему. Их высокопарные рассуждения о дворянской чести и воинской доблести Степа, конечно, выслушал с благоговейным видом, но в расчет не принял.

Однажды дозорный, несший службу на вершине ближней горы, сообщил, что видел далеко на севере низко над горизонтом тоненькое облако. Оно появилось во второй половине дня, медленно удлиняясь слева направо. А затем растаяло в этой же последовательности. Насколько Степа помнил из карт, местность, над которой дозорный видел это облако, была представлена совершенно замечательным белым пятном. Это был труднодоступный район, окруженный со всех сторон горами и, похоже, представлявший собой высокогорное плато. Степа вспомнил, что неделю тому назад другой дозорный с этого же поста докладывал об аналогичном облаке. Призвав на память все свои скудные познания в метеорологии, Степа пытался истолковать появление этого облака как признак изменения погоды, но ничего толкового у него не получилось. А поскольку других сообщений об облаках не поступало, он серьезно тревожился за судьбу своей затеи с лодками.

Вестником приближающейся непогоды выступил Федор Круг. Как-то утром Степа пошел с ним проверять посты и обратил внимание на тяжелую поступь

и какую-то неуклюжесть старого солдата. — проваливалась по щиколотку и вытягивалась с трудом.

— Что с тобой, Федор? Не переел ли за ужином? — поинтересовался Степа.

— Старые раны ноют. Я ведь еще при дедушке вашем службу начинал. Горячее было время. Много кровушки довелось мне пролить. И, как дорогая память, каждый раз, как к дождям дело — начинается моя канитель. По мирному времени в баньке бы выпариться да натереться снадобьем, что старуха моя готовит, да на печку. А тут, раз война — служи и не тужи. Вот одолеем супостата — тогда уж...

Степу поразила уверенность Федора насчет «одолеем супостата». Сам он был истерзан сомнениями. Однако в приближение дождей поверил и воспрянул духом.

Надежды оказались не напрасны. На следующее утро уже шел дождь. Мелкий, занудливый и неторопливый, он пропитал влагой воздух и моросил нескончаемо весь день, ночь и далее, не прекращаясь...

Утром четвертого дня разведка доложила, что реки вышли из берегов, дороги размыты, ручьи превратились в речки, а низины — в озера. Через час Степа повел свое войско на Матлор.

ГЛАВА 13

Лагерь десятитысячного отряда, возобновившего осаду Матлора после первого поражения, нанесенного Степой кочевникам под его стенами, был на этот раз хорошо укреплен. Обнесен ровом и валом, по верху которого устроен часток с башнями по углам. Урок явно пошел неприятелю впрок. Однако из-за такой заботы о безопасности осадные работы продвинулись довольно слабо. Крепостной ров был засыпан всего в двух местах, где и возводились две осадные башни, еще недостроенные. Разлившаяся река с трех сторон подступила к самым стенам лагеря, наполнив водой окружающий его ров. Четвертая сторона, обращенная в сторону расположенной на возвышенности крепости, представляла собой насквозь промокшую полосу раскисшей грязи. Трава здесь была вытравлена многочисленными быками, и почву ничто не связывало. Нога

табуна верховых быков Степа отбил первым делом. Их угнали подалее в лес, и таким образом лишили противника последнего источника провианта. Все пути подвоза провизии в лагерь оказались перерезаны естественным путем. Единственную попытку фуражировки пресекли лучники, которые, не выходя из лодок, буквально расстреляли продвигающихся по непролазной грязи фуражиров. Осаждающие превратились в осажденных и сдались через трое суток, как только проголодались.

Степа оставил их на попечение коменданта Матлора и, пока не прекратились дожди, заспешил к Альбаузу. Альбауз — крепость и город, расположенные у слияния рек Альбы и Мирбы, и в сухую погоду представляли собой полуостров, вернее, мыс, с трех сторон окруженный полноводными потоками. Теперь, после подъема воды, полоса земли, соединяющая крепость с «материком», стала намного уже, и Степа перерезал ее в самом узком месте. Его бойцы перегородили обе оставшиеся на суше дороги бревенчатыми стенами, окружив их засеками.

Противник снова оказался отрезан от своих стад, пасущихся в окрестных лесах. Пересчитать неприятельские силы разведка не смогла. Расквартированные в брошенном жителями городе, они почти не поддавались учету. Однако провизии у них запасено было побольше. Целую неделю атаковали они засечную линию, неся потери и нанося Степину войску заметный урон. Выручил гарнизон Альбауза. Около пяти тысяч солдат во главе с самим герцогом Матео-старшим были перевезены на лодках из крепости на перешеек и влились в ряды его защитников. Кочевники, не запасшиеся лодками, не могли им в этом помешать. Их немногочисленные неуклюжие плоты просто не догоняли вертикальные байдарики, а перегородить всю ширь разлившихся рек противник и не пытался.

Герцог был очень рад встрече с «сыном». Несмотря на то, что происходила она под нудным дождем и по щиколотку в грязи. Они обнялись, грохоча латами,

и полчаса засыпали друг друга вопросами и рассказывали о происшествиях за время разлуки. Ощувив такое родственное тепло, Степа почувствовал досаду за свой обман. Однако долго распускать нюни было некогда. Звон клинков и крики со стороны засеки вернули их к реальности, и они зачавкали ногами в сторону, где решалась сейчас судьба Альбауза.

Герцог сложил с себя обязанности главнокомандующего и передал их Степе. Сам же он вернулся в крепость в качестве командира ее гарнизона.

Через неделю противник сложил оружие. Дальнейшее развитие кампании было в основном связано с передвижением войск от одной крепости к другой и приемом пленных. Отрезанные полководцем от Тенгиза и друг от друга, напуганные сообщениями о неизменных победах «принца Карла», измотанные дождями, многотысяные отряды как будто поджидали Степиного приближения, чтобы немедленно сложить оружие. Даже обе взятые неприятелем крепости сдались без боя. Через месяц весь Альбауз был очищен от агрессора, и к перевалу нескончаемой чередой потянулись всадники, но уже без доспехов. И без оружия, разумеется. Погода и тут сыграла на руку Альбаузу. Дожди перешли в снегопад. Ударил мороз, и сухопутные дороги восстановились. Словом, через две недели непрошенные гости покинули пределы герцогства.

ГЛАВА 14

Однако полагать войну законченной было еще рано. В Боккардии находился Тенгиз, у которого оставалось тысяч тридцать боеспособных всадников. Правда, они были расквартированы во многих местах небольшими гарнизонами, но Степа не сомневался, что уже сейчас, получив сведения о судьбе своего войска в Альбаузе, Тенгиз стягивает их в один кулак и готовится к сражению.

Это предположение получило косвенное подтверждение очень быстро. Прибыли послы от «Великого Кагана Тенгиза» с предложением мира и раздела Боккардии. Предлагалось присоединить к Альбаузу Монарду, а остальную часть завоеванных земель отдать Тенгизу. Про-

тивник явно опасался, что Степа быстро разобьет разрозненные отряды кочевников, пока они не соединились. Начиная переговоры, Тенгиз рассчитывал выиграть время.

Но он напрасно беспокоился. Степа и не собирался выводить свои войска из Альбауза. Даже сняв всех солдат из гарнизонов крепостей, он едва мог набрать тысяч пятнадцать. Даже в начале войны, мобилизовав всех боеспособных мужчин, герцог мог выставить не более двадцати пяти тысяч. А потери ?

И одно дело — воевать в густо поросших лесом и окруженных горами долинах, а совсем другое — выйти на просторы Монарды, герцогства, отделяющего Альбауз от остальной Боккардии, — да там кочевники просто затопчут Степину пехоту копытами своих быков.

Однако переговоры Степа вел с заинтересованным видом и даже поставил условие — передать ему всех пленных боккардийских дворян во главе с Сигизмундом IV, якобы для того, чтобы самолично их казнить и быть уверенным, что они не организуют ему отпор, пытаясь восстановить власть законного короля. Как ни странно — это сработало. Такой ход мысли был близок Тенгизу и не вызвал у него подозрения. Степа получил в свое распоряжение еще полторы тысячи искусных в ратном деле бойцов, а его противник избавился от забот по охране такого же количества пленных.

Свои войска Степа стянул к границе Монарды. В этом месте долина Альбы сужалась до четырех километров. Дороги в обход, а их было три, он не оставил без внимания. Одна из них, через перевал из Тиберии, защищалась небольшой крепостью Арс, которая благополучно выдержала осаду кочевников, и можно было и в дальнейшем положиться на ее гарнизон.

Вторая дорога, тоже из Тиберии, стала непроходима после первого же снегопада. И наконец, третий путь через горы, ведущий прямо в Боккардию, перегородил полутысячный отряд барона Туфио. Место было выбрано в узком ущелье, очень удобное для обороны. Солдаты стали немедленно перегораживать ущелье, сооружая стену из камней, бре-

вен и ледяных глыб, поливая все это водой. За эту дорогу тоже можно было не опасаться.

Другое дело — долина Альбы. Удерживать с пятнадцатью тысячами бойцов четырехкилометровый промежуток — задача непростая. Левый берег реки вплотную подходит к гранитной круче. Но река скована льдом и проходима, как самая прекрасная дорога.

Реку вскрыли на протяжении нескольких сотен метров и использовали добытый лед для возведения стены, перегородившей всю долину. Скрепили ее снегом и водой. Особенно хорошо укрепили дальнюю от реки часть стены, не оставив в ней ни одного прохода. А вот рядом с рекой стена была сделана пониже и снабжена довольно хлипкими воротами. Все пространство за этой частью стены превратили в гладкий каток. В этом месте был пологий уклон в сторону реки, и всадник, попавший в это место, неизбежно должен был скатиться в рукотворную полынь. С внешней стороны разглядеть это было невозможно, мешала стена.

Тенгиз не заставил себя долго ждать. Лишь только приблизившись к Степиной фортификации, он мгновенно обнаружил «слабость» недостроенного участка и прямо с марша бросил своих воинов в атаку. Несколько набитых камнями саней, разогнанных атакующими, проломил слабую стену, и орда дико вопящих всадников хлынула в образовавшиеся бреши. Практически не встречая сопротивления, подпираемые задними, они стремительно проскакивали через узкое место и оказывались на пути в полынь. Многие с разгону пролетали до полтора метра от стены, пока обнаруживали, что попали на скользкий путь.

Через полчаса все было кончено. Тенгиз, воодушевлявший своих воинов личным примером и проникший за стену во главе своей лучшей тысячи, был выловлен из проруби вместе с остальными. Впрочем, повезло немногим. Основная масса атакующих погибла, задавленная телами быков и своих товарищей. Половина войска, не успевшая прорваться за стену, отошла и остановилась в нерешительности. Степа отправил к ним парламентаря с требованием

прислать начальников для переговоров. Делегация прибыла незамедлительно. Им отдали плененного Тенгиза и остальных пленных и приказали убраться в свои степи через Монардский перевал, естественно, бросив добычу. Через час остатки некогда грозного войска скрылись за поворотом долины.

Кампания была окончена.

ГЛАВА 15

Какое счастье лежать на мягкой постели под толстым одеялом в теплой комнате и ощущать себя чистым и сытым! И совершенно свободным от каких-либо забот. И это после того, как он сначала долго мок, потом мерз, и непрестанно прокручивал в голове десятки вопросов о снабжении войск, о перемещениях противника, о погоде, о местности... бр-р!

Степа блаженствовал. Впрочем, не совсем. Какое-то беспокойство из глубин памяти, какая-то зацепка, гвоздем торчавшая в мозгу, сильно разбавляла удовольствие от долгожданного покоя.

Что бы это могло быть? Поиски источника книг? Нет, еще не время начинать это дело. Да и никуда оно не уйдет. Карменсита? Тоже ничего особенного. Вернулась к своим обязанностям при принцессе и, вероятно, будет продолжать свою неафишируемую деятельность, присматривая за тем, что происходит во дворце.

Нет, эта тревога совершенно особого плана. Как будто пропущено что-то очень важное, что-то существенное для него. Ощущение такое, будто ему предложили вернуться к своим, а он впопыхах отмахнулся, как от досадной помехи, а сейчас не может вспомнить — кто, когда и каким образом.

Какой уж тут покой. Степа ворочался, пытаясь вспомнить. Но нужное воспоминание не приходило. Наконец, ему это надоело, и он стал вспоминать все подряд, начиная с момента первого появления воинов Тенгиза у крепости на перевале и до настоящего момента. Это не такое простое дело — вспоминать. Ведь надо было не просто мазнуть памятью по последним месяцам, а попытаться восстановить каждую мелочь, каждую деталь того, что он видел и слышал.

Слугу, пришедшего звать его к завтраку, он отправил прочь и велел его не беспокоить. Тренированная память удерживала огромное количество информации и довольно легко отдавала ее, но трудно порой отличить то, что действительно было, от того, что при этом думал. Однако дело продвигалось, и под вечер Степа наконец вспомнил. И вспомнил наверняка.

Облачко тонкой полоской. То самое, о котором доложил наблюдатель с вершины горы. Далеко на севере, над не обозначенным на картах районом. Вернее, два облачка с интервалом в несколько дней. Уж не инверсионный ли это след от взлетающего или садящегося корабля?..

Все. На сегодня достаточно. Остальное он додумает позже. А сейчас — есть и спать.

Прежде чем начинать попытки найти космодром касситов, следовало убедиться, что он действительно существует. А для этого было бы нужно оказаться в крепости на перевале, чтобы оттуда добраться до вершины ближайшей горы, откуда дозорные видели те примечательные облака, и самому их понаблюдать. Разговор с герцогом на эту тему Степа запланировал на завершающую часть ближайшего завтрака.

Завтракал герцог всегда в семейном кругу. Он усаживался в конце длинного стола. По правую руку от него садились по старшинству сыновья, по левую — дочери. Прислуживал всегда один и тот же слуга, ровесник герцога. Более никто к завтраку не приглашался. Разговоры велись на сугубо семейные темы. В общем, лучшего случая, чтобы отпроситься «на охоту» в горы, и не придумаешь.

Однако дело повернулось иначе. Как только покончили с кашей и приступили к чаю с печеньем — завтрак всегда состоял из двух блюд и не занимал много времени, — герцог сказал:

— Сегодня я получил известие, что Его Величество король Боккардии Сигизмунд IV пожалует к нам со своими вассалами. Это наша традиционная зимняя охота на барсов в горах в окрестностях перевала. В Альбаузе они останутся на одну ночь. Затем я, Матео и

Карл присоединимся к ним.

Далее он отдал распоряжение о подготовке к приему гостей и организации охоты. Проследить за подготовкой крепости к размещению в ней охотников он поручил Матео. Степе выпало обеспечение дороги от Альбауза до крепости. Примечательно, что даже младшая из принцесс, Мария, получила свою часть обязанностей — подготовку покоев для гостей и ночлега и питания их слуг. Поскольку времени оставалось немного, все приступили к своим делам сразу после завтрака.

Степа провел демобилизацию сразу же после сообщения о том, что остатки Тенгизова войска миновали перевал и вышли в степь. Ополченцы разошлись по домам, кадровые солдаты и офицеры — по гарнизонам. Боккардийские дворяне двинулись в свои ленные владения, а Степа с Карменситой вернулись ко двору герцога Матео Альбаузского. По дороге Степа с удовольствием отмечал признаки возврата к мирной жизни. В селениях появились жители, по дорогам двигались караваны, вернее, обозы. Зимой, по снегу, быков запрягали в сани в отличие от преобладающего летом вычного метода передвижения грузов.

Выяснилось, что Матео давно ведет закупки продовольствия, и уже прибывают первые караваны с зерном и гурты скота. Рачительный хозяин, герцог явно хотел править зажиточным и сытым народом. И загвоздка тут вовсе не в великодушии или доброте. Просто так доходнее. Или дешевле — с какой стороны посмотреть.

После демобилизации на службе оставались только солдаты, служившие по найму. Их было около полутора тысяч после потерь, понесенных в войне. Из трех сотен, несших караульную службу в замке, Степа выбрал ту, в которой служил десятником Федор Круг. Так получилось, что с этими солдатами Степа не раз делил и ночлег, и пищу, и в ратных делах обычно оказывался с ними чаще, чем с другими. Почти всех знал в лицо, а многих и по именам.

Герцог не возражал, и барон Туфио, ставший по Степиной рекомендации командантом столичного гарнизона, —

АЭЛИТА

тоже. Капитан Крикс, командир сотни, и десятники быстро поняли, что от них требуется. Словом, забот у Степы с выполнением задания герцога практически не было. Утром следующего дня, когда он отправился с принцем Матео, полагая по дороге проконтролировать, как Крикс справился с заданием, оказалось, что все уже готово. Подставы сменных быков на местах, корм для них приготовлен, приготовлен и ночлег для охотников на середине пути. Благодаря этому Степа довез Матео и идущий с ним караван с припасами и прислужкой за один день, с ветерком. Вечером следующего дня он вернулся в замок и принял участие в приеме гостей.

Ужин прошел торжественно, однако гости пили умеренно. После окончания трапезы мужчины: король и все пять герцогов, его вассалов, уединились в кабинете. Вскоре туда пригласили и Степу.

Шестеро мужчин — верховная власть королевства — удобно расположились в креслах вокруг пылающего камина с кубками в руках. Прислуга отсутствовала, и герцог Матео по праву хозяина сам наливал вино гостям из большого глиняного кувшина. Седьмое кресло пустовало.

Королем оказался тот плюгавенький дворянин, которого Степа видел с луком у ледяной стены, сбивающим каждой стрелой всадника Тенгизова войска. Тогда, расставляя бойцов перед решающей битвой, Степа не спрашивал имен, а тем более — титулов. Пленных дворян раскидали рядовыми по проверенным и закаленным в битвах сотням просто по счету: первые пятнадцать в первую, следующие во вторую и так далее. То, что король и слуга каково-нибудь мелкого барона окажутся в подчинении крестьянина, — это Степу не волновало. Думать о дворянской чести он все еще не привык. Однако сейчас, когда война в прошлом, ему могли припомнить недавний конфуз. Впрочем, он этого не слишком опасался.

Однако ничего подобного в разговоре не затронули. То ли не придали этому значения, что маловероятно, то ли успели это обговорить и решили не судить победителя.

— Садитесь с нами, Карл. — Первым заговорил король. — Матео, наполните кубок принца.

Герцог налил Степе вина в массивный серебряный кубок. Пока он это проделывал, все сохраняли молчание. Оно продлилось еще некоторое время, пока Степа отпил хороший глоток. Многие тоже отхлебнули из своих кубков.

— Карл, мы знаем Вашу историю. Герцог поведал нам ее. — Король нарушил молчание еще до того, как оно стало тягостным. — Поистине удивительна эта биография, но еще удивительней победа, одержанная Вами над Тенгизом. До сих пор не могу понять, как удалось Вам с такими скромными силами взять верх над столь многочисленным и хорошо организованным войском. — Король замолчал, и стало ясно, что все ждут Степиного ответа.

Трудно ответить на вопрос, желая скрыть истину. Пару минут Степа собирался с мыслями. Не мог же он рассказать о курсе военной истории, что преподавался им в училище. О том, что сам он ничего нового не внес в военную науку, которую изучал три семестра. О том, что все использованные им приемы когда-то раньше уже применялись, а он лишь вспомнил их и соотнес с реальными обстоятельствами, слегка скомбинировав кое-что.

— Я и сам не понял, как это получилось. Попытался — и вышло. — Степа понимал, что такой ответ звучит не слишком убедительно. — Старался вступать в бой, когда врагов не очень много и когда они в неудобном положении и не ждут нападения. Вот и все.

Король продолжал молчать. Молчали и герцоги. Степе было нечего добавить, поэтому он тоже молчал. Рослый Леопольд, герцог Монарды, подбросил в огонь несколько поленьев. Матео долил всем вина. Наконец заговорил герцог Тиберии-Франц.

— Господа, полагаю, в словах принца содержится практически все, к чему следует стремиться полководцу для достижения победы.

— Это верно, — продолжил Сигизмунд IV. — При условии, что у полководца есть войско, что оно обучено, вооружено и накормлено. Сами воен-

ные действия занимают не так уж много времени, хотя и требуют полного напряжения сил. Основная же часть времени уходит на подготовку армии и ее снабжение. Не так ли, принц?

До Степы, кажется, начало доходить, о чем идет речь. Король явно намерен объединить все войска — свои и герцогские — в одну армию. И, похоже, убедил в этом герцогов. Сейчас они выбирают для этой армии командующего.

Карл — ненаследный принц Альбаузский, победитель Тенгиза — идеальная кандидатура. Его явно прощупывают перед тем, как предложить ему этот пост. Среди герцогов наверняка есть противники его кандидатуры — многие хотели бы поставить командующим своего человека. Король тоже не слишком хочет поручать объединенную армию заботам одного из своих вассалов. Так что возможны два или более вариантов решения. Если бы Степа намеревался навсегда остаться на этой планете, он попытался бы склонить чашу весов в свою пользу. Однако сейчас пост командующего обременил бы его, мешая поискам касситов. Хотя — стоп! Кто сказал, что это может ему мешать? Ведь армия — это еще и разведка! В том числе агентурная.

— Да, Ваше Величество. — Степа решил сделать все возможное, чтобы оказаться во главе объединенной армии. — Армию действительно необходимо учить и кормить. А ведь это недешево стоит и требует больших трудов. Но еще больше трудов и денег требует разведка. Каждодневное знание о противнике, который кажется известным, и о том, который даже еще не намерен с Вами воевать. Ведь знай мы о Тенгизе заранее, все могло быть иначе.

Снова наступила тишина. Похоже, король взвешивал все «за» и «против» Степиной кандидатуры.

— Полагаю, принц исчерпывающе ответил на наши вопросы, — высказался Леопольд Монардский. Остальные герцоги выразили согласие — кто кивком головы, кто одобрительным мычанием. Сигизмунд тоже кивнул. Степа понял, что его дальнейшее присутствие будет мешать начатой до его прихода дискуссии. Сделав для приличия еще пару глот-

ков из своего кубка, он решил, что пора исчезать.

— Ваше Величество! Ваши Высочества! — обратился он к своим собеседникам. — Не позволите ли мне отдать некоторые распоряжения относительно завтрашнего дня?

— Разумеется, принц. — Сигизмунд явно оценил Степин такт. — У Вас, вероятно, множество хлопот.

Раскланявшись, Степа вышел.

ГЛАВА 16

Охота была излюбленным развлечением местного дворянства. Король, герцоги и их приближенные самозабвенно гонялись на лыжах за дичью, которой изобиловали окрестности перевала. Особое внимание уделялось охоте на барсов. Этот хищник обладал изумительным мехом, но был осторожен, быстр и силен. Кроме того, он не имел логова или определенной охотничьей территории. Поэтому его было очень трудно выследить. Обычно загонщики окружали со всех сторон какой-либо участок леса и гнали всю дичь в сторону засады, где сидели главные охотники-стрелки. Далеко не каждая такая операция завершалась успехом. После десяти облав четыре барса были застрелены, и это считалось удачным исходом.

Когда охота завершилась и гости собрались возвращаться, Степа попросил «отца» позволить ему остаться здесь еще на некоторое время. Разрешение было получено, и в крепости, кроме Степы, остался только небольшой гарнизон, поставленный здесь вместо погибшего.

Самая верхушка горы оказалась голдой скалой, на вершину которой вела довольно удобная расселина, засыпанная снегом. Пробраться по ней и затащить с собой санки с припасами — не составило особого труда. На вершине нашелся шалаш, поставленный, видимо, еще теми дозорными, которых Степа в свое время посылал сюда наблюдать за состоянием облачности. Припасов должно было хватить дней на двадцать, дрова Степа приволок на санках, а воду добывал, растапливая снег.

Наблюдать за небосклоном — довольно скучное занятие. В некоторые дни,

когда из-за облаков видимость была явно недостаточной, Степа охотился или заготавливал дрова. Дней десять обнаружить ничего не удавалось. Вскоре установилась ясная погода. Солнце искрилось, отражаемое безупречно белым снегом. Красоты горных пейзажей отвлекали взор от заданного направления наблюдений. Горный воздух кружил голову.

Утром на шестнадцатый день Степа сумел разглядеть то, что хотел. Почти точно на севере низко над горизонтом показалось узкое облачко. Оно вытягивалось слева направо. Его прирастающий край удалялся от горизонта. Такой след должен был оставить после себя летательный аппарат с реактивным двигателем, взлетающий в направлении с запада на восток.

Противоположный край следа таял, постепенно рассеиваясь, и в течение получаса все полностью растворилось в прозрачной голубизне неба. Поразмыслив, Степа сообразил, что в момент образования след ему не виден, поскольку слишком тонок. Позднее, расплывшись в ширину, он оказывается заметен, но вскоре рассеивается настолько, что глаз его теряет.

Оценить расстояние до следа было весьма затруднительно — отсутствовали ориентиры, за которые мог бы зацепиться взор. Однако не более полутора ста километров. Иначе разглядеть бы ничего не удалось. Но и не меньше семидесяти.

Вечером Степа был уже в крепости. В библиотеке он нашел все карты, на которых был представлен интересующий его участок, или, вернее, его окрестности. Само это место нигде обозначено не было. С востока простирались бескрайние степи, заселенные кочевниками. С запада была обозначена долина Альбы. Между ними — горы, но без каких-либо подробностей. Ни рек, ни дорог, ни горных вершин. Просто белое пятно с надписью «Горы». Конечно, по картам такого качества, выполненных без определенного масштаба и без координатной сетки, трудно оценить расстояние. Да и направление можно прикинуть лишь весьма приблизительно. Однако кое-какие зацепки есть. Главное

ясно, что путь надо начинать вверх по Альбе до самых истоков, а дальше пешком через горы, почти наудачу.

Открытия этого дня не ограничились наблюдением инверсионного следа реактивного летательного аппарата. Умываясь в своей комнате перед тем как лечь спать, Степа обнаружил маленького «клопа», вделанного в резную раму зеркала. Вытирая лицо полотенцем, висящем на крючке у зеркала, он слегка зацепил раму рукой и перекошил ее. Зеркало было привезено только накануне и оказалось подвешено буквально на одном гвозде. Поправляя его, Степа взялся двумя руками за края рамы и пальцами левой рукой нащупал какую-то неровность с противоположной стороны. Заглянув туда, он увидел круглую бляшку, похожую на шляпку большого гвоздя. Она легко отлипла от поверхности, как только Степа ее ковырнул пальцами. Крошечная «монетка» без рельефа. Поразмыслив, Степа бросил ее на пол в такое место, куда она упала бы, если бы случайно сама отвалилась от рамы.

На следующий день, вернувшись вечером в свою комнату, он обнаружил, что бляшка пропала с того места, куда закатилась накануне, и снова висит на обратной стороне рамы зеркала, только подальше от края, так, чтобы ее нельзя было случайно задеть.

Становилось очевидным, что его персона заинтересовала тех, кто пытался управлять ходом истории на этой планете. В принципе, такой интерес вполне понятен. Он или нарушил их планы, если они подготовили набег кочевников, или способствовал этим планам, если агрессия была ими своевременно не предугадана, что, впрочем, маловероятно. Хотя, кто знает? Если бы он им мешал, его было легко убрать еще до того, как Тенгизу было нанесено окончательное поражение. Ведь шансы на успех оставались у агрессора до самого последнего сражения.

Как бы то ни было, а Степу явно «пасли». Во всяком случае, подслушивали. Такой вариант развития событий сильно сужал возможности и накладывал серьезные ограничения на все дальнейшие планы.

ГЛАВА 17

Чтобы не вызывать к себе повышенного интереса, Степа продолжал жить в крепости и ходить на охоту. Он пропадал в горах по нескольку дней или даже недель, чтобы его длительные отлучки стали привычными для окружающих. Отдавая себе отчет в том, что подслушивающее устройство, или даже радиомаяк, могут быть спрятаны у него на одежде или на снаряжении, он старался, чтобы его маршруты не вызывали подозрений, и обошел все окрестные горы и прилегающую к ним часть долины во всех направлениях. На свое умение отыскивать подслушивающие или подсматривающие устройства он не полагался и постепенно заказал себе новую одежду, обувь и остальное снаряжение у мастеров по окрестным деревням. Причем все свои обмены он спрятал в дупле дерева, не занося их в крепость. Это позволяло надеяться, что уж на них-то никаких «клопов» нет.

Тем временем зима закончилась, растаяли снега, прошли весенние туманы, и установилась ясная, теплая погода поздней весны. Пришла пора отыскивать космодром и пытаться вырваться с этой гостеприимной, но несколько архаичной планеты.

Еще с вечера Степа предупредил команданта крепости, что утром идет на охоту и будет отсутствовать около двух недель. Утром, беспрепятственно покинув крепость, он еще до рассвета добрался до своего тайника. Одежду и все снаряжение он сменил полностью, не оставив при себе ничего из того, с чем вышел. Даже деньги пересыпал в новый кошелек. В деревеньке, лежащей в противоположном от интересующего его направлении, он купил верхового бычка, запас продуктов и направился прямо на юг. Скрывшись из виду деревни, он повернул в сторону гор и, обойдя каменистыми тропами крепость, повернул на север.

Первые пять дней путь был нетруден. Все эти тропы он многократно исходил во время своих охотничьих вылазок. Потом дорога стала труднопроходима. Тропы, проложенные людьми, исчезли, а те, что были протоптаны животными,

— вели неизвестно куда. Все же километров до десяти в день он продвигался. Горы были почти непроходимы. Скалы и расщелины, преграждавшие дорогу, заставляли возвращаться и делать обходы. Иногда на месте привала не оказывалось дров или источника воды. На одиннадцатый день пути стало ясно, что с быком дальше не пройти. Степа его зарезал, наелся мясного и наготовил впрок. Дальше пробирался с заплечным мешком. По нескольку раз на день приходилось карабкаться на скалы. Дважды пришлось перекидывать ствол дерева через расселину. А одно ущелье обходил трое суток. Конечно, если бы он избрал другой путь: сначала вверх по Альбе, а затем на восток, — было бы проще. Но если то направление доступней — за ним наверняка наблюдают. А быть обнаруженным ему совершенно не хотелось.

Однажды утром Степа услышал звук, который ни один пилот не спутает с чем-либо другим. Такой звук издают только раскаленные газы, вырывающиеся из сопла реактивного двигателя, и ничто иное. Вскрабавшись повыше по склону, он разглядел и инверсионный след. Сам аппарат увидеть не успел. До цели оставалось километров тридцать к северо-западу.

Плато, с которого взлетали корабли, оказалось приподнято над окружающей местностью примерно на полкилометра. Этакая гранитная плита колоссальной толщины, выпирающая из-под земли. Ее поверхность удалось разглядеть с соседней горы. Длина километров десять, ширина — пять. Ближе к одному из краев — какие-то строения. Детали не разглядеть из-за большого расстояния. И совершенно неприступные на вид стены со всех видимых сторон.

Степа спустился в небольшую долину, через которую недавно проходил, и устроил пятидневный привал. Во-первых, отдохнул и выспался. Во-вторых, настрелял дичи, отъелся и заготовил харчей на несколько дней вперед. Из тех запасов, что он тащил с собой, ничего уже не оставалось. К счастью, съедобные корешки встречались здесь в изобилии и позволяли разнообразить мясную диету. На шестой день начался обход пла-

то.

Не желая быть обнаруженным, Степа всю дорогу крался, маскируясь в складках местности или в кустарниках, тщательно осматривая стену. Вблизи она выглядела такой же неприступной, но несколько расселин в ней все-таки оказалось. По одной из них сочилась вода, падая сверху скудным потоком, не сильнее, чем из душа. Другие были сухими. По одной из них, казавшейся поуже и поглубже, Степа принялся взбираться, упиравшись ногами и руками в противоположные края, и еще до заката выбрался наверх.

Естественно, сначала он только осторожно высунул голову. Ровное, как стол, плато, покрытое высокой травой. Местами — небольшие группы кустарников и невысоких деревьев. До одной из них, где деревья были повыше, Степа дополз по-пластунски, пользуясь высокой травой как прикрытием. Взобрался на дерево, огляделся — и вся картина сразу стала ясна. Через все плато шла широкая бетонная полоса. У западного края полосы располагался ангар с четырьмя воротами и десяток аккуратных домиков совершенно цивилизованного вида. С верандами, большими застекленными окнами и без труб на крышах. Ходили люди, передвигались тележки — в общем, протекала какая-то жизнь. До них было около километра, и толком разглядеть что-нибудь, да еще и в сумерках, оказалось невозможно. Понаблюдав до темноты и не выяснив ничего существенного, Степа подкрепился добрым куском жареного мяса с печеными корешками и завалился спать в самой гуще колючего кустарника.

ГЛАВА 18

Три дня «птичьей» жизни привели к образованию роговой мозоли на том месте, которым обычно сидят. Ветви здешних деревьев были тверды и шершавы точно так же, как и ветви любых других. Свой наблюдательный пункт Степа переместил намного ближе к ангарам, присмотрев подходящую заросль кустарников с несколькими раскидистыми, но невысокими деревьями. На ветку он взгромоздился за полчаса до рассвета и сидел до полного наступле-

ния темноты, стараясь не выдать себя ни одним движением. Узнать удалось немного, но все же кое-что.

Во-первых, каждое утро в ангары входило ровно семь человек. В полдень они отлучались на час в расположенные рядом домики, вероятно, обедали, а вечером покидали ангары до утра. Всех их он запомнил в лицо и убедился, что это всегда одни и те же люди. Следовательно, ночью в ангарах людей нет.

Во-вторых, он не обнаружил никаких признаков приборов наблюдения или охранной сигнализации. И даже просто замков на маленькой двери ангара, через которую входили и выходили, не было. Дверь запиралась на ночь на наружную задвижку, а днем свободно болталась полуоткрытая, покачиваемая ветерком.

В-третьих, в поселке не было ни одного ребенка и ни одного животного, кроме, возможно, комнатных. Во всяком случае, вне помещений появлялись только взрослые. Вероятно, они там и жили, и работали. По утрам из домов высыпало человек пятьдесят мужчин и женщин в спортивных костюмах, бегали по бетонной полосе и проделывали различные гимнастические упражнения. Все бодрые и энергичные. Дряхлых или хилых — ни одного. Потом все уходило в дома и примерно через час семерка работников ангара поодиночке проходила к месту работы. До вечера все затихло. Вечером, после того, как из ангара все уходило, между домами начиналось оживление. Было похоже на то, что люди выходили после работы подышать воздухом и пообщаться. Но за пределы поселка никто не уходил.

В-четвертых, Степе не удалось обнаружить никакой дороги, по которой жители покидали бы поселок или возвращались в него.

Четвертый день наблюдений начался необычно. Свет в домах зажегся еще до рассвета. В ангары прошло значительно больше людей, чем обычно. Сколько, сосчитать не удалось, потому что в момент, когда Степа занял свой пост, уже были открыты ворота ангара и внутри горел свет.

Как только рассвело, с неба послышался негромкий гул, и с запада пока-

зался снижающийся летательный аппарат. Он быстро терял высоту, вероятно, планируя. В нижней части траектории немного подработал двигателем и четко приземлился на дальний конец полосы, продолжая бежать по ней в сторону поселка. Поравнявшись с ангаром, он остановился.

Летательные аппараты, подобные приземлившемуся, Степе были хорошо известны. Они использовались с незапамятных времен для сообщения между поверхностью окруженных атмосферой планет и орбитальными станциями. Самолет с короткими треугольными крыльями и ракетными двигателями на хвосте. Однако именно этот корабль не был построен ни на Земле, ни на одной из планет, колонизированных землянами. Все типы техники такого рода Степа знал назубок и ошибиться не мог.

Разгрузка корабля началась немедленно после его остановки, в ней участвовало все население поселка. Мешки, тюки, ящики и контейнеры выгружались на тележки и отвозились частично в поселок, частично в ангары. Через час разгрузка закончилась, и у «шаттла» остались только знакомые Степе техники. Они позакрывали все люки, зацепили задние стойки шасси за две самодвижущиеся тележки и затащили аппарат в ангар хвостом вперед. Ворота закрылись, и все затихло.

Далее день развивался по привычному сценарию, и еще три дня ничего особого не происходило. Наконец наступил день старта. О его приближении Степа узнал по тому, что с вечера из ангара вытащили большой самолет с турбореактивными двигателями. «Шаттл» был закреплен на спине самолета. О том, что двигатели самолета не ракетные, свидетельствовали воздухозаборники в передней части подвешенных под крыльями моторных гондол. Это сооружение отбуксировали в конец взлетной полосы и развернули носом к востоку.

Рано утром, туда отвезли на тележках экипаж и пассажиров — всего человек пятнадцать. Вскоре послышался рев моторов, и громоздкая «этажерка», сорвавшись с места, резво набрала скорость, оторвалась от полосы и круто пошла на подъем, стремительно удаля-

ясь в сторону восходящего солнца. Все затихло. Тележки вернулись в поселок, и снова потекла размеренная жизнь. К полудню возвратился самолет-носитель. Его затащили в ангар, ворота закрылись — и опять тишина.

Вечером Степа долго ворочался, размышляя об увиденном. В принципе, ничего необыкновенного он не узнал, но именно прозаичность и предсказуемость полученной информации заставили его горько сожалеть об утраченных надеждах на возможность покинуть эту планету.

Угнать «шаттл» можно, но если стартовать не с самолета-носителя, а прямо с полосы, — горючего не хватит, чтобы вывести его на орбиту.

Если забраться в «шаттл» накануне старта, а потом нейтрализовать экипаж и пассажиров, — ну и что? С орбиты на таком аппарате никуда не уйдешь. Запаса топлива не хватит даже на развитие второй космической скорости. Останется только стыковаться со станцией и сдаваться ее персоналу.

Заманчиво было бы пролететь на орбитальную станцию зайцем, а потом уже захватить какой-нибудь корабль с аппаратурой для совершения переходов. Но без знания языка он не имеет ни малейших шансов прикинуться своим. Его быстро вычислят — и финал.

Дальнейшее сидение в кустах теряло всякий смысл, да и провиант подходил к концу. Степа встал, привел в порядок снаряжение, проверил, что нигде ничего не бренчит, и двинулся в сторону поселка. Лук, стрелы, топор и лопатку он спрятал в кустах. Там же оставил большую флягу и мешок с одеялом, плащом и кухонной утварью. Сверток с остатками харчей и маленькая фляжка поместились в карманах.

ГЛАВА 19

Проникнуть в ангар удалось безо всякого труда. Просто открыл дверь и вошел. В кромешной темноте опустился на колени, высек огонь и зажег фонарь. Задвижку на внешней стороне двери он поставил на место с помощью веревочки, которую затем втянул внутрь, дернув за один конец.

Внутри ангара стояли три самолета-

носителя. Один — свободный, а два дру- ствовать с такими машинами в быст- гие — с укрепленными на спинах «шат- ротечной круговерти боя и видеть их во всех ракурсах и на любых расстояниях. Еще одно место было занято кораблем совершенно иного типа. Это был явно боевой корабль, приводимый в движение не химическими ракетами, а ионными двигателями. В отличие от кораблей на фотонной тяге, такие ма- шины могли совершать посадку на пла- неты, хотя обычно этого старались из- бегать. Слишком уж портили они окру- жающую среду, оставляя за собой по- лосу радиоактивной атмосферы. Конеч- но, при ведении боевых действий на это обстоятельство закрывали глаза, и в военное время посадки и взлеты на таких двигателях случались нередко, в том числе и на обитаемых планетах. Особенно с целью десантирования.

Аппаратура перехода на этом кораб- ле тоже присутствовала. Это было вид- но по характерным решетчатым элемен- там, опоясывающим центральную часть корпуса. Корабль лежал горизонтально на трейлере, снабженном подъемным ус- тройством, способным поставить его вер- тикально — в положение для старта.

Разглядеть все как следует в скуд- ном свете горящей в фонарике свечи было невозможно, а так как, судя по времени, снаружи уже рассвело, Степа занялся поиском укрытия на день. Фер- мы-колонны, поддерживающие перекры- тие, оказались удобной дорогой к по- толку, а в сплетении многочисленных стальных профилей, составляющих ос- нование кровли, нашлось укромное ме- стечко, закрытое от взгляда снизу и по- зволяющее наблюдать.

Вскоре лязгнув засов двери, зажегся свет, зазвучали шаги и голоса. Прислу- шавшись к разговорам техников, Степа вдруг понял, что прекрасно их понима- ет. Их язык отличался от стандартного, используемого на Земле и в колониях, не больше, чем диалект любой колонии. Некоторые особенности произношения, отдельные слова и речевые обороты не мешали понимать смысл сказанного. Язык аборигенов этой планеты разли- ся с земным намного существеннее. Однако во внешнем виде лежавшего под ним корабля Степа однозначно опознал так называемый тяжелый истребитель касситов. Ему не раз приходилось схле-

дываться с такими машинами в быст- роте круто изменилось во взгляде Степы на конфликт землян с кассита- ми. Исчезло всякое понимание проис- ходящего. Каким образом могло воз- никнуть такое глобальное вооруженное противостояние в области, охватываю- щей миллионы кубических парсеков кос- мического пространства, между Землей и ее колониями и одной из ее же коло- ний? Причем без каких-либо попыток ведения переговоров с той или иной стороны. Огромные средства, затрачи- ваемые на войну, истощали ресурсы Земли и колоний. Только ощущение гроз- ной и неведомой опасности заставляло выбрасывать в топку войны колоссаль- ные средства и тысячи человеческих жизней.

Несомненно, для касситов ведение боевых действий также сопряжено с ог- ромными затратами. Что заставляет их упорно вести жестокую войну, не пыта- ясь прекратить ее? Почему они не вы- сылают парламентаров и уничтожают земные корабли при попытке вступить с ними в контакт? О том, что попытки переговоров предпринимались со сто- роны землян, Степа знал наверняка. Он сам эскортировал один из кораблей-пар- ламентаров к базе касситов и даже ви- дел вспышку взрыва, уничтожившего его. Ему тогда крепко досталось от вот та- ких же тяжелых истребителей, насилу вырвался.

Как бы там ни было, следовало выс- паться и попытаться вырваться отсюда. Обнаружение боевого корабля давало неплохие шансы улизнуть и вернуться к своим.

Почти неделю Степа не выходил из ангара. Днем отсыпался наверху, а но- чью изучал матчасть. Провиант, запа- сенный для летных пайков, он обнару- жил в каптерке и брал понемногу, ста- раясь, чтобы убыль его выглядела неза- метно. Освещение не зажигал, пользо- вался электрическим фонарем, найден- ным здесь же. Туалет и умывальник тоже нашлись, так что бытовых проблем не было. К утру он уничтожал все следы своего пребывания и забирался на свой насест.

Разобраться с конструкцией корабля и его управлением оказалось несложно. Все было сходно с тем, что применялось на аналогичных земных машинах. Многие узлы и устройства вообще оказались идентичны. Различия скорее наблюдались во внешнем виде. Складывалось впечатление, что этот тяжелый истребитель и тот, что Степа раньше пилотировал, сконструированы одним и тем же конструктором, позаботившимся лишь о том, чтобы снаружи они выглядели как «две большие разницы».

Несколько сложнее оказалось с трейлером и подъемным механизмом. Дело в том, что с техникой такого рода Степа раньше дела почти не имел, и ему пришлось постигать все своим умом. Но и с этим он успешно справился. Вся техника оказалась исправна, заправлена и готова к немедленному использованию. Единственная деталь — в бортовом навигационном компьютере отсутствовала кассета памяти. Вылетать без нее рискованно. Но возможно. По крайней мере, Степа был уверен, что сможет доковылять до своей базы и без кассеты. Уж координаты базы и всех промежуточных ориентиров он помнил твердо. Сколько раз все просматривал и пересчитывал, пока добирался сюда на спасательном боте.

Значительно сложнее было подать сигнал «Я свой» при приближении к базе. Без этого его немедленно попытаются уничтожить. Ни вид кода, ни даже способ подачи сигнала не был известен никому из пилотов. Этим занимались специальные люди из секретного подразделения. Они регулярно меняли коды в опломбированном устройстве, которое пилот мог только включить или выключить. Они же меняли коды в устройствах связи, превращающих радиосигнал в абракадабру для всех, чья рация была закодирована иначе. Никаких сведений в этой области никому не сообщалось, в том числе, наверное, и самим секретчикам. Скорее всего, они просто меняли кассеты по определенному графику или по команде. А сами кассеты им доставляли из вышестоящего штаба или еще откуда-нибудь. Степа не знал этого наверняка, но полагал, что это так, поскольку никогда не обна-

руживал у служащих секретных отделов заметных признаков интеллекта.

Однако кое-какие соображения по поводу возможного решения этой проблемы имелись, и можно было рискнуть.

Так или иначе, стартовать можно было немедленно. Замечательная беспечность касситов здесь, на плато, практически полностью развязывала Степе руки. Все благоприятствовало побегу, по крайней мере — ничего не мешало. Ничего, кроме загадки странной войны, которую ведут две стороны, не имеющие, казалось бы, для этого никаких причин.

ГЛАВА 20

Сразу после наступления темноты Степа изогнутым стальным прутиком отодвинул засов входной двери и неслышно выскользнул из ангара. Осмотревшись и прислушавшись, он беззвучно прокрался к одному из крайних домиков поселка и замер под открытым окном. О том, что это окно на ночь не закрывают, он знал еще раньше из своих многодневных наблюдений. Еще он знал, что за этим окном ночует один человек, и что человек этот небольшого роста и некрупного телосложения. Больше ему разглядеть не удалось, да и не требовалось.

В комнате было тихо, и Степа осторожно перебрался через подоконник. Крошечная спальня. Кровать. Кто-то спит, укрытый простыней. Дверь закрыта. Дальше, не медля, — кляп в рот, перевернуть тело на живот, лицом в подушку, чтобы не мог выглотнуть кляп, заломить руки за спину и перехватить в локтях ремешком, петля на ноги и пятки к локтям. Теперь спокойно — тряпку вокруг головы, узел на затылке, — готово.

Все прошло тихо. Попытку мычать пресек, зажав нос. Тело под мышку, через подоконник, и назад в ангар. Вся процедура отняла пятнадцать минут. Еще десять ушло на привязывание пленника к креслу второго пилота. Ну и брыкается!

Дальше быстро, но без спешки. Отворил ворота. Уселся за руль трейлера и покатил к дальнему концу посадочной полосы. Ох и медленно ползет эта колымага! Зато бесшумно. А вокруг тиши-

на и спокойствие. И темнота крошечная.

Вот и конец полосы. Тут поворот налево. Ага, да тут стартовая площадка. Тем лучше.

Остановил трейлер, поставил упоры и включил подъемник. Поставил корабль вертикально и опустил его на опорные лапы. Освободил захваты и отогнал трейлер метров на сто.

Теперь по скобам к люку. Высоко. Что это? Почему видно землю? Уже светает. Ничего, успеваю. Люк, запоры, кабина, кресло, ремни. Спокойно, лейтенант. Ключ, диагностика — порядок. Реактор, камера ионизации, пучок. Есть тяга!

Отрыв... и блаженное ощущение навалившейся перегрузки. Не пережать бы. Тело за два года в условиях нормальной тяжести отвыкло от ускорений. Не хватало только потерять сознание.

Наконец вышел из атмосферы. Сориентировал корабль, разогнался, отключил двигатели — и в переход. Вышел нормально. Вокруг пустота. Засечка по звездам. Теперь несколько часов ожидания до следующей засечки. Пора бы и подкрепиться, да и пленника надо покормить. «Язык». Первый за всю историю войны с касситами.

Привязан хорошо, может быть, даже слишком хорошо. Руки опухли, передавленные ремнями. Сначала узел на затылке, потом кляп... здравствуй, Карменсита.

ГЛАВА 21

Пока Степа ошалело смотрел на знакомое и такое милое лицо своей недавней боевой соратницы, Карменсита сидела с открытым ртом и невнятно мычала, с трудом ворочая языком. Похоже, вывихнута челюсть. Степа перерезал ремни, притягивающие ее правую руку к подлокотнику, и отлетел в угол кабины, получив увесистую затрещину. Крепок боевой дух отважной воительницы, тверда десница. Плюс невесомость.

Поймав парящий в воздухе нож, Степа перерезал остальные путы на левой руке и на ногах пленницы. Челюсть на место Карменсита поставила сама и теперь боролась с замком привязных ремней, пытаясь что-то в нем подковырнуть и оттянуть, как обычно расстегива-

лись ремни пассажирских кресел самолетов и шаттлов. Наконец, просто нажав на планку, она освободилась от привязи и всплыла над креслом, беспомощно ища опоры руками и ногами. Степа помог ей вернуться в кресло, и она вцепилась в подлокотники. Ясно, что на космических кораблях она бывала только пассажиром и не слишком часто.

— Лейтенант Стивен Брагин, космические вооруженные силы Земли. Пилот. — Степа решил, что пора нарушить молчание. А поскольку эта инициатива не получила поддержки в аудитории, продолжил. — На планете, которая значится в наших атласах под названием GDQ-8156/3, оказался в качестве потерпевшего крушение в результате гибели транспортного корабля, на котором следовал в очередной отпуск. В настоящий момент направляюсь к месту прохождения службы.

Поскольку все, что пришло в голову, было уже сказано, а желания говорить что-либо его собеседница не изъявляла, снова повисла тишина. Степа лихорадочно соображал, что бы еще сказать и как разрядить обстановку. Уж кого, а Карменситу он совершенно не хотел захватывать в качестве «языка». Впрочем, если не в качестве «языка», то, пожалуй, совсем наоборот: очень бы хотел. Шибко уж по сердцу пришлось ему эта девчонка. Если бы не обстоятельства, он бы в лепешку расшибся, чтобы на ней жениться. Все, кого он встречал раньше, сильно побледнели в Степином представлении с тех пор, как он с ней познакомился.

Однако надо было что-то говорить, и Степа решил, что лучше сразу прояснить все до конца.

— Поскольку Земное сообщество находится в состоянии войны с неизвестной цивилизацией, избегающей переговорного пути решения конфликта, к которой относишься ты и твои коллеги, я счел своим долгом сделать попытку захвата «языка» перед тем, как удрать. Наружным наблюдением я установил, где на ночь не закрывается окно и ночует один человек, не слишком крупного телосложения. Я не знал, что это ты. Прошу прощения. Я не могу относиться к тебе, как к военнопленному, захваченному для

допроса, и не желаю, чтобы ты попала в лапы к нашей разведке.

Вернуть тебя назад я не могу. В навигационном компьютере отсутствует каска с данными, и я могу найти путь только к своей базе, параметры траектории которой хорошо помню.

Но есть шанс выдать тебя за землянку и втихаря вернуть обратно после нашего прибытия на мою базу. Для этого мы должны согласованно врать.

— Я тебе ничего не поломал?

— Нет, только челюсть вывихнул, но я ее уже вправила. Ты вырос при нормальной тяжести?

— Да. Но я пилот и много тренировался в условиях перегрузок. — Степа не мог понять, куда она клонит.

— Когда я предположила, что ты не абориген, из-за быстроты реакции и нехарактерной для аборигенов мышечной силы, тебя много снимали и потом провели анализ характеристик движений и моторных рефлексов. И не обнаружили отклонения от нормы для индивидуумов, выросших при данной силе тяготения. Кстати, меня зовут Вика. Полное имя Виктория, но его обычно не употребляют.

— А меня обычно зовут Степой. Хочешь есть?

— Нет. Скорее, наоборот.

— Тогда я сейчас включу тягу, в невесомости тебе не управиться. Все, что тебе надо, за этой переборкой.

До звездной системы, в которой располагалась Степина база, добирались почти месяц. За это время успели составить план, придумать легенду, разучили и продумали массу деталей и варианты действий в непредвиденных ситуациях. Вика в этих вопросах оказалась экспертом.

Степа старался избегать разговоров на две темы, которые его волновали больше всего. Во-первых, он молчал о своих нежных чувствах. Ведь знаки внимания, которые Карменсита в свое время оказывала принцу Карлу, могли быть всего-навсего ее работой. А в настоящий момент, когда она целиком от него зависела, его попытка объяснения могла быть воспринята просто как домогательство.

Во-вторых, не разговаривали они и о

причинах войны. Степа боялся заводить этот разговор, чтобы она не подумала, что он пытается что-то у нее выведать. Слишком дорого было ему ее мнение о его несчастной особе.

Однако, если подумать, иногда удается найти неплохой ход и в сложном положении. Как-то за ужином он принялся рассказывать все, что знал об истории возникновения и развития конфликта между Землей и Кассией. Вика сначала слушала молча, потом стала задавать вопросы. Много было таких, на которые Степа не знал ответа. Но ничто из того, что могло бы составлять военную тайну, Вику не интересовало.

Вскоре разговор угас. Довольно долго они сидели молча. Вика о чем-то думала с таким напряжением, что, казалось, был слышен скрежет мозгов. Наконец она заговорила:

— Знаешь, это может показаться тебе совершеннейшей дичью, но с нашей стороны эта война выглядит точно так же. Причем точно так же, как вы не знаете, что воюете с группой колоний, заселенных выходцами с Земли, и мы не знаем, что ведем войну с планетой — матерью наших поселений.

Степа почувствовал, что какой-то лучик понимания мелькнул в глубине его сознания, но не справился с мраком глобального парадокса и иссяк в вязкой мгле, ничего не осветив. Осталось только удивление и недоверие. Он принялся считать вдохи и выдохи и, досчитав до десяти, спросил:

— Тогда зачем бы начали войну? — И, почувствовав, что сморозил глупость, продолжил: — Или я чего-то не понял?

— Ты совсем ничего не понял. Мы не начинали этой войны. В нашем представлении это ваши корабли сначала падали на наших торговцев, а мы только защищаемся. Нас кто-то сталкивает лбами. И это продолжается уже целую сотню лет.

ГЛАВА 22

Расчетное время для начала последнего перехода уже давно прошло, но Степа продолжал пассивный полет, не предпринимая никаких маневров. Радостное вожелание возвращения на базу, державшее его в приподнятом настроении всю дорогу, совершенно померкло

и уступило место пустоте и мраку полного непонимания происходящего.

«Похоже, Вика быстрее меня смекнула, в чем дело, — промелькнуло у него в голове. — Оно и понятно, она наверняка училась в каком-нибудь университете. — Степа вспомнил про «монастырь» и мысленно усмехнулся. — Не то что я, солдафон неотесанный. Однако бросаться к своим, не разобравшись, пожалуй, будет опрометчиво».

Вика не спешила с объяснениями и молча сидела в своем кресле, глядя на звезды в лобовом экране. Удивительное свойство для женщины: не раскрывать рта, пока тебя не спросят. Только сейчас Степе хотелось бы, чтобы она говорила. Чтобы рассказала ему, как это все удалось так устроить и, главное, кому?

— Вика, ты понимаешь, что происходит?

— Не все, но кое-что, кажется, до меня дошло. В нашей зоне пятнадцать населенных планет. Сообщество возникло лет триста назад. Тогда же ослабла связь с Землей. Очень уж далеко мы оказались. Как это происходило, я в точности не знаю, но, вероятно, дело в том, что наши планеты находятся сравнительно компактно и смогли организовать независимую от Земли экономику. Со временем началось освоение новых планет и массированная разведка космоса. И вдруг в обширном районе космоса на наши корабли стали нападать. Постепенно это переросло в войну.

— Насчет оторванности — это понятно. Но почему после начала военных действий вы не попытались связаться с Землей? Вы ведь не знали, что воюете с землянами. Было бы логично отправить делегацию с целью заключить союз с планетой-прародительницей вашей цивилизации.

— Посылали. И много раз. И по сей день продолжают такие попытки. Но корабли не возвращаются.

Вот теперь что-то, кажется, стало проясняться. Степа поудобнее расположился в кресле и принялся рассуждать вслух, предупредив Вику, чтобы исправляла его, если обнаружит погрешность.

— Во-первых, в течение ста лет, или около того, кому-то удается поддержи-

вать чудовищную мистификацию. Следовательно, это кому-то надо. Одно из двух. Или это внешняя сила, то есть иная цивилизация, стремящаяся таким образом сдержать расширение сферы расселения нашего биологического вида. Или инициаторы конфликта принадлежат к нашим сообществам и имеют от этого выгоду. Данными на этот счет мы с тобой сейчас не располагаем.

Во-вторых, для того, чтобы заставить миллионы людей с двух сторон воевать друг против друга и при этом не допускать ни одного контакта между ними — необходимо постоянно управлять действиями этих сторон или, по крайней мере, существенно на них влиять. Каким образом осуществляется это влияние? Вот вопрос, без решения которого мы не должны ничего предпринимать.

Итак, ни один член экипажа (или его останки) ни одного из боевых или транспортных кораблей ни разу не попал в руки противника. Мне не раз доводилось участвовать в боях, и я могу точно утверждать, поскольку видел это, что любой боевой корабль, получивший серьезные повреждения, обязательно взрывался. Причем разлетался на клочки. Но я знаю, что ни один из наших кораблей не несет в себе ничего, кроме боеприпасов, что могло бы вызвать такой взрыв. А ведь во многих случаях корабли получали повреждения уже после израсходования ракет. Следовательно, в них установлен самоликвидатор.

Устройство корабля я знаю до тонкостей: ничего подобного на них нет. Единственное место, куда не заглядывает ни один пилот или техник — это устройство опознавания и рация. Туда имеют доступ только люди из спецподразделения. Но общее количество таких людей, если иметь в виду все вооруженные силы, слишком велико, чтобы можно было предположить, что они в курсе дела. Да они и не бывают в боях и не могут подать команду на уничтожение. Скорее, срабатывает автоматика, о существовании которой они и не подозревают. Тут много темных мест, но мы можем кое-что проверить. Устройство опознавания и рация этого корабля идентичны тем, что установлены на наших.

Степа не стал откладывать дела в дол-

гий ящик. Он снял с переборки опечата- танную металлическую коробку, в кото- рой помещались рация и устройство, по- дающее сигнал «Я свой», и, надев ска- фандр, вытащил ее из корабля. Бухту двухжильного провода он прихватил с собой еще из ангара вместе с множе- ством других вещей. Подключив рацию через провод к клеммам бортовой сети, он включил ее и несильно оттолкнул в сторону от люка. Пока бухта разматыва- лась и коробка удалялась, он успел вер- нуться в кабину. Когда провод оборвал- ся, последовала яркая вспышка взрыва.

По крайней мере, один вопрос про- яснился. Автоматика самоликвидатора оказалась проще некуда. В полете ра- ция всегда включена. Но стоит пропасть напряжению в сети — и корабля нет. Ну а если всего-навсего перебит про- вод — можно списать на результат по- падания мощного снаряда. Кто там раз- берется в круговерти схватки? Впрочем, некоторые ограничения на это все-таки наложены. Ведь пилот может ошибочно отключить энергоустановку раньше, чем рацию. О случаях взрыва корабля после швартовки ему слышать не приходи- лось.

Оставался непонятным еще один воп- рос — о парламентарях. Хотя, покопав- шись в памяти, Степа нашел ответ и на него. Он вспомнил один из многочис- ленных докладов о боевых соприкосно- вениях с противником, которые, как и все пилоты, изучал по мере их поступ- ления. Там рассказывалось об уничто- жении крупного корабля касситов, по- явившегося рядом с одной из земных баз. Его ждали в соответствии с полу- ченным из штаба указанием и разнесли в пыль практически сразу после выхода из перехода. Степа тогда сильно уди- вился, как это нашей разведке удалось заранее точно указать координаты и вре- мя нападения противника. Но дела раз- ведки — дела секретные.

Только сейчас, анализируя события предвзято, на предмет соответствия сво- ей гипотезе, он смог рассмотреть их в таком ключе.

Последним темным местом остава- лись случаи нападения на транспорт- ные и торговые звездолеты. Ведь на них, в отличие от боевых кораблей, ус-

таивались и некодированные рации. И не исключался случай вступления в контакт по радио. Опять же, нападаю- щие могли подобрать спасшихся на бо- тах.

Снова Степа перебрал все, что хра- нила его память, и снова нашелся от- вет. Он не видел ни одного отчета, в котором упоминалось бы о нападениях на касситские транспорты. А Вика слы- шала о таких случаях. О них сообщалось каждый год, и это поддерживало гнев в обществе и воинственное на- строение в армии. Следовательно, на- падали не земляне. И не касситы. Этим занимались другие, руководимые той самой таинственной силой, контролиру- ющей обе воюющие стороны.

ГЛАВА 23

Ясность ситуации не давала ответа на весьма интересный вопрос: что де- лать? Возвратившись на свою базу, Сте- па рисковал оказаться под контролем тех, кто менее всего желал бы раскры- тия своей тайны.

Так и сяк прикидывал он варианты, но ничего дающего ему хотя бы малей- ший шанс остаться в живых не прихо- дило в голову. Итак, путь домой закрыт. Сдача противнику, даже если бы это оказалось возможным, — тот же исход. В обоих случаях кроме него будут уни- чтожены и все, с кем он успеет вступить хотя бы в мимолетный контакт. спосо- ба прекратить войну, даже ценой соб- ственной жизни, не придумывалось.

Вика, сидевшая до сих пор молча и переваривающая вывалившуюся на нее информацию, наконец очнулась и зада- ла такой необходимый сейчас вопрос,

— Куда еще, кроме твоей базы, ты можешь долететь?

— Только назад, на ту планету, отку- да увез тебя. Кстати, как она называется ?

— Колпин. Но ведь ты говорил, что не можешь вернуться.

— Тогда это было во много раз опас- ней, чем сейчас. Вернее, я не подумал, что возвращение на базу — это верная гибель.

— Это еще месяц пути?

— Нет. За двое суток доберемся. Я ввел в компьютер координаты всех ори-

ентиров, которыми пользовался по дороге сюда, причем с достаточной степенью точности. Пристегнись. Начинаю маневрирование.

Вика хорошо знала географию Колпина. Знала также, над каким местом висит на геостационарной орбите единственная орбитальная станция, через которую научная экспедиция сообщалась с внешним миром. Это позволило Степе подобраться скрытно и сесть в ненаселенной местности не слишком далеко от Альбауза. Через три дня пути, сначала пешком, а потом на плоту вниз по реке, они добрались до какого-то поселка.

Причалив плот, Степа сошел на берег.

— Будем прощаться. Отсюда ты легко доберешься до своих. Я устроюсь потихоньку где-нибудь и стану мирно коротать свой век. Про меня никому не рассказывай, наплети что-нибудь, сама придумашь.

Вика сошла на берег и удобно устроилась на коряге.

— Ты полагаешь, что тебе не следует встречаться с нашими?

— Да. В ангаре стоял боевой корабль, который я угнал. Значит в вашей экспедиции присутствует кто-то от военных. Следовательно, меня мгновенно вычислят и уничтожат. А заодно и тебя. Без меня у тебя есть шанс.

— Ты полагаешь, я смогу убедить кого-то, что угон корабля и мое исчезновение не связаны? Мне поверят, если я скажу, что была похищена. Но не поверят, что я не разговаривала с похитителем.

— Ты легко убедишь кого угодно в том, что похититель тебе не представился и ничего на рассказывал, а только допросил и высадил в безлюдном районе.

Вика помолчала. Похоже, он ее убедил, и она прикидывала варианты легенды для объяснения со своими. Степа уже расслабился, думая, что она согласна отправиться дальше без него. Но оказалось иначе.

— Степа! Я никогда не рассказывала тебе об обычаях нашего народа. Дело в том, что, по нашим законам, если мужчина похитил женщину, он должен или

жениться на ней, или убить ее.

— А если ни то, ни другое?

— Тогда женщина должна умереть сама.

Дело круто менялось. Причем независимо от того, было это правдой или нет. Степе было сделано предложение, явно его устраивающее по существу. Его не устраивало только то, что он не сделал его сам. В его жизни еще не было женщин, и он, чувствуя себя на краю неизведанного, был, похоже, чересчур робок. И за это последовала расплата. Однако надо было выкручиваться.

— Вика, я тебя люблю и прошу выйти за меня замуж.

— Давно любишь? — Вика явно хотела поехидничать.

— Еще с тех пор, когда я лечил Матео. Но я уже тогда знал, что ты не из аборигенов, что работаешь в агентурной сети, влияющей на ход событий на этой планете. Это меня остановило.

Вика еще немного помолчала. Потом встала, подошла и уселась к Степе на колени.

— Я согласна. — Поцелуй подтвердил, что это действительно так.

Эту глухую деревушку выбрала Вика. Она точно знала, что агентуры здесь нет, как нет и в ее окрестностях. Поселок, домов около ста, никому не подчинялся, ни в какие государства не входил и никому не платил дань. Даже власти в нем никакой не было. Он был основан беглыми преступниками очень давно далеко в горах. С тех пор сменилось несколько поколений жителей, образовался свой неповторимый уклад, не признающий никакой власти человека над человеком. С внешним миром сносились только несколько купцов из местных.

Степа срубил небольшой домик на краю деревни. Сложил печку, вскопал огород. Вика оказалась хорошей хозяйкой — дом и огород содержала в порядке. Скотину, корову или козу, решили пока не заводить. С соседями все было ладно. Вопросов никто не задавал. Здесь было не принято лезть в чужие дела.

Дела семейные тоже наладились, как по волшебству. Каждый день Степа с нетерпением ждал ночи, да и Вика ни-

когда не старалась задерживаться с делами допоздна. Однако ни дня не проходило, чтобы не вспомнилось о проблеме войны. Гвоздем сидел в голове этот вопрос, и сознание выстраивало план за планом, анализировало, уточняло и отбрасывало один за другим.

Постепенно стало ясно, что полного и окончательного решения Степа не придумает. Следовало сделать хоть какой-нибудь шаг и, судя по его результатам, планировать следующий.

Вика, единственный эксперт Степных замыслов, сама генерировала различные проекты, которые они вдвоем разносили в пух и прах. Самой большой проблемой оставалась их собственная безопасность, поскольку с их гибелью неизбежно погибало и их бесценное знание.

Наконец план был готов и обсосан во всех деталях. Поручив соседке заботы об огороде, они покинули свой уютный домик и отправились в путь.

ГЛАВА 24

Население княжества Гротингейм всегда отличалось суеверностью. Это был какой-то рассадник колдунов, магов и предсказателей. Дом на окраине столицы Степа снял без особого труда. Он занялся предсказаниями погоды и быстро стал одним из самых уважаемых прорицателей. Браслет связи исправно принимал все переговоры местной агентуры, в том числе и сводки погоды. Чтобы не быть опознанными, Вика дома не покидала, а Степа появлялся на людях только в гриме. Его точные предсказания, впрочем, вскоре избавили его от необходимости покидать жилище.

Капитаны кораблей, собирающиеся в дальний путь, обязательно посещали его перед отплытием, чтобы узнать, будет ли погода благоприятствовать их путешествию. Впрочем, не только капитаны. Разные люди заходили. Степа долго морочил им головы, совершая различные «магические» процедуры, но прогноз погоды давал всегда точный.

Однажды, после очередного клиента, когда Степа покинул приемную, чтобы перевести дух и промочить горло, Вика сообщила, что следующим дожидается очереди к нему ее коллега, наблюда-

тель. Она узнала его в лицо.

Наживка сработала — рыбка клюнула. Не могли наблюдатели не проявить интереса к личности, дающей точные и легко проверяемые прогнозы. Приблизился важный момент, и Степа весь подобрался, напружинился, как перед боевым вылетом.

Не называя своего имени, вошедший сообщил, что собирается развести здесь большие виноградники и интересуется, не вымерзнут ли они зимой. Такой предлог для визита поставил бы любого шарлатана в тупик, но не Степу. Вика его хорошо подготовила во всем, что касалось его нынешней профессии. Сначала он, как и полагается, совершил кое-какие магические действия: покапал воском со свечи в воду, разбросил на століке мышинные кости, побормотал себе под нос, а затем изложил гостю, какие сорта винограда сажать и как располагать плантации.

Напоследок, «повнимательнее» посмотрев еще раз на положение мышинных костей, Степа заявил, что готов сообщить гостю нечто очень для него важное, за дополнительную плату, разумеется. На цене быстро сошлись, и Степа велел ему снять с себя все и остаться совершенно голым. Не без колебаний посетитель решил расстаться с одеждой. Особенно долго не решался он снять браслет. Наконец, оставшись в чем мать родила, он получил халат и проследовал за Степой через несколько комнат в крошечный закуток, где находились только стол и две лавки.

Усадив гостя на одну из них, Степа жестом приказал ему молчать и положить перед ним стопку исписанных листков. Там было все изложено.

Пока гость был занят чтением, прием посетителя продолжался. Проводив последнего, Степа вернулся в каморку, где и застал Жерома, так звали его гостя, оживленно и беззвучно беседующего с Викой посредством переписки. Главная цель была достигнута — он поверил и ужаснулся. Сейчас самым важным было убедить его в необходимости крайней осторожности. Это удалось не без труда, и, в конце концов, договорившись о дальнейших действиях, они расстались. Жером ушел через дверь, а

Степа и Вика через потайной лаз в задней стене дома пробрались на соседнюю улицу и, попетляв по закоулкам, исчезли из города навсегда.

Вертолет появился точно в назначенный срок. Пилот быстро обнаружил обильно дымящийся костер и посадил машину в паре сотен метров. Высадив пассажира, он немедленно улетел.

Пассажиру подошел к костру, прочитал придавленную камнем записку, разоблачился, надел оставленную ему одежду и нырнул в лес. Свежие зарубки на стволах деревьев вели все дальше и дальше, пока голос за спиной не остановил его.

— Здравствуй, папа.

— Здравствуй, Вика. Рад, что ты жива, — сказал он, обернувшись. — А где твой товарищ?

— Я здесь. — Степа показался из-за ствола дерева.

— Разрешите представить присутствующих. — Вике явно не понравилось, как мужчины осматривают друг друга. Вроде сцепиться собираются. — Стивен Брагин, военный пилот с Земли, мой муж. Ким Ричардсон, научный руководитель экспедиции на Колпине факультета экспериментальной истории Миронского университета, планета Гиря, мой отец.

Мужчины пожали друг другу руки, и все уселись прямо на землю посреди леса. Толковали долго. Хотя Ким знал все от Жерома, неясных мест оставалось много. Особенно насчет того, что делать? Ким Степе понравился. Особенно ценной была его искушенность в разных интригах, заговорах и тайных операциях. Расстались, довольные выработанным планом и обнадеженные открывающимися перспективами.

Вику Степа оставил в той самой глухой деревеньке, где начиналась их семейная жизнь. На прощание она поплакала у него на плече, напекла ему шанежек на дорогу, и они расстались. Об этом укрытии, кроме Степы, никто не знал, и это позволяло ему надеяться на то, что, как бы неудачно ни сложились дальнейшие события, с Викой ничего худого не случится.

По дороге он сделал крюк до лесной избушки, где прошел его первый год жи-

зни на Колпине. Там в тайничке вместе с его амуницией лежала кассета для навигационного компьютера. Правда, он до сих пор не был уверен, что она может быть считана компьютером касситского корабля, но крюк был невелик, а попробовать стоило.

На условленное место в горах он прибыл с небольшим запасом времени. Ким и Жером уже ждали его, разбив лагерь на берегу ручья. Все шло по плану, и точно в срок посреди долины сел боевой корабль — легкий истребитель. Степа специально просил Кима о таком. Он давал максимальные шансы на успех в их предприятии.

Пилот быстро покинул машину, а Степа и Ким заняли в ней места. В кораблях такого типа, как и в их земных аналогах, пилотские кресла располагались одно за другим, хотя обычно использовалось только одно. Убедившись, что пилот и Жером отошли на безопасное расстояние, Степа дал старт. Рацию и опознаватель он, разумеется, выбросил.

Выйдя из перехода, Степа обнаружил, что родная база Z80 находится в том самом месте, где и предписано ей законами небесной механики. Так же на месте оказалось и дежурное звено. Все восемь истребителей были в своих секторах. Шесть продолжали там оставаться, а одна пара рванула в сторону касситского истребителя в похвальном рвении исполнить свой долг. Выпущенные в него ракеты Степа обманул резким поперечным маневром, после которого выключил двигатель и наблюдал, как потерявшие цель смертоносные гостинцы пронеслись за кормой, устремленные в беспредельные дали космоса. Этот прием он придумал сам и применял его против касситов. Но в широкую практику у его товарищей он не вошел — немногие могли это повторить.

Дальнейшая часть схватки была сложнее и рискованнее. Теперь истребители должны были попытаться сблизиться с ним и расстрелять его из пушек. Он мог только уворачиваться. Завертелась карусель, замелькали вспышки выстрелов на консолях атакующих кораблей. Степа был большим мастером в делах такого рода и не ударил в грязь лицом. Один из атакующих при очередном ма-

небре потерял управление и закувыркался в сторону. Вероятно, пилот потерял сознание от перегрузки. Второму Степа зашел в хвост и преследовал его, не открывая огня и следуя всем его маневрам. Отстал только, когда тот повернул к базе и, дав полную тягу, откровенно бросился наутек.

Остальной шестерки Степа не опасался. Они будут охранять порученные сектора и ждать подкрепления. Атаковать одиночку, обнажая прикрываемые направления, они не станут. А с базы тем временем стартуют асы. Только что космические силы Земли получили щелчок по носу. Одинокый корабль, не открывая огня, расправился с двумя истребителями. Степа не сомневался, что теперь на него навалится лучшая пара бойцов — адмирал и его неизменный ведомый Заг Тернер.

Вися в пустоте, Степа видел по радару, как выровнял свой полет потерявший управление истребитель. Как он вернулся к базе и ошвартовался вслед за своим ведомым. И, наконец, одна точка отделилась от базы и помчалась в его сторону.

Значит адмирал решил принять вызов один на один. Видно, крепко ударил Степа по самолюбию своих боевых товарищей. Ну что же, это даже лучше. Степа продолжал висеть в пустоте, не предпринимая никаких маневров.

Адмирал был стреляный воробей и не стал бросаться в драку сломя голову. Наблюдая Степину пассивность, он стал сбрасывать скорость по мере приближения и обнулil ее на расстоянии какой-нибудь сотни километров. Корабли висели неподвижно, не пытаясь ничего предпринять. Степа медленно развернулся в сторону звезды и выпустил ракету. Адмирал повторил его действия. Степа — еще ракету, адмирал тоже. Так они спустили весь боезапас.

Адмирал должен был исходить из соображения, что дерзкий супостат, сиречь Степа, предлагает бой только с применением пушек, — и принял вызов. Однако неожиданности на этом не кончились. Степа, не меняя ориентации корабля, сработал маневровыми двигателями так, что его истребитель медленно пошел на сближение с кораблем

адмирала, причем развернутый к нему боком. Адмирал немедленно развернул свой корабль носом к приближающейся угрозе и ждал только момента, когда можно будет открыть огонь.

Это был рискованный момент, но оставалось рассчитывать только на опыт и выдержку «противника». Степино время настало чуть раньше. Убедившись, что расстояние сократилось настолько, что оптика уже позволяет все хорошо разглядеть, он длиннейшей очередью разрядил свои пушки в сторону звезды. Адмирал огня не открывал, но и следовать Степиному примеру не собирался. Он ждал подвоха. Наконец Степа развернул корабль входным люком в сторону адмиральского корабля и, снова сработав маневровыми двигателями, прекратил сближение.

Далее оставалось рассчитывать только на то, что адмирал не выполнит никаких распоряжений. Он здесь самый старший и по званию, и по должности, а на связь со штабом требуется уйма времени, ведь радиоволны, распространяющиеся со скоростью света, годами и десятилетиями проходят путь от звезды до звезды.

Степа вышел наружу и, пользуясь ракетами скафандра, двинулся навстречу. Адмирал разблокировал люк, в его корабль Степа проник беспрепятственно. Открыв забрало скафандра, он с удовольствием полюбовался на ошарашенное лицо начальника и сказал:

— Тут у меня парламентар от каскетов.

ГЛАВА 25

— Проснись, Степушка, — Вика легонько трясла его за плечо, — твой адмирал тебя вызывает.

Степа выскользнул из-под одеяла и через сорок секунд был одет, обут и сквозь сонную одурь с недоумением ощупывал рукоятку меча, подвешенного на перевязь у левого бедра.

— Какой адмирал? — Степа с удивлением смотрел на трясущуюся от беззвучного смеха Вику.

Просмеявшись, она посмотрела, не разбудила ли Тоньку, и пояснила:

— Я вставала кормить и заодно новости послушала. В частных объявлени-

ях передали, что Патрик Нортон ищет своего школьного товарища Виктора Крайнера. Код для связи 77-51-64. Это ведь та условная фраза, про которую ты мне говорил.

Степа уже достаточно проснулся, чтобы начать соображать. «Значит дела продвинулись настолько, что и пилоты понадобились», — подумал он с удовольствием. Пора возвращаться к делам.

Вика, только что хохотавшая над его стремительным одеванием, погрузилась в ее щекам. Предстоящая разлука была ей не по нраву. Трехмесячная Антонина беззвучно дрыхла, налопавшись мамкиного молочка, и никак не реагировала на происходящее. Полгода семейного счастья было отмерено Степе на этот раз. Когда-то выпадет следующая порция?..

В тот раз, сведя Кима и адмирала, он вернулся в свой домик в далекой горной деревушке, когда Вика уже заметно округлилась. На удивление легко она переносила беременность. И роды прошли легко и безболезненно. Степа их сам принимал, не доверяя местным знахаркам. И оправилась она после родов быстро. Все было ясно и безоблачно. Но вот — разлука.

Походный мешок был наготове. Вика только харчи туда сложила — и можно в дорогу. Прямо в ночь.

К полудню третьего дня стало ясно, что от своего жилища Степа ушел достаточно далеко, чтобы в случае чего не навести кого ненароком на место, где скрывается Вика. Поземка услужливо зализала все следы, а несколько деревенок, которые он обошел стороной, должны были бы показаться более вероятным местом пристанища его подруги, если кто-то станет ее разыскивать.

Связавшись по радиации с условленным номером, Степа назвал координаты и принялся за трапезу. Долго ждать не пришлось. Вертолет подобрал его через час и доставил на космодром. Там его встретил Жером и проводил в один из домиков, где Степа и провел двое суток до старта шаттла. На орбитальной станции он был немедленно пересажен на боевой корабль, который после двух бы-

стрых переходов ошвартовался к легкому крейсеру касситов. На крейсере его встретил Заг Тернер и после короткого приветствия отвел в каюту капитана.

Сидящий перед ним человек был одет в военную форму и носил знаки различия командира высокого ранга, какого именно — Степа не понял. Он не знал ни символики, ни погон касситской армии.

— Виктор Крайнер прибыл по вызову Патрика Нортон. — Иной формы для доклада Степа придумать не мог.

— Садитесь, Виктор. Я — командир этого крейсера. Зовите меня Командором. Вас здесь будут звать Виктором. — Командор сделал паузу, видимо, для того, чтобы дать Степе возможность осмыслить услышанное.

— Да, Командор, — Степа подтвердил, что до него дошел смысл сказанного.

— Мне приказано ввести Вас в курс дела, конечно, только в самых общих чертах, и поставить перед Вами задачу.

Итак, экипаж крейсера и несомых им малых кораблей состоит пополам из землян и касситов. Мы приняли ваше название, поскольку являемся уроженцами разных планет и не придумали обобщающего названия для граждан нашего содружества. Все члены экипажа «погибли» в разное время в боях друг с другом, так же, как и наши корабли.

Нам известно, что время от времени погибают при неизвестных обстоятельствах транспортные корабли землян и касситов. Причем во всех случаях не по вине противной стороны. Ваша задача — выяснить причины их гибели и доложить мне.

Вы сотрудничаете только со мной. В Вашем распоряжении информационный компьютер, в который введены все доступные нам данные. У меня все. Вам ясно?

— Так точно. Есть вопросы.

— Пожалуйста.

— Буду ли я летать?

— Да. Раз в неделю Вы будете выполнять один тренировочный полет.

— Мне все ясно. Разрешите идти?

Заг, дожидавшийся Степу за дверью, прикрепил ему на грудь пластиковую табличку с его новым именем. Только тут

Степа прочел на такой же табличке новое имя Зага — Барс. Они понимающе улыбнулись друг другу и прошли в Степину каюту. Впрочем, «прошли» — не совсем верный термин для передвижения в невесомости.

Каюта была тесна и лишена каких-либо удобств. Только противоперегрузочное кресло и компьютер с пятью терминалами. Туалет в конце коридора. Столовая и спортзал — в другом конце. Освоение не заняло много времени. Щит, меч, лук и стрелы вместе с мешком он надежно закрепил в шкафу. Там же заняли свои места шлем и доспехи. Копье долго прилаживал к стене и закреплял, чтобы не оторвалось при маневрах. Благо, на всех стенах были скобки, как и на аналогичных земных кораблях. В столовой подивился скудости и однообразию рациона. И повальному несоблюдению формы одежды. Только таблички с именами у всех обязательно на груди, а так — кто в чем. Кители, форменные куртки, рубашки всех цветов и фасонов, комбинезоны и даже халаты. Так что, в своей колпинской одежде Степа не чувствовал себя исключением в этой пестрой компании.

Однако дисциплина чувствовалась. И командный дух. Все сосредоточены, все поторапливаются. Поевшие быстро уступают места голодным и уплывают на выход. Перед Степой слегка раздвинулись, узнав в нем новичка. Подсказали, где взять паек и куда выбросить пустые упаковки. Несколько лиц оказались знакомыми. С родной базы ребята — как привет с Земли. Речь смешанная, но ближе к земной.

В общем, Ким и адмирал времени даром не теряли. Наверняка они действовали по многим направлениям. В том числе и в контакте с правительствами. Но тайно. Увеличение количества людей, посвященных в секрет, резко увеличивает вероятность его раскрытия. И нелегко предугадать методы и средства, которыми воспользуется неведомый противник, чтобы избежать угрозы разоблачения. Однако то, что в течение ста лет ему это удавалось, заставляет быть осторожным и искать таких методов борьбы, которые он менее всего ожидает. Знать бы, чего он ожидает!

Две недели ушло на изучение информации. Здесь были собраны все материалы официальных и военных архивов Земли и касситского сообщества за все столетие конфликта. Степина тренированная память вобрала в себя кучу новых сведений, но плодотворных мыслей от этого не возникло. Ни одной. Ни одной закономерности. Ни одного повторения. Степа проводил анализ по любым приходившим в голову признакам, но зацепок не было.

Очевидно, что корабли погибают в результате нападения извне. Спасшихся в результате таких нападений было немного. Видимо, спасательные боты добывали после уничтожения корабля. А те, кому удавалось избежать общей участи, не видели атакующих, так же, как и Степа, побывавший в аналогичной ситуации. Причем все уцелевшие были пассажирами или членами экипажа, находившимися не на вахте и поблизости от спасательных ботов.

Возможность диверсии Степа исключил, поскольку в ряде случаев еще до начала взрывов звучал сигнал тревоги. Значит экипаж обнаруживал начало нападения, но не успевал оказать сопротивление.

Однако скудность фактических данных не мешала средствам массовой информации поднимать волну гневных выступлений, клеймящих позором «недостойного» противника и подогревающих воинственные настроения.

Степа уже собирался расписаться в собственном бессилии, когда ему пришла мысль о том, что если неизвестные военные корабли совершают нападения, значит они где-то заправляются и пополняют боезапас. Попросту — у них должна быть база, причем не очень далеко от места действия, может быть, даже в секторе военных действий. А ведь там непрерывно ведется разведка, и любое сколько-нибудь значительное сооружение должно быть обнаружено.

Он задал компьютеру задачу: перечислить все звездные системы, в которые за все время ни разу не посылались разведка ни одной из сторон, и довольно быстро получил короткий список всего из одного наименования —

АЛПИТА

GD-453-4597. У этой звезды оказалось еще несколько замечательных свойств. Пока сначала приближался, а потом удалялся от базы.

Во-первых, она была примерно в центре зоны, где происходили нападения.

Во-вторых, она располагалась так, что ее окрестности практически не использовались для ориентации кораблей в промежутках между переходами. И боевых действий в пределах этой системы или вблизи от нее никогда не велось.

В-третьих, ее планетная система была откровенно описана — ни кометы, ни астероиды, ни метеорные рои, вращающиеся вокруг каждого светила, даже не упоминались. Похоже, эту систему никто не посещал, и только астрономы внесли в каталоги данные, полученные наблюдениями извне.

Спектральный класс звезды исключал возможность развития жизни на ее планетах — слишком уж она была красная.

В общем, по всем приметам — совершенно замечательное местечко для базирования тщательно скрываемого соединения боевых кораблей.

Эти соображения Степа незамедлительно сообщил Командору и получил санкцию на проведение разведки.

К границе планетной системы Степа подошел с выключенными двигателями, передатчиками и радаром. Просто влетел в нее с разгону, как обычный метеор, и продолжал по баллистической кривой приближаться к светилу. Все приемные устройства, естественно, работали. Через полтора месяца он пересек траекторию наиболее удаленной от звезды планеты, которая в это время находилась на противоположном участке описываемого ею эллипса, и приблизился к второй, если считать снаружи, планете. Достаточно быстро приемники зафиксировали посылки радаров. Определить направление на источник сигнала было просто, а еще проще оказалось направить на него корабельный телескоп.

Надо сказать, при естественном освещении на большом удалении от тусклой звезды разглядеть что-либо непросто. Если бы не вспышки фотонных двигателей, выхватывающие из мрака близлежащие объекты, вряд ли удалось бы увидеть контуры цилиндра станции. Наблюдения Степа вел только с перерывами на сон в течение всего месяца,

Он не боялся быть раскрытым, не смотря на то, что корабль его наверняка фиксировался локаторами. Пассивная траектория и большое удаление от цели не могли вызвать к нему интереса.

К моменту, когда расстояние увеличилось настолько, что стало невозможно уже что-либо увидеть, стало ясно, что это действительно то, что он искал. База была почти полным аналогом его Z80 и вела весьма активную деятельность. Корабли стартовали с нее ежедневно и так же ежедневно к ней швартовались. И пространство вокруг патрулировалось легкими истребителями.

Одновременно со Степиной разведкой еще семнадцать кораблей по приказу Командора провели аналогичные операции вблизи других небесных тел этой же звездной системы. Лишенные возможности пользоваться двигателями ради соблюдения скрытности, они смогли обследовать только небольшие участки пространства. И не обнаружили других баз. Нескольким разведчикам удалось наблюдать неизвестные корабли, обнаруживаемые в основном по излучению радаров или по работе радиосвязи. Данные этих наблюдений лишней раз косвенно подтвердили Степино сообщение. Конечно, маршрут, сулящий наибольшую вероятность успеха, Степа предназначил себе.

ГЛАВА 27

Следующая задача заключалась в определении мест, с которыми сносилась таинственная база. Здесь требовались терпение и осторожность. По результатам наблюдений, записанным регистрирующей аппаратурой, легко определили направление на ближайшие ориентиры, к которым отправлялись стартовавшие с базы корабли.

К этим ориентирам направили дозоры, которые, так же не включая двигатели, висели в пространстве и следили за выходом таинственных посланников из перехода, за их маневрами и уходом в следующий переход. Так были определены следующие пункты ориентации, потом следующие. Чем дальше, тем слож-

нее было обнаружить цели, поскольку у звезды GD-453-4597. Но это легкая погрешность точки выхода возрастала, а цель, а пилоты на крейсере — ребята и таким образом увеличивалась зона, где можно было обнаружить появляющийся из пустоты корабль.

Целый год ушел на это, но результат дал ответ почти на все вопросы, которые так волновали всех, кто связал свою судьбу с этим заговором против заговора.

Наиболее интенсивно база сносилась со штабами обеих воюющих сторон. Причем корабли в обоих случаях принадлежали фельдгерской связи секретных служб. Впрочем, это можно было предположить и раньше. Только секретные службы, объединяющие разведку, контрразведку и все шифровальные работы, скрываясь внутри штабов, могли координировать действия воюющих сторон в степени, достаточной для поддержания этой долгосрочной мистификации.

Значительно интереснее был третий адрес. Планета Наяда, с хорошо развитой экономикой и прекрасными природными условиями, являлась единственным поставщиком боевых кораблей для вооруженных сил Земли. И, как выяснилось, для касситов тоже. Канал доставки проходил через все ту же базу у красной звезды. Становилось очевидным, что инициация конфликта и его поддержание — дело рук производителей вооружения.

Как только это выяснилось, Командор вызвал Степу и сообщил, что получил указание препроводить его к месту постоянного проживания. Обидно, конечно, что его удаляют от дел в момент приближения развязки. Но, с другой стороны, дисциплина есть дисциплина. Да и участие военных кораблей в дальнейшем развитии событий представлялось Степе не скорым. Разве что, когда наступит время, придется уничтожить базу

у звезды GD-453-4597. Но это легкая погрешность точки выхода возрастала, а цель, а пилоты на крейсере — ребята опытные. Степа по сравнению с ними — салага.

ЭПИЛОГ

Тоня уже начинала говорить, а Витек сделал свои первые шаги, когда однажды утром Вика разбудила Степу ни свет ни заря. Обычно она вставала очень рано, чтобы подоить и выпустить в стадо козу. А Степа, если не собирался на охоту, просыпался только к завтраку.

— Вставай, соня! Только что сообщили о начале переговоров между нашим Содружеством и Землей. — Как всегда, она послушала по своему браслету утренние новости, передаваемые радиостанцией научно-исторической экспедиции. — Значит скоро можно будет возвращаться из изгнания.

Степа довольно потянулся, схватил Вику за талию и затащил ее под одеяло. Вторая беременность не тронула ее фигуры, так же, как и первая. И даже ее шутовское сопротивление заставляло Степу прикладывать серьезные усилия.

Утихомирившись и пристроившись у него на плече, она довольно жмурилась и тихонько мечтала вслух:

— Вернемся — и сразу отправимся на Землю. Всю жизнь мечтала побывать там. Будем ходить по музеям и картинным галереям. Обязательно посетим Лондон, Севилью и Рио-де-Жанейро. И египетские пирамиды...

— А потом слетаем на твою Гирю. Охота посмотреть на мир, где рождаются такие прекрасные женщины. — Степу тоже заинтересовала возможность посетить новые места.

— Ты знаешь, у нас тебе не понравится. Двойная сила тяжести... — Вика не договорила. Степа всерьез занялся решением проблемы третьего наследника.

«Я ВЕРНУСЬ...» ЧЕРЕЗ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

Четверть века ждали любители фантастики вторую часть романа екатеринбургского писателя И. Давыдова «Я вернусь через 1000 лет». Ползали слухи, что вторая часть где-то издана; некоторые утверждали, что уже прочли ее, и даже обещали дать книгу «на вечерок»... Однако книги все не было и не было... А сам автор устал отвечать, что пока не считает окончание романа готовым для печати.

Но вот наконец екатеринбургское издательство «Арт Лтд» совместно с АКТ «Книжный клуб» готовит к выпуску двухтомник И. Давыдова, включающий обе части романа.

И. ЧЕБАНЕНКО

«СЕМЕЧКИ» № 2

Вышел второй номер «липецкого обзора (нет опечатки!) фантастики» «Семечки» — «журнала критики и публицистики», 24-страничного фэнзина, издающегося иждивением Сергея Соболева и Алексея Караваева со товарищи.

Т. ХАРЛАМОВ

«НОРДКОН»-5

В Котласе прошел Пятый ежегодный конвент любите-

Ведущий рубрики Сергей КАЗАНЦЕВ

лей ролевых игр и фантастики «Нордкон-97». 247 его участников из Северодвинска, Архангельска, Онеги, Каргополя, Мурманска, Москвы, Санкт-Петербурга, Йошкар-Олы, Сыктывкара, Ухты, Перми, Тюмени, Пензы, Калуги, Воронежа Слободского, а также зарубежных городов Харькова и Дрездена, провели ролевою игру «Северная Европа. X век», литературный конкурс, в котором победили: среди поэтов — А. Беднов (Архангельск) и Н. Точильникова (Москва), в номинации «рассказ» — О. Горынин (Москва) и А. Тутов (Котлас), в номинации «повесть» — В. Чубар (Архангельск) с повестью «Сыновья полей» из цикла «Конные воины».

Х. АЛЫМОВ

НОВЫЕ КОРАБЛИКИ

Еще лет десять назад наши фэны, писатели, критики — все жаждали увидеть отечественный журнал фантастики. Но получить разрешение на его издание никому никак не удавалось. Впрочем, запрет исхитрился обойти «Уральский следопыт»,

выпуская журнал в журнале «Аэлита» в виде отдельного вкладыша — это можно считать первым российским журналом фантастики. Затем, когда уже стало можно, из «Следопыта» произросли еще две НФ-ветви: «ПиФ (Приключения и Фантастика)», вышло аж 25 его номеров, и «ФИНИСТ (Фантастические, Исторические, Необычайные ИСТОрии)», он остановился на первом номере.

В Екатеринбурге после этого было нескольких безуспешных попыток создать отдельный журнал фантастики, и вот в 1992-93 годах группе энтузиастов удалось зарегистрировать журнал «Икар» и даже выпустить 4 его номера.

Новый виток фантастической журналистики начался в 1996 году: в Екатеринбурге возродился «ПиФ» (вышло 2 номера; у него новый издатель, с прежним «ПиФом» его связывают традиции и имена двух членов редколлегии: И. Кузовлев и С. Казанцев); и впервые в Перми стараниями Вячеслава Запольских, редактора и издателя, возник свой журнал «Лавка фантастики». Удачного вам плаванья, новые бумажные кораблики!

Т. ХАРЛАМОВ

КРИПТОГРАММА

по повести Геннадия Прашкевича «Шпион в юрском периоде»

Разгадав ключевые слова и подставив буквы вместо цифр, вы прочтете высказывание доктора Хэссопа:

7-12 19-18-12-22 26-9-4-4-9-14-24-3-5-20 24-3-10-12 4-3-18-9-15-9 16-13-9-23-12-8-7-9-15-9 18-9-2-2-25-4-16-3, 26-27 7-3-19-8-6-2-6-4-20 13-3-14-13-19-23-3-5-20 21-12-2-27-12 18-6-13-27.

Ключевые слова:

1-2-3-4-5-6-7-8-3-5-9-10-3-11-12-13-7-9-12 — астарта субморфоза;

«14-12-13-9» — название машины времени, на которой Эл Миллер попал в юрский период;

15-6-7-16-15-9 — единственное дерево, которое Эл Миллер узнал в юрском лесу;

«4-12-17-18-19-13» — частный пансионат, в котором живут дети Нила Формена;

16-9-7-4-19-2-20-5-3-21-6-22 — фирма Эла Миллера;

23-18-6-24-5 — коллега Миллера, обеспечивавший его прикрытие под видом учения вертолетчиков;

16-2-25-26 — то, чем заканчивалась морда доисторического животного, едва не сбившего Миллера с ног;

24-27-7-22 — то, с чем сравнил Миллер игуанодона.

Составил Сергей КАЗАНЦЕВ

Сергей ГРЖЕБИНСКИЙ

ЧЕЛОВЕК, «ОСТАНОВИВШИЙ» ВСЕЛЕННУЮ

ДИАЛОГ НА ПОЧТИ ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ТЕМЫ

ПЛАНЕТА ПОЛУЭКТОВА

— Теперь у нас на очереди Отто Юльевич Шмидт... Очевидно, его гипотеза о происхождении солнечной системы? Если я угадал, и речь пойдет именно об этой гипотезе, то ее знает чуть ли не каждый школьник. По Шмидту, солнечная система сначала была холодной газопылевой туманностью, и, вращаясь вокруг своей оси, в конце концов под действием центробежных сил, как бы скаталась в Солнце и планеты вокруг него. А потом уже «разогрелась» от ядерных реакций, начавшихся в недрах Солнца и всех его планет... Примерно так?

— Да, речь пойдет действительно о ней. Вернее, об одном ее уязвимом месте. Допустим, Шмидт прав: солнечная система образовалась из газопылевого облака под действием центробежных сил. Но тогда не только все планеты, но и спутники этих планет должны двигаться по своим орбитам строго в одну сторону. Девять известных нам планет солнечной системы так и движутся вокруг Солнца — против часовой стрелки. А вот теперь рассмотрим спутников каждой планеты по порядку. У Меркурия и Венеры их нет. А на нет, как известно, и суда нет. Пойдем дальше — Земля. Тут все в порядке — ее единственный спутник Луна движется против часовой стрелки. То же самое со спутниками Марса — Фобосом и Деймосом. А вот с Юпитером неувязка. Его спутники словно разделились. Те, что находятся ближе к планете, гипотезе Шмидта не противоречат, а те, что удалены от Юпитера на многие миллионы километров, бегут по своим орбитам в обратную сторону. А между этими группами спутников миллионы километров пустого пространства — там никаких спутников нет. Вокруг Сатурна картина повторяется снова: верхние — по часовой стрелке, нижние — против. И между ними миллионы километров пустого пространства. А вот Уран и вовсе все ставит с ног на голову. Правда, верхние спутники у него пока не обнаружены. (Хотя они безусловно имеются, пусть даже один, маленький, но обязательно есть. Ведь масса Урана вполне позволяет иметь такую «роскошь», как верхние спутники.)

Продолжение. Начало в №8-9, 10 «УС»

А вот нижние движутся, как верхние Юпитера и Сатурна, то есть уже по часовой стрелке. Значит, верхние, пока не обнаруженные, спутники Урана должны двигаться против часовой стрелки. Именно так распределяются спутники вокруг следующей планеты — Нептуна. И наконец, последняя из известных нам планет солнечной системы — Плутон. Он значительно меньше Луны, а его спутник Харон вообще крохотный, и орбита его очень низкая. Плутон отделяет от нас почти шесть миллиардов километров. Поэтому, даже в самые мощные телескопы он виден очень неясно, как туманный нарост, появляющийся то на одном, то на другом краю диска Плутона. В какую сторону вращается Харон, определить визуально пока невозможно, но вроде бы астрономы как-то определили и получилось, что Харон движется вокруг Плутона против часовой стрелки. Но, я считаю, неправильно определили. Харон должен идти по часовой стрелке, как нижние спутники Урана и Нептуна.

— Что же вам дает право сомневаться в выводах ученых?

— А вы не заметили, что в движении спутников планет существует определенная закономерность?

— Да, пока мы с вами двигались до Урана, какой-то порядок вроде бы намечался — нижние спутники шли против часовой стрелки, а верхние в противоположную сторону. Но вот начиная с Урана, — все наоборот.

— Это потому, что между Ураном и Сатурном, по моему предположению, находится некая граница, которую я условно назвал субвертикальной. Что она из себя представляет, и какие физические силы там действуют, — не знаю. Очевиден только результат — направление движения верхних и нижних спутников планет меняется в зависимости от того, по какую сторону от субвертикальной границы находятся эти планеты...

— А не кажется ли вам, Александр Александрович, что деление спутников на верхние и нижние, особенно если верхних не обнаружено, черезчур уж условно?

— Вообще-то, я называю их иначе: не верхние и нижние, а внешние и внутренние. Позднее объясню — почему. Хотя дело, конечно, не в названии. Про-

сто это группы спутников, которые вращаются вокруг планет в противоположные стороны, а между ними обязательно должно быть некоторое расстояние, порой, в несколько миллионов километров космического пространства. Поэтому внешние спутники могут существовать только у крупных планет, таких как Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун, а у прочей «мелюзги», как Плутон, Марс, Земля, Венера, Меркурий, их и быть не может. У этих планет слишком мала масса и, следовательно, мала ее энергия, чтобы удержать внешние спутники...

— А почему внешние и внутренние спутники планет должны быть обязательно отделены друг от друга и причем не малым расстоянием?

— По моей гипотезе это обусловлено зоной инверсии Солнца. Так я назвал зону каких-то несбалансированных сил, которые окружают каждую планету солнечной системы.

— Наподобие колец Сатурна?

— Нет. Если планету представить, например, как шарик желтка в яйце, то зона инверсии окружает ее подобно яичной скорлупе. Только «скорлупа» эта невидима, как невидимы магнитные поля, и толщина ее порою в несколько миллионов километров. Вот почему спутники, которые вращаются под ней, я назвал внутренними, а те, что над ней, — внешними.

— А почему вы решили, что предполагаемую вами зону инверсии порождает именно Солнце?

— Но ведь именно Солнце более всего воздействует на эти планеты. Потому они и движутся вокруг него.

— Значит, зона инверсии Солнца окружает каждую планету, вращающуюся вокруг него. А спутники планет тоже?

— Нет. Вокруг Луны, например, действует уже зона инверсии Земли. У Фобоса и Деймоса — зона инверсии Марса. И так далее.

— А если запустить искусственный спутник, то у него тоже появиться зона инверсии?

— Конечно, но только той планеты, вокруг которой он будет вращаться. А вообще, по моей гипотезе, зону инверсии имеют все без исключения материальные тела, в том числе и атомы.

— И как же она все-таки действует эта зона инверсии?

— Давайте разберемся на конкретном примере. Допустим, мы с вами летим на космическом корабле, стартовавшем, ну, скажем, с того же Юпитера. Пока проходим первые 16 миллионов километров, встречаем множество внутренних спутников этой планеты. Все они вращаются в одну сторону — против часовой стрелки. Далее 6 миллионов километров мы никаких спутников не встречаем. Ни одного! Пусто! Наконец, миновали и это пустое пространство. И только потом стали попадаться внешние спутники Юпитера. Но они вращаются вокруг него уже по часовой стрелке. Мы повернули обратно, вернулись в пустое пространство и попытались именно в нем сделать наш корабль искусственным спутником Юпитера. И тут произошло неожиданное: какие-то силы просто вынесли нас оттуда, как горная река выносит на берег щепку...

— И куда же нас вынесло?

— Либо к внешним спутникам, где мы стали вращаться вокруг Юпитера по часовой стрелке, либо к внутренним — там наше вращение пойдет в обратную сторону. Поскольку, как я уже объяснял, одни спутники вращаются перед внутренней границей зоны инверсии, другие — за внешней ее границей. А вот в самой зоне инверсии никаких спутников быть не может...

— На каком же расстоянии от Земли начинается окружающая ее зона инверсии Солнца?

— По моим расчетам она находится примерно в восьмидесяти миллионах километров от нашей планеты. Причем тут такая особенность: чем дальше планета от Солнца, тем шире вокруг нее раздвигаются границы зоны инверсии. Вот, например, от Плутона до внутренней ее границы всего около одного миллиона километров.

— Словом, зона инверсии Солнца определяет, в какую сторону должны вращаться спутники планет, а субвертикальная граница между Сатурном и Ураном просто меняет знак вращения этих спутников на обратный?

— Совершенно верно.

— Но если зона инверсии одинаково действует и на естественные и на искусственные спутники планет, тогда все искусственные спутники Земли должны быть отнесены к внутренним спутникам, как и Луна. И, следовательно, должны вращаться только в одну сторону, то есть против часовой стрелки. А искусственные спутники вращаются по-разному, и так, и эдак. И ничего — летают...

— Ну как же «ничего»? В конце концов падают и сгорают в атмосфере!

— Но вы же говорили, что в этом повинен неправильный расчет орбитальных скоростей?

— Да, он губительно действует на все искусственные спутники без исключения. А тем, которые вращаются вокруг Земли еще и не в ту сторону, то есть по часовой стрелке, сокращает век также и зона инверсии Солнца...

— Тогда вопрос: в природе, как известно, все целесообразно, для чего же существует зона инверсии?

— Она обеспечивает прежде всего устойчивость небесных тел на их орбитах. Поэтому подтверждение моей гипотезы о зонах инверсий еще раз доказало бы и стационарность Вселенной...

— Александр Александрович, а действует какая-либо зона инверсии на само Солнце?

— Конечно, зона инверсии центрального тела нашей галактики. А на него воздействует зона инверсии центрального тела мета-галактики. А на мета-галактику — зона инверсии какой-то супер-галактики. И так далее. До бесконечности...

— А не может ли быть, что субвертикальная граница — и есть зона инверсии нашей галактики?

— Нет, это что-то другое. Зона инверсии центрального тела нашей галактики, по моим расчетам, начинается где-то за орбитой Плутона. Более, чем в семи миллиардах километров от Солнца... И находящаяся за ней планета движется вокруг нашего светила уже по часовой стрелке в отличие от 9 других

известных нам планет...

— Значит, вы предполагаете, что за Плутоном есть еще какая-то планета, спутник Солнца?

— Я даже убежден, что все девять планет, которые мы знаем, — это, в лучшем случае, всего лишь десятая часть всей, еще до конца не открытой, солнечной системы. А что касается ее десятой планеты, то в ее существовании не сомневаются многие астрономы. Вы что-нибудь слышали, например, о возмущении Плутона?

— Нет, и признаюсь, удивлен, что планета может чем-то возмущаться.

— Не чем-то, а от чего-то. Возмущение небесного тела — это отклонение в его движении по орбите, вызванное воздействием на него энергии массы другого небесного тела. Причины многих возмущений Плутона ясны. Это происходит от сближения его с такими планетами, как Сатурн, Уран, Нептун... Но вот на одном участке своей орбиты Плутон возмущается от какого-то неизвестного космического объекта. Ученые даже назвали этот объект транс-плутоновой планетой. Но обнаружить ее пока не могут.

— Вероятно, она очень маленькая?

— Напротив, по моим расчетам, это должна быть планета-гигант, вроде Юпитера или Урана.

— Почему же тогда ее никак не могут разглядеть?

— Во-первых, до нее более 10 миллиардов километров. То есть она почти в три раза дальше от Солнца, чем Нептун, который, несмотря на его внушительные размеры, с Земли простым глазом уже не разглядеть. Во-вторых, у транс-плутоновой планеты, согласно третьему обобщенному закону Кеплера, чрезвычайно мала орбитальная скорость. Где-то около 3,5 километров в секунду. По космическим масштабам она практически стоит на месте. Вот и попробуйте найти ее среди звезд! И в-третьих: поскольку транс-плутоновая планета находится за зоной инверсии галактики и потому вращается вокруг Солнца уже не против, а по часовой стрелке, то ее, скорее всего, ищут не там...

— И вы могли бы указать, где она находится?

— Только в том случае, если бы получил данные о возмущении Плутона от неизвестного космического объекта. То есть с какого числа это возмущение начинается и какого числа заканчивается. Необходимо также и координаты расположения Плутона в это время относительно Солнца. Но нигде этих данных достать не могу. А будь они у меня, я буквально через неделю смог бы рассчитать орбиту транс-плутоновой, а через месяц указать точку на небесной сфере, где эту планету следует искать...

— Это с вашим-то бухгалтерским микрокалькулятором?

— И с моими методиками, формулами, законами...*

— Мне остается только сожалеть, что нет никаких экспериментальных подтверждений не только вашей гипотезы, но и загадочных случаев с косми-

*А.А.Полуэктов уже достал необходимые данные о возмущении Плутона и вычислил точку на небесной сфере, где следует искать транс-плутоновую планету. — Авт.

ческими аппаратами, которые дали бы вам возможность объяснить эти случаи существованием зоны инверсии.

— Ошибаетесь, такой случай был. И произошел он во время полета к Урану двух американских космических станций типа «Вояджер». Одна из них должна была приблизиться к Сатурну, а потом продолжить свой путь дальше. Но войдя в зону притяжения этой планеты, станция вдруг исчезла. Предполагали даже, что она оказалась где-то за пределами солнечной системы. А по-моему, станция просто попала в зону инверсии Солнца, окружающую и Сатурн. И ее вынесло либо к внешним, либо к внутренним спутникам этой планеты, где «Вояджер» и находится до сих пор...

— А поточнее, конечно, никак нельзя?

— Почему же, можно. Но опять же все упирается в данные о скорости станции и ее удаленности от Сатурна в момент исчезновения. Такие данные у нас нигде не публиковались.

— Допустим, что существование зоны инверсий безоговорочно подтвердилось, и вы доказали, что солнечная система образовалась не из газопылевого облака, странствующего во Вселенной, а как-то иначе... Но как?

— Я считаю, что планетные системы вокруг звезд — это совсем не редчайшее явление. На определенном этапе своего существования звезды сами их и порождают. Причем, без всякого вмешательства газопылевых туманностей. В одном из астрономических изданий видел фотографию: гигантский выброс из звезды, по форме напоминающий лисий хвост, протянулся на многие миллиарды километров. Полагаю, этот снимок и зафиксировал рождение новой планетной системы. Причем планеты образуются из звездного вещества сравнительно быстро. Подобно тому, как вода, выплеснутая в невесомости в кабине космического корабля, тут же повисает в воздухе в виде шариков разного диаметра.

— Можно ли считать, что, например, солнечные протуберанцы, всякие вспышки и взрывы на нашем светиле — это просто несостоявшиеся «роды» новых планет?

— Думаю, что так оно и есть.

— Но почему же эти «роды» не могут состояться сейчас?

— Солнце уже пожилая звезда. Процессы на нем идут не столь интенсивно, как миллиарды лет назад. Уменьшилась и его масса. Потому оно сегодня и не может породить новые планеты.

— Но если планетная система — не уникальное явление, и новыми планетами может обзавестись практически каждая из бесчисленных звезд, то, значит, шансы для возникновения и существования внеземных цивилизаций, вроде бы резко возрастают, вопреки мнению некоторых ученых, вполне допускающих, что наша земная — единственная и неповторимая?

— Но разве может быть что-нибудь единственным и неповторимым в бесконечности? Вы только представьте себе — в бесконечности! Ведь любое явление повторяется в ней бесчисленное количество раз и во времени, и в пространстве! Конечно же, во

вселенной бесчисленное множество цивилизаций. Причем на самых разных стадиях развития. Одни отстают от нас, другие вполне соответствуют нашему уровню, третьи же насчитывают в своем развитии миллионы, а может быть даже миллиарды лет...

— Миллионы и миллиарды лет?

— А почему бы и нет?

— Но в вашей научной теории явно вырисовывается Вечный Разум. Если Вселенная стационарна и бесконечна, и любое явление повторяется в ней бесконечное количество раз в бесконечном времени и бесконечном пространстве, значит, и Разум — вечный спутник вечной материи?

— Да, я убежден: Разум — вечный спутник материи. Одни цивилизации возникают, другие гибнут, третьи достигают высочайших вершин познания. Но в целом во всей Вселенной не было такого периода, когда бы цивилизации в ней вовсе не существовало. Ведь не может же быть что-то первым, а что-то вторым в бесконечности!

— Но тогда абсолютно бессмысленны основные постулаты как материалистической, так и идеалистической философии о первичности и вторичности материи и сознания. Ведь получается, что время существования материи и сознания одинаково, поскольку равно бесконечности. А бесконечный Разум — разве это не Бог?

— По-моему, вы совмещаете два разных понятия: бесконечность сознания и бесконечность отдельной цивилизации. Второе, полагаю, невозможно. Бесконечна только вся материя, а не какие-то отдельные ее формы и проявления. Все, что имеет начало никогда не может стать бесконечным. Какое бы расстояние мы не прошли от точки отсчета, оно всегда будет определенным расстоянием, которое поддается измерению. А бесконечность, образно говоря, — это путь ниоткуда и в никуда. Измерить его невозможно.

— Так что же, в конечном итоге, гибель неизбежна для любой из цивилизаций?

— Не знаю. Могу сказать только, что тут, наверное, в каждом отдельном случае могут быть свои причины. Думаю, для цивилизаций, просуществовавших миллионы лет, космические катаклизмы, например, уже не так страшны. Эти цивилизации уже наверняка умеют их предотвращать или заранее предвидеть, чтобы вовремя покинуть опасный участок Вселенной. Подобное переселение для них не проблема, тем более, если скорость света действительно не предел скорости, в чем я, например, теперь уже почти не сомневаюсь. А гибель цивилизаций, думаю, происходит, скорее всего, на начальных стадиях их развития, когда нарушаются какие-то объективные законы взаимодействия Разума и с самим собой, и с окружающей природой.

— Вы имеете в виду войны и экологические кризисы?

— Да, конечно. Но они — только проявление внутренней агрессивности каждого из нас. Вы только подумайте: мы, земляне, умудряемся ненавидеть и убивать друг друга из-за таких, в сущности, пустяков, как цвет кожи, национальность, вероисповедание, обычаи, язык, житейский уклад... Хотим на-

ладить контакт с какими-то инопланетянами, а вот с такими же людьми, как сами, никак не можем договориться. Иные полжизни с соседями прожили — и вдруг, на тебе, — они смертные враги и вместе им места на Земле нет. Убиваем, жжем, разрушаем, причем без всяких атомных бомб. Мне кажется, можно любое оружие уничтожить, мало что от этого изменится, пока в душах у нас гордыня, страх, зависть и злоба по отношению друг к другу. Такая цивилизация все равно рано или поздно обречена.

— Это вы говорите о войнах. А вот экологические кризисы, разве они следствие человеческой агрессивности?

— А как же? Разве мы не относимся к природе как к врагу? Даже термины этого отношения — военные! Мы ее «завоевываем», «покоряем», а не сотрудничаем с ней. До сих пор для нас она объект насилия, вечная данница...

— Александр Александрович, вы же прекрасно знаете, что человечеству с каждым годом требуется все больше и больше энергии. Уголь, дрова, газ, нефть, атомная энергия — без всего этого пока не обойтись. Потому не является ли ваш призыв не относиться к природе как к даннице, хотя и благим, но не выполнимым?

— Нет, я так не считаю. И вот почему. Мне удалось математически установить, что каждое материальное тело от крохотной микрочастицы до сверхгигантской галактики, распределяет свою энергию в следующей пропорции: только одну треть оставляет на самосодержание, а две трети выбрасывает в пространство. Теперь представьте себе, какую гигантскую, причем, никак не используемую человечеством энергию ежесекундно выбрасывает в космос, например, наша Земля! А мы жжем уголь, древесину, газ, нефть, перегораживаем реки, расщепляем атом и все же страдаем от нехватки энергии. В то же время мимо нас, в пространство, ежесекундно уходит энергия, равная энергии миллиардов атомных бомб. Разве это не парадокс? Мы словно сидим у океана пресной воды и... умираем от жажды. Причем уже раздаются голоса о тупиковом пути развития нашей цивилизации...

— Но если в космосе есть другие цивилизации, которым удалось преодолеть или обойти ошибочные, тупиковые пути развития, то почему бы представителям этих более удачливых цивилизаций не помочь выжить и нам?

— А зачем? Чтобы мы развернули нашу злобу и агрессивность уже во Вселенной и натворили там неизмеримо больше бед, чем сделали и делаем на Земле? Нет, от этого «груза» нам надо избавляться самим. Причем, всем без исключения...

ОПОЗНАННЫЙ НЛО

— Александр Александрович, вы так уверенно объяснили мне отношение к нам, землянам, инопланетянам, что у меня невольно возникло подозрение, не в «контакте» ли вы с ними?

— Я?! Нет, не удостоился. Более того, ни разу не видел не только самих инопланетян, но и никаких «летающих тарелок» и прочих НЛО. А в своих

ответах руководствовался самой земной логикой.

— Итак, вы считаете, что никаких НЛО не существует?

— Отчего же? Это посланцы внеземных цивилизаций, которые сравнительно не на много нас опередили. Ну, на какие-нибудь одну-полторы тысячи лет. А, может, даже и меньше.

— Если вы не шутите, то объясните, из чего вы это вывели?

— Я не шучу. А выводы свои делаю из принципа действия так называемых НЛО.

— И вам что же известен их принцип действия?!

— Думаю, известен. Он, кстати, очень прост, и вы найдете его в любом учебнике физики...

— Ну, это уж слишком!

— Погодите, не горячитесь. Сейчас я найду учебник физики, чуть ли даже не школьный. И вы сами убедитесь. Ага, вот он. Так, посмотрим. Ну вот, пожалуйста, перед вами чертеж «летающей тарелки».

— Да что вы мне голову морочите! Это же просто теория пар сил! И графическое изображение их действия! Ну, раскручивают эти силы какое-то тело вокруг его оси. Ну и что? При чем здесь «тарелки»?!

— А при том, что в результате вращения возникает другая сила, которая тянет это тело вверх или в сторону в зависимости от его положения в пространстве. Вот она, кстати, изображена в виде стрелки. Вам, конечно, известно, что пуля из нарезного ружья летит дальше, чем из гладкоствольного. А спросите у спортсменов-метателей, почему они закручивают диск в момент броска? И какой из двух дисков, пусть брошенных с одной и той же силой, полетит дальше — тот, который крутится в полете, или тот, который не крутится?

— Ну тут может быть какой-то аэродинамический эффект...

— Уверю вас, разница в результатах будет, даже если мы наш опыт проведем, например, на Луне, где, как известно, атмосферы нет. Крутящийся диск и там полетит дальше, чем не крутящийся.

— И все же я никак не пойму, при чем здесь НЛО? Ведь эти объекты, если верить очевидцам, совсем не крутятся, а если и крутятся, то очень медленно...

— А зачем им самим крутиться? Крутится В НИХ...

— И что же там крутятся?

— Давайте для ясности разберем «летающую тарелку» на основные части. В центре ее — сферическое помещение. В верхнем его полушарии, очевидно, кабина для пилотов. А в нижнем — мощная энергетическая установка. Вокруг этого сферического помещения идет тор, то есть полая труба, замкнутая в виде бублика. Там вакуум. Энергетическая установка создает в торе бегущее магнитное поле. А в этом магнитном поле раскручивается, допустим, плазма. Вот и все. Перед вами принципиально новый летательный аппарат. Причем, экологически почти чистый. Во всяком случае, никаких раскаленных газов, дыма и грохота. И вообще принцип реактивного движения здесь отсутствует.

— Я вот почему-то совсем не уверен, что такой аппарат вообще полетит...

— Ну это же не моя фантазия! Тут объективные

физические законы. И прежде всего — третий обобщенный закон Кеплера. Подобный аппарат можно построить уже в наше время.

— А как быть с плазмой? Ведь ее до сих пор еще не научились укрощать.

— Далась вам эта плазма! Вместо нее можно использовать, например, ртуть или какую-то металлическую пудру. По моим расчетам, если 200 килограмм вещества разогнать в торе до скорости 10 километров в секунду, то аппарат массой 40 тонн станет как бы невесомым. А чуть увеличим обороты в торе, и «тарелка» начнет подниматься вверх. И скорость ее будет возрастать с каждым метром подъема, причем уже без всякого увеличения оборотов в торе. Поскольку, чем слабее притяжение Земли или Солнца, или галактики, тем больше скорость «тарелки». Сравним с современной ракетой. Предел ее скорости около 16-20 километров в секунду. Больше не выжать. А тут речь пойдет даже не о десятках — о многих и многих сотнях тысяч километров в секунду. Я не знаю пределов скорости этого аппарата...

— Значит, перелет к другим галактикам, удаленным от нас за тысячи световых лет, возможен за несколько месяцев?

— А может и за несколько дней...

— Фантастика!

— Никакой фантастики! Повторяю: только расчеты и законы. В частности и третий обобщенный закон Кеплера. А идею мне подсказали отнюдь не сенсационные сообщения об НЛО, кстати, очень редкие в ту пору в нашей прессе, а мои многочисленные опыты с магнитами. НЛО в то время меня совсем не интересовали. Считал их шизоидным бредом, враньем, оптическим обманом. Я был занят другим — моделировал с помощью магнитов планетные системы. И неожиданно пришел к интересным выводам... Мы уже с вами говорили о возможности автономного перемещения во вселенной планетных и даже звездных систем, если использовать третий обобщенный закон Кеплера. В «летающих тарелках» тот же принцип.

— Да, действительно, ваш аппарат чем-то напоминает планетную систему. Сферическое помещение, вроде как центральное тело, вокруг которого «бегают» спутники в виде плазмы, ртути или металлической пудры... И с какой бы скоростью они не вращались в торе, расстояние между ними и центральным телом не изменится. Однако, НЛО — это не всегда «тарелки», они подчас предстают и в виде шаров, а иногда имеют вообще какие-то необычные формы...

— А какая разница!? Тор может быть очень узким, а то и вообще скрытым в корпусе аппарата. Двигателей может быть несколько, причем, расположенных в каком угодно порядке. Главное, скорость вращения в магнитном потоке каких-то частиц.

— Но про НЛО рассказывают, что они не только стремительно мчатся. Могут и мгновенно останавливаться. А также мгновенно набирают фантастические скорости. Если же, скажем, авиалайнер сразу с места понесется со скоростью хотя бы в тысячу километров в час, то все его пассажиры и экипаж тут же, в момент, погибнут от чудовищных перегрузок. А вот НЛО проделывает такие фокусы и на

больших скоростях.

— В том-то все и преимущество этих летательных аппаратов над всеми нам известными, что вращение в торе создает для них свое энергетическое поле. Потому пилоты НЛО не испытывают каких-либо перегрузок даже при самом резком перепаде скоростей. Нет для экипажа НЛО и невесомости. В кабинах существует сила тяжести, вещи лежат на своих местах, их не надо привязывать. Пилоты ходят по полу, как в обычном земном жилище, оброненные вещи падают на пол, вода льется. Пищу можно есть из тарелок, а не выдавливать в рот из тубиков. И все это, еще раз повторяю, доказывается в моей работе на основе формул, законов и расчетов..

* * *

— Ох, Александр Александрович, отчаянный вы человек. Я-то готов поверить каждому вашему слову. Но вот специалисты: физики, математики.. Вдруг они не оставят от вашего многолетнего труда камня на камне?

— Что ж, если я не прав, то так мне и надо. Но если моя многолетняя работа действительно чепуха на постном масле, то почему бы это не доказать? И не вторым законом Кеплера, а какими-то другими законами, которых я вдруг да не знаю?

— Может быть, вашу теорию в глазах именитых ученых компрометируют «летающие тарелки»?

— Я о них уже и не заикаюсь.

— Сколько же лет вы пытаетесь «достучаться» до официальной науки?

— Уже более 10 лет. У меня скопился целый архив ответов только из научных журналов. И с первого взгляда становится совершенно ясно: работу мою

там если и читали, то в лучшем случае по диагонали. Примерно такие же ответы и от ученых, к которым я обращался. Один из них даже Аркадия Райкина цитирует: «Вижу, что обман, но не вижу, что оптический». Другие ответы тоже либо остроумные, либо равнодушные, либо казенные, либо раздраженные. Всякие. Только вот ни одного объективного доказательства моей неправоты в них нет.

— Александр Александрович, как вы теперь определяете значимость в науке Иоганна Кеплера?

— Он для меня еще более велик, чем представлялся раньше.

— Но вы же опровергли два из трех его законов!

— Во-первых, он сам себя опроверг. Я же только это заметил. Во-вторых и первый, и второй законы Кеплера в то время и не могли быть иными.. А взгляните на его третий, необобщенный и до сих пор непоколебимый закон! Какая это мощь и красота!

— А смог ли бы Кеплер сам вывести третий обобщенный закон, так сказать, без вашего участия?

— Бесспорно! Ему оставалось сделать всего-то маленький шаг, и человечество вот уже 400 лет знало бы, что вселенная стационарна. Но, видимо, он просто не успел..

— По вашему получается, что вечных истин нет и в точных науках?

— Во всяком случае, каждый закон во все времена должен держаться на доказательстве, а не на авторитете его автора, пусть даже великого человека. Об этом, по моему, лучше всего сказал английский ученый Роджер Бэкон еще в XIII веке..

— Что же он сказал?

— Он сказал: «Не покоряйтесь догмам и авторитетам. Взгляните на мир».

Юрий СЫТНИКОВ, Леонид ЗЛОКАЗОВ

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ МОНЕТНЫЙ...

...Жила-была монетка. Сверкающая выбежала она из монетного двора, подпрыгивая и звеня, и воскликнула:
— Ура! Теперь передо мной весь мир!
Теперь-то я погуляю по свету!
Так оно и вышло...

Х.К.Андерсен, «Серебряная монетка».

В 1727 году Иван Кирилович Кирилов закончил свою, ставшую впоследствии широко известной, работу — «Цветущее состояние Всероссийского государства». Автор был одним из сподвижников Петра I, и к моменту окончания своего труда занимал пост секретаря Сената. Одновременно Кирилов, выходец «из священнических детей», получил потомственное дворянство. 12 октября 1727 года стал обер-секретарем Сената, что по «Табели о рангах» соответствовало чину полковника.

В своей книге, увидевшей свет только в 1831 году, Кирилов так описал наш город: «...Екатеринбург на реке Исете, зделанной с 723-го году, и крепость земляная пространная четырехугольная, в которой великие (в другом варианте рукописи — всякие. — Авт.) заводы медные и железные и все заводское, и управителей и мастеровых людей дворовое строение линейно обретается». И далее: «...В Екатеринбурге ж кроме заводского строения церковь деревянная 1, богадельня 1, канцелярия обербергамта 1, командирских и подъяческих дворов 11, церковничьих 4, заводских служителей (в другом варианте рукописи — жителей. — Авт.) 214, рядов мелочных 2, для продажи питей 2 корчмы.

Школа для обучения малолетних арифметики и геометрии и протчих наук...»

На момент описания в городе и заводе обреталась 531 душа «мужеска пола». Допустим, что число душ «женска пола» было такое же. Значит, в Екатеринбурге 1726-1727 годов жило чуть больше тысячи населения.

В тексте упоминается деревянная церковь. Действительно, церковь во имя святой великомученицы Екатерины была заложена в 1723 году, а освящена 27 февраля 1726 года.

Чуть позже — 14 апреля того же года — в городе зародилось производство, которое с небольшими перерывами продолжалось до 14 апреля 1876 года. Правда, указ «...Ее Императорского Величества Самодержицы всероссийской...» Екатерины был написан 18 июля 1725 года: в Екатеринбурге указано изготавливать «...из красной чистой меди платы...»

Платы — это прямоугольные пластины из меди: обозначенная на них цена соответствовала стоимости самой платы. Они были средством платежа в молодом Екатеринбурге в течение 1726 — начала 1727 годов.

Как и многое другое, заимствованное Петром в разных государствах Европы, платы, бывшие в ходу в Швеции с 1650-х годов, тоже привлекли его внимание. И поскольку Виллим Геннин, отправленный Петром на Урал для строительства Екатеринбурга и других заводов, нашел легко добываемую высококачественную медь, и решено было производить шведскую «штучку». Сам Петр не успел, но колесо его преобразований продолжало крутиться и после его смерти — и в Екатеринбурге в начале 1726 года, еще до получения указа об изготовлении плат, они уже были изготовлены, понятно — в небольшом количестве, и в первых числах января отправлены в С.-Петербург «для просмотра».

Выпускались платы стоимостью в рубль, пол-

тину, полполтины и гривну (50, 25 и 10 копеек. — Авт.). Чуть позже — стоимостью в пять и одну копейку.

Для выполнения очень тонких работ по приказу В.Геннина построили «платный двор». Он находился примерно там, где сейчас расположен музей изобразительных искусств. Позднее на этом месте стояли казармы воинской команды, после — больница, еще позже — богадельня.

Вообще, этот «пяточок» — между нынешними улицами Воеводина, Малышева, Горького и проспектом Ленина — Исторический сквер — место начала нашего города. Именно здесь солдаты Тобольского полка и строили, и охраняли новый город в 1723-1726 годах.

Кроме платного двора, здесь в то время размещались: две домны, стальная, железорезная, плющильная, три молотовых, две якорных, медеплавильная и меховая (для изготовления воздуходувных мехов. — Авт.) фабрики. Были еще кузница на 24 горна, лесопильня, мельница и т.д. и т.п. Разумеется, это не были фабрики в нашем понимании, скорее — большие мастерские. Например, доменная фабрика: мастер, три подмастерья, два ученика, два засыпщика и девять рабочих. Да еще сортировщик руды. В жестяной фабрике трудились мастер, подмастерье, двадцать два ученика простых и десять учеников лудильных.

* Механическое действие фабрик обеспечивала река Исеть. Запас воды для бесперебойной работы удерживался плотиной. Через водоналивные колеса сила падающей воды передава-

лась на «станки». Если их можно так назвать. И они работали.

Производительность — ничтожная, оплата — мизерная, условия — адские. И все-таки потихоньку-полегоньку росло и ширилось то, что впоследствии стало «опорным краем державы».

Платы себя не оправдали, и изготовление их было прекращено 24 января 1727 года. В феврале-апреле на платном дворе стали делать медные кружки для пятикопеечных монет. Их отправляли в Москву для чеканки в монету на тамошних монетных дворах.

Затем платный двор был «перенастроен» на выпуск медной посуды и колоколов. Это продолжалось до 1734 года, когда В.Геннин сменил В.Н.Татищев.

Знакомый с монетным производством по Москве, он довольно быстро организовал, посредством жалоб и прошений в столицу, изготовление медных кружков для чеканки «денег» и «полушек». Для чеканки в настоящую монету кружки отправлялись опять в Москву.

В 1736 году В.Н.Татищев добился разрешения полного монетного передела на месте — в Екатеринбурге: плавка меди, изготовление медных листов и полос, прорезка (изготовление кружков. — Авт.), гурчение — оформление ребра будущей монеты и, наконец, — тиснение или чеканка. Помещенный между двумя чеканками с изображениями лицевой и оборотной сторон монеты, медный кружок путем давления или удара получал эти изображения и превращался в монету.

Цеха Екатеринбургского монетного двора. Фото 1950-х годов.

С двумя-тремя перерывами в 1-1,5 года в Екатеринбурге продолжали делать медную монету. В 1762 году на царство «села» Екатерина II, а с 1763 года монетное производство в Екатеринбурге стало называться — Екатеринбургский монетный двор. 28 октября Сенат принял указ «О постройке завода в Екатеринбурге для делания медной монеты» — монетное дело выделялось и отделялось от других производств.

И с этого времени каждая монета, «родившаяся» на реке Исети в Екатеринбурге, несла на себе, как свидетельство о рождении, две буквы — «Е.М.» — Екатеринбургская монета.

Монетный двор неоднократно горел. Неоднократно простаивал от нехватки воды в засушливые лета и малоснежные зимы. Он содержал за свой счет все казенные здания и постройки города, в том числе и плотину пруда, больницу, богадельню, воинскую команду, лесную стражу, пристань на р.Чусовой, от которой отправлялись по весенней, как правило, воде «денежные» караваны в столицы. Кроме того, получали продовольственное содержание все «мастеровые и работные люди».

Хотя производство было очень «денежным», все затраты старались свести до минимума. Царила жесточайшая экономия. Окалина, образовавшаяся после отжига кружков, стружки и обрезки, «крайчики и крохи» — все скрупулезно учитывалось и снова, по переплавке, шло в дело. Экономили как на изготовлении, так и на перевозке.

Кстати, именно за экономию казенных денег при перевозке казенной монеты удостоился похвалы чиновник монетной конторы Сева-

стьянов, чей дом (сейчас — 1-й Дом Союзов. — Авт.) стоит на перекрестке проспекта Ленина и улицы Горького. Севастьянов несколько лет командовал «денежными» караванами.

Нормы выработки увеличивались, расценки — уменьшались. На полушку, на деньгу (1/4 и 1/2 копейки). А уж из этих полушек и денежек складывались тысячи, десятки, сотни тысяч... Они отправлялись на расходы царствующих особ. 17 ноября 1796 года Павел I именным указом назначил содержание своей жене — 500000, сыну Александру (будущему Александру I. — Авт.) — 200000, его жене — 100000 рублей в год.

Начало прошлого столетия ознаменовалось для Екатеринбурга частыми засухами. Воды было так мало, что водоналивные колеса практически не шевелились. Приходилось работать вручную. Процесс тиснения монеты в помощь Екатеринбургскому заводу.

Сама монета постепенно изменялась. С 1830 года ее стали чеканить в кольце. Как писал министр финансов Е.Ф.Канкрин, «...дабы доставить медной монете сколь возможно лучшую наружность...»

Старые, изготовленные до 1830 года, ну, хотя бы двухкопеечные, вроде бы и одинаковы, а на деле все разные. То изображение смещено в сторону, то «рубчик» гурта на него наехал. Особенно на монетах до 1810 года: вот уж где браку! И тонкие, и толстые, и перекошенные, и сколотые, и треснувшие, и т.д. и т.п.

Монеты, чеканенные в кольце, избежали многих недостатков, хотя и им было еще далеко до совершенства.

Младшая сестра «редкой» монеты.

Разница в инициалах управителя двора и последней цифре даты.

А в 1830 году в тиснительные станы (чеканочные станки. — Авт.) начали поступать медные кружки новой серии монет в одну, две, пять и десять копеек.

Что привлекает внимание на этих монетах? Гербовый орел на лицевой стороне. В отличие от всех предыдущих и последующих изображений с задранными крыльями и растопыренными перьями у этого — крылья распростерты. Он не такой «забияка», спокойный, домашний что ли.

В фонде областного архива удалось обнаружить подробнейшую «Ведомость». Не будем утомлять читателя полным ее изложением. А обратимся к 1835 году.

В этом году было изготовлено 6570140 копеечных монет на сумму 65701 рубль 40 копеек, 20 двухкопеечных монет — на 40 копеек, 41763140 пятаков — на 2088157 рублей и 5172140 гривенников — на 517214 рублей. На это употреблено 74196 пудов $18 \frac{2}{3}$ фунта меди в штыках (слитках. — Авт.), старой монете, медном ломе и отходах собственного производства.

А теперь речь пойдет о двухкопеечной монете 1835 года. Почему было изготовлено только 20 штук? Объяснения этому найти пока не удалось. Может быть, на других монетных дворах ее делали лучше? Нет, екатеринбургские монеты этого времени ничем не уступали другим. Ну, разве чуть-чуть. Впрочем, гадать можно долго.

В брошюре О.С.Тальской «Уральские и сибирские монеты», выпущенной еще в Свердловске в 1959 году, эта двухкопеечная не «зарегистрирована». В солидном труде В.В.Узденникова «Монеты России. 1700-1917», вышедшем в 1986 году, — тоже. Сверхредких монет, чеканенных в меди, из тех, что находились в обращении, насчитывается чуть больше десятка. Есть даже монеты, обозначенные буквосочетанием «ЕД», т.е. единственная, единственный экземпляр. А вот «наша» не упоминается. Скорее всего, в обращение она не попала. Но в тех же «Монетах России» есть даже «проектные» монеты, которые не были утверждены к выпуску. А «нашей» — нет.

Ничего особенного эта монета не представляла. Довольно простенькая по сравнению с предыдущими и последующими. На лицевой стороне — уже описанный выше орел под короной. В лапах у него — венок и пучок мол-

ний (орел был птицей Зевса-громовержца, верховного божества древних эллинов. — Авт.). Чуть ниже орла, по обе стороны хвостовых перьев, два инициала — «Ф» и «Х»: Федор Хвоцинский, бывший «управителем монетного двора» с 1830 по 1837 год. Еще ниже дата — 1835. На оборотной стороне — цифра и надпись — «2 копейки». Ниже — разделительная планка. И уже под планкой — две буквы «Е.М.». Монетное поле лицевой и оборотной сторон окружено выступающим гуртовым бортиком.

Простая, вроде бы, медяшка, а вот, поди ж ты — редкость.

В том же 1835-м вокруг монетного двора появилась каменная ограда, которую снесли уже на нашей памяти, в 1962 году при реконструкции плотины городского пруда. Ограда призвана была не украшать, а оградить. Ведь был даже указ Сената, правда, в восемнадцатом столетии, чтобы работники выходили с территории монетного двора только после посещения... отхожего места: были случаи хищения мелкой монеты посредством... желудков похитителей.

В 1850-х годах заходила речь об изготовлении в Екатеринбурге золотой и серебряной монеты «...из Сибирского и Уральского золота и серебра...». Возможность двора позволяли, но в июле 1854 года император Николай решил «...предложение это отложить...». Видимо, хорошо знал аппетиты своих подданных. Уж если в самом Санкт-Петербурге, под носом у царя, к рукам прилипает, то что будет в далеком Екатеринбурге?

Были монеты из «...чистой уральской платины...» достоинством в 12, 6 и 3 рубля. Но они чеканились в 1828-1846 годах в Санкт-Петербурге. А Екатеринбургский монетный двор все свое время выпускал только медную монету.

Указ Сената о делании плат был получен в Екатеринбурге 14 апреля 1726 года. И закрылись его цеха тоже 14 апреля, только уже 1876 года. И если не считать перерыва с 1727 по 1734 год и нескольких мелких чуть позже, получается день в день — 150 лет!

Если бы нам поручили составить герб нашего города, то мы ни мгновения не колебаясь, предложили бы гербовой щит, а в центре его — гладкий монетный кружок с двумя буквами — «Е.М.». И даты — «1726 — 14/IV — 1876».

Это было бы справедливо.

Фото из архива авторов.

Владислав ДЕБЕРДЕЕВ

РАНЬШЕ ГАГАРИНА

Глава из будущей книги

Прежде чем посылать человека в космос, конструкторам-ракетчикам, ученым нужно было узнать, как повлияют необычные условия такого полета, в частности — невесомость, на живой организм. Конечно, еще в конце 40-х годов при первых запусках исследовательских, «академических» ракет на их борту размещались всевозможные растения, бактерии, насекомые и прочие «неодушевленные» объекты — представители биосферы Земли. К слову сказать, из нашей отечественной практики этого научного направления были — в силу исходившего от академика Т.Д.Лысенко и его присных запрета — напрочь изгнаны мухи-дрозофилы, быстрое размножение которых позволяло успешно отслеживать механизм передачи наследственной информации в зависимости от изменения внешних условий.

В этой связи уместно вспомнить также эксперимент К.Э.Циолковского. Еще в конце прошлого века он построил центробежную машину (прототип современных центрифуг) и с ее помощью начал испытывать на перегрузки различные существа. Вот что позднее писал об этом сам ученый: «Помнится, вес рыжего таракана, извлеченного из кухни, я увеличивал в 300 раз; а вес цыпленка в 10 раз; я не заметил тогда, чтобы опыт принес им какой-нибудь вред». Так Константин Эдуардович за 70 лет до запуска наших геофизических ракет провел эксперимент по выживанию организма в экстремальных условиях.

Но в наше время для проведения подобных биологических исследований требовались уже не просто существа, а именно млекопитающие. Кого же из них выбрать? Предлагались традиционные кандидатуры лабораторных животных: мыши, крысы и иная медицинская «мелочевка». Однако это было типичное не то. Самым подходящим объектом для предстоящих опытных запусков ракет были бы, разумеется, приматы — обезьяны — как «ближайшие родственники» человека. Но... Для их подготовки к полету надо много времени, около двух лет, из-за того, что они плохо поддаются дрессировке-тренировке, склонны к простудам, привередливы в пище, да к тому же могут еще сорвать с себя медицинские датчики и т.п. А главное, для наших первых геофи-

зических ракет приматы из Сухумского обезьяньего питомника были слишком велики.

Это уже потом, когда наши корабли-спутники стали по своим размерам вполне подходящими для этих кандидатов в космонавты, отечественная биологическая наука обратилась к обезьянам. Ведь что ни говори, а сородичи человека по эволюции дают возможность лучше изучить адаптацию нашего организма к невесомости, его терморегуляцию и другие особенности нашей, людской, жизнедеятельности. Вот почему уже в близкие нам годы с космодрома Плесецк было осуществлено несколько запусков спутников с макаками на борту. Так, в конце 1992 года стартовали на орбиту для длительного полета две обезьяны —Иваша и Крош, продолжив эстафету четырех пар своих собратьев, начатую десять лет назад. Но все это было потом.

А тогда, в начале 50-х годов, когда ракетчики только еще приступали к запускам животных на большие высоты, проблема выбора наиболее достойных кандидатов для полета в небеса была крайне актуальна. В конце концов остановились все же на собаках, которые, по мнению медиков-биологов, лучше всего подходили для этой цели и которым были поставлены следующие граничные условия: ракетчиками — вес в пределах 6-7 килограммов, специалистами по фото-, кино- и телеаппаратуре — масть белая.

Кроме того, приоритет при отборе четвероногих космонавтов отдавался простым дворняжкам. Почему? Да потому, что всякие болонки, пудели и другие представители «знатных» пород были, как правило, слишком изнежены, избалованы хорошей, деликатной пищей. Беспородные же дворняжки оказались и более выносливыми, и менее прихотливыми, менее требовательными к окружающей обстановке, а главное — ничуть не глупее своих «благородных» собратьев. Отобранные собаки проходили еще и дополнительную селекцию: по состоянию здоровья, по нраву, по реакциям, выработанным у них в процессе беспризорной жизни.

Во время общекосмической подготовки собакам, которые проходили курс обучения «от начальных

классов до аттестата», имплантировались, то есть хирургическим путем были вживлены под кожу различные медико-биологические датчики для контроля за состоянием животных. Кстати, такие имплантации не причиняли дворняжкам особого вреда: после экспериментов, когда датчики удалялись, эти места быстро зарастали, буквально — заживали, как на собаке, и от шрамов потом не оставалось и следа.

А еще в период предварительной подготовки животные проходили множество различных тренировок: их испытывали в барокамерах, вытрясали им душу на вибростендах, подвергали жестким перегрузкам на центрифуге — до 80-кратных (!) в пределах пяти минут, когда подопытные животные начинали весить почти полтонны. Это была действительно «собачья жизнь».

Зато кормили — будь здоров! Да еще сшили по фигуре каждого кандидата в стратонавты спецодежду: облегачающий корсет-нагрудник, штекеры которого соединялись с имплантированными датчиками. В этой униформе животные и привыкали к своему будущему рабочему месту в подлинном ракетном контейнере, присланном из ОКБ С.П.Королева.

И вот в середине июня 1951 года Владимир Иванович Яздовский, возглавлявший всю эту кинологическую работу (кинология — наука о собаках), прибыл на полигон Капустин Яр в сопровождении многочисленной свиты: армией своих помощников и... целой сворой дворняжек. Было решено, что собак будут запускать на ракетах по две в одном контейнере. Так делалось для того, чтобы исключить возможность случайных факторов в поведении небесных путешественников. Ведь реакция биообъекта могла быть чисто субъективной, индивидуальной, а требовалось получить точные, объективные данные о самочувствии дворняг в полете. По этой же причине еще до прибытия на космодром была учтена пресловутая совместимость напарников по их темпераменту, по нраву-характеру.

Первыми стартовали в герметической кабине ракеты Р-2А (модифицированная модель нашей боевой Р-2) собаки Дезик и Цыган. Это было 22 июня 1951 года. Они поднялись на высоту 100,8 километра, то есть достигнув, по меркам ФАИ, космической «планки», и после отделения головной части ракетоносителя на парашюте благополучно спустились на Землю примерно через четверть часа.

Когда испытатели открыли люк контейнера и выпустили четвероногих героев космоса на волю, те начали весело бегать по полю, ласкались к врачам Института медико-биологических проблем (ИМБП). В общем, запуск млекопитающих на большие высоты, осуществленный впервые в истории земной цивилизации, оказался вполне успешным.

К сожалению, уже второй запуск «собачьей» ракеты принес и первые огорчения: Пес Дезик, напарник Цыгана во время предыдущего взлета, и новая астронавтка Лиса погибли. Их контейнер при возвращении на Землю разбился: отказала парашютная система. Узнав об этом, выдающийся ученый акаде-

мик А.А.Благодеров (впоследствии генерал-лейтенант артиллерии, дважды Герой Соцтруда) дал указание не запускать больше Цыгана на ракетах, а осенью, возвращаясь с испытаний в Москву, забрал оставшегося в живых собачьего первого космонавта с собой и поселил его у себя на квартире.

Летом 1951 года было произведено шесть пусков ракет с животными на борту. В небо поднимались Дамка, Белянка, Пестрая и др. Из этих двенадцати самых верных друзей человека, увы, четверо погибли из-за несовершенства нашей тогдашней ракетной техники. Память сохранила для нас имена лишь двух из них — Красавки и Дамки, которые, дважды поднявшись до космических высот, отдали потом жизни «за други своя» — за человека.

Гибель четвероногих наших друзей, как то часто бывало на протяжении тысячелетней истории союза людей и собак, помогла человеку выработать адекватные меры, создать конструкцию таких летательных аппаратов, которые исключали бы смертельный риск для будущих космонавтов. Погибшие животные, если можно так выразиться, ценой своей жизни защищали нас, людей, от небесных опасностей, грудью своей спасали хозяина-Человека. Это были первые жертвы космоса.

Случались, однако, и курьезные эпизоды в собачьей эпопее на полигоне Капустин Яр. Как-то пес Смелый, подготовленный к очередному запуску, несмотря на свою кличку, решил избежать героической судьбы. Он каким-то непонятным образом сумел открыть свою клетку и... удрал в степь. Его долго искали, но не нашли. Испытатели потом шутили: «Смелый добровольно отказался от высокой чести». Сбежавший пес вновь появился на космодроме только после того, как надобность в нем миновала. Откуда он узнал это — один Бог ведает.

Дурные примеры, как известно, заразительны. Через некоторое время так же поступил и другой представитель беспородного собачьего племени по кличке Рожок. Он тоже, по примеру Смелого, сбежал с полигона, и его тоже не удалось вовремя найти. А до старта ракеты оставались уже считанные часы. Значит все могло полететь, да только не в шестой океан, а псу под хвост! И тогда кинологи из службы Яздовского решили срочно подготовить замену удравшему Рожку. У столовой, где всегда крутилось немало бесхозных собак, поймали полугодичного песика, обработали-продезинфицировали его, поставили ему, как положено, соответствующие датчики и посадили в кабину ракеты.

Полет прошел на редкость удачно. Когда контейнер с животными возвратился на Землю, узнавший о забавном происшествии Сергей Павлович Королев поинтересовался:

— А как зовут этого пса?

— Зип или Зиб.

— Странное какое-то имя для собаки... Да еще в двух вариантах. Что оно означает?

— Зип — это сокращенно Заменитель исчезнувшего пса. А по другому варианту — Заменитель ис-

чезнувшего Бобика, Зиб.

Стоит отметить, что Королев не забыл о курьезном случае. И спустя долгое время, когда уже готовили в космический полет собаку Лайку, то есть в конце 1957 года, спросил у В.И.Яздовского:

— А что стало с той подопытной собакой, которая тогда нас крепко выручила? С этим самым Зибом-Зипом?

— Есть два варианта его дальнейшей судьбы, как два его имени, — пошутил Владимир Иванович. — По одной версии, Зип из небольшого щенка вырос в огромного пса и перестал помещаться в контейнерный станок. Поэтому от дальнейших полетов его пришлось отстранить. А другая версия касается Зиба. Говорят, он тоже убежал от нас и скрылся так, что найти его с тех пор не удастся. В общем, как бы то ни было, а космическая карьера Зипа-Зиба кончилась...

Старты серии исследовательских ракет 1951 года стали первым этапом широкой многолетней программы научных экспериментов с биообъектами. Кроме собак, в такие полеты отправлялись морские свинки и мыши, крысы и наконец-то разрешенные мухи-дрозофилы, бактерии и фаги, различные тканевые препараты. А еще водоросли, семена и проросшие побеги кукурузы (очевидно, в связи с повышенным интересом к сей культуре Н.С.Хрущева, который якобы сказал, что она будет расти и на Луне), пшеницы, лука, гороха и прочих растений. Но основным объектом экспериментальных запусков по-прежнему были собаки.

На втором этапе исследований, именуемом в лексиконе ракетчиков «серией», собаки совершили полеты в так называемых вентиляционных скафандрах, которые крепились на выдвижном лотке и помещались внутри специально сконструированной тележки. С ее помощью собаки катапультировались из кабины ракеты и на парашютах опускались на Землю. В головной части ракет, которые поднимались до высоты 110 километров, находились по две таких тележки. Во второй серии физиологические исследования были проведены на 12 собаках, из которых шестеро слетали в космос по два раза.

На третьем этапе научной программы ракеты достигали высоты от 200 до 450 километров. Продолжительность невесомости в таких полетах составляла 9-10 минут. В третьей серии принимали участие 14 собак, некоторым из них посчастливилось стартовать в небеса по два и даже три раза. Так, дважды этой высокой чести удостоились Пальма и Кусачка, поднимавшиеся в космос на 210 километров. А Белянка и Пестрая в два с лишним раза превзошли их достижение, взлетев на высоту 450 км на ракете Р-5А, прототипом которой была наша грозная ядерно-стратегическая Р-5 (получившая НАТОвское обозначение СС-3). Так что эту пару четвероногих космонавтов можно с полным правом назвать «стратегическими дворянками».

И все-таки основным, вопросом вопросов был: как будет реагировать живой организм млекопитающего

на состояние невесомости, когда счет пойдет уже не на минуты, а на часы и сутки? К тому же в задумках творцов ракетно-космической техники, в перспективах ее уже маячили и недели, и многие месяцы невесомого полета. Ответ на эти далекопрямые вопросы могли дать только живые «тявкающие приборы» в длительном опыте, рассчитанном на несколько дней. Только тогда, в случае успеха, можно будет с достаточной степенью уверенности сказать: космос живому существу, следовательно — и человеку, не противопоказан! И началась подготовка к такому орбитальному полету, который должен был выполняться на КС, корабле-спутнике «Восток-1» (по заводской классификации). Этот запуск сфабрикались приурочить к празднику 7 ноября, преподнести космический подарок сорокалетию Октябрьской революции.

Поскольку орбитальное путешествие планировалось на несколько дней, следовало позаботиться о питании подопытного животного. И конструкторы разработали космическую кормушку. По технической документации она называлась: «автомат для кормления», который представлял собою ленту с гнездами, куда вставлялись коробочки-лотки с желеобразной высококалорийной пищей. Эта лента по специальной программе, соответствующей количеству дней и режиму питания, передвигалась перед мордой животного. Характерный шум при открывании люка автомата, находившегося около лап собаки, служил сигналом: пора принимать пищу. Одновременно было предусмотрено и устройство, предназначенное для утилизации продуктов метаболизма, то есть, пардон, мочекалоприемник.

Кандидатками на этот многодневный полет по орбите стали три собаки: Альбина, Лайка и Муха. Но в связи с тем, что возврат корабля-спутника на Землю не предусматривался, то есть животное посылали на верную смерть, их судьбой распорядились так: Альбину, которая была ветераном экспериментальных запусков, дважды слетав в космос, решили отпустить «на заслуженный отдых». Впрочем, ее все-таки наметили и на сей раз дублером — на всякий случай.

Муха же считалась «технологической собакой», которую использовали в основном для наземной обкатки физиологического оборудования, проверки систем и аппаратуры непосредственно перед стартом. А посему она не имела адекватного «образования» для работы и жизни на орбите. Поскольку в герметической кабине животного (ГКЖ), этом космическом доме-конуре, были установлены новые специальные приборы для регистрации частоты пульса, дыхания, кровяного давления и т.д., Муху и решили посадить в ГКЖ на три дня. Чтобы в последний раз проверить в наземных условиях работоспособность медицинского оборудования, снабдив собаку всем необходимым для нормальной жизни во время эксперимента. Когда же на третий сутки специалисты из ИМБП заглянули через иллюминатор в «однокомнатную квартиру без удобств», то увидели такие печаль-

ные и полные слез собачьи глаза, что людям стало не по себе. Чем и как жила Муха во время технологического испытания, осталось неизвестным: к пище она не притрагивалась, практически совсем не шевелилась, только тяжело дышала. Вот уж никто не ожидал, что и не раз испытанные ранее и вроде бы вполне надежные «тявкающие приборы» могут капризничать, переживать сильно и глубоко, испытывая едва ли не человеческие чувства...

Слава Богу, срок одиночного заключения Мухи вскоре закончился, и лаборанты поспешили выпустить ее на волю. Чтобы хоть как-то, смягчить тяжелое, гнетущее впечатление от этого печального эпизода, местные остроловы пустили в ход такую шутку: необычное поведение коротконогой Мухи, мол, тем объясняется, что она сильно расстроилась, когда узнала, что вместо нее выбрали для комического полета долговязую Лайку.

Выход этой примы, призванной сыграть главную роль в орбитальном дебюте, на космическую сцену был обставлен так. Обрядив ее с утра 31 октября 1957 года, как положено для героини, во второй половине дня ее поместили в кабину КС «Восток-1». Уже ночью контейнер с Лайкой установили в ракетноноситель и вывели на старт. Два дня ушли на дальнейшие технологические операции предстартовой подготовки. И наконец 3 ноября корабль-спутник «с животным на борту», как говорилось в опубликованном к великому празднику сообщении, был выведен в космос, на стабильную орбиту.

На первом, активном участке полета частота дыхания и пульс Лайки повысились в три раза по сравнению с обычными. Ее сердце, например, колотилось в бешеном темпе: 260–270 ударов в минуту (при норме 70–100). Однако постепенно физиологические параметры вошли в норму, организм — по мере адаптации собаки к невесомости — заработал, как передавала телеметрия, штатно. И в дальнейшем медики констатировали «умеренную двигательную активность».

Автомат кормления по запасу пищи был рассчитан на 20 приемов. Желеобразная масса, эта своеобразная «манна небесная», пришлась Лайке по вкусу и в условиях длительной невесомости. Никакой патологии в поведении животного исследователи не наблюдали. Целую неделю собака жила в космосе. Анализ всех данных позволил ученым сделать важный, многообещающий, принципиальный вывод, содержащийся, в частности, и в «Отчете советской комиссии Международного геофизического года» (июль 1958 г.): «Этот эксперимент показал, что живой организм в течение недели, пока действовала установка по регенерации воздуха, хорошо переносил условия невесомости и другие особенности движения в космосе».

Люди разных стран приветствовали наш новый космический успех, считая его вкладом в общепланетную копилку достижения науки и техники. Ведь в эти дни практически родилась новая отрасль знаний — космическая медицина и биология. Однако нашлись

«за бугром» люди, особенно из числа различных обществ по защите животных, усмотревшие в невольной, вынужденной гибели Лайки (мы тогда просто не умели возвращать спутник из орбитального полета на планету) одну только жестокость. На весь мир раздавались крики о «зверствах большевиков» и вообще русских дикарей, которые-де уморили бедное животное голодной смертью, заставив его тем самым долго страдать от невыносимых мук.

К сведению тех из вас, друзья-читатели, кто так же болезненно, быть может, переживает сейчас за судьбу Лайки, читая эти строки, сообщим вот что. В последнем гнезде автомата кормления вместе с пищей содержалось специальное вещество, которое навсегда усыпило собаку. Так что она «уснула» спокойно, без всяких мучений. А «Восток-1» (он же — Спутник-2) с хладным телом собаки еще долго кружил по орбите. Он сделал вокруг нашей планеты 2370 витков и сгорел, войдя в плотные слои атмосферы, лишь в середине апреля 1958 года...

Теперь главной задачей ракетостроителей стало возвращение спускаемого аппарата на Землю. Эту проблему предстояло решить при запуске следующего корабля-спутника той же серии. И снова сыграть роль основного его экипажа выпало на долю собак — Стрелки и Белки. Составить им компанию на борту должны были две крысы, 28 мышей и целый рой «реабилитированных» мух-дрозофил. Их старт состоялся 19 августа 1960 года.

И вновь дворняжки оказались на высоте — в прямом и переносном смысле. Еще на участке вертикального подъема они, как свидетельствовала телеаппаратура, пытались активно бороться с перегрузками, противостоять им. Напрягаясь, животные старались приподняться на лапках, лаяли — это ведь тоже форма противостояния, по-собачьи. И хотя потом, на четвертом витке Белку тошнило (впоследствии на том же самом «заклятом» обороте плохо чувствовали себя и Г.Титов, и Г.Шонин, и ряд других космонавтов), — собаки в целом достойно отстояли свою небесную вахту. И на другой день, 20 числа, «Восток-1» с точностью вполне удовлетворительной приземлился в заданном районе. Это тоже был триумф: впервые живые существа благополучно вернулись из орбитального космического полета.

Однако при третьем запуске корабля-спутника модели «Восток-1» намеченная программа оказалась сорванной, во всяком случае, выполненной не до конца. На сей раз «пилотировали» корабль-спутник собаки Мушка и Пчелка. К сожалению, уже при переходе с орбиты на режим снижения — не по их вине, разумеется — спускаемый аппарат сорвался с расчетной траектории и сгорел при входе в атмосферу.

Всего же из общего числа 47 четвероногих космонавтов отдали свои жизни «за други своя», то есть за людей, шестнадцать собак — каждая третья. Эти жертвы не были напрасны. Ведь они помогли Человечеству избежать в дальнейшем смертельно опасных ситуаций. Когда о всех этих заслугах погибших и

здравствующих представителей славного собачьего племени рассказали нашей первой двадцатке, первому отряду космонавтов, Валерий Быковский то ли в шутку, то ли всерьез, но во всяком случае вполне искренне воскликнул: «Собака — лучший друг космонавта!»

Нужно вспомнить и мысль, не раз звучавшую из уст С.П.Королева и других специалистов ракетно-космического ведомства:

— А неплохо было бы поставить на одном из космодромов, лучше всего на Байконуре, памятник собаке. По примеру академика Павлова, сделавшего это в Колтушах — в честь животных, которые погибли в его лабораторных опытах. И написать на нашем памятнике: «Разведчице космоса».

Не надо думать, будто только для наших дворняжек хлеб небесной орбиты был труден и горек. Отнюдь! Немало тяжких, а подчас и драматических, трагических даже испытаний выпало на долю американских обезьян, которые опробовали опытные образцы космической техники США.

В частности, 31 января 1961 года с космодрома на мысе Канаверал (штат Флорида) был запущен корабль «Меркурий», в спускаемой капсуле которого находился шимпанзе Хэм. На нем предполагалось прежде всего проверить возможности опорно-двигательного аппарата организма, так схожего с человеческим. Тем более, что на весну того же года уже был намечен баллистический полет первого американского астронавта Алана Шепарда. Вот почему Хэма обучили простейшим операторским функциям: он должен был, реагируя на световые сигналы, нажимать на соответствующие рычаги и кнопки. При правильных действиях шимпанзе получал поощрение в виде вкусной пищи, а в случае ошибок — удар током.

Так вот, во время этого запуска произошел аварийный разгон ракеты-носителя, и перегрузки возросли до 18 «же»! А потом испортилась автоматика операторской системы, и Хэма било током, не переставая. И уже под конец полета, когда капсула вошла в плотные слои атмосферы, с нее сорвало экран тепловой защиты. Температура в спускаемой капсуле превысила все критические значения. Продлился спуск чуть дольше — и Хэм заживо сгорел бы в «Меркурии». В довершение ко всему приводнение капсулы произошло в 120 милях от расчетной точки. Пока спасатели спешили к этому месту, шимпанзе едва не захлебнулся. Но, видно, помог ему обезьяньи бог — Хэм остался жив.

Поскольку разговор пошел про обезьян, есть смысл коротко рассказать и об отечественных спейс-макаках, поступавших на испытания из Сухумского обезьяньего питомника. Этим наших «ближайших родственников» очень трудно приучить спокойно сидеть на месте. Тем не менее, 14 декабря 1983 года первая пара, Абрек и Бион (клички-имена им всем давали по алфавиту), отправилась на вахту в околоземное пространство на биологическом спутнике «Космос-1514». За ними последовали в течение десяти при-

мерно лет макаки-напарники Гордый и Верный, Дрема и Ероша, Жаконя и Забияка.

Всякое случалось в этих полетах: и сбои автоматики, и досрочная посадка из-за плохого самочувствия путешественников, и прочие неприятности. Так, во время рейса на космическом аппарате «Бион-8» член его экипажа Ероша даже съел с голодухи свою шапочку, которая красовалась у него на голове и на которой было написано его имя. Почему? Да потому, что неожиданно отказала система его персонального питания.

И несколько слов о еще одном четвероногом космическом путешественнике. Это кот Феликс, который 18 октября 1963 года совершил полет в носовом корпусе французской ракеты «Вероника», запущенной с космодрома Хаммагир. Насколько нам известно, Феликс был единственным представителем кошачьего племени, побывавшем в космосе. Ибо недаром один из грандов спейс-науки, наблюдавший за поведением этого подопытного животного, выразился так: «Кот в невесомости — это ужасно!».

«Впервые в мире!» Так часто начинались сообщения о наших космических успехах. Так же сообщили о полете космического аппарата «Зонд-5», который стартовал с Байконура 15 сентября 1968 года. Он, как и все другие аппараты той же серии, предназначался для отработки техники дальних космических полетов. В ходе эксперимента «Зонд-5» облетел Луну 18 сентября и еще через три дня приводнился в акватории Индийского океана.

Слова же «Впервые в мире» относились на сей раз к тому факту, что из этого окололунного рейса возвратились на родную планету первые земные существа — черепахи. Они стали пионерами Среднего космоса и первыми пассажирами межпланетного аппарата, поскольку Земля и Луна сегодня все чаще считаются двойной планетой.

Ну, а теперь вернемся назад — к весне 1961 года, то есть в канун первого полета нашего космонавта. Первая шестерка космонавтов прилетела на Байконур, где должны были состояться последние прикидки на корабле «Восток-3А» — том самом, которому предстояло подняться в космос «с человеком на борту». Для этих летно-космических испытаний было подготовлено три машины-изделия. Первые две для беспилотного, а третья — для настоящего хозяина, человека, так сказать, во плоти. Поскольку намеченные старты были самой-самой последней примеркой, то все в них должно было строго, точно соответствовать живому пуску корабля, в том числе и во человеческому фактору. Вот почему место пилота в спускаемом аппарате «Востока-3А» предстояло занять... Ивану Ивановичу, или, по-другому, «дяде Ване», важной фигуре в авиации.

Кто же он был такой? Что из себя представлял этот космонавт во плоти? А представлял он собою... большую куклу! Да-да, всегда серьезный, без тени улыбки на лице, «дядя Ваня» — в дружеском обиходе, а при полном величании — Иван Иванович был важной и нужной фигурой, но все же куклой. Так в

летной практике именовались антропологические манекены (макеты) — полная, точная копия человека, усредненная по росту и весу.

В связи с тем, что Ивану Ивановичу ни есть, ни пить в полете не требовалось, расположенный справа от его ложеента (кресла космонавта) и предназначенный для пищи и воды небольшой контейнер, прозванный с шутливой, но меткой подачи Валерия Быковского «гастрономом», должен был оставаться пустым. Но ведь вес полезного груза на борту корабля непременно должен соответствовать массе природы. И посему вместо «гастронома» на это место водрузили станок с очередной дворняжкой по кличке Чернушка и прочими биообъектами.

Несколько слов о внешнем виде Ивана Ивановича. Не только его одежда (скафандр, гермошлем), не говоря уж о голове и руках-ногах, но и лицо — глаза, рот, брови и даже ресницы — были, так сказать, вполне человеческими. Правда, несколько портило его физиономию застывшее выражение, восковая желтизна лица. При первом взгляде на этого «дядю Ваню» его можно было принять за мертвого человека. Вот почему, дабы не испугать случайных людей, которые могли обнаружить антропометрического «космонавта» после его катапультирования и приземления, за прозрачным забралом гермошлема Ивана Ивановича заранее прикрепили табличку с крупной надписью «Манекен».

9 марта 1961 года космический корабль «Восток-3А» стартовал с Байконура в околоземное пространство. Он облетел нашу планету за 88 минут и, завершив полный виток, произвел благополучную посадку в заданном районе. А 25 марта состоялся еще один старт — второй машины «Восток-3А», которую на сей раз «пилотировал» новый Иван Иванович с новой спутницей — собакой Звездочкой.

Любопытна история этой клички. Когда дворняжку еще готовили к полету, ее звали Удачей. То ли

такое имя показалось не подходящим для столь важного, предэпохального события, то ли кинологи из ИМБП специально решили создать некий «исторический прецедент». Во всяком случае, они сказали присутствующим на Байконуре космонавтам, что у этой собаки нет имени, а только лабораторный, испытательный номер.

Отправить четвероногого космонавта в шестой океан без имени? Да такого никак нельзя допустить! Это просто неуважение к генеральной репетиции премьеры, где главную, ведущую роль будет играть уже Человек!.. И тогда решили объявить блиц-конкурс на достойное имя собаке.

Было предложено несколько вариантов. Но все они чем-либо не устраивали «высокое жюри». И как раз в этот момент старший лейтенант Юрий Гагарин —равный среди равных тогда, один из рядовых участников стартовой шестерки —предложил:

— А давайте назовем ее Звездочкой!

Имя понравилось — вполне космическое, да еще блестящее. Так будущий Космонавт № 1 Юрий Алексеевич Гагарин стал крестным отцом Звездочки. Под этой кличкой собака-путешественница в дальнейшем проходила и по всем официальным каналам, в том числе в сообщениях прессы, радио и телевидения.

Что же касается самого полета корабля «Восток-3А», на борту которого находились Иван Иванович-второй и Звездочка (в открытых публикациях речь шла только о ней, а «дядя Ваня» в них, естественно, не фигурировал), то он, полет, был выполнен строго по программе. Сделав штатный виток вокруг Земли, корабль затем произвел штатную же посадку в намеченном районе. А ведь на лексиконе ракетчиков, на космолингве термин «штатно» означает, по существу, высшую оценку. Так что генеральная репетиция полета человека в космос прошла, что называется, без сучка и задоринки. Следующим стал запуск корабля «Восток-1» с Юрием Гагариным.

Юрий КЛЮШНИКОВ

ОДИССЕЯ ЖИВОПИСЦА ДВОРА ЕЁ ВЕЛИЧЕСТВА

Гость был приятно удивлен: иконы, могущие украсить любой музей Европы, портреты Петра Великого, Екатерины, их дочерей... И где! Не в столице, не в царском дворце, а в провинциальном уездном городке Туринске! Всю Сибирь объехал собиратель старины и краевед Николай Алексеевич Абрамов, но такого еще не встречал.

Под портретами и иконами стояла подпись гофмалера (придворного живописца) Петра I — Ивана Никитина или его брата Романа, тоже живописца, портретиста и декоратора.

«А еще, — пишет Абрамов в своем дневнике, — видел я в Туринске портреты именитых местных жителей, писанные братьями Никитиными. Это настоящие шедевры русского искусства петровской эпохи».

Запись датирована 1863 годом, когда краевед приезжал в городок на Туре за материалом для статьи по истории туринского Николаевского девичьего монастыря. Это — ценное свидетельство о творчестве первых русских живописцев европейского уровня.

Братья Никитины... Перед глазами встают два десятка портретов в галерее Зимнего дворца кисти Ивана Никитина; триумфальные арки в Москве, оформленные Романом. Но как художники оказались в туринском захолустье? За ответом обратимся к событиям первой половины XVIII века.

Братья были дарования незаурядного и быстро «шли в гору». Учились в Венеции и флоренции, у голландского гравера А. Шенебека, профессора Флорентийской Академии художеств Т.Реди... Царь Петр I покровительство-

вал им. Подарил Ивану участок земли возле своего дворца для строительства собственного дома. Наделил исключительным правом писать царские портреты. Повеление гласило: «По сту рублей (сумма немалая! — Авт.) брать за каждый государев поясной портрет и всем знатным непременно таковой иметь!».

Благоволения для «питомцев гнезда Петрова» закончились со смертью царя. Пришедшая к власти бироновщина жестоко расправилась с «неугодными» сторонниками петровских реформ. В опалу попали и братья Никитины. Жена Ивана — придворная дама («юнгфера»), с которой художник развелся из-за ее супружеской неверности, мечтая отомстить мужу и завладеть его московским домом, написала ложный донос. Дескать, Иван Никитин и его брат «злоумышляют» против государыни.

Братьев арестовали. При обыске у них в доме нашли пасквиль двоюродного брата Никитиных — Решилова — на Феофана Прокоповича. Этого оказалось достаточно, чтобы причислить Никитиных к громкому делу архимандрита Радышевского, «хулителя высшего русского православного духовенства». Братьев обвинили в заговоре против императрицы Анны Иоанновны. Почти шесть лет просидели они в одиночных камерах Петропавловской крепости — пока шло следствие в Тайной канцелярии.

Романа, к счастью, не пытали. А вот Ивана подвергли пыткам. Но как ни усердствовали кнутабойцы — он стоял на своем: в измене не повинен. Но с разорителями Отечества — немецкими прихвостнями герцога Курляндского — ему не по пути. Иван собственноручно на-

писал на допросном листе: «Сказал суцую правду, без утайки. Под жестоким истязанием руку приложил». Тем не менее, за «хранение пасквиля на Феофана Прокоповича и гнуснейшие измышления против Бирона, герцога Курляндского» братья Никитины в 1737 году были сосланы в Тобольск «на житье вечное, за каралом».

Несмотря на огромную власть бироновщины, в российской провинции оставалось еще немало сторонников петровских преобразований. Нашлись они и в Тобольской губернии. Губернатор и чиновники казенной палаты весьма сочувственно отнеслись к изгнанникам. Милостиво было к мастерам, кои не хуже итальянских, и тобольское духовенство. Особенно за радение Никитиных о росписи храмов.

Набожность передалась братьям от отца — священнослужителя дворцовой церкви царицы Прасковьи, жены брата Петра Первого. Иконопись стала их любимым занятием. Расписанный Иваном Никитиным иконостас тобольского Софийского собора вызвал восторг митрополита сибирского Филофея Лещинского. Как, впрочем, и портрет самого Лещинского, писанный тем же Иваном. В знак благодарности к «радетелям храмов божьих» митрополит добился у губернских властей разрешения для Никитиных свободно заниматься художеством и расписывать храмы на территории Тобольской губернии «без караула за ними». Никитины могли теперь беспрепятственно ездить по городам губернии, не думая о расходах: заработка от художества был приличный.

Бумаги Туринского благочиния Тобольской епархии подтверждают: Иван Никитин расписал Деисусный чин иконостаса туринского Крестовоздвиженского собора, царские врата Покровской церкви. Под его кистью иконные фигуры Богоматери, архангелов Михаила, Петра и Георгия воплощали человечность, мудрость и кротость. Благочинный Туринского округа архимандрит Серафим сообщал митрополиту сибирскому, что «иконы, писанные Иваном Никитиным, зело нравятся здешней пастве», и сам он весьма доволен работой художника.

Одновременно с иконописью Никитины под-

рабатывали писанием портретов частных заказчиков. Слава деяния Петра Великого не померкла и на периферии, несмотря на все старания фаворита императрицы Анны Иоанновны графа Э.Бирона «выжечь» из сознания русского народа «дух Петра». Многие состоятельные туринцы желали иметь у себя портреты Петра и членов его семьи. Архивы туринского мещанства и купечества 1730-40 годов донесли до нас перечень таких портретов, выполненных по памяти «персонных дел мастером» Иваном Никитиным для именитых граждан Туринска. Это были авторские повторения портретов, выставленных в петербургском Зимнем дворце и флорентийской галерее Уффици. Никитинские повторения парадных портретов Петра I и Екатерины I имел, в частности, владелец крупного туринского кожевенного производства купец Кузьма Кузнецов. Портрет семьи Петра I приобрел у И.Никитина мещанин, хозяин туринской мыловарни Василий Топорков.

На заказ братья Никитины написали портреты богатых туринских купцов Мальцева, Ворсина, зажиточных туринцев Семена Лопатина, Якова Кудашева, Федора Добринова. Глубокой реалистичностью отличался никитинский портрет туринского воеводы Л. Пашкова. Взору предстал дородный кряжистый правитель в собольей шубе и куньей шапке. Рыжие, кустистые усы и брови, борода лопатой, зоркие карие глаза с «хитринкой» выдавали в воеводе бывшего крестьянского мужика и ретивого петровского служаку.

Ссылка Никитиных закончилась неожиданно, в 1742 году. Взшедшая на русский престол после дворцового переворота дочь Петра — Елизавета помиловала всех верных отцу людей, пострадавших от бироновщины. Вернулся в столицу и Роман Никитич Никитин. Вернулся один. Иван по дороге из Тобольска простудился. Началась горячка, и он скончался на руках у брата. Последние слова Ивана были: «Ехать. Скорее. Увидеть Петербург, Академию художеств». Похоронили Ивана Никитина в какой-то придорожной деревушке. Наскоро сколотили гроб. Местный поп прочитал поминальную молитву. Гроб с телом опустили в землю. Могила художника с деревянным крестом за-

терялась. Так завершилась жизнь замечательного русского живописца.

Не менее печальна судьба и его туринских картин. Гигантский пожар 1750 года уничтожил все деревянные дома и жилые постройки вокруг бывшей крепости (острога). Еще больше разрушений принес городской пожар 1813 года. Вывод напрашивается сам собой: никитинские росписи туринских храмов погибли в пламени пожаров. Не пощадил огонь и портреты именитых граждан и купцов Туринска, а также портрет воеводы Пашкова.

Однако это справедливо лишь отчасти. Пожары сгубили многое, но не все. Уцелела, в частности, каменная Покровская церковь с иконными росписями братьев Никитиных. И некоторую иконопись паства успела спасти от пожара. Сохранились никитинские работы у тех богатых заказчиков, которые жили за чертой бывшего острога, куда пожар не дошел. Вот эти-то уцелевшие живописные творения Никитиных и видел сибирский краевед Николай Алексеевич Абрамов в 1863 году.

Куда же они делись потом? После Октябрьской революции имущество богатых людей Туринска, включая картины Никитиных, было конфисковано. Что стало с произведениями жи-

вописи, неизвестно. Местные представители власти, не имея достаточного образования и культуры, не могли ценить настоящее искусство. Массовому разграблению подверглись туринские храмы в 1922 году, после декрета ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих». Впоследствии все многочисленные туринские церкви были разрушены. При таком вандализме разве можно что-либо сберечь?

Но погибли в Туринске только авторские копии полотен. Сохранились парадные портреты Петра I и его супруги Екатерины I, что были подарены Петром Великим итальянскому герцогу Козимо и ныне принадлежат финансовому управлению Флоренции. Живы никитинские портреты Петра I в собраниях дворцов-музеев Павловска и Пушкина. Радуют глаз картины «двора его величества живописца» в Эрмитаже, Третьяковской галерее, Русском музее. Есть миниатюры семьи Петра I работы Г. Мусикийского, который писал их с портретов И. Никитина. Роман Никитин оставил после себя великолепные декоративные работы и школу живописи, которую содержал.

Фоторепродукции работ братьев Никитиных — на 4 стр. обложки.

Павел КАРАВДИН

УМЕЛ ЛИ КОЛУМБ ОПРЕДЕЛЯТЬ ШИРОТУ?

Когда-то давно я прочитал у Альфреда Вегенера гипотезу о дрейфе материков и подумал, что ее можно проверить сравнивая координаты географических мест. Если материка движутся, то их координаты изменяются. Но если материка движутся очень медленно, то для заметного изменения координат потребуется очень большое время. А географические координаты люди научились измерять сравнительно недавно, и потому мой принцип непригоден.

А в 1982-м я познакомился с замечательной книгой «Христофор Колумб, мореплаватель». Автор С.Э.Морисон, считая Колумба отличным мореплавателем, уличил его, однако, в неумении определять широту по Полярной звезде. Цитирую Морисона: «Адмирал воспользовался затишьем, чтобы... определить свое местонахождение по Полярной звезде... он заключил, что достиг 5-го градуса северной широты, ошибка составляла более 250 лишних миль к югу. Тем обстоятельством, что он якобы вышел на 5-й градус северной широты, Колумб был очень доволен по весьма любопытной причине. Ему было известно, что за много лет до того один из мореплавателей португальского короля Жуана определил широту островов Лос близ Сьера-Леоне и нашел, что они лежат на 5 градусах северной широты. Как это ни странно, но португальский мореход ошибся ровно настолько, насколько ошибся Колумб, а в действительности острова Лос лежат под 9 градусам и 30 минутами северной широты. Именно почти на этой широте и находилась в тот момент флотилия Колумба! Таким образом, Колумб на деле вышел туда, куда стремился, но в результате этой ошибки в четыре с половиной градуса оказались неверными все его дальнейшие расче-

ты при определении широты» (стр. 145).

Интересная ситуация. Морисон приводит много примеров мореходного искусства Колумба. Были случаи многодневного жестокого шторма, но Колумб все равно приводил свой корабль туда, куда хотел. И несмотря на это, Морисон упрекает Колумба в неумении определять широту — только потому, что современная широта места не совпадает с широтой Колумба. Но ведь на флотилии Колумба наверняка не он один определял широту. И если бы Колумб действительно не умел, то это очень скоро бы обнаружилось. Кроме того, выходит, что и португальцы не умели определять широту? Широта острова Лос, ими измеренная, была 5 градусов, сейчас же она — 9,5. Логичнее предположить, что широта острова Лос изменилась на 4,5 градуса.

Еще одна цитата. «Океан он пересек по 28 градусу северной широты, и в своем письме о первом плавании широту северного берега Кубы он определил в 26 градусов — 5 градусов из них все же были лишними» (стр. 65). Еще в книге есть карта острова Сан-Сальвадор, открытого в первом плавании. На ней курс Колумба в современном исчислении лежит на 24 градусе, а Колумб, как упомянуто выше, плыл по 28-му. Разница опять в 4 градуса.

Возможно, что за 500 лет после Колумба Африка с примыкающими к ней островами Лос и другими переместилась к северу на 4,5 градуса. То же произошло и с Южной Америкой и примыкающими к ней островами Тринидад и Тобаго, широта которых тоже изменилась на 4,5 градуса к северу; Северная же Америка вместе с островом Куба переместилась почти на 5 градусов к югу. Если учесть, что длина одного градуса

по окружности Земного шара составляет около 111 км, то перемещение каждого из материков за 500 лет составляет 500 км, то есть около 1000 м в год или около 3 м в сутки. Но следует учесть, что и координаты Полярной звезды тоже изменились за это время как за счет собственного движения, так и за счет прецессии оси Земного шара. Если найдутся специалисты, могущие определить изменение координат Полярной звезды, то можно будет определить истинное перемещение материков в широтном направлении. Представим, как вращается Земной шар и как лежат материки по отношению к экватору, и поймем, что материки от вращения Земли стремятся сдвинуться к экватору. В этом и причина изменения широты.

А что можно сказать о долготе? Она, как известно, определяется с помощью часов. В пору Колумба время измерялось песочными часами (склянками). О большой точности такого измерения говорить не приходится. Однако Морисон пишет: «Хотя широту Колумб определял оши-

бочно, но хорошо ориентировался по счислению пути и свое местонахождение относительно открытых им во второе плавание островов знал почти точно. 31 июля он объявил, что флотилия вышла на меридиан Малых Антильских островов, что соответствовало действительности» (стр. 147). Определять долготу без точных часов было очень трудно. Широту — значительно проще. И обвинять Колумба в неумении определять широту, все равно, что математика — в незнании таблицы умножения.

По прочтении книги Морисона, я написал статью о дрейфе материков и послал ее в один из московских научно-популярных журналов. Статью отклонили под тем предлогом, что теория дрейфа материков уже ни у кого не вызывает сомнения. Года через два в другом научно-популярном журнале некий геолог доктор наук категорически отрицал возможность дрейфа материков...

Интересно, изменилось ли что-нибудь в нашей научно-популярной печати?

ШАХМАТНЫЕ ТАЙНЫ

КОГДА ГРОССМЕЙСТЕР БЫЛ СТУДЕНТОМ...

Рубрику ведут

международный мастер Людмила САУНИНА и
кандидат в мастера Эдуард МОЛЧАНОВ

Имя его присвоено шахматному клубу Уральского университета, который был организован в 1994 году. Тогда отмечалось 75-летие И.Е. Болеславского. Жизненный путь гроссмейстера завершился в Минске в 1977 году. Но уральские студенты и ветераны шахмат Екатеринбургa вспоминали сороковые, пятидесятые годы, когда гроссмейстеров в стране можно было, что называется, пересчитать по пальцам, и один из них учился в Уральском университете.

В известной книжной серии «Выдающиеся шахматисты мира» есть и о нем книга, он достойно представлял страну в самых престижных международных турнирах, да и в отборочных соревнованиях претендентов на звание лучшего шахматиста мира был одним из самых грозных соперников. В 1950 году в Будапеште в турнире претендентов И.Е. Болеславский разделил I-II места с Д.Бронштейном. И только случайность (по дополнительным показателям он уступил другому претенденту) не позволила Исааку Ефремовичу встретиться в матче на первенство мира с Михаилом Ботвинником. О таком выступлении в борьбе за шахматную корону помнят и сегодня в студенческом шахматном клубе, который объединяет полтора десятка кандидатов в мастера и около ста перворазрядников.

Были ли кто-то из них лично знаком с Болеславским?

Теплые воспоминания о гроссмейстере сохранил его ученик, шахматный ветеран Б.Х.Ишмухаметов, доцент кафедры общей и молекулярной физики.

Громким международным шахматным событием после победы над фашизмом был радиоматч СССР-США, состоявшийся в 1945 году. Болеславский был участником матча и показывал — вспоминает

Б.Х.Ишмухаметов, — нам, юным шахматистам, в кружке Дворца пионеров свою партию с американским гроссмейстером Р.Файном. В испанской партии белые на пятом ходу сыграли С2-С4. Во время демонстрации из юной аудитории раздался укоризненный возглас: «На -С3 нужно пешкой играть, Исаак Ефремович! На С3!»

— Нет, нет... Этот ход, встречавшийся раньше в партиях чешского гроссмейстера Дураса, я специально подготовил к матчу с американцами, — пояснил Болеславский.

Он одержал тогда над Файном блестящую победу, и партия была отмечена специальным призом, как лучшая в матче.

Став студентом, Б.Х.Ишмухаметов узнал, что университетская шахматная команда выступает в межвузовских соревнованиях. Возглавлял ее гроссмейстер Болеславский, а на вторую доску он рекомендовал своего юного оппонента, в квалификационном билете которого значилась первая категория. В соревнованиях же факультетских команд на первенство университета Борису Ишмухаметову (первой доске физматчиков) предстояла шахматная дуэль с гроссмейстером Болеславским, выступавшим за команду историко-филологического факультета.

В легендах, переходивших затем от поколения к поколению студентов, это звучало так: «Ишмухаметовы приходят, садится! У него — черные. Говорит — будет ничья! И железной рукой делает! Гроссмейстер сам ничью запросил».

Так ли было на самом деле?

По словам Бориса Хакимовича (текста той партии, к сожалению, он не сберег), Болеславский провел комбинацию, после которой возникло соотношение сил — ладья и две пешки у гроссмейстера

против двух легких фигур у черных. Видимо, возникшей позицией Болеславский был неудовлетворен и предложил ему ничью. После некоторого раздумья предложение было принято: «Ведь третий шахматист страны, а может быть, и мира предлагает мне ничью! Кто из нынешних молодых гроссмейстеров согласился бы на ничью с перворазрядником?»

После окончания партии они проанализировали позицию, оказалось — результат вполне закономерен. Примечательна, по словам Бориса Хакимовича, и история, связанная с дипломом Болеславского.

Однажды в кабинет ректора Г.И. Чуфарова раздался телефонный звонок. Звонили из обкома. Состоялся примерно такой разговор:

Обком: У вас, кажется, учится гроссмейстер Болеславский?

Ректор: Да. Учится заочно.

Обком: Почему же он до сих пор не защищает диплом?

Ректор: Видимо, еще не написал его.

Обком: Организуйте ему защиту диплома в кратчайшее время. Помните, университетов (и ректоров) у нас достаточно. А Болеславский — один!

Разумеется, срочно была организована защита диплома. В пожарном порядке гроссмейстер написал дипломную работу на тему: «Драматургия М.Е. С.-Щедрина».

Пожалуй, далеко не всем известно, что Салтыковым-Щедриним, — продолжает Борис Хакимович, — написано две пьесы «Смерть Пазухина» и «Тень». Они каким-то образом привлекли внимание шахматиста. Но присутствующие на защите, конечно, представляли себе, что шахматный рыцарь, посвятивший жизнь спорту, не создал глубокой литературоведческой работы.

Последовал весьма суровый вопрос:

«Почему в Вашей дипломной работе не отражено постановление ЦК партии по докладу А.А.Жданова «О журналах «Звезда» и «Ленинград»? Гроссмейстер без смущения ответил: «Моя работа была написана еще до выхода в свет постановления. А когда оно появилось, я не считал нужным что-то изменить».

Ситуация выглядела злобещей. Классик русской сатиры не укладывался в прокрустово ложе постановления. Однако решающую роль сыграло, по словам Ишмухаметова, то обстоятельство, что «отец народов» Сталин благоволил и к древней игре и к шахматистам. Гроссмейстеру простили его «свободомыслие», он получил университетский значок.

Итак, о несокрушимой силе игры гроссмейстера Болеславского свидетельствует даже история с его дипломом. О стиле игры его ученика, стойкого шахматного ветерана Ишмухаметова может дать представление комбинация, которую он провел в одном из турниров с кандидатом в мастера Прасоловым. В позиции на диаграмме:

Белые (Ишмухаметов): Кр g1, Ф e4, Л a5, Л f1, пп. a4, f2, g2, h5.

Черные (Прасолов): Кр g7, Ф f6, Л b2, Л a8, пп. b5, c4, f7, g6, h 7.

Шансы на победу, конечно, у черных. Очередь хода за ними.

33. ... Лd8 — d4

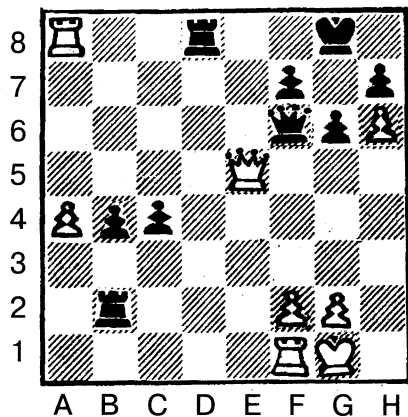
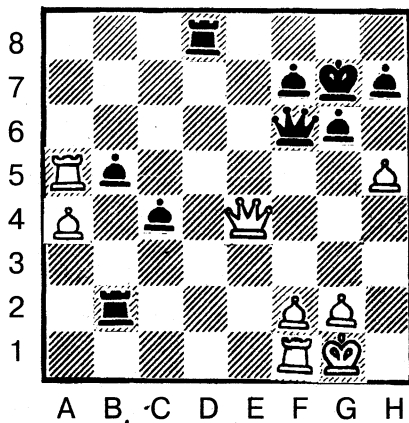
34. Ф e4 — e3 v5 — v4 ?? (эти пешки неудержимы, а матовой комбинации, казалось, ничто не предвещало. Но последовало)

35. h5 — h6+! Кр g7 — f8

36. Л a5 — a8+! Л d4 — d8

37. Ф e3 — c5+ Кр f8 — g8 (на первый взгляд все у черных в порядке. Однако свита черного короля бессильна).

38. Ф c5 — e5!! И черные повержены.

Оксана МАХНЁВА

«НАВЕРНО, КОНЧЕН ГОД...»

* * *

Да, наверно, кончен год:
Вечер темно-голубой,
Дым свернулся над трубой,
Словно кот.
Кубик сахара берет,
Грея зябкую ладонь,
Теплой влажною губой
Пегий конь.
Да, наверно, кончен год.

* * *

Переправлюсь я на льдине —
Чудный плот дает зима!
Там, в пещерах Алладина,
Золотые закрома.
Ключ обронен, ключ потерян
Где-то на волнистом дне.
Ключ от малой, ключ от двери...
Только ты и нужен мне.

* * *

Все в темноту ведут дороги...
От берегов, от берегов...
Совсем прозрачным стал двурогий,
И утро ждет моих шагов.
Как волны, утомаясь от бега,
Застыли гладкие валы.
Иду по розовому снегу,
Молясь на синие стволы.

* * *

Ласточки четким узором,
Рея средь синих стремнин,
Строят воздушный город,
Видимый только им.
Книги свои листаю
Там, где по белой стене
Двигается свет хрустальный,
Видимый только мне.
Может, в окне трамвайном,
Там, где в огне зари
Медленно проплывают
Бледные фонари...
Может быть, в темном парке,
Где из-за блеска звезды
Малые капли яркие
Тонкой небесной воды.

* * *

Лед на оконном стекле —
В радужных искрах лед.
Свет голубой от полной луны
На подоконники лег.
Снег не скрипит от шагов
На улице никого.
Тихо совсем.
Скоро уже

* * *

Будем праздновать Рождество,
Будет цветные сны
Видеть ленивый кот.
Будет прозрачный мед
Литься из лунных сот.

Мне снился
город с флюгерами, —
Их визг и ржавое нитье... —
Где башня с круглыми часами
Уперлась в небо острием.
Тебе отдам на попеченье
Не райскую, земную даль.
И неба темное свеченье.
И красок звучную печаль.

* * *

Отражение в воде —
Ива клонится к звезде.
Клонится, клонится,
Но не переломится.
Отражение в воде —
Леший в рыжей бороде.
Очертив волшебный круг,
Леший волка кормит с рук.
Круг качается в воде,
Ива клонится к звезде,
Клонится, клонится,
Но не переломится.

УРАЛЬСКИЙ следопыт

АНКЕТА-98

«Дорогие друзья!

В дополнение к анкете спешу поделиться некоторыми соображениями.

Прежде всего, громадное вам спасибо за то, что вы есть и будете, что сумели выстоять и сохранили свое лицо. Как профессиональный журналист, я знаю, насколько это сегодня трудно, почти невозможно.

Ваш журнал — наш (мой и сына) старый друг. В общем, все в нем устраивает, за редчайшими исключениями. Но самое ценное — конечно, произведения Владислава Петровича Крапивина. В последние годы от многих прежде любимых изданий пришлось отказаться, но «Уральский следопыт» мы продолжаем выписывать при любых обстоятельствах, главным образом, чтобы не пропустить крапивинских публикаций. Как только получаем номер «Уральского следопыта» — откладываем все дела и читаем вслух. Сын вырос на книгах Крапивина. Сейчас ему пятнадцать, и именно благодаря этим исполненным Любви и Света книгам я за него не опасаюсь (то есть, если и опасаюсь, то только в физическом смысле, а в духовном — все в порядке). Мы сохраняем полное взаимопонимание и справляемся со всеми подростковыми проблемами. Есть, конечно, и музыкальная классика, и многое другое, но без книг Крапивина было бы иначе.

Так что у нас к вам величайшая просьба. Пожалуйста, не пропускайте ни одного нового произведения Владислава Крапивина. Уверен, что почитателей Крапивина среди ваших подписчиков множество, потому и повторяю просьбу: не пропускайте ни одной новинки писателя...

7-й номер «Уральского следопыта» получили вчера, 31 декабря. Повесть «Взрыв Генерального штаба» читали новогодней ночью. Может ли быть подарок щедрее!

*Банников Вячеслав Львович, журналист, 48 лет.
Город Тула».*

Уважаемый Вячеслав Львович!

Спасибо, что без промедления откликнулись на «Анкету». К счастью, многие наши читатели тоже не пожалели времени и сочли нужным помочь своему журналу советами, рекомендациями, доброжелательной критикой (сердечная благодарность за это!).

Обещанный «разбор полетов» — в ближайших журнальных номерах. Но уже сейчас можно отметить: большинство наших друзей-подписчиков, как и Вы с сыном, с удовлетворением встречает на журнальных страницах имя «Владислав Крапивин».

Разворачиваясь навстречу этому единодушно читательскому мнению, мы просто не имеем права «раскачиваться».

Поэтому!.. Уже с первого номера «Уральского следопыта» за 1998 год!..

НОВЫЙ РАЗДЕЛ

Название ему — «Командорская каюта».

Тот, кто читает страницы этого раздела, как бы заглянет в рабочую комнату писателя-командора. В его каюту. Потому что здесь повсюду морские инструменты и модели парусников, старинные книги о путешествиях и живописные пейзажи, где плещется разноцветное море. Побывав в гостях у хозяина каюты, читатель может узнать кое-какие секреты писательского труда, порыться в морских коллекциях, познакомиться с некоторыми фактами командорской биографии и услышать ответы на самые разные свои вопросы...

А вести раздел редакция предложила Алексею Крапивину. Алексею Владиславовичу...

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫМ

В 1997 ГОДУ

(ГODOVое СОДЕРЖАНИЕ)

ПРОЗА. ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

Георгиев С. Ветка вереска. № 2
 Георгиев С. Олимпийский проказник. № 8-9
 Иванов А. Оба берега реки. № 3, 4-6
 Крапивин В. Заяц Митька. № 1
 Кучинский М. Сокровища майя. № 7, 8-9
 Лузянинов О. Прощай, колокол! № 11-12
 Магарламов В. Вошь. № 2.
 Макаров К. Где ты, Линда? № 4-6
 Найденов А. Вывернутая ветка. № 2
 Найденов А. Формалистика. № 10
 Петров Г. Филарет милостивый. № 4-6
 Поскребышев О. Слово — слови!.. № 3
 Привалихин В. Молитва пани Ядвиги. № 3
 Уральский Ю. Скорпион. № 4-6
 Шинкаренко Ю. Футбол в помещицкой усадьбе. № 10
 Щербинина О. Ночной гость. № 2

ПОЭЗИЯ

Бурнин В. Мы расходим жизни конспекты... № 1
 Ефремова Л. Лишь рябины... № 8-9
 Жиленков В. А вечерами мы играли в лето... № 11-12
 «И живу я в предчувствии чуда...» № 11-12
 Кузин А. И не боюсь продолжения жизни... № 7
 Махнева О. Наверно, кончен год... № 11-12
 Меркульев С. Из дому человек уйдет... № 7
 Попов А. Но я люблю... № 10
 Решетов А. Не плачьте обо мне... № 11-12
 Сибирев В. Не уйти из жизни на нуле... № 4-6
 Станцев В. Война пришла к моим воротам... № 3
 Фаренкова Е. А быть может, я тоже — звезда... № 4-6
 Шонохов А. Хлопья памяти да снега... № 2

АЭЛИТА-97. ЗАОЧНЫЙ КЛФ

Алексеева М. Леди непредсказуемость. № 4-6
 Бережной С. Семинар Б. Стругацкого... № 8-9
 Больных А. Сын дракона, внук дракона. № 10, 11-12
 Барашков Н. Дело об исчезновении. № 8-9
 Брызгалов Е. Человек, который знал две правды. № 4-6
 Веретенников Н. На берегу очень дикой реки. № 4-6
 Гончаров В. Из жизни живого фэндома. № 1
 Гончаров В. Фэн-пресса — новый виток. № 2
 Гончаров В. Конан на переломе эпох. № 7

Гончаров В. Техноромантизм... № 8-9
 Ипатова Н. Два спутника для Марии. № 1, 2
 Калашников С. Длинный отпуск. № 11-12
 Казанцев С. Криптограммы. № 1, 7
 Казанцев С. Берегите вашу мать. № 4-6
 Клименко В. Петля Анубиса. № 8-9
 Константинов У. До другого берега. № 4-6
 Крапивин А. Короткая поездка в Елль. № 4-6
 Крапивин В. Взрыв генерального штаба. № 7
 Мазунин И. Обычная ночь. № 4-6
 Медведев Н. Где твой дом, странник? № 8-9
 Подистова Л. Дитя со звезды. № 4-6
 Попков А. Смерть микроба. № 4-6
 Прашкевич Г. Из записных книжек фантаста. № 3
 Резанова Н. Четыре башни. № 4-6
 Семенова Е. Кто я? № 4-6
 Ситников К. Треба. № 2
 Тимиров А. Дядюшкин сон - 5. № 4-6
 Халымбаджа И. На перекрестках времени. № 1-2
 Харламов Т. Еще раз о фэн-прессе... № 8-9
 Шустиков А. Третья сторона медали. № 2
 Щепетнев В. Марс, 1939 г. № 3

КРАЕВЕДЕНИЕ: ДАВНЫМ-ДАВНО. ЖЕНЩИНЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ. КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА. ПОРТРЕТЫ. ПРОГУЛКИ В ПРОШЛОЕ. ПУТЕШЕСТВИЯ. РОДОСЛОВНАЯ. РОССИИ ЦАРСКОЙ ОРДЕНА. СПЕЦХРАН. СТАРЫЕ ЖУРНАЛЫ. СТРАНА ТОПОНИМИЯ. ТРОПОЙ ПОИСКА.

Бердяев Н. Революция и культура. № 10
 Белобородов С. Всадник на белом коне. № 3
 Бординских Г. Где стоял городок... № 7
 Брылин А. Следы ведут в Шоргиш. № 8-9
 Ганулич А. Бакулевские колокола. № 10
 Горбунов Ю. Пояс Евдокии. № 1
 Горбунов Ю. Бесприютная Александра. № 3
 Горбунов Ю. Коварство и любовь. № 4-6
 Горненский И. Пилигримы Памира. № 10
 Дебердеев В. «Фарт» Михаила Сургутанова. № 3
 Зайцев И. Вездеходы тундры. № 7
 Иванов Г. Будни человека... № 10
 Ключников Ю. Русский друг Буссенара. № 1

Клюшников Ю. «Роковые» бумаги Моцарта. № 4-6
Клюшников Ю. Возвращение «Пушкина». № 11-12
Лажнецова Л. Неизвестное об Иванке-крылатке. № 11-12
Матвеев А. Синие камни Поважья. № 8-9
Моисеев А. Челябинские древности. № 2
Молчанов Э. Колосья у летного поля. № 4-6
Найденов А. Талицкие раскольницы. № 3
Наугольных Г. Лики пермской старины. № 2
Непеин И. За веру, царя и закон. № 1
Ничеперович А. Байки деда Никифора. № 4-6
Павлов А. «Вторая жизнь» Зои Воскресенской. № 4-6
Павлов В. Пушкин на берегу Урала. № 1
Павлов В. «Архилучистый» Зан. № 4-6
Петров М. Голубые дороги завода. № 7
Печуркина Р. Тракт между прошлым и будущим. № 4-6
Плотников И. Заложники. № 2
Позднякова Н. Месса по Витольду. № 8-9
Привалихин В. Великий сибирский рельсовый путь. № 7, 8-9, 10
Рафиенко Л. Почетный гражданин Перми. № 8-9
Рожнова Т. Снежная королева. № 7
Семенов А. Синоптик из Режа. № 4-6
Семибратов В. Под знаком святого Трифона. № 8-9
Семибратов В. Шли супруги вокруг света. № 11-12
Сардак О. Воскресенье — день молитвы. № 8
Сытников Ю. Злоказов Л. Покровский проспект. № 1
Сытников Ю. Злоказов Л. Екатеринбургское пиво. № 7
Сытников Ю. Злоказов Л. Екатеринбургский монетный. № 11-12
Суренков В. Кожаная карта. № 7
Тимофеев Г. Медвежий паззлик. № 8-9
Шинкаренко Ю. Светлая пряжа. № 4-6

**АСТРОНОМИЯ. ВЕРСИЯ. КОСМОНАВТИКА.
НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ. НАУКА И ТЕХНИКА.
ОГОРОД «УС». ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА.
УФОЛОГИЯ. ЭКОДОМ.**

Блескин Б. Православие — неожиданный ракурс. № 3
Горда С. Хвостатая бестия... № 4-6

Гржебинский С. Человек, «остановивший» Вселенную. № 8-9, 10, 11-12
Дебердеев В. Раньше Гагарина. № 11-12
Домов М. Откуда взялись лешие? № 1
Евсеев Б. Урал атомный. № 1
Идрисов Р. «Вишера» — места заповедные. № 10
Каравдин П. Умел ли Колумб определять широту? № 10-11
Карим Р. Наши предки живут... на солнце! № 7
Кожевников А. Пришелец из третичной флоры. № 3
Костров М. Вагончик № 8. № 8-9
Моисеев А. Аркаим — город ариев? № 8-9
Мухачев А. Натуралистические мгновения. № 10
Ножнов М. Наши скворцы. № 4-6
Семенов А. В огороде бузина... № 8-9
Терещенко Н. На заре космической эры. № 10
Чежин Н. Этруски — это русские? № 4-6
Шишкин М. Ночь в таинственном лесу. № 2
Шишкин М. Неизвестный мир... № 8-9

**В МИРЕ ПРЕКРАСНОГО. КЛУБ СОБИРАТЕЛЕЙ.
КТО ВО ЧТО ГОРАЗД. МУЗЫКА И МЫ.
МУЗЕЙ. НА ОБОЧИНЕ. «УС» НА ПРИВАЛЕ.**

Буруковская Т. «Так образы изменчивых фантазий...» № 1
Зюсюкин В. Непосредственным быть... № 10
Клюшников Ю. Одиссея живописца. № 10
Колпакова О. «Покровители» Владимира Шпильчака. № 2
Коркодинов С. Балалаечка, играй! № 4-6
Косолапов С. Забавы «толстых». № 3
Лукиных Н. Кто моя мама? № 4-6
Матвеева Л. Секреты микромира. № 11-12
Огаркова Р. Музей в монастыре. № 10
Саунина Л. Молчанов Э. Шахматные тайны. № 7, 11-12
Уральский Ю. Не повторяется такое... № 1
Шайханов А. Один из галереи героев. № 8-9
Шарин В. Нахимов в фалеристике. № 2
Щегинин О. Бриллианту подобный. № 4-6
Щегинин О. Уваровит, который не дарится. № 10

Людмила МАТВЕЕВА

СЕКРЕТЫ МИКРОМИРА И НЕВОЗМОЖНЫХ ФИГУР

СИБИРСКИЙ ЛЕВША АНАТОЛИЙ КОНЕНКО ЗАНЕСЕН В КНИГУ ГИН- НЕСА

— А слабо вам аглицкую стальную блоху подковать, что лежит в шкатулке под рыбьей костью? — Этот шуточный вопрос в стиле лесковского Левши я подготовила, идя на встречу с омским микроминиатюристом Анатолием Коненко.

Он в ответ улыбнулся:

— Не скрою, долго меня провоцировали на это, я взял да и подковал золотыми подковками, платиновыми гвоздиками: не потому, что раньше не мог, — просто у меня свои интересы...

В отличие от тульского косоного Левши, который по бедности своей «мелкоскопа» не имел (у него глаз был пристрелянный), с арифметикой был не знаком, а все больше — по Псалтырю да по Полусоннику занимался, Анатолий Иванович Коненко хоть и в сибирской глубинке живет, человек образованный. Он вначале закончил архитектурное отделение строительного техникума, а потом художественно-графическое отделение института.

Свои удивительные «ниффозории» он изготавливает как-раз с помощью микроскопа, потому что делает вещи не только в высшей степени художественные, но и в соответствии с мировыми стандартами качества.

На последнем пятнадцатом Всемирном конгрессе любителей миниатюрной книги в американском городе Бетлехеме Ян Макдональд, занесенный с 1986 года в книгу Гиннеса как изготовитель самой миниатюрной книги, передал пальму первенства Анатолию Коненко и по-дружески, с восхищением, пожал руку русскому Левше.

Всего лишь на одну десятую миллиметра книга Коненко меньше по размерам, чем у его знаменитого предшественника: рассказ Чехова «Хамелеон» (0,9 x 0,9 мм) выполнен на 30 страницах на русском и английском языках (пространство на странице 0,5 x 0,5 мм). В книге — к тому же — три цветные иллюстрации. На международной Лейпцигской ярмарке эта миниатюра вызвала ажиотаж и интерес к личности художника, а Международное сообщество книголюбов подтвердило сей удивительный факт и сразу приняло русского умельца под свое крыло. Коненко вообще издал несколько миниатюрных книг с искусными переплетами (в том числе — с тиснением на сибирской бересте) — Пушкин, Лермонтов, Есенин, Достоевский, Шекспир, Козьма Прутков, «Слово о полку Игореве».

Изумительные по мастерству работы Анатолия Коненко есть во французском музее в Амбуазье и в личных коллекциях иностранных граждан. Особое внимание привлекает микромакет собора Преображенской

церкви в Кижях, который венчают 22 купола с золотыми крестами, а бревнами служит человеческий волос. Общая высота макета — 12 мм.

Вообще православной тематикой он занимается с особой любовью. Особенно хороша мини-икона Игоревской Пресвятой Богородицы (кость мамонта, дерево, чеканка, акварель). И микрорезьба «Святая троица» выполнена из целой косточки персика резцами из твердосплавной стали, полировка сделана иглой кактуса.

Коненко — художник разносторонний. Его дар из тех, о котором обычно говорят, что он — от Бога. Он мастерски владеет графикой, живописью, резьбой, скульптурой, чеканкой. А толчок к новому витку успеха дала выставка микроминиатюриста из Киева Николая Сядристого. Коненко по-честному позавидовал автору, загоревшись творческим тщеславием, сразу подумал: «А разве я так не смогу?». Но истинный мастер, конечно, идет дальше слепого копирования оригинала — и тогда рождается новое чудо.

Представьте себе, как искренне, со всей своей эмоциональностью, удивился любимец телезрителей, ведущий «Поля чудес» Леонид Якубович, когда получил в подарок для музея кроссворд, составленный Анатолием Коненко на рисовом зернышке. А еще сибирский Левша привез на телепередачу человеческий волос, в разрезе которого было выгравировано слово «Поле чудес».

В поисках изготовления своей микроминиатюры Анатолий Коненко овладел искусством письма на рисовых, маковых зернышках и орнаментальной микрорезьбы на кости мамонта, скорлупе плодовых деревьев.

Так, графическая серия «Чемпионы мира по шахматам» выполнена на рисовых зернах; коллекция портретов русских царей династии Романовых — акварель на кости мамонта в чеканном обрамлении; уникальная балалаечка из тонкого золота, серебра и платины расположена на маковом зернышке, струны ее сделаны из волосинок крыла бабочки; а гравировка карты Омской области искусно помещена на срезе виноградной косточки. Причем, акватипию — фон для выставки — Анатолий Коненко оформляет сам, и всегда по-новому. Миниатюрный ин-

струмент для своей работы, а также по заказу офтальмологической клиники микрохирургии глаза тоже делает он сам. Постигая пределы сверхвозможного, художник стремится проникнуть в неизведанную запретность. Несколько лет назад у Коненко появился интерес к одному из ответвлений сюрреализма — импосибилизму. Его изобретатель шведский архитектор Оскар Ройтерсверд в 1934 году нарисовал первую невозможную фигуру — псевдотреугольник, сложенный из девяти кубиков, который противоречил эвклидовой геометрии и потому был парадоксален. В 1960 году голландский художник Мариц Эшер, применяя геометрически абсурдные идеи, нарисовал нечто, которое под определенным углом зрения смотрится, как цельное изображение невозможной фигуры, используя при этом падающие тени. Коненко эти идеи поглотили целиком.

— Для людей, склонных к изобретательству, невозможные фигуры являются своеобразным очагом для создания чего-то нового, необычного. Они способны направить творческие возможности человека в новое русло, изменить пространственное мышление, — так комментирует свое увлечение Анатолий Коненко.

Все по-разному воспринимают невозможные фигуры. Некоторые считают это оптическим обманом; психологи — сдвигом в психике, потому что изображения в нашем трехмерном мире и так условны. Немало экспериментируя, Коненко за короткое время создал несколько сот подобных моделей, в том числе — несколько в объеме, выполнил стереорисунки анаглифическим и зеркальным способом, сделал серии живописных работ и даже издал отдельную книгу «Тайны невозможных фигур». Сейчас художник вынашивает идею использовать невозможные фигуры как малые архитектурные формы и разместить их в зданиях, на улицах, в парке.

Действительно, на пороге XXI века, когда меняются технологии, образ мышления, искусство должно заглядывать не только в микромир, но и вперед, и дальше, в запретность нового измерения, которое со временем будет раскрывать свои секреты. И в

этом плане Анатолий Коненко — человек новой эпохи.

В нем нет ничего вызывающе отчужденного, неестественного, заносчивого. Как всякий истинно талантливый человек, он негромкий, прост в обращении. И все это — несмотря на многочисленные регалии, грамоты, в том числе за подписью Министра культуры РФ Е.Сидорова. В семейном архиве имеется фотография, на которой Президенту России Б.Н.Ельцину в Пушкинской библиотеке вручают коллекцию работ сибирских мастеров, где есть и микроминиатюры А.Коненко.

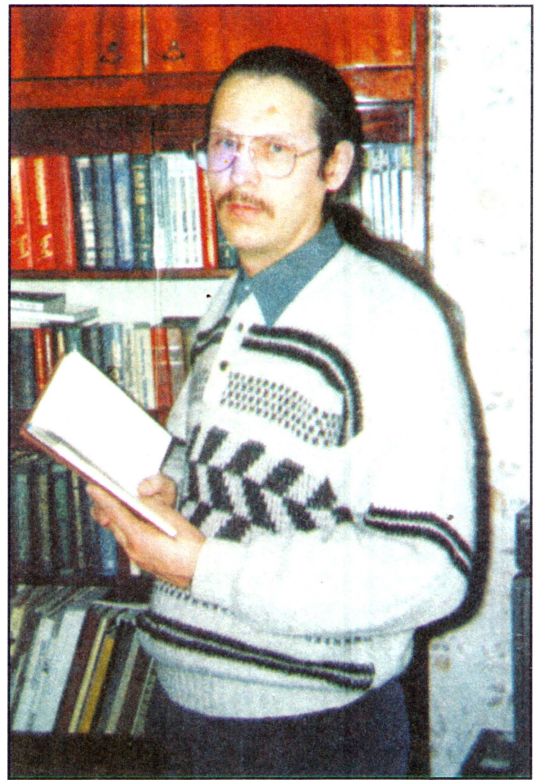
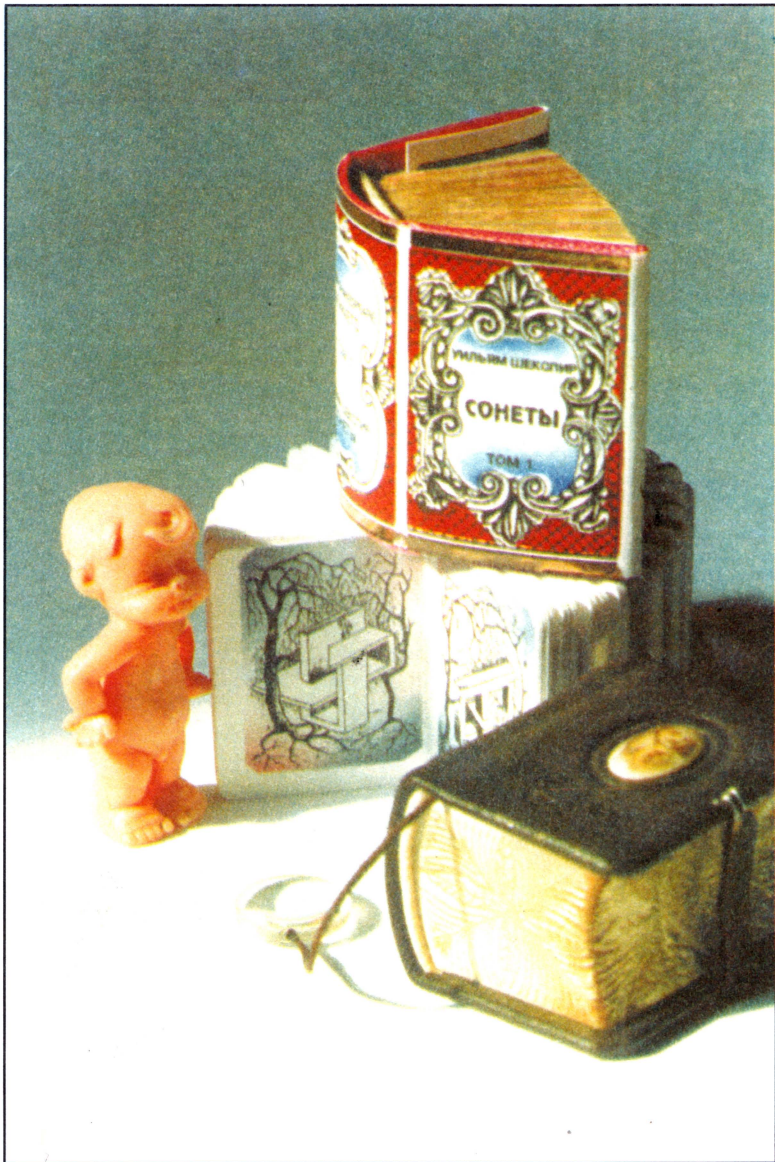
Их далеко не богатая квартира — это мастерская и офис — фирмы «СИБИРСКИЙ ЛЕВША», которая к слову сказать, поддерживается иногда «Омскпромстройбанком». Другие новые русские пока не проявляют столь достойных стремлений. А жаль: редкие таланты надо лелеять, а если смотреть глубже и в даль, то развитие Российской культуры — это ли не благодатная почва для умных предпринимателей, то, ради чего

можно умножать свои капиталы, а потом вкладывать в ее развитие, думая о приумножении духовности своей нации. Кстати, Коненко серьезно думает о том, что ни в России, ни в СНГ нет центра микроминиатюристов, также как и филиала международного центра. Если бы нашлись истинные меценаты!

Хотелось бы напомнить, что Ф.Достоевский в «Братьях Карамазовых» заметил, что чудаки — «не всегда частность и обособление, а напротив, бывает так, что он-то, пожалуй, и носит в себе иной раз сердцевицу целого, а остальные люди его эпохи — все как-то наплывным ветром, на время почему-то от него оторвались».

Сибирский Левша Анатолий Коненко относится к такому типу. Встречаясь с его миром искусства, не только вдохновляешься сиюминутно, но и получаешь надолго оптимистический заряд, неожиданный и яркий...

На снимках: миниатюра «Стрекоза и муравей»; чудо-книги Анатолия Коненко;

Сибирский левша
Анатолий КОНЕНКО

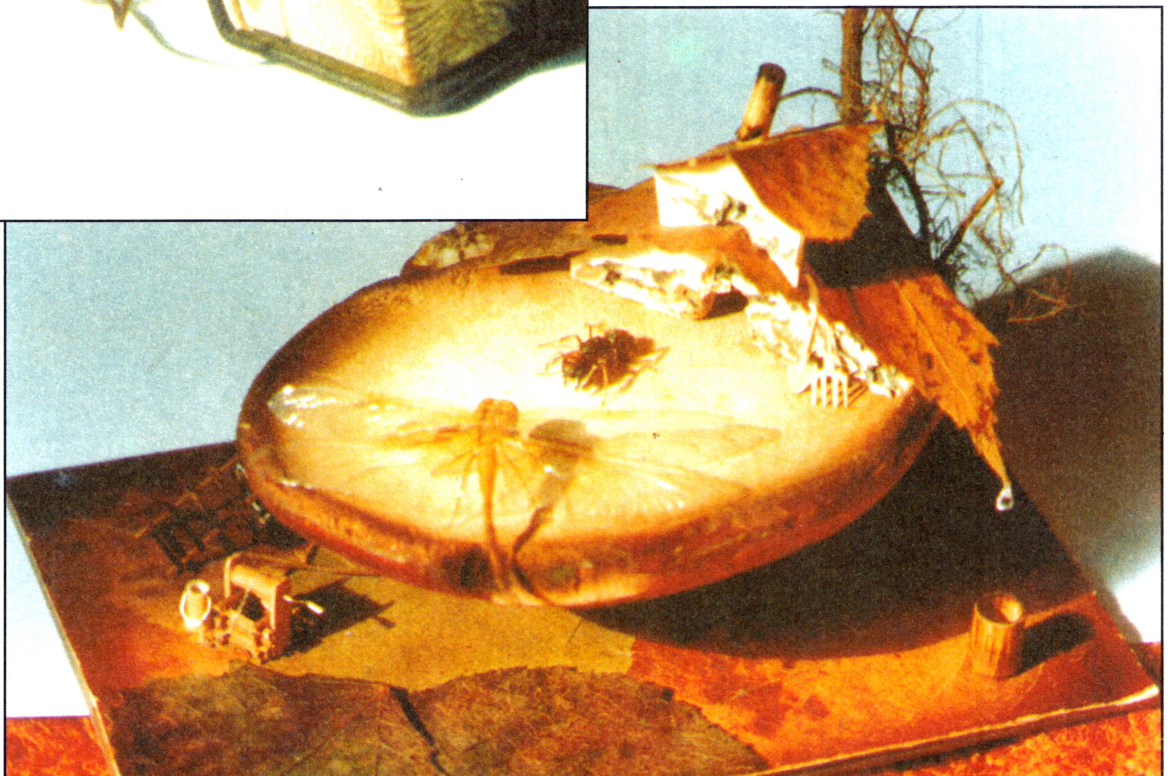

Фото к материалу Людмилы МАТВЕЕВОЙ
«Секреты микромира и невозможных фигур». Читайте на стр. 158.

Р. Н. Никитин.

Портрет М. Я. Строгановой. 1721-1724.

Х., м. ГРМ.

Это единственный портрет, единодушно
приписываемый кисти Р. Н. Никитина.

**И. Н. Никитин. Портрет наполеона
гетмана. 1720-е гг.Х., м. ГРМ.**

ISSN 0134-241X Индекс 73413. «Уральский следопыт». 1997. № № 11-12.

Очерк Юрия Ключникова «Одиссея
живописца» читайте на стр. 144.
Фоторепродукции Николая Перевышина.